

Всеволод Валентинович Абрамов Керченская катастрофа 1942

Схема боев на Керченском полуострове в мае 1942 г.

Вступление

О природных катастрофах в советское время не любили писать, более того, их чаще всего замалчивали. А в этой книге пойдет речь о военной катастрофе на Керченском полуострове, первом сильном поражении наших войск после ряда побед зимой 1941–1942 гг. Виновато в этой катастрофе было командование Крымского фронта вместе с Верховным Главнокомандованием, а последнее, как правило, никогда не признавало свою вину. Так что эта катастрофа по логике наших прежних руководителей должна быть просто «проклята и забыта». Но в истории так не бывает. Катастрофические, а значит и драматические события, всегда волнуют людей, они пытаются разобраться в причинах, найти виновников, вспомнить о жертвах, оценить последствия.

О минувшей войне создана обширная литература: историческая, мемуарная, художественная. Но сколько в этом море печатной продукции «белых (или черных?) пятен», умолчаний, нежелания отвечать на острые, необходимые и даже актуальные вопросы.

Керчь в период войны познала и радость побед, и горечь поражений, дважды захватывали город фашисты, и дважды в упорных боях советские войска освобождали его от оккупантов. Подвиги воинов, непосредственно участвовавших в сражениях на Керченском полуострове, огромная выдержка и стойкость трудящихся города Керчи отмечена высшей наградой Родины. 14 сентября 1973 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР городу Керчи присвоено почетное звание «город-герой» с вручением ордена Ленина и медали «Золотая Звезда». Злые языки в это время поговаривали, что награждение Керчи таким высоким званием было связано с субъективизмом, желанием еще больше возвысить Л. И. Брежнева, который был начальником политотдела 18-й армии, которая 31.10.1943 г. около Керчи высадила десант. Какой-то субъективизм, может быть, и был, но он не был определяющим. Керчь и ее воины заслужили это звание огромным мужеством, героизмом и потоком пролитой крови. Говорить о незаслуженности — это значит плевать на память, на могилы погибших здесь героев.

Керчь — один из старейших городов нашего бывшего СССР, ему около 2500 лет. Но, пожалуй, самым драматичным для всей истории города был кровавый 1942-й год. Только одному году истории города посвящена эта книга. Трудно исследовать и писать о сражениях, исход которых складывался неудачно. Подобные темы считаются обычно невыигрышными, ведь приходится говорить об ошибках командования, которые приводили к тяжелым последствиям, к гибели тысяч людей, дорогой техники, больших средств. Но писать об этом надо, ибо только при серьезном анализе деятельности можно двигаться вперед и впредь не допускать ошибок. Кстати, эта катастрофа получила довольно широкое и смелое освещение в закрытой советской военной печати сразу после войны. В 1947 г. в военном журнале «Военная мысль» № 1 (только для генералов и офицеров) была опубликована статья «Уроки боевых действий на Керченском полуострове в 1942 г.», которая на основе архивных источников раскрыла причины неудач наших войск на Керченском полуострове и довела их до военной общественности. Довольно глубокий обзор и анализ этой операции был дан С. С. Покровским в лекции «Керченская оборонительная операция (апрель — май 1942 г.)», которая была составлена и издана на кафедре военного искусства в Академии имени М. В. Фрунзе в 1950 г. Цель этих публикаций понятна: учить войска и их руководителей боевым действиям, делать правильные выводы из допущенных ошибок. Позже о керченской

катастрофе (хотя ее и не называли так) кратко писалось в шеститомной «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.» (т. 2, 1961) и «Истории Второй Мировой войны 1939–1945» (т. 5, 1975). Эти исторические работы освещают лишь основные вопросы операции и дают обычно общую оценку, не рассматривая всю сумму вопросов, относящихся к подготовке и ведению оборонительных боев, отход к Керчи, эвакуации войск на Таманский полуостров и другие вопросы. Из-за неполной изученности этой темы до сих пор в ряде широко известных работ и даже учебниках допускаются неточности и отдельные ошибки.

Перед Великой Отечественной войной в нашей армии недооценивалась роль такого вида боевых действий как оборона. Считалось, что победу в войне можно достигнуть только решительным наступлением. Это, конечно, правильно, но игнорировать оборону тоже было нельзя, из-за чего СССР имел серьезные неудачи не только в 1941, но и в 1942 г. Игнорирование обороны приводило к неумению отводить войска, т. е. отступать. В ходе Второй мировой войны у военачальников большинства воевавших стран даже выработалось желание отказаться от термина «отступление».¹ Но «отступающие» войска и «бегущие» — это не одно и то же. Отходящие войска могут подчас проявить такой героизм, который достоин записи в анналах истории. Это хорошо понимал и такой военный теоретик как Ф. Энгельс. В статье «Кризис войны» он дал французским войскам, отходящим в 1870 г. под напором превосходящих сил прусской армии, такую оценку: «Мы не можем пока еще оценить политических результатов этой страшной катастрофы. Мы можем только удивляться ее размерам и неожиданности и восхищаться тем, как перенесли ее французские войска. После четырех дней почти непрерывных боев, при самых неблагоприятных условиях, какие можно только представить, они смогли на пятый день в течение девяти часов оказывать сопротивление наступлению противника, значительно превосходящего их численно — это делает величайшую честь их мужеству и стойкости. Никогда еще, даже в самых победоносных кампаниях, французская армия не покрывала себя более заслуженной славой, чем при ее злополучном отступлении от Меца».² Вот такая же похожая ситуация произошла в Керчи и с советскими войсками, только они сдерживали превосходящие силы противника перед переправами через Керченский пролив не несколько часов, а около четырех суток. Как все это происходило, читатель найдет в этой книге. Последствием этого ожесточенного сопротивления северо-восточнее Керчи стала героическая оборона Аджимушкайских каменоломен, которая длилась 169 дней и ночей.

Фронтовики знают, что самое тяжелое и неблагоприятное — это прикрывать отход своих войск. Судьба людей прикрытия (арьергарда) в начальный период войны часто бывала плачевной и неблагоприятной. Неизвестные герои гибли часто безвестно, ордена и другие награды им просто не доставались. Это хорошо выразил в стихах фронтовой поэт А. Т. Чивилихин:

«Прощайте! Не Вам эта выпала доля,
Не все ж отходить, ведь наступит черед.
Нам надобно час продержаться, не боле.
Продержимся — мы прикрываем отход». (1942 г.)

Керченскую катастрофу мая 1942 г. невозможно забыть. Любая катастрофа, природная, социальная, военная, — это гибель людей, ценностей, страдание оставшихся в живых людей. Это трагедия. Но всякая трагедия заставляет задуматься, сделать анализ причин случившегося, понять их и тем самым подняться в умственном и духовном планах. Вообще

¹ Советская военная энциклопедия (далее: СВЭ). Т. 6. М.: Воениздат, 1978, с. 172.

² К. Маркс и Ф. Энгельс. Собр. соч., т. 17, с. 58.

понимание трагедии возвышает человека, делает его жизненно более крепким, мудрым, понимающим ценности бытия. Значение трагедии в психологическом плане хорошо понимали древние греки. В их литературе трагедия была ведущим жанром.

Писать о Керченской катастрофе и особенно о защите каменоломен очень трудно из-за малого количества источников. Какого-то отдельного фонда по защите Аджимушкая не существовало. Сохранившиеся документы о них сильно расплылись по разным архивам, хранилищам, что-то осело у частных лиц. Это обстоятельство заставило искать и выявлять документальные источники не только в архивах, у родственников участников, но и в самих каменоломнях методом раскопок. В наше время «фонд по Аджимушкаю» уже существует, и хранится он в Керчи в музее истории обороны каменоломен.

Большую роль в изучении всех этих событий сыграли воспоминания оставшихся в живых участников. Как раз они первыми назвали имена и фамилии организаторов подземной обороны, своих ближайших погибших командиров и товарищей. Восстановление имен участников (более 1000 человек) растянулось на многие годы. Для их поиска привлекались краеведы, школьники, печать, военные комиссариаты, советские, партийные, комсомольские организации. Я выражаю признательность и благодарность всем тем, кто в силу своих служебных обязанностей или добровольно на протяжении десятилетий оказывал помощь в этой работе. Всех имен помощников перечислить невозможно из-за их большого количества, но кое-кого я укажу в тексте книги.

В ходе всей этой работы у меня образовался большой архив документальных выписок, писем и воспоминаний участников, фотографий, вырезок из газет и журналов. В ходе работы я составлял картотеки участников оборонительной операции в Керчи, защитников каменоломен, подпольщиков, предателей, списки соединений и частей Крымского фронта вплоть до мелких подразделений с их численностью на 1.05.1942 г. и дислокацией. Добрался я и до некоторых немецких источников: газет, журналов 1942 г., которые полными комплектами хранятся в научных библиотеках Прибалтики (Рига и Таллинн). Думается, что этот архив может принести пользу дальнейшим исследователям этой темы.

Глава 1. Перед тяжелыми боями

1 мая 1942 г. советский народ встречал с подъемом. Радовало не только тепло после длинной и суровой зимы, но и успехи Красной Армии на фронтах. Разгром фашистов под Москвой, освобождение Ростова, Тихвина, Керченского полуострова вселяли надежду на лучшее недалекое будущее. Казалось, что основные трудности войны остались позади, а впереди только скорая победа над Германией и ее союзниками. Это настроение отразил в своем первомайском приказе Верховный главнокомандующий И. В. Сталин. В нем говорилось, что 1942-й год должен стать годом «окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков и освобождения советской земли от гитлеровских мерзавцев». Но этот оптимизм вождя был сильно преувеличенным, а потому и вредным, он ориентировал на результаты, которые в действительности были в 1942 г. недостижимы.

Крымский фронт был образован 28.01.1942 г. для освобождения Крыма, по протяженности он был самым небольшим в период Великой Отечественной войны. Передовая линия его проходила по Акмонайскому перешейку северо-восточнее г. Феодосии. Правое крыло фронта упиралось в побережье Азовского, а левое — в Черное море. Командовал фронтом генерал-лейтенант Козлов Д. Т., член Военного совета у него был дивизионный комиссар Ф. А. Шаманин, начальник штаба — генерал-майор Толбухин Ф. И. Ставка надеялась на успешные действия этого фронта, поэтому сюда прислали для усиления руководства своего представителя — армейского комиссара 1 ранга Мехлиса Л. З., который в то время был начальником Главного политического управления Рабоче-Крестьянской Красной Армии и заместителем наркома обороны. Мехлис был заметной фигурой в высших эшелонах власти, ему доверял Сталин, можно сказать, что он был его «любимцем». Дивизионный комиссар 1 ранга старался копировать вождя во всем, хотя в умственном

отношении далеко ему уступал. Как и Сталин, Мехлис не щадил людей, не задумывался о соблюдении законности. Известно, что в августе 1941 г. Мехлис был направлен Ставкой под Старую Руссу, где фашисты вели наступление в районе Демянска и Лычково. Участок фронта здесь был второстепенный, но дальнейшее продвижение врага грозило потерей г. Валдая, а затем и захватом узловой станции Бологое. Советские войска, деморализованные неудачами, отходили. Свою «помощь» командованию Мехлис начал с расстрела перед строем двух генералов, которые, по его мнению, впали в панику. Конечно, никакого, даже формального, следствия и суда в этой связи не было. Свидетель расстрела в своих мемуарах отмечал, что «такого не было до этого, да и позже». Крайняя жестокость сыграла свою роль — военное командование в этом районе под страхом расстрелов сумело организовать и остановить наступающего противника.³

На Керченский полуостров представитель Ставки привез необыкновенный оптимизм и самоуверенность. Он публично хвастливо заявил, что в Крыму «мы закатим немцам большую музыку». Среди командования фронтов и армий Мехлис был уже известен как любитель скорых расправ и расстрелов, поэтому некоторые генералы и старшие офицеры его просто боялись. «К сожалению, не выдержал этого и командующий фронтом Козлов Д. Т. Представитель Ставки быстро подмял под себя командующего фронтом и взял на себя многие его функции. На Крымском фронте появилось своеобразное двоевластие, совершенно недопустимое в армии и особенно во время ведения боевых действий. Почему командующий фронтом оказался столь слабым и не выдержал напора самоуверенного и наглого комиссара? Объяснение этому надо искать не только в характере, но и в биографии Козлова. Дмитрий Тимофеевич Козлов (1896–1967) был призван в царскую армию в 1915 г. К 1917 г. закончил школу прапорщиков, участвовал в Первой мировой войне, в 1918 г. вступил в партию большевиков. В Гражданскую войну в 1920–21 гг. воевал командиром батальона и полка на Восточном фронте и в Туркестане. В советское время закончил курсы „Выстрел“ и Военную академию им. М. В. Фрунзе. В 1939 г. в этой академии преподавал тактику. Во время советско-финской войны 1939–1940 гг. командовал стрелковым корпусом, а затем в 1940–1941 г. был заместителем командующего Одесского, а затем Закавказского округов. Из послужного списка не видно, что его коснулись репрессии военных, проходившие в 1937–1939 гг.,⁴ но ясно, что Козлов так был напуган ими, что в каждом военном комиссаре видел опасного информатора высших партийных органов. Особенно это касалось Мехлиса Л. З., за которым с начала войны тянулся длинный шлейф слухов о его неблагоприятных делах по отношению к военачальникам.

Биография Льва Захаровича Мехлиса (1889–1953) в начале была чем-то похожа на биографию Козлова. В 1911 г. он был призван в царскую армию, в период Первой мировой войны служил в артиллерийских частях. Членом партии большевиков тоже стал в 1918 г. Во время Гражданской войны был военным комиссаром бригады, дивизии и Правобережной группы войск на Украине. С 1921 по 1926 гг. был на советской и партийной работе. Закончив Институт красной профессуры, он стал заведующим отделом печати ЦК ВКП(б) и одновременно членом редколлегии газеты „Правда“. Этот высокий скачок в его карьере объясняется просто: Мехлиса заметил и оценил Сталин, которому Мехлис безропотно подчинялся, ибо фанатично верил вождю. Лев Захарович перед своим „хозяином“ никогда не скрывал правды, доносил, как оно было в действительности или как ему казалось (представлялось). За эти качества Сталин его ценил и многое прощал. В 1937 г. Мехлис был назначен начальником Главного политического управления РККА.⁵ В свое время я

³ Журнал "Родина", № 7, 2003, сс. 67–74; На Северо-Западном фронте 1941–1943, М.: Воениздат, 1969, с. 228.

⁴ СВЭ, т. 4, 1977, с. 288.

⁵ Там же, т. 5, 1978, с. 273.

встречался и разговаривал с работниками Главпура, работавших при Мехлисе, все они хорошо отзывались о своем начальнике, подчеркивая исключительную исполнительность, существовавшую в работе этого органа, и дисциплину. Авторитет работника Главпура, выезжающего в войска и на фронт, при Мехлисе был очень высок.

Слабо разбираясь в армейских делах (особенно в условиях войны); Мехлис на Крымском фронте придерживался порочного стиля руководства. Он не считался с мнением специалистов и должностных лиц, часто требовал выполнять свои приказания через головы прямых начальников, создавая в работе сумятицу и нервозность.⁶ Работая много часов в сутки, Мехлис подменял многих должностных лиц, сводя на нет их инициативу и ответственность, постоянно проявлял подозрительность. Часто такой стиль работы приводил к ненужной, мелочной опеке. Так Галкин Ф. И. в своих мемуарах рассказывает, что после неудачных наступательных действий, когда шло интенсивное восстановление подбитых танков, руководители ремонта ежедневно (точнее, каждую ночь) вызывались Мехлисом. На этих ночных ненужных заседаниях представитель Ставки давал указания, на какой танк ставить какой мотор или агрегат. Для этого он вел свою „бухгалтерию“. Моторы на восстанавливаемые танки, как, впрочем, и другие запасные части и узлы, доставались на Керченский полуостров с транспортными самолетами по инициативе Мехлиса.⁷

Без представителя Ставки не могло распределяться новое пополнение людей, лошадей, прибывающей техники и оружия. Без него не могла быть изменена дислокация частей и соединений. Даже в уже подписанный командующим фронта обычный приказ о наведении порядка в войсках Мехлис вносил изменения. Ничего существенного в содержании этого приказа он не внес, это была обычная литературная правка. Мехлис постоянно вмешивался и в кадровые вопросы. На Крымском фронте мало оставалось командиров дивизий, не замененных в течение зимы и весны 1942 г. Среди тех, кто не приглянулся Мехлису, был начальник штаба фронта генерал-майор Толбухин Ф. И., впоследствии прославленный полководец, Маршал Советского Союза. Попытки Толбухина отстаивать свои соображения вызывали у представителя Ставки раздражение и приносили ему лишь неприятности. Называя Толбухина „бездельником“, Мехлис добился 10 марта его освобождения от должности начальника штаба фронта. На эту должность был назначен генерал-майор Вечный П. П., который прибыл на Крымский фронт вместе с Мехлисом как представитель Генерального штаба.

Пытался Мехлис снять и командующего фронта Козлова. Вот какую грубую, почти хулиганскую характеристику дал он Козлову в своей телеграмме Сталину: „Козлов — это обожравшийся барин из мужиков. Его дело много спать и жрать, в войска он не ездит и авторитетом не пользуется. Если фронтовая машина работает в конечном итоге сколько-нибудь удовлетворительно, то объясняется это тем, что фронт имеет сильный Военный совет, нового начштаба, да и я не являюсь здесь американским наблюдателем...“ Ставка не пошла на снятие Козлова, и Сталин телеграфировал Мехлису: „Вы держитесь странной позиции постороннего наблюдателя, не отвечающего за дела Крымфронта. Эта позиция очень удобна, но она насквозь гнилая. На Крымском фронте Вы не посторонний наблюдатель, а ответственный представитель Ставки...“⁸ Обратим внимание, что Сталин использует термин Мехлиса „американский наблюдатель“, только изменяя его на „посторонний наблюдатель“.

Передовая Крымского фронта, проходившая по Акмонайскому перешейку, была

⁶ Кузнецов П. Г. Маршал Толбухин. М.: Воениздат, 1966, сс. 40–50.

⁷ Галкин Ф. И. Танки возвращаются в строй. М.: Воениздат, 1964, с. 26.

⁸ Штеменко С. М. Генеральный штаб в годы войны. М.: Воениздат, 1981, сс. 63–64.

расположена на плоской равнине, которая была открыта со всех сторон ветрам. Здесь была глинистая засоленная почва, полное отсутствие деревьев и даже кустов. На немецкой стороне фронта почти в середине перешейка западнее станции Владиславовка около селения Кой-Асан (позже Фронтное) была расположена возвышенность. Фашисты использовали ее крутые склоны, систему небольших ручьев, озер и болот, превратив всю эту местность в сильный укрепленный район, который на советских военных картах получил название Койасановского.

С 27 февраля по 13 апреля войска Крымского фронта трижды переходили в наступление с целью освободить район Феодосии, Карасурбазар (Белогорск), после чего открывались благоприятные возможности для наступления по степным крымским просторам, но все эти попытки были неудачны. Крайне малая ширина фронта, совершенно открытая местность ограничивали возможность наступления войск и маневрирования, вынуждали штурмовать укрепления врага „лобовыми“ атаками. Это приводило к большим потерям. 13 апреля Ставка приказала Крымскому фронту наступательные действия временно прекратить и создать прочную оборону. 21 апреля Крымский фронт вошел в состав Северо-Кавказского направления, которым командовал Маршал Советского Союза С. М. Буденный. Из его письма в Ставку от 30 апреля видно, что Крымский фронт 20–25 мая планировал провести наступательную операцию по захвату Койасановского района, а примерно к 2 июня — широкое наступление с целью полного очищения Крыма от фашистов.

В этой операции, естественно, должны были участвовать и силы Севастопольского оборонительного района. С этой целью С. М. Буденный просил Ставку выделить для Крыма дополнительные силы.⁹

Получив директиву Ставки о создании прочной обороны, командование Крымского фронта не пошло на коренную перестройку наступательного порядка фронта. Логика этого решения была проста и одновременно, как показали дальнейшие события, безответственна: „зачем перестраивать боевой порядок, если скоро придется наступать?“ Имея значительно превосходящие силы в пехоте, большое количество танков и артиллерии, командованию фронта в голову не приходило, что противник может прорвать нашу оборону на Акмонайском перешейке. Особой уверенностью в этом и недооценкой противника отличался представитель Ставки. Об этом свидетельствует в своих мемуарах адмирал Кузнецов Н. Г., который побывал на Крымском фронте 28.4.1942 г. В них он писал: „Все разговоры о возможности наступления немцев и нашем вынужденном отходе Л. З. Мехлис считал вредными, а меры предосторожности излишними“.¹⁰

Боевой порядок Крымского фронта был следующий: с севера на юг передний край держали части 47-й (командующий генерал-майор Колганов К. С), 51-й (генерал-лейтенант Львов В. Н.) и 44-й (генерал-майор Черняк С. И.) армий. Все они располагались на Акмонайском перешейке, имея общую протяженность линии фронта всего 27 км. Полосы обороны они соответственно занимали в 10, 9 и 8 км. Основная масса войск (12 стрелковых дивизий) была сосредоточена на первой позиции полосы обороны. Вторая позиция (ее обороняли только 2 стрелковые дивизии и части 151-го укрепленного района) в полосе 47-й армии находилась в 12 км, в 51-й армии в 5–9 км, а в 44-й — в 2–5 км от переднего края. Таким образом, вторая позиция 44-й армии фактически сливалась с первой, оборона здесь была крайне неглубокой, а значит, очень слабой. Фронтные резервы были небольшими. Они составляли одну стрелковую дивизию, три бригады и два мотострелковых полка. Они находились в 15–20 км от переднего края. На большем удалении от переднего края в 50 км располагалась только 72-я кавалерийская дивизия и 156-я стрелковая дивизия, находившаяся

⁹ Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее: ЦАМО РФ), ф. 224, оп. 760, д. 5, лл. 213–214.

¹⁰ Кузнецов Н. Г. На флотах боевая тревога. М.: Воениздат, 1971, с. 162.

около Керчи, примерно в 30 км от переднего края.

Первая позиция главной полосы обороны состояла из отдельных стрелковых ячеек, окопов, землянок, разбросанных без всякой системы и порой даже не связанных между собой ходами сообщений. Огневые позиции, инженерные сооружения были плохо замаскированы, ибо совершенно голая степная местность не позволяла это хорошо сделать. Штабы армий, дивизий, узлы связи располагались близко к переднему краю, долгое время не менялись, а потому были известны противнику. Штаб фронта находился в пос. Ленинское около Семи Колодезей.

Лучше была укреплена в инженерном отношении вторая позиция главной полосы обороны, перед которой был вырыт противотанковый ров. Восточнее рва располагались ДОТы и ДЗОТы, которые занимали части 151-го укрепленного района вместе с 224-й и 396-й стрелковыми дивизиями усиления.¹¹ Большинство стрелковых соединений и частей на переднем крае имели значительный недокомплект личного состава, доходивший до 30–50 %.

Существовала и вторая полоса обороны, но она фактически только числилась на фронтовых картах. Она проходила в 30 км западнее Керчи по линии Турецкого вала. (Этот Турецкий вал не следует путать с Турецким валом на Перекопском перешейке.) Создавалась оборонительная полоса (обводы) и вокруг Керчи. Инженерные работы велись на этих рубежах в основном местным населением без достаточной энергии и контроля со стороны командования фронта. Для строительства не хватало техники, строительных материалов, которые на Керченском полуострове были особенно дефицитны. Построенные сооружения плохо охранялись, поэтому заложенные в них лесоматериалы порой растаскивались на дрова. Войсками вторая полоса обороны не занималась. Промежуточных рубежей и позиций между главной полосой обороны и Турецким валом никаких не было.

Таким образом, главным недостатком всей обороны Крымского фронта было ее построение, расположение на ней войск. Защищая диссертацию по этой теме в Институте военной истории в 1977 г., я слышал мнение специалистов, которые говорили, что такое построение было просто сумасшедшим, ибо оно игнорировало имеющийся опыт не только Великой Отечественной войны, но и прежних войн.

В ожидании скорого освобождения Крыма сюда, на Керченский полуостров, от редакции газеты „Красная Звезда“ был послан в качестве корреспондента К. М. Симонов. „Свежим взглядом“ он сразу же „схватил“ основной порок Крымского фронта. В своем дневнике он тогда записал: „...Здесь, на Крымском фронте, существует сейчас истерический лозунг: „Всех вперед, вперед, вперед!“ Может показаться, что доблесть заключается только в том, чтобы толпиться как можно ближе к передовой, чтобы, не дай бог, кто-нибудь не оказался вне артиллерийского обстрела противника. Непонятная и страшная мания! И как только мы выехали на 10 км в тыл, мы уже не видели ничего — ни войск, ни узлов противотанковой обороны, ни окопов, ни артиллерийских позиций. От фронта до Керчи было пустое пространство“.¹²

¹¹ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 783, д. 33, лл. 1–2.

¹² Симонов К. М. Из военных дневников 1941–1945 годов. См. журнал "Новое время", № 7, 1965, с. 27. Позже в журнале "Юность", в воспоминаниях ("Записки молодого человека"), К. М. Симонов сообщает о своих впечатлениях при встрече с командующим Крымским фронтом Козловым Д. Т. и членом Военного совета фронта дивизионным комиссаром Шаманиным Ф. А. "Козлову было лет за 50. Это был человек с двумя орденами за Гражданскую войну, довольно плотный, седеющий, с обрюзгшим недовольным лицом. Был он чем-то не похож на многих других генералов, которых я уже видел на войне. Видимо, не похож тем, что для них война уже давно была в разгаре, а для него она была в новинку, и он еще психологически не до конца перешел с положения мирного времени на военное положение. Как мне кажется, иранский поход был для Закавказского фронта своего рода психологическим несчастьем, потому что у людей, которые до начала этого похода еще не участвовали в нынешней войне, создалось совершенно превратное первое впечатление о том, что такое военные действия. И некоторые из них потом расплачивались за это в Крыму... Ночью мы с Мержановым зашли к члену Военного совета фронта Шаманину. У него оказались какие-то служебные счета с Андреем Семеновичем Николаевым, который сейчас по-прежнему был членом Военного совета 51-й армии. Я

В своем телевизионном выступлении К. Симонов как-то сказал, что эта поездка ему, как журналисту, ничего не дала, но как для писателя, в будущем, она стала определяющей. В связи с этим высказыванием К. Симонова я решил с ним встретиться, что и удалось осуществить во время поездки в Москву в августе 1974 г. В нашей беседе Симонов спрашивал и говорил в основном о Мехлисе, о его взаимоотношениях со Сталиным. Уже после смерти Константина Михайловича я понял, что он собирал материал к своей книге „Глазами человека моего поколения. (Размышления о И. В. Сталине)“, которую он так и не дописал до конца. Мехлис интересовал К. Симонова как типичная фигура в ближайшем окружении Сталина, через которую видны и характерные черты деятельности последнего. В ходе нашей встречи Константин Михайлович много рассказал нового о Мехлисе, что я не знал. Оказывается, представитель Ставки в перерывах своей основной работы любил допрашивать пленных немецких офицеров. Чаще всего это были сбитые летчики. Если пленный не был расположен давать показания, то Мехлис вызывал своего адъютанта, и фашист расстреливался около дома представителя Ставки. Интересно, что этот факт в какой-то степени фиксировался документально в бумагах представителя Ставки. В архиве Министерства обороны я видел несколько официальных приговоров к смертной казни. При этом преступление пленного немецкого офицера формулировалось как „измена родине“. Непонятно только, о какой родине шла речь. Логика Мехлиса часто была совершенно необъяснима.

Документов канцелярии Мехлиса на Крымском фронте сохранилось много. У него был очень странный почерк. С первого взгляда казалось, что писал неграмотный человек, ибо буквы были какие-то изогнутые, корявые, пляшущие. Позже мне разъяснили, что Мехлис учился в еврейской религиозной школе, где его учили ивриту — древнему еврейскому языку. Манеру начертания букв он, якобы, и перенес на русский алфавит. Не в религиозном ли воспитании был заложен характер Мехлиса — его крайняя самоуверенность, избранность, удивительная работоспособность и жестокость, недоверие и подозрительность к людям, преданность идее и полное неприятие критики в свой адрес? Это, очевидно, понимал и К. Симонов. Он мне сказал: „Мехлис — талмудист, фанатик, ему повезло, что во время Гражданской войны он вступил в Коммунистическую партию, сделался военным комиссаром, осуществлял дальнейшую карьеру. А если бы он эмигрировал в Израиль, то там бы стал вторым Бен-Гурионом“.

Крымский фронт располагал значительным количеством оружия и боевой техники. В частях фронта было 709 полевых, 216 противотанковых орудий, 1026 минометов (без учета 50-мм минометов), 72 реактивных установки, 244 зенитных орудий.¹³ Вся эта артиллерия была объединена в армейские артиллерийские группы, расположена она была эшелонами и на значительную глубину главной полосы обороны. Штабом фронта был подготовлен план использования артиллерии на случай немецкого наступления. Однако в противотанковой обороне были допущены и серьезные ошибки. Так, например, системы опорных пунктов для

имел несчастье радостно отозваться об этом прекрасном человеке, и Шаманин немедленно начал его чистить. Оказывается, когда-то он был подчиненным у Николаева, а лягнуть ногой свое бывшее начальство — большая радость для всякого недоброго человека. Шаманин долго и дурно ругал Николаева, он сидел, а мы с Мержановым стояли перед ним. Беседа продолжалась около двух часов, а мы стояли и стояли. Я всегда считал своим долгом в подобных случаях прежде всего помнить, что я человек, одетый в военную форму, а потом уже писатель. Раз начальство не предлагает сесть, стало быть, надо стоять. Но на этот раз, когда такое состояние продолжалось почти два часа, я под конец смотрел на Шаманина уже с любопытством: додумается он все-таки посадить нас или не додумается? Он так и не додумался. Если он сознательно хотел этим поставить на свое место корреспондентов — еще так-сяк! Гораздо хуже, если он сделал это просто так, нечаянно — тогда это значило, что он так поступает со всеми" (Жур. "Юность" № 12, 1969, сс. 16–17). Корпусной комиссар Николаев А. С. (1902–1942) являлся героем ряда очерков и прототипом художественных произведений Симонова В. В. О нем, как человеке и политработнике, Константин Михайлович отзывался восторженно. Мержанов М. И. (1900–1974) в то время был военным корреспондентом газеты "Правда".

¹³ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 3, лл. 412, 421–423.

противотанковой артиллерии организовано не было. Командование фронта и частей допустило равномерное распределение орудий по всему фронту, а нужно было их ставить только на танкоопасных направлениях. Не было создано сильных подвижных противотанковых резервов и отрядов заграждений из инженерных частей. Надобность в этих мерах была необходима, о чем свидетельствовал уже опыт начала Великой Отечественной войны.

Утром 8 мая Крымский фронт располагал 238-ю исправными танками, которые были объединены в четыре танковые бригады и три отдельных танковых батальона. Правда, большинство танков было устаревших образцов. В течение зимы и весны многие из них неоднократно восстанавливались после неудачных наступательных операций, поэтому материальная часть их не была в удовлетворительном состоянии.¹⁴

Крымский фронт располагал 209 самолетами-истребителями, 140 бомбардировщиками (сюда вошли также 31 легкий ночной бомбардировщик У-2 и 6 самолетов-разведчиков). Большинство самолетов также было устаревших образцов, материальная часть их сильно была изношена. Истребительная авиация была распределена по армиям, что было неправильно, ибо узкий фронт в этих условиях давал полную возможность единого централизованного руководства. Многие аэродромы были близки к переднему краю, план использования авиации в случае наступления противника составлен не был.¹⁵

Количество вооружения и боевой техники на Крымском фронте в военно-исторической литературе обычно преувеличивается. Называются такие числа: 3 580 орудий и минометов, 350 танков и 400 самолетов.¹⁶ Это произошло потому, что авторы исследований использовали не фронтовые документы, многие из которых просто погибли, а данные Генерального штаба, где за Крымским фронтом числилось больше техники и оружия, нежели было в наличии. В действительности вся эта „лишняя“ техника была утрачена в ходе наступательных боев зимой и весной 1942 г. и в свое время не была списана.

Говоря о недостатках и проблемах Крымского фронта, надо отметить еще один существенный элемент. Фронт образовался в результате Керченско-Феодосийской десантной операции конца 1941 г. и начала 1942 г. Таким образом войска на Керченском полуострове оказались оторванными от сухопутных коммуникаций, от Большой Земли. В целом они зависели от морских перевозок по Черному морю и через Керченский пролив.

Зимой 1942 г., на удивление всех, Керченский пролив замерз. Это явление бывало и раньше, но крайне редко. В это время удалось организовать переправу людей, лошадей и легкой техники по льду, но продолжалось это недолго. Затем для переправы всего необходимого фронту стали использовать морские суда, баржи, понтоны. Потребности на Керченском полуострове были очень большие. Здесь начали восстанавливать железную дорогу, но весь подвижной состав фашисты уничтожили или угнали. Тяжелую железнодорожную технику приходилось переплавлять через пролив. Есть фотографии, где видно, как переправляли на баржах паровозы, а пустые цистерны даже вплавать по воде. Из-за действий авиации противника, а также из-за морских мин, которые устанавливали гитлеровцы в морском пространстве около Керчи, перевозки осуществлялись с большим риском. Вследствие этого снабжение войск фронта было нерегулярным. В течение зимы и весны 1942 г. части фронта постоянно испытывали недостатки в топливе, продуктах питания, фураже. Даже на передовой не хватало продуктов питания. Личный состав вынужден был иногда есть мясо убитых или павших лошадей. Не хватало лесоматериалов для покрытия

¹⁴ Там же, д. 7, л. 96.

¹⁵ Там же, д. 3, л. 412, д. 7, л. 96.

¹⁶ Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история, издание 2-е, М.: Воениздат, 1970, с. 155; История Второй Мировой войны 1939–1945. Т. 5. М.: 1975, с. 125.

землянок и блиндажей, кольев для сооружения проволочных заграждений, испытывали острый недостаток дров. Неудовлетворительно обстояло дело даже с питьевой водой. В одном из донесений без особого преувеличения говорилось, что „ближайшие озера с пресной водой выпиты войсками“.¹⁷

В советской исторической литературе как-то не заостряется вопрос об оторванности Крымского фронта от Большой Земли. А ведь наличие Керченского пролива и сложность перевозки через него было самым слабым моментом в обороноспособности этого фронта. Это понимали и оценивали и гитлеровцы, поэтому они в 1942–43 гг. построили через Керченский пролив железнодорожный мост. В советской литературе этот факт почти не отражен, но эту заботу фашистов о снабжении своих войск на Северном Кавказе и на Таманском полуострове надо признать.

Особенно тяжело стало с морскими перевозками в апреле. Одновременно противник усилил бомбардировку Керчи и, особенно, места выгрузки судов. Известный писатель Павленко П. А. после войны вспоминает: „...Вспомним многострадальную Керчь в 1942 г. В этом страшном „тыловом“ городе, бомбимом от зари до зари, всегда что-нибудь горело или взрывалось“.¹⁸

С целью уменьшения потерь военное командование вынуждено было многие тыловые части и учреждения в Керчи перевести в подземные убежища, которыми здесь с давних времен служили каменоломни. Сюда же потянулись и группы от местного населения со своим скарбом, а некоторые даже со скотом.

С обеспечением войск фронта снарядами и патронами для стрелкового оружия положение было вполне удовлетворительным, но мало было боеприпасов для минометов калибра 82 и 120 мм, а также ручных гранат.¹⁹ Пополнение личного состава на Крымский фронт поступало с задержками. Оно было слабо обучено и требовало дополнительной подготовки не менее еще чем 10–15 дней. Тем более что в основном оно приходило с Кавказа и большая часть из прибывших слабо знало русский язык. В связи с этим среди ветеранов фронта (особенно из рядового состава) после войны было распространено мнение, что неудачи боевых действий на Керченском полуострове связаны с неумением и нежеланием воевать „нацменов“. На Крымском фронте их называли „ялдашами“, что по-азербайджански значило как „товарищ“. Представителей кавказских народностей на этом фронте было действительно много. Три дивизии даже причисляли к азербайджанской, армянской и грузинской республикам, да и в других дивизиях выходцев с Кавказа было много. Так, например, в 63-й горно-стрелковой дивизии 47 % личного состава состояло из нерусских кавказцев, из них 400 человек русский язык совершенно не знали.²⁰ Сельвинский И. Л., известный советский поэт, воевавший в то время на Крымском фронте в составе редакции газеты „Боевая Крымская“, в своих воспоминаниях, говоря об воинах-азербайджанцах, тоже (очень мягко) коснулся их боеспособности. „Когда у нее (дивизии азербайджанской, прим. А. В. В.) кого-нибудь выбивало из строя, солдаты кучей сбегались вокруг павшего и, не обращая внимания на канонаду, начинали причитать и рыдать над собратом, как дома у тела покойника. Было в этой наивности что-то глубоко человеческое, но абсолютно немыслимое в условиях боя. Прошло немало времени, прежде чем удалось вырастить в азербайджанцах военную косточку“.²¹

¹⁷ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1193, д. 53, л. 2.

¹⁸ Цитирую по книге: Н. Сирота. Так сражалась Керчь. Симферополь: Крымиздат, 1968, с. 102.

¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1185, д. 45, лл. 602–603.

²⁰ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 1, л. 49, д. 5, л. 211.

²¹ Литературное наследство. Т. 78, кн. 1. Советские писатели на фронтах Великой Отечественной войны. М.:

Мехлис много труда вкладывал в „решение национального вопроса“ на Крымском фронте. Он добивался того, чтобы из кавказских республик личный состав прибывал с их национальными руководителями — советскими и партийными деятелями. Он организовывал шефство некоторых республик над национальными дивизиями, снабжение литературой, газетами, музыкальными инструментами и т. д. При этом следует сказать, что в деятельности Мехлиса на Крымском фронте не надо видеть только отрицательное. Он много занимался партийно-политической работой, был смелым человеком, поэтому его часто видели на передовой, в частях, госпиталях и других учреждениях. Жил он очень скромно в небольшом домике пос. Ленинское. В работе не знал покоя сам и не давал его другим. Он жестко, даже жестоко поступал с лицами, занимавшимися хищением продуктов питания, трусами и паникерами, быстро и результативно реагировал на жалобы раненых и больных в госпиталях. Следует сказать, что он пользовался авторитетом среди рядового состава и даже среди низшего и среднего звена командиров и политработников. В одном из послевоенных солдатских воспоминаний я встретил такой термин: „Крымский фронт имени товарища Мехлиса“.

Между тем фашисты готовились к наступлению. Как раз здесь, на Акмонайском рубеже, они и спланировали нанести первый удар в своей летней кампании 1942 г. Гитлеровцы понимали стратегическое значение Крыма. Здесь шел кратчайший путь с захваченной фашистами Украины на Северный Кавказ. В Крыму, в Севастополе, была главная база Черноморского флота. Наконец, Крым был превосходным плацдармом для базирования авиации. Недаром на одном из совещаний в 1941 г. Гитлер сравнил Крым с авианосцем Советского Союза в его борьбе против румынской нефти.²²

План по захвату Керченского полуострова гитлеровское руководство разработало к началу мая, он получил название «Охота на дроф». Согласно этому плану гитлеровцы наносили удар на южном крыле Крымского фронта вдоль побережья Черного моря. При этом в ближайшем тылу на побережье высаживался шлюпочный десант. После прорыва главной полосы обороны в образовавшуюся брешь фашисты планировали ввести 22-ю танковую дивизию, которая частью сил должна сделать поворот на север и, выйдя к Азовскому морю, окружить основные силы Крымского фронта. Другая часть дивизии вместе с пехотными соединениями должна была стремительно наступать на Керчь. Следует сказать, что все наступающие дивизии врага значительно усиливались за счет подчинения им наземной артиллерии, саперных войск и зенитной артиллерии. Но главный ударной силой противника должна была стать авиация. 28 марта начальник Генерального штаба сухопутных войск фашистской Германии Ф. Гальдер, будучи на совещании у Гитлера по поводу планов летней кампании, в своем дневнике записал: «Крым. Керчь — сосредоточение основных сил авиации».²³

Было ли немецкое наступление на Керченском полуострове для советского командования неожиданным? Трагически неожиданным и неоправданным был только прорыв нашего фронта и затем оставление Керчи и всего полуострова. Разведывательный отдел штаба фронта своевременно вскрыл немецкую группировку против нашего левого крыла. Фронтные разведчики из всех источников с середины апреля отмечали перегруппировку войск врага, подтягивание к Акмонайскому рубежу из глубины Крыма большого количества танков, интенсивную разведку противника нашей обороны и другие

²² История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945. Т. 2. Воениздат, 1961, с. 225.

²³ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2. М.: Воениздат, 1971, с. 221; Манштейн Э. Утерянные победы. М.: Воениздат, 1957, сс. 231–232.

действия, говорящие о предстоящем наступлении.²⁴ Особенно важными были показания перешедшего на нашу сторону летчика-хорвата, насильно мобилизованного в фашистскую армию. 4 мая во время допроса, который вел С. М. Буденный, летчик показал, что наступление фашистских войск начнется около Керчи 10–15 мая и что после захвата Крыма фашистское командование собирается нанести удар на Ростов и далее на Северный Кавказ.²⁵

Несмотря на то, что командование Крымского фронта знало о концентрации крупных сил противника на нашем левом крыле, правильных выводов о направлении главного удара противника заранее сделано не было. Наступление ожидалось в центре Крымского фронта в полосе 51-й армии при общем направлении вдоль железной дороги Владиславовка — Керчь. С учетом этого вероятного направления разрабатывались и контрудары нашими вторыми эшелонами и резервами в случае вклинения противника в нашу оборону. С возможностью наступления противника из района пос. Дальние Камыши вдоль берега Черного моря командование стало считаться только в самые последние дни.²⁶

Между тем южный участок Крымского фронта, особенно там, где держала оборону 63-я горно-стрелковая дивизия 44-й армии, был наиболее слабым. Эта дивизия в предыдущих наступательных боях понесла большие потери и имела более 40 % некомплекта в личном составе. Командиры и бойцы устали от многодневных боев и нуждались хотя бы в коротком отдыхе. 29 апреля офицер Генерального штаба при командовании Крымского фронта майор Житник А. в своей докладной записке писал: «Я считаю, что настал момент, когда необходимо либо полностью вывести 63-ю ГСД во второй эшелон (это самое лучшее) или хотя бы по частям. Ее направление — это направление вероятного удара противника... Вряд ли эти войска способны к серьезной, стойкой обороне». На этом документе сохранилась резолюция Мехлиса: «Тов. Вечный, надо подготовить ряд указаний».²⁷

Но серьезных мероприятий по укреплению этого участка более боеспособными войсками проведено не было, хотя до немецкого наступления оставалось еще более недели.

Между тем обстановка на левой крыле Крымского фронта становилась все более тревожной. 6–7 мая командование пришло уже к вполне определенным выводам. В этом отношении интересны данные докладной записки помощника начальника оперативного отдела штаба Северо-Кавказского направления от 7 мая. Вот основные выводы этого документа:

1. Наступление противника следует ожидать 8–9 мая силами трех дивизий и одной танковой дивизии на участке 44-й армии.
2. Возможен массированный удар самолетов.
3. Возможна высадка десанта на шлюпках.

Как видим, оперативный план гитлеровцев был в основном раскрыт накануне начала наступления. Советские оперативные работники штаба не упустили даже такую деталь как шлюпочный десант в тылу нашей обороны. В этом же документе был сделан и оптимистический прогноз на будущее: «В первый день наступления противник достигнет успехов, которые будут затем полностью ликвидированы нашим контрударом».²⁸

В этой с каждым часом угрожающей обстановке командование Крымского фронта решило пойти на ряд существенных дополнительных мер. 6 мая начальник штаба фронта

²⁴ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1185, д. 22, лл. 24–26; д. 45, лл. 314–316.

²⁵ Там же, д. 59, л. 194.

²⁶ Там же, д. 15, л. 64; ф. 406, оп. 9837, д. 20, лл. 68–70.

²⁷ Там же, ф. 215, оп. 1185, д. 91, лл. 23–24.

²⁸ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 1, л. 56.

Вечный П. П. обратился в Военный совет фронта (Странно: а почему в той сложной обстановке не прямо и непосредственно к Козлову Д. Т.?) с предложением о выводе в резерв 47-го армейского полевого управления с подчинением ему войск 151-го укрепленного района, дивизий и частей фронтового подчинения. Причем части и соединения, входящие в состав управлению 47-й армии и державшие оборону на переднем крае, как видно из предложений, планировалось оставить на своих местах и передать 51-й армии.²⁹ Таким образом, Вечный П. П. для укрепления обороны предлагал создать второй эшелон фронта. Это было правильное, хотя и очень запоздалое решение. Сохранился документ, из которого видно, что такой Военный совет состоялся в 7 мая в 23.45. В нем рукой Вечного поставлена дата предполагаемого немецкого наступления «10–15 мая», исправленная затем на «8–15 мая». В этом документе названы и вероятные направления наступления противника. Причем, немецкое запланированное направление вдоль Черного моря стоит на последнем месте.³⁰

Осуществить эти мероприятия из-за недостатка времени, конечно, не удалось. Заканчивались последние часы перед немецким наступлением, но затишья не было. Как раз наоборот: 7 мая противник усилил массированные налеты своей авиации по нашим аэродромам, складам и переднему краю. В одновременном налете участвовало до 150 бомбардировщиков. Но это была еще прелюдия, основные действия начались на следующий день.

Глава 2. Враг прорвал фронт

Еще была темная ночь с 7 на 8 мая, когда фронт был разбужен первыми артиллерийскими залпами. Характерно, что первой открыла огонь на переднем крае не артиллерия фашистов, а наша. По приказу командования фронта в 3.45 было спланировано произвести по всему фронту артиллерийский налет по районам скопления противника. Точно в указанный срок залпы прервали тишину. Все эти артналеты из-за ограниченности боеприпасов были недостаточно мощными. Так, например, в полосе 44-й армии стрельба велась только двумя артиллерийскими дивизионами. Еще не окончилась эта стрельба, как противник начал свою артподготовку.³¹ За ней включилась и вражеская авиация. Особенно сильному обстрелу и бомбардировке подверглись войска 44-й армии. В результате многие командные, наблюдательные пункты, узлы связи, коммуникации, огневые позиции были разрушены. Телефонная связь из-за большого количества порывов перестала существовать, вышли из строя и многие радиостанции.

Около 5.00 на участке 63-й горно-стрелковой дивизии пехота и танки (до 100 машин) противника пошли в атаку. Первые цепи наступавших были по существу полностью уничтожены огнем нашей артиллерии и пулеметов.³² Однако сильный огонь артиллерии и действия авиации противника скоро подавили наши огневые средства и пехоту на первой позиции. Части 63-й горно-стрелковой дивизии упорно оборонялись, но не смогли справиться с превосходящими силами. Артиллерия дивизии, расположенная близко к переднему краю и хорошо видимая противнику, сразу же понесла значительные потери. Связь штаба дивизии с полками была нарушена. Части дивизии понесли большие потери в личном составе.

Почти одновременно с этой атакой в нашем тылу на восточных скатах горы Ас-Чалуле

²⁹ Там же, ф. 215, оп. 1185, д. 59, лл. 187–188.

³⁰ Там же, ф. 406, оп. 9837, д. 20, лл. 68–70.

³¹ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 3, л. 425.

³² Там же, ф. 215, оп. 1185, д. 80, л. 6.

противник высадил со стороны моря десант на 30-и шлюпках (до 500 автоматчиков). На подходе к берегу вражеский десант был встречен огнем пулеметов, артиллерийских орудий, а на берегу и огнеметами. Однако, несмотря на потери, фашистам удалось высадиться на берег и закрепиться на нем.³³ Наступающий противник с фронта и шлюпочный десант взяли как бы в клещи 291-й горно-стрелковый полк 63-й горно-стрелковой дивизии. Командиру полка Ермакову С. А. с группой оставшихся в живых воинов удалось вырваться из неминуемого окружения. Высокую преданность воинскому долгу показал при этом командир роты старший лейтенант Александров А. Г.³⁴ Я не случайно называю фамилии этих двух командиров. Объединив остатки своего полка Ермаков и Александров, выполняя приказы старших командиров, проведут его с тяжелыми боями до Аджимушкайских каменоломен (восточнее Керчи) и там организуют подземную оборону.

В первые же часы наступления фашистская авиация завоевала господство в воздухе. Это ей удалось достичь благодаря массированному применению своих самолетов, которые были сосредоточены здесь со всего южного крыла советско-германского фронта. По данным управления противовоздушной обороны Крымского фронта, в первый день наступления враг применил до 650 самолетов. При этом многие самолеты, базирующиеся в Крыму, могли в день совершить до 2–3 боевых вылетов.³⁵ Таким образом, насыщенность фашистской авиации в воздухе, учитывая малую протяженность фронта, была небывало высокой. С раннего утра враг блокировал наши аэродромы и бомбардировкой выводил их из строя. Близкое расположение наших аэродромов к переднему краю привело к тому, что многие из них подверглись артиллерийскому обстрелу. Распределение нашей истребительной авиации по армиям привело к малой эффективности ее использования. Командующие армиями настойчиво требовали от авиационных частей надежно прикрывать большое количество объектов.³⁶ Это приводило к вредному дроблению сил авиации, ей приходилось вести неравные бои с численно превосходящим противником и нести значительные потери.

Но в тех случаях, когда командование фронта отказывалось от вредного дробления авиации, эффект был значительный. Такой положительный пример был уже в первые часы операции. Рано утром группа из 10-и штурмовиков Ил-2 под прикрытием 12-и Як-1 совершили налет на аэродром Сарабуз (ныне Остряково), где находилось до 100 бомбардировщиков врага, готовых к вылету. На задание были посланы летчики, которые хорошо знали этот аэродром. Сделав два захода, штурмовики уничтожили до 30 вражеских бомбардировщиков, и все вернулись на свои базы. Фашисты не ожидали налета, их система противовоздушной обороны эффекта не имела.³⁷

Преодолев район 63-й горно-стрелковой дивизии, противник натолкнулся на вторую позицию главной полосы обороны. Высокое мужество показал при защите этой позиции личный состав 343-го отдельного пулеметно-артиллерийского батальона 151-го укрепленного района. Бойцы, командиры и политработники, засевшие в ДОТах и ДЗОТах, под руководством командира капитана Михайлова Т. И. и военного комиссара старшего политрука Кондратьева С. А. мужественно защищали свой участок обороны. Нанеся большой ущерб противнику и потеряв 70 % личного состава, остатки батальона и других

³³ Десант состоял из 436-го пехотного полка, 46-го саперного батальона и 902-й штурмовой десантной команды. См. Wehr Kunde, № 7, 1969, S. 373. Deutsche allgemeine Zeitung 21 Mai 1942.

³⁴ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 783, д. 33, л. 48.

³⁵ Там же, ф. 406, оп. 9837, д. 34, л. 27.

³⁶ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 3, л. 414.

³⁷ Там же, ф. 215, оп. 1196, д. 1, л. 12.

стрелковых частей к вечеру 8 мая отошли в район совхоза Арма-Эли (ныне Батальное) и к балке Черная.³⁸

Высокие боевые качества в боях с воздушным и наземным противником показали части противовоздушной обороны. Из-за слабости истребительной авиации основная тяжесть борьбы с самолетами врага легла на зенитные средства. Примером мужества и высокого героизма послужило поведение в бою личного состава 343-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона 44-й армии, командиром которого был майор Мамот М. М. а военным комиссаром политрук Щетинин А. Ф. Батареи дивизиона подверглись ожесточенной бомбардировке и артиллерийскому обстрелу, но, несмотря на это, зенитчики не прекращали огонь. За один день, 8 мая, дивизион выпустил 5000 снарядов и сбил при этом 12 самолетов противника. Воинам дивизиона пришлось вести бой и с наземным противником. Вот выписка из журнала боевых действий дивизиона: «...К 17.00 перед командным пунктом дивизиона и второй батареей появились пехота и танки противника. Три орудия ведут огонь (одно подбито). Уничтожен один танк, замолчали два орудия противника. По пехоте огонь ведется шрапнелью и картечью. Бой идет четыре часа. Получен приказ на отход. У единственного целого орудия остается Евлампий Борис. Снаряды на исходе. Фашисты близко, они кричат: „Русь, сдавайся!“ Евлампий Б. взрывает орудие и сам гибнет смертью героя, рядом нашли смерть и окружавшие его враги. Снимается с огневой позиции третья батарея. Командир дивизиона выдвигает одно орудие вперед и стреляет по пехоте. В воздухе опять немецкие самолеты, повар Лебедев из винтовки сбивает один из них. Военфельдшер дивизиона Картавченко хорошо организует первую помощь раненым. Шофер санитарной машины Бутаенко, сам тяжело раненный, машину не бросил. Проехав 120 км, он сдал всех раненых и сам лег в госпиталь».³⁹

Во второй половине дня в бой с прорвавшимся противником вступили 404-я стрелковая дивизия и 39-я танковая бригада. Но они вели встречный бой отдельными своими частями и без должного взаимодействия. У 404-й стрелковой дивизии не было поддержки артиллерии, ибо входивший в ее состав 961-й артполк при выводе дивизии в армейский резерв был оставлен поддерживать дивизии переднего края.⁴⁰

276-я стрелковая дивизия, находившаяся на правом фланге переднего края 44-й армии, весь день держала оборону своего участка, отбив несколько атак пехоты и танков противника, за что получила благодарность от командующего Крымским фронтом. Но в связи с прорывом на соседнем участке враг стал охватывать левый фланг дивизии, заходя ей в тыл. К исходу дня у дивизии были израсходованы все боеприпасы минометов, патроны у стрелков были на исходе. Вечером на ряде участков противник вклинился в боевые порядки дивизии, в результате чего 871-й полк оказался в окружении, но продолжал яростно сопротивляться.

В 18.00, установив, что больше держаться невозможно, командир дивизии дал приказ на отход.⁴¹

Наиболее эффективным средством против наступающего противника была артиллерия. В первой половине дня особенно активно вели огонь 457-й и 53-й артиллерийские полки резерва Главного командования. А в 13.00, когда противнику удалось форсировать противотанковый ров, наступающие колонны танков были встречены огнем прямой наводки 477-м и 766-м артиллерийскими полками. Во второй половине дня почти вся артиллерия 51-й

³⁸ Там же, ф. 215, оп. 1185, д. 45, л. 294; д. 80, л. 48; ф. 224, оп. 783, д. 33, лл. 4, 5, 48.

³⁹ Там же, ф. 343 ОЗАД, оп. 93424, д. 11, лл. 12–13.

⁴⁰ Там же, ф. 224, оп. 780, д. 7, лл. 24–25.

⁴¹ Там же, оп. 783, д. 33, л. 54.

армии, повернутая в сторону наступающего противника, вела фланговый огонь. Он был настолько мощный, что о нем вынуждены были написать фашисты в своих газетных сообщениях. В этот день артиллеристы подбили и уничтожили до 60 фашистских танков. К исходу дня, когда кончались боеприпасы, артиллеристы стали менять огневые позиции.⁴²

К исходу дня фашисты продвинулись на 7–8 км в глубь обороны 44-й армии и вклинились во вторую позицию, захватив небольшой плацдарм восточнее противотанкового рва. Однако этот плацдарм, как признавал командующий немецкой армии Э. Манштейн в своих мемуарах, был еще недостаточным для выдвижения в прорыв 22-й танковой дивизии.⁴³

Что же касается боевых действий на других участках Крымского фронта (47-й и 51-й армий), то там противник проводил демонстративные наступательные действия, которые легко отбивались нашими обороняющимися войсками.

По мере наступления фашистов 8 мая у командования фронта назрела необходимость в организации контрудара по прорвавшемуся противнику. Из сохранившихся оперативных документов видно, что в первые часы фашистского наступления командование Крымского фронта планировало такой контрудар организовать силами 44-й армии. В приказе по этому поводу командование фронта передавало армии дополнительно 390-ю стрелковую дивизию, 55-ю танковую бригаду и ряд других частей.⁴⁴ Это решение было утверждено и командованием Северо-Кавказского направления. В своем распоряжении от 8 мая в 14.30, С. М. Буденный требовал от командования Крымским фронтом «не только задержать, но и уничтожить противника... использовав для этого пехоту, танковые части, находящиеся севернее железной дороги».⁴⁵

Как мы видим, особой тревоги за оборону у советского командования еще не было. Составленный накануне прогноз боевых действий подтверждался, теперь весь вопрос заключался в нанесении контрудара. Как же складывались обстоятельства с его организацией? Продвижение противника вглубь нашей обороны на узком участке к исходу 8 мая создало условия для удобного контрудара во фланг противнику с севера со стороны 51-й армии. Это обстоятельство внесло существенную поправку в замысел командования фронта по организации контрудара. Из сохранившихся записей переговоров генерала-лейтенанта Козлова Д. Т. с командующим 51-й армии генералом-лейтенантом Львовым В. Н. можно сделать вывод, что 8 мая к 21.00 командование фронта пришло к решению нанести главный удар силами 51-й армии. Причем силы и средства, которые передавались первоначально приказом 44-й армии, новым приказом о контрударе передавались 51-й. 44-я армия, как видно из переговоров, тоже должна была нанести контрудар, но роль ее уже была вспомогательная.⁴⁶

Фронтное командование в сложившейся обстановке явно преувеличивало боеспособность 44-й армии, которая в значительной степени была уже утеряна в первой половине 8 мая. В условиях неустойчивой связи это переподчинение не оправдало себя, оно внесло дезорганизацию в управление войсками, привело к катастрофическим последствиям. Отдав этот важнейший по значению приказ, командование фронта не позаботилось должным образом, чтобы он вовремя дошел до исполнителей. Не смогло оно в этой сложной

⁴² Там же, оп. 760, д. 3, лл. 426–427; Deutsche Zeitung im Ostland, 26.05.1942.

⁴³ Манштейн Э. Указ. соч., с. 234.

⁴⁴ ЦАМО РФ, ф. 399, оп. 9385, д. 16. лл. 2, 3, 23.

⁴⁵ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 25, л. 452.

⁴⁶ Там же, ф. 215, оп. 1185, д. 25, л. 74; ф. 224, оп. 790, д. 7, л. 78.

обстановке и проконтролировать его исполнение.

Содержание приказа об изменении в организации контрудара в штабе 44-й армии стало известно только 9 мая к 4.00.⁴⁷ Между тем переданные части, имея приказ о подчинении 44-й армии, прибывали в ее полосу действий. Все это приводило к сумятице и неразберихе. Приказ о переподчинении 51-й армии они получили позже. Из-за этих причин части 51-й армии для удара к утру сосредоточены не были. Рассвет многих из них застал на марше, чем воспользовался сразу же противник, бросив на колонны авиацию, от которой наши войска понесли значительные потери. Эта переориентировка главного удара силами не 44-й, а 51-й армии явилась как бы «моментом истины» всей Керченской оборонительной операции. Об этом мне говорили при встречах в 70-х гг. бывший командующий 47-й армии Колганов К. С. в Москве и бывший начальник штаба этой же армии генерал-майор Хряшев А. А. в Солнечногорске на курсах «Выстрел». Они утверждали, что эти два казались бы дополняющие, но на деле противоречивых приказа, только дезорганизовали обстановку. С этим положением был согласен в своем письме ко мне и бывший начальник оперативного управления Крымского фронта генерал-майор Разуваев В. Н., проживавший в Москве.

Утром 9 мая противник нанес удар по нашим войскам, которые вынуждены были вступить в бой до полного сосредоточения, при этом их действия нельзя было назвать согласованными друг с другом. Ограниченность территории при маневрировании сковала наши войска, способствовала перемешиванию частей и соединений. Это приводило к еще большей дезорганизации. Утром 9 мая произошел кризис всей Керченской оборонительной операции, после чего обстановка с каждым часом осложнялась и ухудшалась, что в конце концов привело к трагическим событиям. И все это в значительной мере произошло из-за неумелого, порочного руководства войсками со стороны командования фронта. Позже, подводя итоги всей операции, извлекая из нее опыт, Ставка в известной директиве решительно потребовала: «Задача заключается в том, чтобы наш командный состав решительно покончил с порочными методами бюрократическо-бумажного руководства и управления войсками, не ограничивался отдачей приказов, а бывал почаще в войсках, армиях, дивизиях и помогал своим подчиненным в деле выполнения приказов командования».⁴⁸

9 мая, в первой половине дня, противник стал вводить в прорыв основные силы 22-й танковой дивизии. К исходу дня он отбросил войска 44-й армии. Главная полоса обороны была прорвана. Одновременно, захватив совхоз Арма-Эли, враг часть сил повернул на север, стараясь прорваться к берегу Азовского моря. Но этому воспрепятствовали войска 51-й армии.

В центре Акмонайского перешейка в районе курганов Кош-Оба и Сурюк-Оба развернулся ожесточенный бой. Противнику дорогой ценой доставался каждый метр завоеванной территории. Благодаря мужеству частей 51-й армии гитлеровцы не смогли прорваться к морю и окружить наши войска, но угроза этому, естественно, продолжала оставаться. Днем 9 мая начальник штаба Вечный П. П. обратился в Военный совет и лично к Мехлису с предложением об отводе 47-й армии, а также армейских и войсковых тылов из образовавшегося мешка.⁴⁹ Однако командующий фронтом, Военный совет, а также представитель Ставки все еще надеялись силами 51-й и 47-й армий ликвидировать вражеский прорыв. В свою очередь, находившийся в Краснодаре Главком Северо-Кавказского направления С. М. Буденный, не располагая точными данными о фактическом положении, вечером 9 мая снова потребовал от командования Крымского

⁴⁷ Там же, ф. 399, оп. 9385, д. 16, л. 2.

⁴⁸ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: 1984, сс. 171–172.

⁴⁹ ЦАМО РФ. ф. 215, оп. 1185, д. 59, л. 268.

фронта организации контрудара силами 51-й и 44-й армий.⁵⁰ Так что предложение Вечного П. П. об отводе 47-й армии принято не было, хотя оно было тоже уже запоздалым. Исключение было сделано только артиллерийским частям резерва Верховного Главнокомандования, которые было решено «в ночь с 9 на 10 мая отвести за линию акмонайских позиций в район границы армии».⁵¹

Рано утром 10 мая было получено указание Ставки о немедленном отводе войск 47-й армии на рубеж Турецкого вала и организации там устойчивой обороны. Однако к этому времени командование фронта из-за плохой связи все больше и больше теряло управление частями и соединениями, а также реальное представление о происходящих событиях из-за плохо работающей разведки и информации. Вместо быстрого принятия решений оно проводило бесконечные совещания и заседания. Приказ Ставки о немедленном отходе частей 47-й армии стал выполняться только вечером 10 мая. При этом начало движения колонн совпало с усилившимся дождем, который начался еще 9 мая. Загруженность дороги и размягчение грунта вследствие дождя резко замедлили движение колонн. Боевая техника выходила из строя, ее приходилось бросать.⁵² Управление штаба 47-й армии выступило 11 мая в 3.00. Скоро из-за сильной грязи машины не смогли двигаться. Многие работники штаба вынуждены были бросить машины и двигаться пешком. 11 мая во второй половине дня погода несколько улучшилась. Этим воспользовалась фашистская авиация, которая начала бомбить и обстреливать из пулеметов отходящие колонны. Из-за бездорожья и бомбежек части двигались уже вне дорог и рассредоточены. Все это приводило к нарушению установленного порядка движения, к подлинному распылению не только частей, но и мелких подразделений. В итоге, это привело к тягчайшим последствиям — движущая масса войск окончательно потеряла управление. Медленно, с постоянными остановками, шло движение. Командующий 47-й армии генерал-майор Колганов К. С. с группой работников своего штаба только к утру 12 мая прибыл в район Турецкого вала.⁵³

А как же действовал противник в эти дни? После прорыва главной полосы обороны на участке 44-й армии в ночь с 9 на 10 мая фашисты воспользовались относительно еще сухими дорогами и полным отсутствием в тылу наших войск и передовым механизированным отрядом быстро прорвались вперед к Турецкому валу и захватили на нем две господствующие высоты с отметками 108,3 и 109,3.⁵⁴ Это продвижение было настолько быстрым, что первое время советскому командованию казалось, что в этом районе высажен вражеский десант парашютистов. Правда, позже, когда фашисты вели в этом районе бои, им на самом деле подбрасывали на парашютах личный состав и боеприпасы. Вслед за передовым отрядом к Турецкому валу стали продвигаться пехотные, кавалерийские части, артиллерия. Из-за распутицы фашисты продвигались на восток не очень быстро, но постепенно они захватили значительную полосу полуострова вдоль Черного моря. Большой потерей для нас явился захват ими аэродромов в районе сел Марфовка, Кенегез (ныне Красногорка), Хаджи-Бие (позже Сторожево).

Но главные силы врага на Акмонайском перешейке все же упорно рвались на север к Азовскому морю. 9–10 мая командование фронта активно использовало танковые части. 229-й отдельный танковый батальон, вооруженный танками КВ, на южных склонах кургана

⁵⁰ Там же, д. 38, л. 3.

⁵¹ Там же, д. 11, л. 89.

⁵² Там же, д. 45, л. 683.

⁵³ Там же, лл. 541–542.

⁵⁴ Там же, ф. 224, оп. 774, д. 12, л. 151; оп. 790, д. 7, лл. 15–16.

Кара-Оба только за 9 мая уничтожил 28 танков противника. Особый героизм проявил командир танкового подразделения старший лейтенант Жирнов Н. И. В ожесточенном бою он лично с экипажем уничтожил 5 танков, три батареи противотанковых орудий, до 90 автоматчиков противника.⁵⁵

Во второй половине дня 10 мая северо-восточнее железнодорожной 33 станции Семисотка около селения Огуз-Тобе (позже Красноармейское) развернулись особенно ожесточенные бои. Противника здесь контратаковали части 77-й горно-стрелковой дивизии (командир полковник Волков М. В.) и 55-й танковой бригады. Огуз-Тобе несколько раз переходило из рук в руки. Враг здесь оставил горы трупов и искореженной техники. Бои в районе Огуз-Тобе сыграли важную роль. Удержание этого района в течение 10 и 11-го мая до 11.00 дало возможность командованию частей 47-й и 51-й армий вывести основные силы из полуокружения по дорогам вдоль Азовского моря.⁵⁶ Успех 77-й горно-стрелковой дивизии и 55-й танковой бригады был еще более значительным, если бы у 77-й дивизии было достаточно артиллерии и, главное, была бы поддержка находившихся в этом районе других частей. Так, например, командир 40-й танковой бригады, не имея связи со штабом 51-й армии, организовавшей этот контрудар, не проявил инициативы и не атаковал противника во фланг и в тыл, что ему следовало бы сделать в этой обстановке.⁵⁷ Положение советских войск в этом районе усугубилось еще и сильной бомбардировкой противника во второй половине 10 и особенно 11 мая. От налета фашистских самолетов на командный пункт 51-й армии, расположенный на горе Кончи, 11 мая в 11.30 был убит командующий генерал-лейтенант Львов В. Н. Его место занял начальник штаба армии полковник Котов Г. И.

Некоторые части подразделения все же удалось окружить в районе Акмонайского перешейка.⁵⁸ Но количество окруженных никак не могло равняться восьми дивизиям, как это хвастливо утверждал в своих мемуарах Э. Манштейн и повторяла вслед за ним западно-германская газета «Deutsche Soldatenzeitung», 1962.⁵⁹ Характерно, что даже в 1942 г. немецкий журнал «Deutsche Wehr» не преувеличивал так этот успех. В нем гитлеровские корреспонденты неопределенно сообщали о каких-то советских окруженных частях в этом районе, которым частично удалось прорваться на восток.⁶⁰

Как уже отмечалось, командование Крымского фронта недооценивало вклинение противника на участке 44-й армии 8 мая, и поэтому только после неудачного контрудара утром 9 мая оно приказало 156-й дивизии, двум запасным полкам и двум отдельным полкам химической защиты занять позиции Турецкого вала.⁶¹ При этом 156-я дивизия должна была прикрывать основное направление наступающего противника от села Наташино до озера Узунларское (близ побережья Черного моря). Эта дивизия была полностью укомплектована личным составом, но испытывала недостаток в транспорте, средствах связи. Из-за дождя и распутицы только к утру 10 мая первые подразделения дивизии стали прибывать в район

⁵⁵ Там же. оп. 790, д. 7, лл. 7, 17.

⁵⁶ Там же, ф. 215. оп. 1185, д. 45, лл. 686–687.

⁵⁷ Там же, ф. 224, оп. 790, д. 7. л. 88.

⁵⁸ Великая Отечественная война. Краткий научно-популярный очерк. М.: Воениздат, 1973, с. 121.

⁵⁹ Манштейн Э. Указ. соч., с. 235. Deutsche Soldatenzeitung, № 19, 1962.

⁶⁰ Deutsche Wehr от 12.06.1942.

⁶¹ ЦАМО РФ. ф. 215, оп. 1185, д. 59, лл. 260–267.

Турецкого вала. Но противник, как уже говорилось, опередил их и захватил господствующие высоты 108,3 и 109,3. Таким образом, вместо спокойного занятия боевых позиций нашим уставшим от перехода войскам пришлось штурмовать укрепившегося на высотах противника. 11 и 12 мая 530-й стрелковый полк дивизии вместе с прибывшими курсами младших лейтенантов под руководством полковника Баримова Е. А. вели ожесточенные бои за высоты. Однако захватить и прочно укрепиться на них не удалось. Причина этих неудачных атак заключалась в слабой поддержке пехоты артиллерией.⁶²

Как известно, организация обороны в этом районе была возложена первоначально на командование 47-й армии. 13 мая, как это видно из документов, решение этой задачи было передано командованию 44-й армии,⁶³ части которой под напором противника выходили на южную и центральную часть Турецкого вала. Фактически же обороной здесь руководило командование фронта.⁶⁴ Естественно, что такое положение с руководством вело к безответственности и не могло благотворно влиять на оборону позиций Турецкого вала.

Особенно большое опасение у командования фронта при организации обороны Турецкого вала вызывало левое крыло — участок между шоссе Семь Колодезей — Керчь до озера Узунларское. Это было естественно, ибо противник, начиная с 8 мая, наступал в основном в южной половине Керченского полуострова. Здесь же было и кратчайшее расстояние до Керчи. На этот участок оборонительного рубежа требовал обратить внимание и Буденный С. М. В связи с этим командование фронта стало усиливать южный участок. В этот район прибыли с передовой 25-й и 18-й гвардейские минометные полки, части 72-й кавалерийской дивизии и остатки других соединений 44-й армии, сюда прибывало и маршевое пополнение.⁶⁵ Узкий проход (песчаную косу) между морем и соленым озером Узунларским по приказу командования оборонял подполковник Ермаков С. А. с остатками своего 291-го горно-стрелкового полка.⁶⁶

11–13 мая в северной части Керченского полуострова от пос. Семь Колодезей до Турецкого вала продолжалось интенсивное движение отходящих частей 47-й и 51-й армий. Войска подвергались нападениям с воздуха. Правда, из-за больших потерь своих самолетов, враг изменил тактику. Он стал широко применять расчлененный строй, действовать мелкими группами, бомбить с большой высоты и даже на виражах, от чего бомбы сильно рассеивались. Естественно, что при такой тактике точность бомбежки была невысокой, но она оказывала моральное воздействие на отступающие войска.⁶⁷ Из-за плохих дорог, особенно при переправах через ручьи и низины, войскам приходилось оставлять много боевой техники, машин и других материальных средств. Все, что можно вывести из строя, уничтожалось. Горели армейские и фронтовые склады с продовольствием, обмундированием, фуражом...

В боях на рубеже Турецкого вала, что южнее высот 108,3 и 109,3, с 11 мая участвовали и курсанты Ярославской военной авиационной школы стрелков-бомбардиров, прибывшие на Крымский фронт в начале мая. Это были хорошо подготовленные специалисты-воины. Их два года готовили для полетов на бомбардировщиках, но в 1942 г. они оказались как бы

⁶² Там же, ф. 406, оп. 9837, д. 34, лл. 45–47.

⁶³ Там же, ф. 215, оп. 1185, д. 45, лл. 45, 651.

⁶⁴ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 3, л. 433; оп. 774, д. 12, лл. 155–157.

⁶⁵ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 1, лл. 2, 51, 52; ф. 406, оп. 9837, д. 20, лл. 63–64.

⁶⁶ Там же, ф. 224, оп. 783, д. 49.

⁶⁷ Там же, ф. 406, оп. 9837, д. 34, лл. 26, 27; ф. 380 ОЗАД, оп. 11595, д. 3, лл. 3, 5.

лишними: материальной части (т. е. бомбардировщиков) не хватало даже опытным летчикам. Такая же судьба постигла и курсантов Армавирской и Краснодарской авиашколы. Все они прибыли на Керченский полуостров в качестве рядовых для стрелковых частей. Бывший курсант Казанцев А. А., работавший после войны в Ленинградском аэропорту, тогда записал в своем дневнике: «11 мая вели бой с фашистами у села Марфовка». 12 мая цепями ходим в атаку, вражеские самолеты ходят чуть ли не по нашим головам. Особенно достается коням казаков 72-й кавалерийской дивизии, которые содержатся в загородах. Казаки воюют с нами в пешем строю.

Групповым огнем сбили Me-109, от злости избили немца-летчика, а затем отправили его в тыл. 13 мая слева от нас противник проявил активность, его подразделения в тумане просачиваются к нам в тыл..." В конце 70-х годов мне удалось встретиться в Краснодаре с другим бывшим курсантом — ярославцем, ставшим полковником, Климовым В. С. Он рассказывал: "В 1940 г. я учился в Ленинградском сварочном техникуме, меня и некоторых других моих товарищей призвали в армию и направили в г. Ярославль в авиационную школу. Там мы прошли хорошую военную подготовку и мечтали летать, но из-за нехватки самолетов нас послали в г. Прохладное, а затем в Керчь. Вот здесь-то мы и получили первое боевое крещение. Помню, как нас подняли по тревоге, построили в колонну, быстро выдали оружие, боеприпасы и двинули в поход. На Турецком валу западнее Керчи мы встретили врага. Наше подразделение было атаковано тремя цепями фашистов. Стрелки мы были хорошие, положив гитлеровцев в 100–150 м от нашего рубежа, и расстреливали на выбор. Но вот подошли фашистские танки и стали методически вести огонь по нашим окопам. Мы начали нести потери. Мой товарищ курсант Алексей Попов подносил патроны, осколком снаряда ему срезало плечевой сустав. Из открытой раны его хлестала кровь, был виден кусок плечевой кости, но Алеша, несмотря на это, подавал нам здоровой рукой патроны. Только по приказу он ушел в тыл на медицинский пункт. Понимая, что в бою каждый боец дорог, он отказался от сопровождающего. Курсант Саулич вел огонь из ручного пулемета. Пуля пробила ему грудь навывлет. Сплюнув сгусток крови, он спокойно сказал: "Ранило" — и продолжал стрелять. Помню, что был ранен в ногу Саша Громов, говорили, что был убит автоматной очередью Володя Дроздов, который до войны жил в Ленинграде на Обводном канале недалеко от Фрунзенского универмага. У нас не было действенных средств борьбы с танками, поэтому пришлось отходить. Отступали цепью в тумане, задерживаясь на отдельных рубежах. Мужественно действовали в бою и другие наши курсанты: мой товарищ по сварочному техникуму Борис Нутрихин, бывший механик кинотеатра "Селькор" Виктор Болдырев, который проживал где-то около Исаакиевского собора, наш комсорг Анисимов, Виктор Паничев, Саша Якушев, наш гитарист Максаков, Каштымов и другие. Мало кому из наших ребят удалось благополучно выбраться с Керченского полуострова".

Упомянутый В. С. Климовым Попов остался жив. Я встретился с Алексеем Ивановичем Поповым в Ленинграде. Несмотря на тяжелое ранение в плечо, после войны он продолжал трудиться в 1-м троллейбусном парке и, как мастер-ремонтник, пользовался большим авторитетом. Он мне рассказал: "После ранения мне удалось добраться до медицинского пункта, там меня перевязали и отправили в Керчь. Там мы, раненые, в ожидании эвакуации лежали на моле, а примерно в 500 м от нас на горе Митридат шел ожесточенный бой. Один из вражеских снарядов разорвался в гуще раненых. Было много жертв, а я получил еще и контузию. Наконец подошел катер: я не мог двигаться, а моряки не могли терять ни одной минуты. Они не стали меня нести, а просто бросили с мола на катер. Благодаря им и врачам, которые руку мне сохранили, вот видите, работаю". В числе курсантов — ярославцев только ленинградцев было около 120 человек, осталось в живых не более 20.

12 мая в район Турецкого вала противник подтягивал танки, пехоту, артиллерию. В ночь на 13 мая в этом районе у наших войск обозначился некоторый успех: 156-я стрелковая дивизия и фронтовые курсы младших лейтенантов захватили господствующую высоту с отметками 108,3 и 109,3 м, отброшен был противники из района севернее озера Узунларское.

Утром 13 мая фашисты продолжали атаки, они явно искали слабые места в нашей обороне. Но все атаки успешно отбивались. Взятый утром 13 мая в плен гитлеровец показал, что атакующие части в этом районе обескровлены, они имеют потери до 50 %.⁶⁸ Но слабое место в обороне все-таки нашлось. Оно оказалось в центре Турецкого вала, где проходило шоссе на Керчь. В этом месте фашисты пошли на хитрость. По дороге отступала на автомашинах наша колонна. Гитлеровцы пристроились в конец ее и не трогали идущие наши машины. Маскироваться противнику помогла еще пыль, которая снова появилась после сильных дождей. Вот так фашистам без боя удалось выехать прямо на позиции Турецкого вала и за ним занять село Султановку (ныне Горностаевка). Этот участок обороняла 143-я стрелковая бригада, из-за внезапного появления фашистов она не сумела оказать существенного сопротивления. Подошедшие сюда 36 немецких танков стали "утюжить" наши окопы.⁶⁹ Захват Султановки и продвижение противника на юг вдоль Турецкого вала означал прорыв нашей обороны и на этом запасном рубеже. Еще одна попытка спасти Крымский фронт не увенчалась успехом. Перед противником открывался путь на Керчь.

Глава 3. "Керчь не сдавать..."

После прорыва противником обороны на Турецком валу перед советским командованием со всей очевидностью встал вопрос о необходимости эвакуации войск с Керченского полуострова. Прорыв противником обороны Крымского фронта был неожиданным, поэтому заранее никаких мероприятий по эвакуации войск проведено не было. Эту задачу пришлось решать спешно и в исключительно тяжелой обстановке. Из оперативных документов видно, что решение на эвакуацию войск фронта было принято С. М. Буденным, который прибыл на самолете в Керчь вместе со своим заместителем по военно-морским делам адмиралом Исаковым И. С. Вечером 13 мая он приказал командующему Черноморским флотом вице-адмиралу Октябрьскому Ф. С. все свободные суда направлять в распоряжение начальника Керченской военно-морской базы (Далее: КВМБ) контр-адмиралу Фролову А. С., который назначался ответственным за переправу через Керченский пролив.⁷⁰

Одновременно Буденный послал телеграмму Сталину И. В., в которой сообщал о прорыве нашей обороны на рубеже Турецкого вала. В этой телеграмме Главком сообщал: "...Новый нажим противника опять привел в значительное расстройство еще не организованные части. Фактически положение частей не знает никто... Положение усугубилось тем, что сегодня противник опять очень активен в воздухе, непрерывно атакует отходящие войска, артиллерийские позиции, пристани и переправы через пролив группами из 7–20 самолетов. У нас осталось два аэродрома Багерovo и Керчь и на 20.00 только 22 исправных истребителя, из которых только два являются скоростными. Остальные самолеты неисправны или погибли... Принимаю все меры для организации наиболее боеспособных войск к упорной обороне для выматывания, ослабления противника и выигрыша времени для организации остальных частей и управления войсками, наведения порядка в тылу. Подготавливается следующий рубеж от озера Чурбашское до озера Чокракское".⁷¹ Эти озера были фактически лиманами Черного и Азовского морей, никакого оборонительного

⁶⁸ Там же. ф. 406, оп. 9837, д. 34. л. 49.

⁶⁹ Там же. ф. 215, оп. 1185. д. 45, л. 663.

⁷⁰ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1185, д. 38, лл. 11, 12; Архив исторического отделения Военно-Морского флота (Москва, далее: Архив ИО ВМФ), ф. 10, д. 18505, л. 74.

⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 1, лл. 12–13.

рубежа, естественно, в этой обстановке здесь создать не удалось.

Черноморский флот располагал ограниченными средствами для переправы больших масс войск. Командующий флотом Октябрьский Ф. С, имея только отрывочные, далеко не полные сведения о драматических событиях на Керченском полуострове, прекрасно понимал пагубность потери Керчи, приступил к выполнению указания Буденного С. М., но одновременно обратился к Сталину. В своей телеграмме он писал: "...Главком приказал приступить к эвакуации Красной Армии из Керчи. Невозможно поверить, что есть такое решение. Такого решения быть не может. Прошу категорически запретить эвакуацию. Мы должны драться и во что бы то ни стало отстоять кусок территории вокруг Керчи и Керчь. Эвакуировать нечем. Средства исключительно скудные. Во время эвакуации все или почти все противник уничтожит... Общая эвакуация Керченского полуострова смерти подобна. Прошу немедленно вмешаться".

В это же время Октябрьский Ф. С. обратился и к контр-адмиралу Фролову А. С: "Поспешная эвакуация подобна катастрофе. Примите меры организации обороны города сплошным полукольцом, хотя бы левый фланг района Камыш-Бурун, озеро Чурбашское, Андреевка, Багерово, Большой Бабчик (позже Памятная), озеро Чокракское, мыс Зюк. Все останавливай, организуй, держи командные высоты. Если удастся остановить, организовать оборону хотя бы на неделю — победите. Противник выдыхается, главное не дать смять, взять сходу. По моим данным противник сильно избит, основные дивизии его уничтожены. Собирай своих надежных, храбрых людей".⁷²

Это был скорее не приказ, а пожелание. И относилось оно больше не к Фролову А. С, а к командованию фронта, ибо начальник КВМБ не располагал ни силами, ни средствами для решения такой задачи. К тому же командование ему уже поставило задачу по организации переправы массы войск фронта через Керченский пролив.

В связи с тем, что раньше ничего не говорилось о действиях Черноморского флота, у читателя может возникнуть мнение о его безучастности к Керченской оборонительной операции. Но это не совсем так. Несмотря на занятость Черноморского флота обеспечением морских коммуникаций в Севастополе, он принимал участие в боях 9–14 мая. Его действия заключались в артиллерийском обстреле наступающего противника. Из-за активных действий вражеской авиации обстрел производился глубокой ночью, стрельба велась по площадям и результаты ее остались неизвестными. Больше всего принимал участие в таких операциях лидер "Ташкент", за шесть стрельб он выпустил 441 снаряд 130-мм калибра.⁷³ Аналогичные стрельбы проводились и позже. Как мы увидим, в боях за Керчь активное участие принимали канонерские лодки флота.

После прорыва обороны на Турецком валу части 156-й стрелковой дивизии, неся большие потери, под напором наступающего противника стали отступать на Айман-Кую (позднее Репьевка) и далее на восток к озеру Чурбашскому. Во второй половине дня 13 мая в бой были брошены последние еще уцелевшие танки (в том числе и семь танков иностранных марок — ХТ-133), которые вошли в состав 126-го отдельного танкового батальона. Им командовал капитан Плечистов и батальонный комиссар Грищенко. Батальон, разделенный на две части, оборонял селение Сараймин (позднее Сокольское) и Айман-Кую. От налетов фашистской авиации он нес большие потери. Только за один день 13 мая он потерял 13 танков. Но, несмотря на это, батальон мужественно сопротивлялся. Во время боя в 3–2 км восточнее Айман-Куя он уничтожил 8 танков, 3 противотанковых орудия и много пехоты и конницы врага. В боях особенно отличился начальник штаба капитан Пручковский, командир роты старший лейтенант Снегур, командир взвода Абубакиров, старший техник

⁷² Архив ИО ВМФ, ф. 10, д. 18505, лл. 80–82.

⁷³ Центральный Военно-Морской архив (г. Гатчина, далее: ЦВМА), ф. 1087, д. 669, л. 302.

батальона лейтенант Иржевский.⁷⁴

14 мая после того, как рассеялся туман, наступление фашистов продолжалось. В полдень разведчики зафиксировали движение двух колонн противника (танки и мотопехота) по дороге Султановка-Керчь. Общее количество колонны доходило до 140 машин. Около 14.00 группа танков и автоматчиков ворвалась в район обороны 417-го полка 156-й стрелковой дивизии, который окапывался юго-западнее села Чубаши (позже Огородное). В этот момент была потеряна связь штаба дивизии со штабом фронта. В районе Александровка героически погибли начальник штаба дивизии полковник Архипов В. Ф., комиссар штаба батальонный комиссар Кричевский, пропал без вести и командир дивизии полковник Алиев А. М.⁷⁵

Во второй половине дня танковая группа и автоматчики противника вырвались к горе Митридат, которая возвышалась над Керчью. Одновременно они захватили Солдатскую Слободу (ныне район Керчи), Бочарный завод и вышли к берегу Керченского пролива, отрезав наши части в районе Камыш-Буруна (ныне Ашинцево), но подразделения 156-й стрелковой дивизии и 72-й кавалерийской дивизии вместе с 276-м стрелковым полком НКВД, перешли в атаку и выбили фашистов из Солдатской Слободы и с вершины горы Митридат.⁷⁶ Южнее горы Митридат на мысу Ак-Бурну, в старой военно-морской крепости, была расположена КВМБ. Эта база с крепостью для фашистов играла роль большого зуба. Еще на подступах к ней фашисты попадали под огонь крупнокалиберных снарядов своих же орудий, которые были брошены ими здесь в конце декабря 1941 г. во время панического отступления. Командование крепости использовало три трофейных орудия, пока оставались в наличии боеприпасы к ним. Кроме того, на территории крепости было много хороших подземных укрытий, складов боеприпасов и другого военного имущества. В противоположность сухопутному командованию моряки сохранили общее управление своими частями, держали их в кулаке. Руководство в крепости взял на себя военный комиссар КВМБ полковой комиссар Мартынов В. А. Он установил отношения с командирами отошедших сюда подразделений. Особенно хорошие были отношения с казаками 72-й кавалерийской дивизии. Последняя после боев на Турецком валу разделилась. Одной частью стал командовать ее командир генерал-майор, герой Гражданской войны Книга В. И., который довел ее до пос. Аджимушкай и там около каменоломен был контужен и отправлен на переправу. Другой частью этой дивизии стал командовать заместитель Книги полковник Миллеров Б. С., который и привел ее в район крепости Ак-Бурну. После войны в своих мемуарах Мартынов В. А. высоко оценил боевые качества Миллерова. Он о нем писал: "...Худоцавый, с отличной строевой выправкой, Миллеров не расставался со своей кавказской шашкой. Он не тратил время на лишние рассуждения и расспросы и того же требовал от подчиненных".⁷⁷ Группа фашистских танков и до батальона пехоты сходу пыталась прорваться в крепость, но ее защитники отбили эту попытку. Бои здесь продолжались и позже. В этих боях отличился заместитель политрука 17-й пулеметной роты КВМБ Белкин С. И. Мастерски владея снайперской винтовкой, он сколотил отделение меткого огня, которое эффективно истребляло гитлеровцев. В одну из атак, когда на нашу позицию устремилось два танка, Белкин с двумя бойцами, вооруженными пулеметом, заняли окоп впереди своего подразделения. Пропустив через себя танк, Белкин бросил в него противотанковую гранату. Танк был подбит, из него выскочил экипаж, который тут же

⁷⁴ ЦАМО РФ, ф. 126 отб, оп. 101842, д. 3, лл. 3, 4.

⁷⁵ Там же, ф. 406, оп. 9837, д. 34, л. 52.

⁷⁶ Там же, лл. 51–53; ЦВМА, ф. 1087, оп. 5, д. 1025, лл. 196–196; д. 1438, л. 196.

⁷⁷ Мартынов В., Спахов С. Пролив в огне. Киев: Изд. "Политическая литература Украины", 1984, с. 104.

срезали пулеметчики. Второй танк повернул обратно. На следующий день (15 мая) бои продолжались с еще большим ожесточением. Утром на нашем правом фланге создалась тяжелая обстановка. Не выдержав сильного артиллерийского огня, подразделения стали отходить. Положение спас начальник политического отдела КВМБ батальонный комиссар Монастырский Ф. В., который организовал контратаку и приостановил продвижение врага. Затем по его приказу сюда перебросили 3 броневика, которые укрепили оборону.

Телеграмма Октябрьского Ф. С. Сталину И. В. оказала определенное действие на Ставку, ибо вечером 14 мая начальник штаба Северо-Кавказского направления генерал-майор Захаров Г. Ф. из Краснодара отдал приказ от имени Ставки генералу-лейтенанту Козлову Д. Т.: "Начальник Генерального штаба приказал Вам в ночь на 15 мая выбить мелкие части противника из Керчи и превратить Керчь во второй Севастополь. Имейте в виду, что Ваши части в большом количестве находятся севернее шоссе, на участке Керчь — Семь Колодезей. Примите меры к их управлению. По приказанию начальника Генерального штаба представить к 15.00 15 мая план эвакуации".⁷⁸ Как видим, в этом приказании была бросающаяся в глаза недооценка сил противника и непоследовательность: превратить Керчь во второй Севастополь и одновременно позаботиться об эвакуации.

14 мая в полдень фашисты неожиданно ворвались в село Катерлез (ныне Войково, не путать его с поселком Войково, находящемся при одноименном заводе), расположенное севернее Керчи. Находящееся здесь командование 51-й армии на машинах спешно покинуло этот населенный пункт. Продвигаясь через Катерлез к берегу Азовского моря, враг пытался окружить наши войска, отходящие по полевым дорогам вдоль берега Азовского моря, о которых напоминал Захаров Г. Ф. Козлову Д. Т. К утру 15 мая фашистам это удалось сделать, ибо отходящие части 15 и даже 16 мая вынуждены были пробиваться здесь из окружения. Из кольца вышли не все. По данным советской воздушной разведки и по немецким данным, ожесточенное сопротивление советских войск в районе станции Салынь (ныне Чистополье) закончилось здесь не ранее 17 мая. Летчики наблюдали, что здесь шли бои с применением с обеих сторон тяжелой артиллерии.⁷⁹

Вечером 14 мая Козлов Д. Т. и Мехлис Л. З. подписали приказ, по которому общая оборона северо-восточнее Керчи возлагалась на командование 51-й армии, командный пункт которой назначался восточнее пос. Аджимушкая на горе Иванова. Отходящим частям приказывалось последовательно оборонять рубежи: первый — мыс Тархан, Катерлез, Керчь (порт); второй — западнее Юрагина Кута (ныне Юркино), Аджимушкой, пос. Колонка (ныне это часть пос. Войково). Второй рубеж предписывалось оборонять во что бы то ни стало. Командованию 44-й армии приказывалось оборонять Керчь, вести уличные бои. Командный пункт этой армии определялся на заводе имени Войкова, что восточнее города,⁸⁰ но этот приказ уже запоздал, ибо первый рубеж был уже занят противником.

Утром 15 мая штаб Крымского фронта получил уже прямой приказ Ставки: "Керчь не сдавать, а организовать оборону по типу Севастополя". Командование Крымского фронта издает очередную директиву, где, повторяя основные требования Ставки "Керчь же сдавать", требует от штабов армий, командиров соединений и частей "собирать и организовывать все боеспособное, формировать сводные роты, батальоны, полки". И все это направлять на фронт. Предписывалось эвакуировать только тяжелую артиллерию, гвардейские минометные части и раненых. Над этой директивой работал и Мехлис Л. З., ибо на ней видны его пометки

⁷⁸ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 1, л. 33.

⁷⁹ Там же, д. 33, лл. 55–56; ф. 742 отдельного разведывательного авиационного полка, оп. 101131, д. 3, л. 302; Deutsche Wehr от 12.06.1942.

⁸⁰ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1185, д. 66, л. 22.

и добавления.⁸¹ В связи с этой директивой из одиночек и мелких групп военных, добравшихся к самому узкому месту Керченского пролива, стали формироваться отряды, которые под руководством тут же назначенных командиров и политработников отправлялись на передовую. Здесь стали действовать и пограничники, выполняя роль заградительных отрядов.

15 мая бои носили особенно ожесточенный характер, в этот день продвижение противника замедлилось, советские войска не только оборонялись, но и переходили в контратаки. Интересно взглянуть на эти бои глазами противника, побывать среди наступающих фашистов. В какой-то степени это можно сделать, обратившись к статье военного корреспондента немецкой литературной газеты, которая была написана в таком военно-романтическом плане. Целый день 15 мая корреспондент пробыл в частях, ведущих бой в районе горы Митридат. Вот что он пишет: "На машине мы миновали последнюю цепь холмов перед Керчью и достигли фронта. Но никто толком не знал, где он проходит. Вчера вечером наступающие войска уже были в городе, но к ночи они снова отступили. На улицах города настоящая преисподняя. Каждый дом русскими превращен в крепость. Мы повернули на юго-восток, пересекли возвышенность и увидели дома и лежащие перед нами сады. Но тут вступили в бой минометы с городских холмов и взяли под свой огонь улицы. Мы повернули направо в поле, объехали сзади один танк, который стрелял по городу короткими огневыми сериями. Тут нас окликнули. Позади садовой каменной стены нам кричали. Подавали знаки. Какое счастье: здесь оказался немецкий пункт противовоздушной обороны... Что происходит в Керчи, никто не мог ответить. Только известно, что немцы были уже в городе, но снова оттуда вышли. Укрепленные высоты над городом еще заняты русскими, которые с высот и из пещер стреляют из всех видов оружия. Канонерские лодки держат под огнем все подступы. Непрерывно грохочут вокруг нас взрывы. Осколки и пулеметные очереди сбивают цветущие ветви деревьев. В то время, как мы смотрели на русских, появившихся над нами на горе, во двор нетвердой походкой вошел лейтенант Б. с перевязанной головой. Его загорелое лицо было бледно, губы почти обескровлены. Но он взял себя в руки и немногословно доложил: "Прямым попаданием снаряда во второе орудие унтер-офицер Н. и канонер М. убиты, ефрейтор Т. тяжело ранен"...⁸²

Судя по всему, фашистские журналисты проехали к горе Митридат с запада, куда даже на самую вершину идет неплохая дорога. С других сторон к вершине горы не подъедешь — слишком крутые, даже обрывистые склоны. Описанные дома — это скорее всего, строения Солдатской Слободки. Как видим, Керчь встретила завоевателей свинцом и сталью, чувствовали они себя здесь весьма неуютно.

Враг рвался в Керчь не только в районе горы Митридат, его пехота и танки двигались по Феодосийскому шоссе, со стороны железнодорожного вокзала. К вечеру бои в районе Митридат стали затихать, здесь боями руководило командование 44-й армии. Советские войска, оставив большую часть города, отошли на второй рубеж обороны — в район пос. Колонка и на завод им. Войкова. Какая же обстановка была 15 мая на участке 51-й армии? Еще вечером накануне все подразделения с первого рубежа отошли на второй, на линию Юрагина Кута, Аджимушкой. Первоначально оборону здесь держал 1-й запасной полк, подразделения 95-го пограничного полка, 65-го железнодорожного восстановительного батальона и других мелких групп. Использование этих частей, которые в обычной боевой обстановке на передовой не используются, объясняется просто: у командования Крымского фронта просто не было войск, которыми можно было бы управлять. Боевые соединения и части при отходе с Акмонайского перешейка были распылены и полностью потеряли управление.

⁸¹ Там же, ф. 399, оп. 9385, д. 16, л. 171.

⁸² "Das Reich" от. 31.05.1942.

Бывший командир батареи 45-мм пушек 276-го стрелкового полка НКВД старший лейтенант Поддубный М. Г. рассказал: "15 мая по приказу заместителя командира нашего полка майора Удовиченко М. П. мы были сосредоточены западнее пос. Аджимушкой недалеко от железной дороги. К обороне готовились серьезно. Рыли окопы полного профиля, оборудовали пулеметные площадки, тщательно маскировались. Еще накануне в районе станции Керчь нами был обнаружен вагон с бутылками с зажигательной смесью. Их раздали воинам. Из тыла снабженцы подвезли противотанковые ружья с немалым количеством боеприпасов. Через наши боевые порядки двигались одиночки и группы из отходящих войск.

Многие из них, увидев организованную оборону, присоединялись к нам. В короткий срок наше небольшое подразделение превратилось в хороший батальон. Противника мы ждали с запада, но он неожиданно появился с севера. Это была колонна танков с пехотой на броне и несколько машин с автоматчиками. Наши артиллеристы развернули пушки, но успели дать только два выстрела. Танки ворвались в наше расположение и стали утюжить окопы. Мой заместитель лейтенант Мигунов Н. двумя бутылками с горючей смесью поджег немецкий танк, но тут же упал, сраженный пулеметной очередью. Бой принял рукопашный характер. Бойцы умело действовали штыком и прикладом. Особенно помогли бутылки с зажигательной смесью. Ими били по каскам гитлеровцев, отчего те превращались в горящие факелы и отчаянно орали, наводя панику среди своих солдат. Подоспел резерв — рота автоматчиков нашего полка, которой командовал лейтенант Попов И. И. Противник дрогнул и начал отступать". Майора в отставке М. Г. Поддубного я нашел в г. Азове Ростовской области, 8 марта 1982 г. он скончался. Сведения об этом бое я нашел в Москве в архиве внутренних войск. В них говорилось о героизме старшего лейтенанта Поддубного М. Г. и уничтожении в этом бою 8-и танков противника.

Во второй половине дня противник с северо-запада предпринял новую атаку на пос. Аджимушкой, но снова был отбит с большими для него потерями.

К вечеру из района Аджимушкой по приказу своего командования ушла большая часть пограничников и воинов НКВД. Этот отход не был согласован с командованием Крымского фронта и поэтому вызвал возмущение Козлова Д. Т. Несмотря на это, оборона на рубеже Юрагин Кут, Аджимушкой, Колонка не ослабевала. Сюда прибывали сводные роты и группы. В боях 16–18 мая они уже играли здесь главную роль. Эти сводные отряды, как говорилось в одном из документов, состояли из лучших бойцов и командиров и политработников Крымского фронта.⁸³ Участник этих боев, работник политического управления Крымского фронта, старший политрук Кажаров Т. Д. (из Кабардино-Балкарской АССР) в своих воспоминаниях сообщает: "В связи с тем, что в этих отрядах и группах было очень много коммунистов и комсомольцев, эти формирования у нас назывались "коммунистическими". Характерно, что сведения об этих своеобразных формированиях нашли отражение и в немецких источниках. 19 мая в так называемых "застольных разговорах" у Гитлера шла речь о какой-то советской дивизии, сражавшейся в Керчи особенно упорно, до последнего солдата. Причем далее пояснялось, что речь идет о так называемой "мировоззренческой" дивизии.⁸⁴ Нам хорошо известно, что в Керчи в это время не было каких-то особых дивизий. Ожесточенное сопротивление этих отрядов и групп, высокий процент в них командиров и политработников, многие из которых были на положении рядовых бойцов, и, наконец, большое количество в этих формированиях коммунистов и комсомольцев заставили гитлеровское руководство сочинить легенду о какой-то особой "дивизии". При этом следует сказать, что "мировоззренческая" дивизия — перевод дословный, можно ее перевести и как "комиссарская" или даже как "коммунистическая".

⁸³ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 790, д. 7, л. 89.

⁸⁴ Picher H. Hitler Tischgespräche im Fuehrerhauptquartier 1941–1942. Stuttgart, Seewald, 1965, S. 355.

Общее руководство обороной в районе пос. Аджимушкой 14 мая было возложено командованием фронта на полковника Ягунова П. М., начальника боевой подготовки Крымского фронта. Одновременно, как это видно из документов, он считался и вторым заместителем начальника штаба фронта. В этот же день в Аджимушкойских каменоломнях (здесь находился некоторое время штаб фронта) стала формироваться группа, которая позже в приказах стала упоминаться как "отряд полковника Ягунова". Для отряда не хватало личного оружия. Первоначально оно изымалось из отделов управления штаба фронта. В дело шли даже иранские трофейные винтовки.⁸⁵ Но основой формирования отряда Ягунова были не штабные работники, а резерв командного и политического состава фронта, который насчитывал несколько сот человек. К резерву примыкали и курсанты авиашколы, которые не были еще использованы в боях на Турецком валу. По мере ухода командования и штаба фронта на переправы руководство над группой Ягунова перешло к командующему 51-й армии.

Выполняя приказ командующего фронтом, управление 44-армии, опираясь на сводные отряды и группы, которыми командовали полковник Куропатенко Д. С., подполковник Татарчевский П. М., Пашков И. М., Кияшко А. Т. и другие, в течение 16 и 17 мая обороняли пос. Колонка и завод Войкова, постоянно переходя в контратаки. Одна из таких контратак была предпринята в ночь на 16 мая. Рано утром командир группы, сформированной из остатков 384-го стрелкового полка 157-й стрелковой дивизии, подполковник Кишко А. Т. в своем донесении сообщал, что контратака его подразделения прошла успешно, противник со своих позиций сбит и понес большие потери. Захвачено два танка, но нет танкистов их использовать. Противника можно гнать, но для этого нет сил.⁸⁶

Живая сила подходила на передовую в виде отрядов и групп, но боевой техники у советского командования в этом районе почти не было. Последние танки к этому времени были уничтожены, единственную значительную силу на этом участке фронта представлял бронепоезд № 74 (командир — майор Кононенко П. Ф., военком — политрук Ткачев), который был построен рабочими завода имени Войкова. Постоянно подвергаясь артобстрелу и бомбардировке с воздуха, бронепоезд в течение 14–18 мая своей артиллерийской и пулеметной стрельбой активно поддерживал нашу пехоту в боях за гору Митридат, в районе керченского вокзала, Булганак, на подступах к заводу Войкова. За это время он сделал 21 огневой налет, в результате которых подбил и уничтожил до 15-и танков врага, 1 самолет, много автомашин и пехоты противника. Кроме командования бронепоезда, в этих боях отличились секретарь партбюро заместитель политрука Постульга М. Н., командир бронеплощадки № 1 лейтенант Мельников С. Н., командир зенитного орудия старший сержант Бретоусов В. И., пулеметчик сержант Овдиенко И. Т. и другие.⁸⁷

В распоряжении 44-й армии на утро 16 мая было еще 5 бронеавтомобилей от 72-й кавалерийской дивизии. Два из них были уничтожены в боях, а три остальных позже. Впрочем, при обороне завода им. Войкова казаки этой дивизии применили и некоторое свое "техническое новшество". Упомянутый уже мною курсант — ярославец Казанцев А. А. рассказывал: "После оставления позиций на Турецком валу мы с казаками дивизии отошли к заводу имени Войкова. Здесь мы нашли брошенный крупнокалиберный пулемет ДШК.⁸⁸

⁸⁵ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1165, д. 45, лл. 652–683; ф. 224, оп. 759, д. 1, лл. 2, 3; ф. 399, оп. 9385, д. 16, лл. 183, 184, 193.

⁸⁶ Там же, ф. 224, оп. 790, д. 7, лл. 64–66; ф. 399, оп. 9384, д. 16, лл. 177–182.

⁸⁷ Там же, ф. 224, оп. 790, д. 1, л. 70; д. 7, л. 22.

⁸⁸ Речь идет о пулемете Дегтярева-Шпагина калибром 12,7 мм. образца 1938 г. Его курсанты хорошо изучили в авиационной школе г. Ярославля.

Его мы установили в кузов автомашины, принадлежащей казакам. В кузове валялось несколько шашек, ими мы прорубили в деревянных бортах "бойницы". Вот так и ездили мы на своем "броневике", отбиваясь от фашистов. Помню, что нами командовали казаки по фамилиям Шиш и Горяга, они были сержантами. Позже мы свой "броневик" бросили, а с казаками растерялись в боях 18–19 мая на берегу Керченского пролива около поселка Капканы".

Фашистская печать 1942 г. подробно писала об ожесточенных боях в Керчи и восточнее ее. Говорилось, что русские умело используют для обороны жилые дома, промышленные постройки, подземные коммуникации и пещеры. Их сопротивление приходилось преодолевать с большим трудом и потерями. Озлобленные ожесточенным сопротивлением в поселке и на заводе им. Войкова гитлеровцы пошли на преступление, о котором говорилось даже на Нюрнбергском процессе в 1946 г. 17–18 мая под предлогом уничтожения партизан, гитлеровцы стали выгонять из подвалов и других убежищ всех находившихся там людей. Это были женщины, дети, мужчины, рабочие и служащие завода, старики, были здесь и военнослужащие, попавшие в окружение, некоторые из них переоделись в гражданскую одежду. Всех людей фашисты стали строить в колонны, женщин и детей отделяли и выгоняли из поселка в уже оккупированную Керчь, а всех мужчин, подростков и стариков группами гнали к обрывам заводского рудника и там расстреливали из пулеметов. Потом в течение нескольких дней гитлеровцы не допускали никого к местам расстрелов. Таких мест расстрелов потом было обнаружено 6. Всего в этих местах было уничтожено до 1600 человек. Жительница поселка Буряченко А. П. свидетельствовала: "В моей квартире немцы обнаружили девушку в военной форме, которая, оказав фашистам сопротивление, кричала: "Стреляйте, гады, я погибаю за советский народ, за Сталина, а вам, извергам, настанет собачья смерть". Девушка была расстреляна на месте".⁸⁹

В эти дни пос. Аджимушкой и особенно каменоломни стали местом, которое притягивало многих. Сюда приходили, а затем уходили военные. Здесь еще до немецкого наступления дислоцировались многие тыловые учреждения, склады, запасные части. Здесь была масса гражданского населения, которая отделялась от военных. Одним словом, здесь образовался настоящий город. Каменоломни были очень удобны, ибо они надежно укрывали всех от вражеских бомбежек, а потом и от артиллерийского обстрела. Поэт Сельвинский И. Л. в эти тяжелые дни побывал здесь и оставил интересные воспоминания и записи в своем дневнике. Когда я стал заниматься керченской тематикой и особенно обороной Аджимушкойских каменоломен, я сразу же захотел встретиться с Сельвинским И. Л., но он вскоре умер — 22.03.1968 г. Весной 1969 г. в Москве, а затем в Переделкино, я встретился с его женой — вдовой Бертой Яковлевной, которая меня и познакомила с его фронтовым керченским дневником. Сначала следует сказать, что редакция фронтовой газеты "Боевая Крымская" (сначала она называлась "Вперед, к победе") весной 1942 г. выпускалась на Керченском полуострове в с. Тейгуче (позже Дорошенко). После крушения Крымского фронта газета перестала выходить. В новой обстановке она превратилась в воинскую часть, которой командовал редактор Березин Д. С., а комиссаром в ней был назначен Сельвинский И. Л. Вот что далее он писал в своем дневнике: "9 мая. Приехали в катакомбы. Березин нашел каких-то администраторов.

Выбрали какую-то берлогу и вновь выехали на шоссе встречать наши машины. К 12 часам из одиннадцати вышедших машин шесть были тут же на месте. Ночевка в каменоломнях была унылая. Измарались мы в извести и саже жутко. Все же было занято: в некоторых пещерах электричество, телефон, кино. Стоят в них курсантские школы и даже кавалерийская часть".

Этот текст надо прокомментировать. Упоминаемые катакомбы или каменоломни были

⁸⁹ Крым в период Великой Отечественной войны 1941–1945. Сборник документов и материалов. Симферополь: Издательство "Таврия", 1973. с. 292; Нюрнбергский процесс над главными немецкими военными преступниками. Сборник материалов. Т. 3. М.: Изд. "Юридическая литература", 1958, с. 42.

Малые Аджимушкайские, местные жители их еще называют Еврейскими. Курсанты — это выпускники без звания авиационных школ, а упоминаемые кавалеристы, скорее всего, прибывшие в начале мая казаки 40-й кавалерийской дивизии. Это соединение боевой единицей назвать было нельзя. Этим казаков вывели из осажденного Севастополя с седлами, но без коней, которые там были оставлены. Для лошадей просто не было места на морских судах, идущих из Севастополя. До сих пор в Малых Аджимушкайских каменоломнях находят остатки седел и другую амуницию кавалеристов. На моих глазах во время поисковых работ в этом районе каменоломен были вытащены из завала три прекрасно сохранившиеся подставки-треноги для пулеметной стрельбы по зенитным целям. Такие пулеметы легко перевозились на лошадях, ими отбивались от немецких самолетов.

Но возвратимся к дневнику Сельвинского И. Л. "10 мая. Встретили наконец-то в другой пещере начальство: Емельянова. Он приказал немедленно выпускать газету. Но часть машин была подбита, бумага осталась в Тейгуче. Тогда он приказал вылететь группе в Краснодар и выпускать там".

Бригадный комиссар С. С. Емельянов действительно был "начальством", ибо являлся начальником политического управления Крымского фронта. Под "другой пещерой" Сельвинский явно подразумевал соседние каменоломни — Центральные Аджимушкайские, где и располагалось некоторое время полит, управление.

"11 мая. Сутки пробыли в Багероно.

12 мая. Прилетели в Краснодар. Перелетели на У-2. Пролегал над проливом, взглянул на переправу у Еникале: там уже царил хаос — самолеты обстреливали берег и воду, а люди плавали кто на баржах, кто самостоятельно — саженками". Пройдет полтора года, и Сельвинский И. Л. снова попадет на клочок земли, который был освобожден восточнее Керчи. Посетит он и Аджимушкайские каменоломни, но об этом я расскажу дальше более подробно.

Командование Крымского фронта в силу сложившихся обстоятельств не смогло выполнить директиву Ставки "Керчь не сдавать", но ожесточенные бои 15–17 мая на рубеже Аджимушкай, Колонка задержали и отвлекли фашистов и тем самым дали возможность советским войскам переправиться через Керченский пролив.

Глава 4. Переправа

Переправа через Керченский пролив отходящих войск Крымского фронта была одна из драматичных страниц истории Великой Отечественной войны. Почти всю зиму и весну на Керченский полуостров шли войска, техника, боеприпасы, горючее и другие материальные ценности. Для этого использовались корабли военно-морского флота и суда других ведомств. И вот теперь многое из того, что переводилось, надо было в короткий срок, под огнем противника, перебросить на кубанский берег. Задача казалась невыполнимой, но ее все равно надо было как-то решать.

После соответствующего распоряжения вице-адмирала Октябрьского Ф. С. в Керченский пролив стали прибывать суда с портов Туапсе, Новороссийск и с Азовского моря. Здесь было значительное количество небольших и даже мелких рыбацких суденышек, способных принять на борт не более 15–20 человек. Всего было привлечено для эвакуации 158 плавательных единиц. Далеко не все они были технически в удовлетворительном состоянии, подошли они, естественно, не все сразу. Эвакуация техники должна была осуществляться с порта Керчь, с пристаней КВМБ, завода имени Войкова, Капканы, Еникале, Жуковка.⁹⁰ Причем погрузка тяжелой техники могла нормально осуществляться в силу наличия погрузочных средств только в порту Керчь и на пристанях КВМБ. Однако

⁹⁰ ЦВМА, ф. 1087, оп. 6, д. 43; Архив И О ВМФ. Отчет о боевых действиях КВМБ за период отхода с Керченского полуострова, лл. 17, 23.

этими средствами в полную силу из-за быстрого выхода противника в эти районы воспользоваться не удалось. Таким образом, основная эвакуация войск могла проходить в самой восточной части Керченского полуострова с пристаней Капканы, Еникале, Жуковка. Здесь и развернулись самые драматические события этой переправы. Непосредственной ее организацией занимались командиры КВМБ: капитан 1 ранга Белоусов С. Ф., капитан 3 ранга Студеничников А. Ф. и др. Ночью 15 мая из Аджимушкайских каменоломен в Еникале прибыло командование Крымского фронта, которое разместилось в одной из башен старой крепости. Командование фронтом вместе с КВМБ в течение всей эвакуации занималось организацией переправы и наведением порядка среди войск, скопившихся у пристаней. С причалов завода Войкова эвакуацией занималась группа командиров КВМБ во главе с контр-адмиралом Фроловым А. С. Официально эвакуация войск фронта началась 14 мая. Первое время, согласно приказу командования, переправляли только раненых, секретную материальную часть (гвардейские реактивные минометы), тяжелую артиллерию резерва Верховного Главнокомандования.⁹¹ Во второй половине дня 15 мая противник резко усилил действия своей бомбардировочной авиации по переправе, позже он стал применять и артиллерию.

Командующий 47-й армии со своим полевым управлением еще раньше переправился на Таманский полуостров с целью организации там обороны. А что делал в этой обстановке Мехлис Л. З.? По свидетельству очевидцев и документов, он находился в боевых порядках войск, но в обстановке хаоса от его суетливых действий мало было толка. После войны адмирал Исаков И. С. рассказывал Симонову К. М.: "Я видел Мехлиса, когда нам было приказано эвакуировать то, что еще можно было эвакуировать с Керченского полуострова. Он делал вид, что ищет смерти. У него был не то разбит, не то легко ранен лоб, но перевязки не было, там была кровавая царапина с кровоподтеком, он был небрит несколько дней. Руки и ноги в грязи, он, видимо, помогал шоферу вытаскивать машину и после этого не считал нужным привести себя в порядок. Вид был отчаянный. Машина у него тоже была какая-то имевшая совершенно отчаянный вид, и ездил он вдвоем с шофером, без всякой охраны. Несмотря на трагичность положения, было что-то показное — человек показывает, что он ищет смерти". Когда я читал в архиве документы, то у меня сложилось мнение, что Мехлис на самом деле смерти в этой обстановке искал. 14 мая вечером он переправился через Керченский пролив (там была связь со Ставкой) и дал Сталину такую телеграмму: "Бои идут на окраинах Керчи, с севера город обходится противником. Напрягаем последние усилия, чтобы задержать противника. Части стихийно отходят. Эвакуация техники и людей будет незначительной. Мы опозорили страну и должны быть прокляты". Как видим, здесь Мехлис не изменил своему правилу говорить "хозяину" только правду. Впрочем, методы вседозволенности он сохранил и в этой обстановке. Как и обычно, он попытался свалить вину и ответственность за происходящее на других. Таким "объектом" оказался командир КВМБ Фролов А. С. Мехлис набросился на него с бранью и, вытащив пистолет, хотел его расстрелять. Только вмешательство наркома ВМФ Кузнецова Н. Г спасло Фролова от смерти. Поостыв, после этого Мехлис возвратился на керченский берег в район крепости Еникале и там вместе с командирами 51-й армии проводил эвакуацию личного состава и организовывал многочисленные контратаки против наседающего противника. Характерно, что Мехлиса через Керченский пролив сопровождал туда и обратно капитан 3 ранга Студеничников А. Ф. Он мне рассказывал: "Для этого я использовал быстроходный катер, обратно по пути в Еникале после сеанса связи с Москвой Мехлис был хмурым и удрученным, казалось, что он был готов к самому худшему".

В районе крепости Ак-Бурну, отрезанной фашистами от основных сил Крымского фронта, кроме частей КВМБ, оказалась в результате отхода масса остатков частей и подразделений. Эти люди были неуправляемы, они заняли каменоломни в районе Ак-Бурну

⁹¹ ЦАМО РФ, ф. 402, оп. 9623, д. 12, л. 18; ф. 19 ГМП, оп. 222358, д. 2, л. 6; ф. 25, оп. 149070, д. 2, л. 21.

и ждали своей эвакуации на Большую Землю. Руководство КВМБ вместе с оставшимися здесь командирами Крымского фронта пыталось этих людей как-то использовать в боях при обороне крепости. Монастырский Ф. В., в своих мемуарах "Земля омытая кровью" (М., 1962) и лично мне во время встречи в Керчи рассказывал: "Я лично ходил в каменоломни и уговаривал засевших там военнослужащих. Я хотел их использовать в боевых действиях на передовой, которая находилась рядом. Но все было напрасно, никто не хотел мне подчиняться. Запомнилась девушка в военной форме, она тоже уговаривала военных идти в бой, пыталась повлиять на их мужское самолюбие, стыдила, но и она ничего не добила. После перенесенных ужасов — бомбежки, артобстрела, панического отхода — страх просто сковал этих людей, и они не могли покинуть безопасное убежище".

Руководитель обороны КВМБ Мартынов В. А., имея указания командования фронта об эвакуации, к исходу 15 мая дал указание оставить крепость ночью 16 мая. В этой обстановке Мартынов считал, что предстоит эвакуация только людей КВМБ (700 человек), из 72-й кавалерийской дивизии (900 чел.) и около 100 военнослужащих из других частей, участвовавших в обороне крепости. Что же касается многих сотен военнослужащих в местных каменоломнях, то Мартынов сделал вид, что о них ничего не знает и эвакуация их его не касается. План отхода с передовой к местам погрузки на суда продуман не был, многие средние командиры просто не знали об эвакуации. Против такой спешной эвакуации возражал Монастырский Ф. А. Он предлагал усилить оборону на передовой и держаться. Это бы оттягивало часть сил фашистов и ослабляло бы их атаки на переправах у восточной части Керченского полуострова. По этому поводу он два раза говорил с Мартыновым, но "самолюбивый и упрямый руководитель потерял способность объективно разбираться".

16 мая около 3.00 по приказу Мартынова В. А. были взорваны склады с боеприпасами КВМБ и Крымского фронта.⁹² Тысячи снарядов, мин, авиабомб несколькими сильными взрывами взлетели на воздух. Эти взрывы помнят пожилые керчане, запомнили их и наши враги. Упомянутый уже немецкий корреспондент, находившийся в это время где-то недалеко от Ак-Бурну, свидетельствует: "...Мы спали. Вдруг раздался страшный взрыв. Воздушная волна нас подняла вверх и снова бросила на землю. Весь дом дрожал и рассыпался. Снаряды, патроны и мины взрывались без перерыва. Все гудело, как чудовищный водопад. Наша дивизия была приведена в повышенную готовность. Мы уже не могли спать и смотрели ужасное зрелище страшного пожара. Когда взошло солнце, мы с удивлением увидели, что наши руки, лица, одежда, белые дома, машины и даже деревья и цветы в садах стали черными от сгоревшего пороха и взрывчатки".⁹³ Боясь быть пораженными разлетающимися снарядами, фашисты попятнулись от своего переднего края. Пожар огненной стеной отгородил эвакуирующихся от противника, даже при желании он не мог их преследовать.

Руководство КВМБ не предупредило всех людей о предстоящем взрыве, поэтому многие из них оказались в опасной зоне и погибли. Между тем, Мартынов В. А., не дожидаясь полной погрузки людей на пристани, отправился на одном из судов на Таманский полуостров. Взрыв складов послужил сигналом к эвакуации. К пристаням двинулись массы людей, которые до этого отсиживались в укрытиях и каменоломнях. Освещенные бушующим пожаром, группы и одиночки, постепенно превратившись в массу, стали заполнять пристани. Становилось ясно, что на всех мест на судах не хватит. В этой обстановке начальник штаба обороны крепости капитан Барабанов И. С. вместе с группой командиров и политработников принял единственно правильное решение: остановить эвакуацию и снова занять оборонительные позиции. Утром 16 мая в крепость возвратился батальонный комиссар Калинин Д. С., назначенный военным комиссаром крепости. Вместе с

⁹² ЦВМА, ф. 1087, оп. 5, д. 1025, лл. 193–201; ф. 2092, оп. 1, д. 119, лл. 343–355.

⁹³ Das Reih от 31.05.1942.

капитаном Барабановым И. С они руководили обороной еще 4 дня⁹⁴. О Калининe уже тогда ходили легенды. Это был храбрый воин-политработник, ему давали крайне опасные и ответственные задания. Позже Калинин Д. С. совершал с разведывательными и диверсионными группами рейды в тыл врага. 1 мая 1943 г. в районе Анапы во время рейда он попал в окружение и подорвал себя противотанковой гранатой вместе с подбежавшими солдатами противника. В 1944 г. ему было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.⁹⁵ Среди ветеранов ходила легенда, что командир вражеской части в знак признательности героизма Калинина приказал его похоронить с воинскими почестями. На данном примере он учил своих подчиненных, как надо выполнять свой воинский долг. Задержку с присвоением Калининe Д. С. звания "Героя" ветераны объясняли как раз этим необычным фактом.

В связи с приказом Ставки о создании в Керчи обороны по типу Севастополя у командования Крымского фронта появилось определенное намерение использовать крепость. Для усиления гарнизона в районе Ак-Бурну планировалось перебросить с Таманского полуострова курсы младших лейтенантов⁹⁶. Но в связи с общим ухудшением обстановки это мероприятие было отменено. Вечером 19 мая командование приказало эвакуировать оставшийся в крепости личный состав.

Второй эшелон эвакуации из крепости проходил более организованно. Командование учло недостатки эвакуации в ночь на 16 мая и особенно положительный опыт частей при оставлении Одессы в октябре 1941 г. После получения приказа об эвакуации было проведено совещание руководящего состава крепости. Было решено личному составу ничего не сообщать об эвакуации, а ориентировать на продолжительную оборону. Чтобы иметь достаточное количество людей для посадки на суда, было предложено командирам подразделений выделить 1/3 личного состава, якобы, для создания маневренной группы по отражению атак противника. Таким образом, когда подошли суда, командование крепости смогло сразу же организовать посадку 500 человек. Командир крепости Барабанов и комиссар Калинин, оставаясь на передовой, лично снимали людей с обороны и направляли на погрузку. Командование позаботилось о том, чтобы заранее подготовить причалы, сходни, расставить краснофлотцев для охраны порядка на причалах. Погрузка и отход проходили быстро, к 4.00 на пристани уже никого не оставалось.⁹⁷ Характерно, что после эвакуации второго эшелона фашисты еще несколько часов были в неведении. Только днем 19 мая после авиационной и артиллерийской подготовки с одновременной высадкой с моря шлюпочного десанта противник занял опустевшие крепостные сооружения и район причалов.⁹⁸

Около недели оборонялась крепость Ак-Бурну. Своим сопротивлением она отвлекала силы фашистов, не давала возможность бросить войска на оставшийся в наших руках плацдарм северо-восточнее Керчи. Крепость Ак-Бурну, если бы удалось создать вокруг Керчи оборону по типу Севастополя, могла бы стать сильным узлом сопротивления. Эвакуация морем из крепости второго эшелона может служить положительным примером отвода группы войск с морского побережья при непосредственном соприкосновении с противником. За плохую организацию эвакуации первого эшелона КВМБ на полкового

⁹⁴ ЦВМА. ф. 2092, оп. 1, д. 119. л. 351. Архив ИО ВМФ, ф: 142, д.9151.лл. 92–94.

⁹⁵ Герои Советского Союза. Краткий биографический словарь. Т. 1, М.: Воениздат, 1987, с. 612.

⁹⁶ Архив ИО ВМФ, ф. 10, д. 9718, л. 172.

⁹⁷ ЦВМА. ф. 2092, оп. 1, д. 119, лл. 351–352.

⁹⁸ Revaler Zeitung 21.05.1942.

комиссара Мартынова В. А. было заведено дело. Руководящие работники базы давали по этому поводу правдивые и подробные показания. Позже, после войны, они мне говорили, что от суровой меры наказания Мартынова спас адмирал Фролов А. С.

Между тем эвакуация войск с Керченского полуострова продолжалась. Как уже говорилось, из личного состава в первую очередь переправлялись раненые. Этим непосредственно занималось санитарное управление фронта, которое возглавлял военврач 1 ранга Устинов Н. П. Этот врач-организатор в период переправы появлялся в самых опасных местах и своим самообладанием вносил спокойствие и организованность. Его отчет в Главное военно-санитарное управление Красной Армии — один из интереснейших документов, который говорит о выдающихся героических подвигах медицинских работников Крымского фронта. "Вообще нужно сказать, — писал Устинов В. П. в отчете, — что, начиная с 12 мая, никто из персонала в работающих госпиталях не укрывался в щелях. Бомбы потеряли свое значение, так как все равно нужно было пройти переправу любой ценой... Хирургическая помощь оказывалась раненым в условиях, вероятно, невиданных ни на каком фронте. Весь оставшийся в наших руках район Керчи был под огнем бомб и снарядов, мин и пожаров. Все открыто, непрерывное, не умолкающее даже на несколько минут действие вражеской авиации и постоянно новые прибывающие партии раненых. Отмечены прямые попадания бомб в причалы, в войска, в эвакуированных раненых. Санитарная служба, обслуживающие и работающие госпиталя честно, стойко и героически держались до приказа санитарного управления об отходе, только тогда эти госпитали стали переправляться... 14 мая для спасения медицинских кадров госпиталей я приказал переправлять в первую очередь врачей-хирургов и женщин-врачей под видом сопровождающих раненых на сейнерах и баржах. Благодаря этому удалось значительную часть медперсонала спасти. Часть имущества (незначительную) тоже спасли: надевали на раненых по несколько пар белья, укутывали их простынями, одеялами, хирургический инструментарий по моему приказу брался персоналом в карманы. Высокое сознание долга я должен отметить почти у всех медработников. Несмотря на потери личного состава, которые уточняются, я должен доложить, что значительная часть медработников Крымского фронта сохранена. Эти кадры представляют огромную ценность, так как они прошли школу военно-полевой хирургии в невиданных на других фронтах условиях. В этих тяжелых условиях нам удалось вывести всех раненых — 42 324 человек, из них 4 919 тяжелораненых". Читавший этот документ старший начальник понимал, что в такой сложной обстановке всех раненых эвакуировать было просто невозможно. Поэтому он подчеркнул слово "всех" и на полях документа поставил знак "?".⁹⁹ Это было сомнение в правдивости. Действительно, войска, ведущие бои в арьергарде, получали раненых в каждую минуту боя и эвакуировать их с передовой сразу же было в тех условиях невозможно. После занятия берега пролива гитлеровцы обычно не брали раненых в плен, а просто добивали их прикладами или выстрелами. Об этом есть много свидетельств со стороны военных и местных жителей, которые позже занимались подборкой и захоронением трупов¹⁰⁰.

Экипажи судов на переправе работали в тяжелейших условиях, показывая мужество и самоотверженность. В распоряжении организаторов переправы через пролив было несколько барж и понтонов, на них грузили тяжелые орудия калибра 152 и 122 мм и гвардейские минометы ("Катюши"), которые были оборудованы на автомашинах и танках. Последние считались секретными, их оставлять врагу было нельзя. Несколько позже командование стало эвакуировать и здоровых людей. Для наведения порядка на пристанях использовались

⁹⁹ Военно-Медицинский музей Министерства обороны Российской Федерации (далее: ВММ МО РФ), ф. 1, оп. 4066, д. 61, лл. 171–173.

¹⁰⁰ Керчь военная (Сборник статей). Керчь: издание Керченского государственного историко-культурного заповедника, 2004, с. 319.

командиры и политработники всех степеней, подразделения и группы пограничников. Людей на самой восточной оконечности Керченского полуострова на берегу пролива было так много, что судов не хватало. Из-за этого многие люди пытались переплыть пролив на подручных средствах. Вот как описал эту переправу писатель Смирнов С. С. со слов многих участников тех событий: "На берегу кипела лихорадочная работа. Шло в ход все, что могло держаться на воде. Из досок, из бочек сколачивались плоты, надували автомобильные камеры, плыли, держась за какое-нибудь бревно, мастерили себе немудреные надувные поплавки, набивая плащ-палатки соломой. Люди пускались вплавь, идя почти на верную смерть, на любой риск, лишь бы покинуть этот страшный берег смерти и попытаться добраться до своих. Но в Керченском проливе довольно сильное течение. Отдельных пловцов сносило течением в сторону так, что они уже не могли переплывать пролив в его самом узком месте". Хорошо, если плывущих прибывало к косе Тузла, с которой уже легко было перебраться на Таманский берег. Но часто течение увлекало людей в Черное море, где была их гибель, некоторых прибывало обратно к Керченскому полуострову. Несколько десятков таких пловцов даже прибило к мысу Ак-Бурну, где они были подобраны моряками КВМБ и на кораблях переправлены на Таманский берег. Далее Смирнов С. С. пишет: "Это были сотни и тысячи пловцов. Это были толпы плывущих, а над их головами низко, на бреющем полете, все время носились самолеты с черными крестами на крыльях и расстреливали людей из пулеметов. Вопли и стоны день и ночь стояли над проливом и над берегом, и, как рассказывают очевидцы, синие волны Керченского пролива в эти дни стали красными от людской крови".¹⁰¹

Пристани на восточном берегу пролива не были приспособлены к выгрузке тяжелой техники, в результате чего они быстро вышли из строя. Командование фронта решило переправлять только людей и легкое оружие. Бывший командир канонерской лодки "Дон" Перекрест Т. П. в своих воспоминаниях пишет: "...С каким трудом приходилось убеждать армейцев, чтобы не тащили с собой на суда машины, орудия, минометы. Они упорно не хотели все это оставлять врагу, сердились, ругались, грозились. Им объясняли, что сейчас важнее взять вместо орудия десятков бойцов, ибо кто знает, сколько еще продержится все более сужающийся фронт. Перевозить только людей! Во имя этого и стояли насмерть безвестные герои, прикрывающие керченскую переправу с суши".¹⁰²

Активное участие в переправе принимал и личный состав военизированного рыболовецкого флота Керчи и Азовского побережья. Судно "18 лет Октября" под командой капитана Зарвы П. А. за четверо суток совершило 60 рейсов и вывезло на Таманский берег свыше 14 тыс. бойцов и командиров. 19 мая корабль затонул, но экипаж перешел на другое судно и продолжал работать. Судно "Пелагида" (капитан Бондаренко П. Т.) спасло баржу с 1,5 тыс. раненных. Комиссар 22-го рыболовецкого дивизиона Михайлов В. Н. был назначен комиссаром одной из переправ. Когда огонь противника стал невыносим и казалось, что суда не могут работать в таких условиях, Михайлов показал пример. Он сам повел бот № 17 через пролив. В условиях сильного обстрела, бот перевез более 1 700 бойцов. За героизм и мужество рыбаки Зарва П. А., Лукьяненко И. Г., Стрельбановский П. М., Луканенко В. Г. были награждены орденом Красная Звезда. Бондаренко П. Т., Ткачук Т. Х. — орденом Красного Знамени, Ковалевский И. И. — медалью "За боевые заслуги".¹⁰³

Поток грузов шел не только с Керченского полуострова. Сражающиеся северо-восточнее Керчи войска испытывали острый недостаток в продовольствии и

¹⁰¹ Смирнов С. С. Страницы народного подвига. М.: Изд. "Советский писатель", 1967, сс. 639–640.

¹⁰² Перекрест Т. П. Не ради славы. М.: Воениздат, 1970, с. 114.

¹⁰³ Крым в Великой Отечественной войне Советского Союза 1941–1945. Симферополь: Крымиздат, 1963, сс. 116–117.

боеприпасах. В связи с этим в период эвакуации обратными рейсами суда перевозили снаряды и патроны (доставлено более 180 тонн) и продовольствие (до 80 тонн).¹⁰⁴

Следует сказать, что моряки военизированного рыболовецкого флота (как его тогда шутя еще называли "тюлькин флот") не были военными и на них не распространялись суровые законы во время боевых действий. Этим пользовались неустойчивые элементы из числа таких команд. Не желая совершать опасные рейсы к Крымскому берегу, они симулировали поломки судов, придумывали и другие причины невозможности совершать рейсы. В связи с этим обстоятельством командование КВМБ стало назначать на эти суда военных комиссаров из резерва своего состава и политработников. Эта мера повысила надежность выполнения каждым военизированным судном возложенных на него задач.

А между тем противник рвался к переправам, он стремился сокрушить нашу оборону на втором рубеже: Юрагин Кут, Аджимушкой, Колонка. Утром 16 мая 40 фашистских танков с автоматчиками прорвались севернее пос. Аджимушкой и устремились к переправам. В глубине обороны их встретили артиллеристы 638-го зенитного полка, орудия которого были поставлены на прямую наводку. В результате ожесточенного боя было уничтожено 12 танков противника и до роты автоматчиков. Расстреляв все боеприпасы и уничтожив оставшиеся орудия, артиллеристы с боем стали отходить.

Около 16.00 фашистские танки и пехота появились у переправ, где скопились эвакуирующиеся войска. Противник подошел так близко, что до пристаней долетали его автоматные очереди. И здесь фашистские танки были встречены метким огнем зенитчиков и крупнокалиберных зенитных пулеметов, которые прикрывали переправу с воздуха и одновременно были подготовлены к стрельбе прямой наводкой по наземным целям. Находившийся в районе села Жуковка дивизион 19-го гвардейского минометного полка, имея небольшое количество боеприпасов, был брошен против атакующих фашистов. Его повел в бой лично командир полка майор Зайцев и его заместитель майор Ерохин. Во время залпа реактивными снарядами прямой наводкой в установку, где был майор Зайцев, попал фашистский снаряд. Командир полка и механик-водитель (реактивная установка была смонтирована на танке) были убиты. Но гвардейцы-артиллеристы выполнили задачу. Одновременно, по примеру командиров и политработников, находившиеся на берегу люди под звуки Интернационала, который заиграл сводный оркестр, с лозунгами "За Родину! Вперед!" бросились в контратаку. Этот порыв был настолько сильным, что, как говорят архивные документы, многие воины бросились в атаку стихийно, общим неудержимым потоком. Удар для фашистов был ошеломляющим. Уничтожая, их гнали несколько километров до рубежа Аджимушкой, мыс Хрони.¹⁰⁵ Таким образом, к исходу 16 мая положение наших войск, державших оборону на подступах к переправам, несколько стабилизировалось. Все оставшиеся реактивные установки из-за невозможности их эвакуировать были взорваны.

Этот прорыв фашистов встревожил командование фронта, поэтому 16 и 17 мая Козлов Д. Т. трижды указывал командующему 44-й армии на необходимость связаться с отрядом Ягунова, подчинить его себе и эффективно использовать для прочного стыка с 51-й армией¹⁰⁶. Но, как показали последующие события, эти указания выполнить не смогли.

16 и 17 мая с пристаней Жуковка, Еникале, Опасное была перевезена на таманский берег 41 тысяча человек.¹⁰⁷ Но судов по-прежнему не хватало, переправа продолжалась на

¹⁰⁴ ЦВМА, ф. 1031, оп. 2, д. 17, л. 388.

¹⁰⁵ ЦАМО РФ, ф. 15 бр. ПВО, оп. 441727, д. I, л. 39; ф. 19 ГМП, оп. 222358, д. 2, л. 6.

¹⁰⁶ Там же, ф. 399, оп. 9385, д. 16, лл. 183, 184, 193.

¹⁰⁷ ЦВМА, ф. 1081, оп. 2, д. 17, л. 388.

подручных средствах. Переpravляющие проявляли максимум выдумки и изобретательности. Так, например, личный состав 162-го отдельного пулеметного батальона 15-й бригады ПВО после ожесточенных боев у переправ на плотках и поплавках из автомобильных камер и на лодке сумел переправить через пролив 12 зенитных пулеметов.¹⁰⁸

Участник переправы Ботылев В. А. в своих воспоминаниях сообщает, что были случаи, когда водители приделывали к автомашинам в качестве поплавок пустые железные бочки и съезжали в пролив. Мотор машины работал, колеса крутились, и машина шла по воде подобно колесному пароходу. Кавалеристы пытались переправиться вплавь на своих лошадях.

Правда, таких случаев, отмечает Ботылев В. А., было немного¹⁰⁹. О переправе автомашин на поплавках через пролив я слышал от участников тех событий не раз. Но узнать факт удачной переправы автомашин в таком состоянии на противоположный берег мне не удалось.

17 мая группа фашистских танков с автоматчиками снова прорвалась в район Маяк и Жуковка. Целый день здесь шел неравный кровопролитный бой. Враг засыпал позиции обороняющихся снарядами и минами. Единственным эффективным средством, оставшимся в руках советского командования в этом районе, была зенитная артиллерия. Первое время зенитчики прикрывали переправу от вражеских самолетов, позже из-за недостатка боеприпасов и особенно из-за угрозы со стороны наземного противника стали стрелять только по атакующим танкам и пехоте. Около пос. Маяк и Маяк Еникальский оборону держали батареи 571-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Командир дивизиона старший лейтенант Ключков все оставшиеся зенитные орудия рассредоточил на танкоопасных направлениях, использовал счетверенные пулеметные установки, организовал группу под руководством начальника связи дивизиона старшего лейтенанта Киселева, которая собирала и доставляла к орудиям боеприпасы и оружие. Этой группе под развалинами пристани Еникале удалось собрать 160 выстрелов к 76-мм зенитным орудиям и 900 выстрелов к 37-мм зенитным автоматическим пушкам. Благодаря этому боезапасу дивизион успешно вел боевые действия 16 и 17 мая. За эти дни зенитчики дивизиона подбили и уничтожили 9 танков и 3 бронемшины врага. Стрельба была настолько интенсивной, что стволы орудий не выдерживали и выходили из строя. Личный состав дивизиона (кроме орудийных расчетов) действовал и в качестве пехоты. В составе сводных отрядов, где главным образом были пограничники и воины 276-го стрелкового полка НКВД, они неоднократно ходили в контратаки¹¹⁰. В этом документе не говорится, но боеприпасы около пристани Еникале были привезены явно с таманского берега уже во время переправы, о чем говорилось раньше. Значит, эта забота снабженцев не пропала даром.

Но все же к исходу 17 мая враг захватил побережье в районе Жуковка, Маяк. Архивные документы свидетельствуют: отдельные группы обороняющихся, используя складки местности, развалины домов, продолжали оказывать яростное сопротивление врагу. Вот выписка из рапорта военного комиссара 1-го дивизиона 638-го зенитного полка старшего политрука Хомко П. А.: "17 мая к 13.00 мы из-за сильного артобстрела и больших потерь вынуждены были оставить гору Хронева и отойти на Маяк. Во время отхода я увидел у пос. Маяк 11-ю батарею и бойцов второй батареи Смирнова, Артамонова, Соловьева, Манойло, Гормана, командира 1-й батареи старшего лейтенанта Дружинина, старшину Иванова, старшего политрука Маякова и младшего политрука Пикуса. Все они ремонтировали пушку

¹⁰⁸ ЦАМО РФ ф. 15 бр. ПВО, оп. 441727, д. 1, л. 39.

¹⁰⁹ Институт истории при Академии наук РФ, рукописный фонд, оп. 131, д. 1 "а", лл. 1, 2. В мае 1942 г. Ботылев В. А. был начальником разведывательно-строевого отдела штаба КВМБ.

¹¹⁰ ЦАМО РФ, ф. 571 ОЗАД, оп. 596926, д. 1, лл. 3,4.

и хотели ее выкатить на открытую позицию. В связи с тем, что пехота и танки противника наседали, я приказал командиру 11-й батареи дать им исправную пушку. Выкатив эту пушку на огневую позицию, расчет под командой младшего лейтенанта Худякова уничтожил 3 танка и до роты пехоты. Расстреляв все боеприпасы, они вместе с пушкой вернулись на огневую позицию 11-й батареи. Отсюда Худяков и наводчик 2-й батареи Манойло выпустил по пехоте противника еще 30 снарядов. На батарее оставалось только 9 бронебойных снарядов. Примерно в 18.00 появились танки, и бойцы открыли огонь. Во время стрельбы по танкам был убит младший лейтенант Худяков и несколько человек из расчета ранены. Личный состав батареи отошел к морю. На оборонительной позиции остался только я, Дружинин, Маяков, Пикус и Иванов. Пехоты нашей около нас не было. Мы из-за небольшого каменного забора открыли огонь по щелям танков из винтовок... Заметив нас, танки открыли по забору огонь из пулеметов. Одна из пуль попала в бутылку с горючей смесью, которую держал младший политрук Пикус, огонь опалил ему лицо и голову, Пикус вышел из строя. У нас было еще 8 бутылок, мы решили подпустить ближе танки и поджечь их. У одного из танков приоткрылся люк, оттуда показался немецкий офицер с желтым флажком. Я тщательно прицелился и выстрелил, офицер мертвым повис на броне танка. Танки снова открыли огонь из орудий и пулеметов. Они обошли нас с флангов и заняли позицию у самого моря. Это было примерно в 19 часов. Мы пытались пробиться в Еникале, но танки стояли у обрыва и вместе с автоматчиками обстреливали все подступы к морю. Ночью мы вышли на берег, нашли там плот и через два часа были уже на косе Чушка".¹¹¹

К исходу 17 мая Военный совет Крымского фронта вместе с оперативной группой штаба с разрешения Ставки переправился через пролив. На Таманском полуострове в Кардоне Ильича был развернут командный пункт¹¹². В одном из немецких журналов того времени я видел аэроснимок восточной оконечности Керченского полуострова. По дорогам к пристаням (местам погрузки) здесь образовались многокилометровые очереди-хвосты. Они занимали не только дороги в несколько рядов, но и соседние поля, огороды, пустыри. С большой высоты эти "хвосты" напоминали севший черный пчелиный рой. Автомашин и другой техники здесь было так много, что после налетов вражеской авиации происходили сильные пожары, которые охватывали целые районы скопившейся техники. Понимая, что все это богатство попадет в руки врага, некоторые ответственные работники пытались уничтожить все ценное. Штабы, учреждения жгли в первую очередь все документы. Один из участников тех событий мне рассказывал, что в гуще машин застряли транспорты финансового отдела и банка Крымского фронта. С приближением врага к переправам финансисты стали жечь бумажные ассигнации, привлекая для этого других военнослужащих. Пробовали из денег разжигать костры, но деньги в толстых пачках не горели. Приходилось их распечатывать, на что уходило много времени.

17 мая противник стал теснить наши войска, и на участке Аджимушкай, Колонка пришлось взорвать бронепоезд № 74... Обороняющиеся сводные группы 44-й армии стали отходить в район Капканы, Еникале. В ночь на 18 мая эвакуация из района завода Войкова прекратилась ввиду того, что враг захватил высоты, господствующие над пристанью. Управление 44-й армии в количестве 19-и человек во главе с генералом-майором Черняк С. И. эвакуировалось на Тамань.¹¹³ Что же касается отряда полковника Ягунова П. М., обороняющего район поселка Аджимушкай, то он оказался в кольце вражеского окружения. Бывший командующий Крымским фронтом Козлов Д. Т. в мае 1967 г. мне писал: "Полковник Ягунов честно выполнил приказ, обороняя район Аджимушкай. Он не имел

¹¹¹ Там же, ф. 15 бр. ПВО, оп. 441727, д. 1, лл. 39, 57.

¹¹² Там же, ф. 224, оп. 760, д. 50, л. 62.

¹¹³ Там же, ф. 399, оп. 9385, д. 16, л. 6. Архив ИО ВМФ, ф. 10, д. 18505, л. 101.

приказа на отход, а на выход из окружения у него едва ли были силы, так как он не имел ни пушек, ни танков. Связь с Ягуновым была прервана и восстановить ее не удалось, несмотря на попытки арьергарда 51-й армии прорваться к окруженным"¹¹⁴.

С 18 мая эвакуацию трудно было проводить в светлое время, ибо переправочные средства подвергались не только артиллерийскому и минометному, но и оружейно-пулеметному огню противника. Днем 18 мая Козлов Д. Т. решительно потребовал от Фролова А. С. закончить переправу в ночь на 19 мая. С этой целью он приказал начальнику КВМБ немедленно выехать в Еникале и с наступлением темноты направить все наличные плавательные средства. Фролов А. С. стал возражать, ссылаясь на невозможность руководить переправой с пристаней Еникале. Этот спор в конце концов решил Мехлис, с которым через пролив поддерживалась радиосвязь: "Фролову организовать эвакуацию войск из любого места, обеспечивающего руководство переправой".¹¹⁵ Как видим, представитель Ставки на этот раз поддержал Фролова А. С.

18–19 мая в руках обороняющихся оставалась небольшая территория на берегу пролива около Еникале, Капканы. Из сохранившегося "Плана обеспечения переправы войск в Еникале", подписанного командованием 51-й армии, видно, что вся эта территория была разделена на секторы, за оборону которых отвечали полковники Волков В. В., Зубков М. К., Людвигов Н. И., подполковник Татарчевский П. М. В их распоряжении находились сводные отряды из остатков 77-й горнострелковой, 302-й, 404-й стрелковых дивизий, 95-го пограничного полка.¹¹⁶ О напряженности боев на этом плацдарме свидетельствует донесение заместителя начальника политического отдела 51-й армии полкового комиссара Жигунова в политуправление Северо-Кавказского фронта. Оно же ярко показывает и организацию партийно-политической работы, которая проводилась с воинами в этой тяжелой обстановке. В документе описывается один день 18 мая в секторе № 2, где бои вела группа 77-й горно-стрелковой дивизии. "Части дивизии прочно удерживают свои рубежи. Созданы заградительные отряды. Утром танковая атака противника. Подразделения левого фланга получили приказ перейти в контратаку. Лозунг, выброшенный батальонным комиссаром Плотицыным "За Родину! За Советскую власть!", повторялся бегущими в атаку, все кричали "ура". Зенитчики открыли стрельбу по танкам. Два танка подбиты, один сгорел, три повернули обратно. Дивизия заняла две высоты и значительно улучшила свои позиции. Организовано два отряда. В них созданы партийные организации, назначены секретари партбюро, комиссары, инструктора пропаганды из числа политработников, присланных политотделом армии. До бойцов доведен приказ тов. Мехлиса об обороне, сводка информбюро об успехах на харьковском направлении. Когда тов. Мехлис снова появился в дивизии, бойцы через политработников и агитаторов узнали немедленно об этом. Провели беседы и работу по сбору вооружения и боеприпасов. Рассказали об отражении дивизией танковой атаки. Разыскали брошенную зенитную пушку и два миномета, их немедленно использовали. Хорошо работала телефонная связь. Бойцы на передовой обеспечивались водой, а к вечеру большинство получило горячую пищу. Создали второй эшелон численностью до 400 человек, который развернулся скоро в полк. В боях героически погиб военком дивизии Карпов. По предложению полковника Волкова батальонный комиссар Плотицын принимает обязанности военкома. Противник весь день подвергает части дивизии минометному и артиллерийскому огню, а также обстреливает из танков. Следует особенно отметить лейтенанта Литнивецкого П. Г., командира батареи, отразившего танковую атаку и подавившего одно орудие противника. Лучшие бойцы расчета: сержант Палий,

¹¹⁴ Фотокопия этого письма мною передана в фонды Керченского музея.

¹¹⁵ Архив ИО ВМФ. Отчет о боевых действиях КВМБ, л. 33.

¹¹⁶ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1185, д. 15, лл. 56–59; ф. 399, оп. 9385, д. 16, лл. 200–201.

красноармейцы Никитин, Рябенко, Галимов, Валеев. Когда лейтенант Литнивецкий был ранен, его сменил сержант Палий, и оружие продолжало разить врага. Подразделение майора Лавриненко, назвавшее себя "50 отважных", взяло село Опасное, выбив оттуда фашистских автоматчиков. Они захватили и подожгли 3 мотоцикла. Комиссаром отряда был старший политрук Маслов. Комсомолец Шварчук И. И. был тяжело ранен в легкое, ногу и руку. С поля боя отходить отказался, он сказал: "Желаю быть свидетелем победоносного боя"¹¹⁷ 19 мая плацдарм в Еникале обороняло до 3 500 воинов, вооруженных стрелковым оружием и гранатами. Артиллерии у них уже не было. Правда, с противоположной стороны пролива обороняющихся поддерживала береговая артиллерия. В полдень по приказанию Мехлиса Л. З. к пристани Еникале были направлены два рейдовых тральщика, один железный катер и один понтон. Группой судов командовал все тот же капитан 3 ранга Студеничников А. Ф. При подходе к пристани железный катер и понтон погибли от минометного огня. Тральщики же благополучно подошли к пристани, которая удачно закрывалась от врага кирпичным зданием. Это обстоятельство дало возможность Мехлису Л. З., командованию 51-й армии и некоторым другим командирам и политработникам совершить посадку на суда. Перед отходом была поставлена дымовая завеса, для чего была подожжена резина.

Выйдя из дыма, тральщики подверглись минометному обстрелу, но, умело маневрируя, избежали прямых попаданий и благополучно добрались до противоположного берега пролива. Без сомнения, возвращение представителя Ставки Мехлиса Л. З. в Еникале являлось в той обстановке признаком его личного мужества, в котором большую роль играло чувство вины и ответственности за проваленную оборонительную операцию. Все, кто видел Мехлиса в Еникале, говорили, что он здесь искал смерти. Сталин тоже беспокоился за своего "любимца", но он не переживал за его возможную смерть (война есть война), он боялся, что представитель Ставки попадет в плен. В одной из своих телеграмм на Крымский фронт он предупреждал, что "так можно и в плен попасть". Если говорить объективно, то участие Мехлиса в обороне района Еникале 18 и 19 мая способствовало ожесточенному сопротивлению здесь остатков советских войск и эвакуации их из этого района.

Во второй половине дня с пристани Тамань Козлов Д. Т. снова стал настойчиво требовать немедленную посылку плавательных средств в Еникале с целью эвакуации последних защитников плацдарма. Его убеждали в крайней опасности этого предприятия, тогда Козлов Д. Т. заявил, что сам поедет туда на катере. В конце концов его удалось отговорить от этой, можно сказать, убийственной поездки. Командующий фронтом уехал в Сенную¹¹⁸. Я не случайно так подробно остановился на поведении Козлова на таманском берегу. Чувство вины за провал Керченской оборонительной операции, горечь за погибших людей всецело поглотили командующего в эти дни. Он был растерян, морально надломлен. Предстоял отчет перед Верховным Главнокомандующим Сталиным И. В.

Ночью 20 мая из района Еникале были эвакуированы последние защитники. Руководил отходом полковник Меньшиков. Фашисты не преследовали отходящих, но огонь из орудий и минометов вели.¹¹⁹ Правда, из-за темноты он был мало эффективным. Так закончилась эта тяжелейшая переправа наших войск.

Глава 5. После катастрофы

Над Керченским проливом наступила относительная тишина. Ярко светило солнце, после дождей буйно росла трава. А море вымывало на таманский берег трупы людей, их

¹¹⁷ Там же, ф. 224, оп. 783, д. 24, лл. 7–8.

¹¹⁸ Архив ИО ВМФ. Отчет о боевых действиях КВМБ. лл. 33–43.

¹¹⁹ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 44, л. 9.

собирали и предавали земле. Этим же занимались и на Керченском полуострове. В бинокли, стереотрубы было видно, как фашисты на места боев сгоняют местное население, пленных. С помощью брошенных во время переправы лошадей трупы стаскивались в большие груды, обливались бензином и сжигались, хоронили людей и в больших воронках от авиабомб и снарядов. Тяжелый смрад шел с керченского берега. Обе стороны подсчитывали потери, приводили в порядок подразделения, переформировывались. Войска требовали питания, оружия, боеприпасов и много чего. Все ближайшие станицы, хутора, просто отдельные постройки на Таманском полуострове были забиты эвакуированными из Керчи войсками. После тяжелых боев и переправы люди спали по много часов. Назначенные командованием военные патрули часто принимали спящих за убитых. Боевая жизнь продолжалась, все понимали, что приближаются новые бои.

21 мая Козлов Д. Т. из Краснодара дал телеграмму Сталину И. В. В ней он, в частности, сообщал: "Всего до утра 20 мая через пролив пристаней Чушка, Тамань, Ильича и Темрюк эвакуировано 138 926 человек, в том числе 30000 раненых. Подсчет общего количества эвакуированных ориентировочный, так как нет точных данных о числе прибывших через пристани Кордон Ильича и Темрюк, а также не полностью учтены одиночки и группы бойцов, переправившихся на подручных средствах. Эвакуированная материальная часть: орудий тяжелых — 7, реактивных установок — 29, зенитных орудий — 15. Подавляющая часть артиллерии и минометов приведена в негодность огнем артиллерии противника и, главным образом, непрерывной бомбежкой скученных колонн на переправах. У остальных орудий изъяты замки и производился подрыв, не исключена возможность оставления противнику отдельных орудий. Части Крымского фронта особенно тяжелые и напряженные бои вели в период 14–19 мая, прикрывая эвакуацию главных сил. Хорошо проявили себя, как руководители боев, командующий 51-й армии полковник Котов, командир 77-й горно-стрелковой дивизии генерал-майор Волков, командир 302-й стрелковой дивизии полковник Зубков, командир сводных частей 51-й армии полковник Меньшиков. Отлично дрались пограничники (95-й, 26-й пограничные полки, 26-й Краснознаменный пограничный полк) и 276-й полк НКВД, а также парашютно-десантный батальон фронта".¹²⁰

Числовые данные в телеграмме Козлова Д. Т. о количестве эвакуированного личного состава и техники весьма приблизительны. Позже учет продолжался. Согласно отчету военных сообщений штаба Черноморского флота, с 14 по 20 мая с Керченского полуострова было переправлено военнослужащих 119 395 человек (из них 42 324 были ранены), гражданских лиц — 1 371 человек, 122-мм и 152-мм орудий — 25 штук, гвардейских минометов — 47, минометов — 27, автомашин — 14, кухонь — 3, разного груза — 838 тонн.¹²¹ Число переправленных воинов Крымского фронта 119395 человек (округленно 120 тысяч) вошло во многие публикации о Великой Отечественной войне.¹²² Но это число нельзя считать истинным. Дело в том, что это число фиксирует количество переправленного личного состава и боевой техники только с 14 по 20 мая. Фактически же передислокация с Керченского полуострова на Таманский некоторых частей и учреждений фронта (главным образом тыловых) началась еще рано утром 8 мая. Из архивных документов 6-го отдельного мотопонтонного мостового батальона, занимавшегося здесь перевозкой войск, известно, что с 8 по 13 мая было переправлено через пролив значительное количество раненых из госпиталей Керчи, личный состав ряда тыловых частей фронта, служащие советских организаций Крыма, военкоматов, Наркомата внутренних дел и т. д. Только с пристаней

¹²⁰ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 44, лл. 6, 9.

¹²¹ ЦВМА, ф. 1087, оп. 5, д. 1438, л. 44; ВММ МО РФ, ф. 1, оп. 4066, д. 61, л. 173.

¹²² См. например. Великая Отечественная война Советского Союза 1941–1945. Краткая история. М.: Воениздат, 1970, с. 158.

Еникале за это время было переправлено 227 автомашин с оборудованием и ценным грузом авиационных частей фронта, 12 неисправных самолетов (истребителей), 8 зенитных орудий. На судне "Березань" 13 мая из порта Камыш-Бурун было вывезено 35 вагонов теплого обмундирования. Удалось вывести часть имущества эвакуогоспиталей №№ 4539, 4548, 4527. Медицинскому управлению фронта удалось вывести весь хирургический инструментарий, находившийся на фронтовом складе, и другое особо ценное медицинское имущество общим весом 10,5 тонн.¹²³

Кроме того, значительное количество личного состава, переправившегося самостоятельно на подручных средствах, не поддались учету. В общее количество переправившихся через пролив не вошел и личный состав, эвакуированный на самолетах.

Факт переправы большого количества личного состава, как это принято считать в советской исторической литературе, подтверждает и "Отчет о боевых действиях частей КВМБ", составленный в июле 1942 г. В этом отчете число переправившихся на Таманский полуостров дается "до 150 тысяч человек без учета переправившихся самостоятельно".¹²⁴ Следовательно, число эвакуированных воинов Крымского фронта — 120 тысяч — следует считать неполным. Было бы правильным сказать, что количество переправленных через Керченский пролив исчисляется до 150 тысяч человек.¹²⁵ Каково же число наших потерь в этой операции? В советской военно-исторической литературе за основное число потерь Крымского фронта принято считать данные донесения Северо-Кавказского фронта в Главное управление формирования и укомплектования войск Красной Армии (Главупраформ). Это 176 566 человек. Это число и вошло в историческую литературу.¹²⁶ В связи с тем, что многие части Крымского фронта не смогли представить после эвакуации из Керчи списочные данные о людских потерях, командование Северо-Кавказского фронта по указанию Главупраформа подсчет потерь произвело следующим образом:

- взяты были данные о численном составе по состоянию на 1 мая 1942 г.;
- прибавлено к ним прибывшее пополнение за май;
- вычтено то, что переправлено из Керчи и находилось на Тамани;

— разницу (176 566 человек) и составили потери.¹²⁷ Но, как уже указывалось, количество переправленных через пролив не определено точно и явно занижено. Отсюда можно сделать вывод, что количество людских потерь оказалось завышенным примерно на 30 тысяч. А это ведь во время войны численность целой армии! Этот "потерянный" личный состав очень пригодился советскому командованию в боях за Северный Кавказ летом 1942 г.

Войска Крымского фронта потеряли все танки, абсолютное большинство полевой и зенитной артиллерии, большое количество самолетов. Относительно благополучно переправились только гвардейские минометы, их удалось сохранить до 65 %. В основном техника фронта была уничтожена в боях. Но при таком количестве оружия, которым располагал фронт, в условиях тяжелого отхода частей, некоторое количество техники все же могло попасть в руки врага. Особенно это касается автомашин. Известно, что в боях за

¹²³ Архив ИО ВМФ. Отчет о боевых действиях КВМБ, л. 32, 35; ЦАМО РФ, ф. 60МПМБ, оп. 287612, д. 1, лл. 23–26.

¹²⁴ {124} ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 783, д. 12, л. 70; д. 10, л. 88.

¹²⁵ В этой связи весьма странно читать в учебнике "История военно-морского искусства", (М.: Воениздат, 1969, с. 280), что через Керченский пролив удалось эвакуировать только 11 600 человек.

¹²⁶ Понимая, что это число потерь спорно, авторы капитального труда "История Второй Мировой войны 1939–1945". (Т. 5. М., Воениздат), 1975 его уже не указывают.

¹²⁷ ЦАМО РФ, оп. 224, оп. 763, д. 40, лл. 20–21.

Севастополь фашисты против наших войск использовали наши танки. При этом следует сказать, что в немецких источниках количество захваченной советской боевой техники сильно преувеличивается. Так, например, в книге, изданной в Западной Германии "Мировая война 1939–1945. Почетная книга немецкого вермахта" говорится о захвате фашистами в районе Керчи 255 советских танков и 323 самолетов.¹²⁸ Между тем известно, что в день начала оборонительной операции у советской стороны в этом районе было 238 танков. А что касается самолетов, то общие потери наших самолетов на Крымском фронте за весь май составили 315. Причем, в это число вошли все оставленные или уничтоженные неисправные самолеты на Керченском полуострове, а также все потери небоевые.¹²⁹

Мы не можем назвать из-за отсутствия источников число общих людских потерь врага в этой операции, но если учесть ожесточенность боев, то они были немалые. Ряд немецких частей вследствие потерь в людях и технике совершенно потеряли боеспособность. Например, 22-я танковая дивизия так была измотана в боях на Керченском полуострове, что германское командование не смогло ее даже использовать в боях за Севастополь. Ее остатки по приказу Гитлера в срочном порядке были отправлены на восстановление в Грецию. Большие потери понесла немецкая авиация. Только зенитной артиллерией фронта с 7 по 20 мая было сбито 162 вражеских самолета. Кроме того, нашей авиацией в воздушных боях было сбито 83 вражеских самолета, 80 самолетов было уничтожено непосредственно на фашистских аэродромах.¹³⁰

Позже, в июне — июле 1942 г., 11-я немецкая армия понесла большие потери и при взятии Севастополя. Фашисты полностью захватили Крым и могли торжествовать победу. Но эта победа обошлась им очень дорогой ценой. В преддверии основного наступления на юге с целью захвата Кавказа, когда живая сила и техника для фашистов были особенно дороги, потери 11-й армии неоткуда было пополнять. Не случайно в своем "Военном дневнике" Ф. Гальдер 29 июня 1942 г. сделал такую запись: "Заявки на пополнение 11-й армии не могут быть полностью удовлетворены. Затребовано 60 тысяч, можно выделить максимум 30 тысяч человек. Это означает некомплект по 2–3 тыс. человек на каждую дивизию. Особенно плохо обстоит дело в частях артиллерии РКК".¹³¹

Большие потери 11-й армии, а также мероприятия советского командования по организации противодесантной обороны на Таманском полуострове, чему способствовали в значительной мере эвакуированные из Керчи войска, заставили гитлеровское руководство отказаться от проведения в жизнь оперативного плана "Блюхер I", по которому 11-я армия должна была форсировать Керченский пролив и наступать на Кавказ через Таманский полуостров после захвата Крыма летом 1942 г. В июле по приказу Гитлера изрядно поредевшая 11-я армия была переброшена на север, где безуспешно пыталась захватить Ленинград.

Моральное состояние войск победителей в Крыму из-за больших потерь было подавлено. Это вынуждены признать западные историки. Так, например, Веденер В. в книге "Войсковая группа Юг. Война на юго-восточном фронте 1941–1945 гг." пишет: "Победа 11-й армии была отпразднована Гитлером сверх всякой меры. По всей армии последовало награждение крымским шитом"¹³². Но немецкий солдат к этому времени уже больше не

¹²⁸ Weltkrieg 1939–1945. Ehrenbuch der deutschen Wehrmacht. Stuttgart, 1954, с 158.

¹²⁹ ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 116, д. 1, лл. 104–105.

¹³⁰ Там же, лл. 102–103; ф. 224, оп. 783, д. 12, лл. 33–34. Количество вражеских самолетов, уничтоженных нашей авиацией в воздухе и на аэродромах, дается здесь суммарно за весь май.

¹³¹ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3. кн. 2, с. 278.

¹³² Специальная нарукавная нашивка, учрежденная гитлеровским руководством в честь побед в Крыму.

воевал для того, чтобы "добыть славу своему знамени", как это красочно говорят в праздничном приказе. У героев Крыма все чаще вырывался вздох: "Только бы закончилась эта война". Победа в Крыму этому не способствовала"¹³³.

Борьба на Керченском полуострове и под Севастополем заняла у фашистов время. Запланированное наступление на юге основными силами гитлеровцы смогли начать только в июне — начале июля. Это явилось немаловажным обстоятельством в общей борьбе на южном крыле советско-германского фронта в 1942 г.

Эвакуированные с Керченского полуострова войска Крымского фронта после реформирования и восстановления сыграли значительную роль в последующих боевых действиях. Неувядаемой славой покрыла себя 138-я стрелковая дивизия в Сталинградском сражении. Позже она стала 70-й гвардейской стрелковой дивизией. Она имела почетное наименование "Глуховской, дважды Краснознаменной", была награждена орденами Суворова, Кутузова, Богдана Хмельницкого. Характерно, что с сентября 1941 г. по март 1942 г. ею командовал полковник Ягунов П. М.¹³⁴ Бессмертной славой покрыла себя 83-я бригада морской пехоты под Новороссийском и Керчью в 1943 г., 77-я горно-стрелковая дивизия (впоследствии Краснознаменная дивизия имени Серго Орджоникидзе) и другие.

Многие воины Крымского фронта также отлично показали себя в последующих боях, некоторые из них позже получили звание Героя Советского Союза. Например, подполковник Асланов Аза Агадович (22.01.1910–25.01.1945) родился в Азербайджане, на Крымском фронте командовал 55-й отдельной танковой бригадой, позже он прославился в боях на Сталинградском фронте, за что ему 22.12.1942 г. было присвоено звание Героя Советского Союза. Был смертельно ранен при освобождении Литвы. После войны признан подлинным национальным героем Азербайджана.¹³⁵

Людников Иван Ильич (13.9.1902–22.4.1976) на Крымском фронте воевал полковником, после эвакуации из Керчи командовал 138-й стрелковой дивизией, которая героически проявила себя в боях под Сталинградом и в самом городе. В Курской битве командовал 15-м стрелковым корпусом. За успешное управление войсками при форсировании Днепра ему было присвоено 16.10.1943 г. звание Героя Советского Союза. После войны в звании генерал-полковника командовал Таврическим военным округом, в 1959–1963 гг. был начальником курсов "Выстрел", в 1965–1968 гг. был начальником факультета Военной академии Генерального штаба.¹³⁶

Левченко Ирина Николаевна (15.3.1924–18.01.1973) на Крымском фронте воевала санинструктором 1-го танкового батальона 39-й танковой бригады в звании старшина. В боях за Тулумчак и Парпач она самолично эвакуировала с поля боя 28 человек с оружием, при этом захватила пленного и пулемет противника. Во время тяжелых боев за Керчь она была ранена и после госпиталя инвалидом 2-й группы была уволена из армии. Но отважная девушка не могла жить без активной деятельности. Она добилась поступления в военное танковое училище и закончила его. Командиром танкового взвода она воевала под Смоленском, Яссами и Будапештом. После войны закончила Академию бронетанковых войск, стала военным инженером, а позднее закончила Военную академию им. М. В. Фрунзе. Уволилась из армии подполковником. Звание Героя Советского Союза было ей присвоено 6.05.1965 г. После войны стала известна еще как писательница. Первая ее книга "Повесть о

¹³³ Wedenier K. Heeresgruppe "Süden". Der Krieg in der sud-ostliehen Front. 1941–1945, S. 139.

¹³⁴ СВЭ, т. 2, сс. 579–560.

¹³⁵ Герои Советского Союза, т. 1, с. 84.

¹³⁶ СВЭ, т. 2, с. 580; т. 5, сс. 54–55.

военных годах" (Воениздат, 1953) выдержала 6 изданий.¹³⁷

Воины Крымского фронта продолжали бороться и в плену за колючей проволокой. В послевоенные годы стало известно о деятельности подпольной организации советских военнопленных из лагерей южной Германии под названием "Братское сотрудничество военнопленных". Активную роль в возникновении и развитии этой организации сыграл начальник артиллерии 400-й стрелковой дивизии полковник Тарасов М. М., военврач 2 ранга ветеринарного лазарета 77-й горно-стрелковой дивизии Старовойтов Г. Я., начальник боепитания стрелкового полка воентехник 1 ранга Черноухов и другие.¹³⁸

Но все это было позднее, многое стало известно через десятилетия после войны. А тогда, в мае 1942 г., шли невеселые сообщения из Крыма. Снова и снова советские люди задавали себе и другим один и тот же вопрос: "Почему наши войска опять отстают?" Ставка и Генеральный штаб серьезно изучили подготовку и ход Керченской оборонительной операции, выявили причины неудач. В специально выпущенной по этому поводу директиве говорилось: "Ставка считает необходимым, чтобы командующие и военные советы всех фронтов и армий извлекли уроки из этих ошибок и недостатков в руководстве командования бывшего Крымского фронта. Задача заключается в том, чтобы наш командный состав по-настоящему усвоил природу современной войны, понял необходимость глубокого эшелонирования войск и выделения резервов, понял значение организации взаимодействия всех родов войск, и особенно взаимодействия наземных сил с авиацией".¹³⁹

Симонов К. М. мне говорил, что с этого времени "хозяин" отдалил Мехлиса из своего ближайшего окружения и больше с ним лично не встречался, хотя по телефону периодически и общался. Считая, что командование Крымского фронта, представитель Ставки и командующие армиями явились виновниками неудачи операции, Ставка сняла Мехлиса Л. З. с поста заместителя Наркома обороны и начальника Главного политического управления Красной Армии и снизила ему воинское звание до корпусного комиссара. Сняты со своих должностей и разжалованы в воинском звании на одну ступень были Козлов Д. Т., Шаманин Ф. А. ("Член Военного совета фронта), Николаенко Е. М. (командующий авиацией фронта), Колганов К. С. Командующий 44-й армии Черняк С. И. был снят с должности и разжалован в воинском звании на две ступени. Не помогло ему (а может быть, еще больше усугубило) звание Героя Советского Союза, полученное за прорыв линии Маннергейма в финской войне и присвоенное 7.04.1940 г.¹⁴⁰ Что касается Вечного П. П., то его наказание ограничилось только снятием с должности. Позже он успешно работал по обобщению опыта ведения боевых операций.

Симонов К. М. в комментариях своего военного дневника сообщает: "Мне рассказывали, что после керченской катастрофы, когда Мехлис явился с докладом к Сталину, тот, не пожелав слушать его, сказал только одну фразу: "Будьте Вы прокляты!" и вышел из кабинета".¹⁴¹ Обратим внимание, что Сталин снова использовал слова Мехлиса из его панической телеграммы от 14 мая. Использование слов и даже выражений своих коллег, оппонентов, корреспондентов — характерная черта Сталина. Многие не знают, что известные слова Сталина "Маяковский был и остается лучшим, талантливым поэтом нашей эпохи" первоначально принадлежали Л. Брик, написавшей письмо вождю. Подобные

¹³⁷ Литературное наследство — т. 78, кн. 2, лл. 592–593; Герои Советского Союза, т. 1, с. 859.

¹³⁸ Бродский Е. А. Во имя победы над фашизмом. М.: Изд. "Наука", 1970, сс. 229, 234, 235, 247–249.

¹³⁹ История Второй Мировой войны 1939–1945, т. 5, с. 125.

¹⁴⁰ Герои Советского Союза, т. 2, с. 729.

¹⁴¹ Журнал "Новое время", № 7, 1965, с. 28.

пассажи у Сталина проявлялись часто. В 70-х годах среди военных историков я слышал такой рассказ-анекдот. 30.07.1944 г. фронт, которым командовал Баграмян И. Х., прорвался к берегу Рижского залива, отрезав группировку немецких войск в Эстонии и Латвии. Баграмян приказал солдатскую флягу с морской водой Балтики доставить Сталину на самолете. Однако фашисты напрягли силы и через 3 недели оттеснили советские войска с побережья. Сталин приказал: флягу возвратить Баграмяну, чтобы он вылил ее обратно в море. Сталин любил пошутить. Документально факт с флягой не подтверждается, но он, учитывая психологию Сталина, вполне мог иметь место.

В архиве Министерства обороны сохранилось много черновых записей Мехлиса по итогам Керченской оборонительной операции. Он их делал перед отчетом у Сталина. В них есть правильные положения о причинах крушения нашей обороны, характеристики командующих и должностных лиц, неудачные их распоряжения. Но совершенно нет в этих записях самокритичных оценок, признания своих недостатков и ошибок. Следует отметить, что позже Мехлиса Л. З. продолжали посылать на фронты Великой Отечественной войны как представителя Ставки. В этом плане Мерецков К. А. В своих воспоминаниях о подготовке к операции "Искра" по прорыву блокады Ленинграда в начале 1943 г. пишет: "Неудача в Крыму, видимо, кое-чему его научила. Возможно, он понял, что вопросы тактики, военного искусства не его сфера деятельности. Так или иначе, но Мехлис на Волховском фронте занимался главным образом политработой и организацией снабжения всем необходимым. Справедливость требует отметить, что в подготовке операции "Искра" он сделал немало. Это был человек честный, смелый, но склонный к подозрительности и очень грубый..."¹⁴²

Следует сказать, что Сталин к виновникам катастрофы в Керчи отнесся не так круто, как он поступал с рядом генералов в 1941 г. Этот факт говорит о том, что Верховный Главнокомандующий понимал и признавал свою вину, недоработки и ошибки Ставки. Это он, естественно, нигде публично не признавал. В своих воспоминаниях Маршал Советского Союза Рокоссовский К. К. писал: "Незадолго до Воронежской операции снова пришлось быть в Москве на докладе у Верховного Главнокомандующего. Кончив дела, я хотел подняться, но Сталин сказал:

— Подождите, посидите.

Он позвонил Поскребышеву и попросил пригласить к нему генерала, только что отстраненного от командования фронтом. И далее произошел такой диалог:

— Вы жалуетесь, что мы несправедливо Вас наказали?

— Да. Дело в том, что мне мешал командовать представитель Центра.

— Чем же он Вам мешал?

— Он вмешивался в мои распоряжения, устраивал совещания, когда нужно было действовать, а не совещаться, давал противоречивые указания... Вообще подменял командующего.

— Так. Значит он Вам мешал. Но командовали фронтом Вы?

— Да, я.

— Это вам партия и правительство доверили фронт... ВЧ¹⁴³ у Вас было?

— Было.

— Почему же не доложили хотя бы раз, что Вам мешают командовать?

— Не осмелился жаловаться на Вашего представителя.

— Вот за то, что не осмелились снять трубку и позвонить, а в результате провалили операцию, мы Вас и наказали.

¹⁴² Мерецков К. А. На службе народу. Страницы воспоминаний. М.: Изд. "Политическая литература", 1968, с. 320.

¹⁴³ ВЧ — высокочастотная связь, которая позволяла вести переговоры и при этом сохранять тайну от посторонних.

Я вышел из кабинета Верховного Главнокомандующего с мыслью, что мне, человеку, недавно принявшему фронт, был дан предметный урок".¹⁴⁴ Читателю не трудно догадаться, что этим генералом был Козлов Д. Т.

Какова же дальнейшая судьба командующего Крымским фронтом Козлова Д. Т.? Далее он командовал 24-й армией Сталинградского фронта, был заместителем командующего войсками Воронежского фронта, уполномоченным Ставки на Ленинградском фронте (май — август 1943). В 1945 г. участвовал в боях против милитаристской Японии в должности заместителя командующего Забайкальским фронтом. Умер он 6 декабря 1967 г. в Минске, где заканчивал службу. Я успел с ним даже немного попереписываться, а Маршал Советского Союза Василевский А. М. в своих воспоминаниях пишет:

"Д. Т. Козлов во многом виноват, что операция по освобождению Крыма в 1942 г. провалилась, за что он был отстранен от работы. Но Д. Т. Козлов честный и преданный Родине генерал. Он не справился с возложенными на него обязанностями командующего фронтом лишь потому, что эта должность оказалась ему не под силу. Когда же Д. Т. Козлов был назначен заместителем командующего фронтом, он работал успешно. Подобные факты случались и при назначении на должности командующими армиями. Вполне естественно, что не каждый военачальник, назначенный командующим фронтом или армией, с честью выдерживал это испытание и стал достоин признания как полководец".¹⁴⁵ Достоинно воевали, служили позже и другие наказанные Сталиным руководители на Крымском фронте, у всех их воинские звания постепенно были восстановлены, после войны многие из них жили в Москве.

19 мая решением Ставки Крымский фронт был расформирован, но бои в районе Керчи остатков частей и подразделений фронта продолжались. Командованию фронта было хорошо известно о продолжавшемся сопротивлении наших войск в районе поселка Аджимушкай. В журнале боевых действий Крымского фронта (он велся и после 19 мая) за 22 мая появилась такая запись: "По данным, заслуживающим доверие, в районе Аджимушкай группа наших бойцов в количестве 5000 человек продолжала сопротивление противнику". Запись краткая, но говорит она о многом. "По данным, заслуживающим доверие" — означает, что о борьбе в районе Аджимушкай советскому командованию известно было из многих различных источников. И эти сведения были абсолютно достоверны. Аналогичные записи в этом "журнале" повторяются и в последующие дни 2, 27 и 29 мая.¹⁴⁶ Сведения об этих продолжающихся боях посылались в Москву, поэтому сводки Советского информбюро за 21, 22 и 23 мая тоже сообщали о продолжавшихся боях в восточной части Керченского полуострова.

Крымский фронт, как оперативно-стратегическое объединение, перестал существовать, но солдаты Крымского фронта, попав в окружение, не сложили оружия. Крымский фронт просуществовал 112 суток, воины подземного гарнизона Аджимушкайских каменоломен боролись в неизмеримо тяжелых условиях еще 169 героических суток. Вот об этом-то и необходимо продолжить рассказ.

Глава 6. По следам подвига

В 1942 г. случилась еще одна катастрофа, но теперь уже с германской армией, и

¹⁴⁴ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М.: Воениздат, 1984, с. 125. Этот диалог, запомнившийся известному нашему полководцу, многозначителен. Через него Сталин представляется "мудрым учителем" и даже как "отец родной". Вождь "всех народов" был прекрасным актером.

¹⁴⁵ Василевский А. М. Дело всей жизни. М.: 1984, с. 485.

¹⁴⁶ ЦАМО РФ, ф. 224, оп. 760, д. 50, лл. 66–74.

последствия ее были куда масштабнее, чем для советской армии в Крыму. Я имею в виду, конечно, сокрушительный разгром фашистов под Сталинградом, который начался 19.11.1942 г. Здесь были уничтожены или пленены не только лучшие части и соединения фашистов и их союзников, но и надломлена вся их военно-политическая система. Из-за сокрушительного поражения и угрозы нового, куда большего, окружения гитлеровцам пришлось оставить большую часть Северного Кавказа, Ставропольского и Краснодарского краев, район Ростова. Правда, врагу удалось задержаться около Новороссийска. Здесь больше года шли ожесточенные бои, закончившиеся тем, что во второй половине сентября 1943 г. советскими войсками фронт фашистов был прорван и враг отброшен к Керченскому проливу, откуда с косы Чушка они поспешно отступили в Крым.

Все понимали, что близится освобождение Керчи и что с Таманского полуострова надо ожидать советского десанта. Он начался 1 ноября с высадки частей 18-й армии юго-западнее Керчи в пос. Эльтиген, где образовался плацдарм до 5 км по фронту и до 2 км в глубину. Десантники при поддержке артиллерии с Таманского полуострова и авиации успешно отразили контратаки противника. Воспользовавшись этим успехом и тем, что фашисты основные силы сосредоточили против этого образовавшегося плацдарма, в ночь на 3 ноября войска 56-й армии высадилась на берег Керченского полуострова в районах Еникале, Капканы, Жуковка. К 12 ноября в результате ожесточенных боев советским войскам удалось вырваться на северо-восточные окраины Керчи и перейти к обороне. Таким образом, поселок Аджимушкой со своими каменоломнями снова оказался в центре нашего фронта. Что касается десанта в Эльтигене, то он мужественно сопротивлялся, отбиваясь от многочисленных атак фашистов. После ожесточенных боев, в условиях блокады со стороны моря и воздуха, десантники получили приказ прорваться к Керчи на соединение с войсками 56-й армии. 6 декабря около 1 500 воинов, скрыто форсировав болото, которое враги считали непроходимым, вырвались на южные окраины Керчи. Внезапно для противника они захватили гору Митридат, где у фашистов был пункт управления ПВО, и стали вести бои. Для поддержки прорвавшихся в этот район 7 и 9 декабря в порт Керчь был высажен десант, но успех развить не удалось: 10–11 декабря прорвавшиеся воины из Эльтигена и десантники были эвакуированы в наше расположение войск.¹⁴⁷ Как видим, и в 1943 г. бои за Керчь носили драматический характер. Об эльтигенском десанте широко стало известно советской общественности еще в 1945 г. благодаря роману А. Первенцева "Огненная земля". В нем есть упоминание и о героизме наших воинов в 1942 г., окруженных в Аджимушкойских каменоломнях. Прочитав сразу после войны эту книгу, я впервые услышал это причудливое и нерусское название — "Аджимушкой". Три столетия — с 1475 до 1774 года — Керчь находилась под властью Османской (Турецкой) империи. Именно поэтому многие поселения в Крыму носили тюркскоязычные названия. Поселок Аджимушкой не стал исключением. На одной из самых ранних карт Керченского полуострова, составленной военным топографом в декабре 1772 г., поселок уже отмечен, а в описании инженера-полковника Томилова говорится: "На оной земле до прихода русских войск... Хадчимышкой, где черкесы живут" было 5 дворов и 2 колодца. В документах XIX века название поселка пишется уже более созвучнее современному — "Аджи-Мушкой". В наше время это название пишется слитно. При переводе с тюркского существует два объяснения названию: "серый камень" и "человек, совершивший хадж" (паломничество в Мекку). Оба перевода не противоречат известным фактам. Белый пиленный камень-ракушечник, из которого сделаны все старые постройки Керчи и добываемый около поселка, под воздействием погодных условий действительно становится серым. Второй вариант перевода тоже вероятен. Люди-мусульмане, совершившие паломничество в Мекку из Крыма, были относительно малочислены, а поэтому и очень уважаемы в своей среде. Так что название поселка могло произойти от какого-то неизвестного проживавшего здесь жителя. Впрочем, поселок Аджимушкой позже был

¹⁴⁷ СВЭ, т.4, сс. 147–149.

заселен русскими, которые ныне очень болезненно относятся к тому, если их потомков относят к черкесам или татарам. Следует сказать, что документально известно, что потомки нынешних коренных жителей проживали в Аджимушкае уже в 30-х годах XIX века и уже тогда считали себя коренными жителями.

Камень-ракушечник здесь добывали сначала открытым способом в карьерах, затем (во второй половине XIX века) научились пилить под землей.

От этого способа добычи образовались штольни, подземные залы и переходы к ним.¹⁴⁸ Вывозили заготовленный камень из-под земли на лошадях, а в советское время со стороны завода Войкова с этой же целью была построена узкоколейная железная дорога. Входы в каменоломни во время войны были большие, туда свободно заходили автомобили, не говоря уже о конных повозках. Камень для строительства в этом районе добывался с глубокой древности. Известно, что гробница боспорского царя — Царский Курган — построена из аджимушкайского ракушечника и относится к IV веку до нашей эры.¹⁴⁹

Местные жители каменоломни называют "скалой" и разделяют их по именам старых владельцев или арендаторов: Скала Вергопуло, Скала Негроева, Быковская Скала, Наружные каменоломни. Поддикарные у Царского Кургана, Дедушевы и т. д. Я буду пользоваться названиями, которые сложились в Великую Отечественную войну и связаны с обороной 1942 г. Это Центральные Аджимушкайские (Большие), где была основа подземного гарнизона под командованием полковника Ягунова П. М., и Малые Аджимушкайские, которые местные жители называют Еврейскими или Жидовскими, ибо раньше здесь арендаторами были караимы и евреи.

В революционные годы Керченские каменоломни использовались подпольщиками и партизанами. В мае 1919 г., когда здесь хозяйничали белогвардейцы, в Аджимушкайских каменоломнях местные коммунисты сумели из рабочих, дезертиров белой армии и уголовного элемента создать значительную партизанскую группу, которая совершала смелые набеги и создавала для властей Керчи сложную обстановку. В этот период партизаны получили опыт боевого использования каменоломен, выявились и слабые места подземной обороны. Белые плотным кольцом окружили повстанцев и тем самым сковали их активность. Они также взрывали каменоломни, использовали даже корабельную артиллерию, которая обстреливала район снарядами с химическими отравляющими веществами. Погубили партизан (в каменоломнях скрывались и их семьи) голод и, особенно, недостаток воды. Защитники сумели вырваться из каменоломен в город Керчь, но никто их из числа местных жителей не поддержал, хотя они на это надеялись. Восстание было подавлено.

В Крыму опыт защитников каменоломен в 1919 г. был хорошо известен и обобщен,¹⁵⁰ поэтому не случайно с приходом фашистов в Керчь в ноябре 1941 г. в местных каменоломнях было создано несколько партизанских отрядов. В Аджимушкайских каменоломнях в период первой оккупации города в ноябре-декабре 1941 г. действовал партизанский отряд имени Ленина под руководством Бантыша Н. И. Об этом отряде еще во время войны писал Симонов К. М.¹⁵¹ Его очерк "В керченских каменоломнях" был перепечатан во всех четырех изданиях сборника "В катакомбах Аджимушкай"

¹⁴⁸ Крымфронт — Аджимушкай. (Сборник статей). Керчь: Изд. Музея истории обороны Аджимушкайских каменоломен, 2003, сс. 124–127.

¹⁴⁹ Тайдукевич В. Ф. Боспорское царство. М. -Л.: Изд. АН СССР, 1949, с. 225.

¹⁵⁰ Гелес И. Красные кроты. Сборник "Революция в Крыму", № 3, Крымиздат, 1924; Атлас М. Интервенция и разгром Керченских каменоломен. "Революция в Крыму", № 10, 1932.

¹⁵¹ При встрече К. Симонов мне рассказал, что этот очерк газета "Красная Звезда" печатать отказалась. Причина отказа, очевидно, заключалась в необычности ведения боевых действий. Только позже этот материал вышел в отдельном военном сборнике, который я читал еще в детстве.

(Симферополь, изд. Крым, 1967, 1970, 1975, 1982). Хорошо известна оборона в 1941 г. и Старокарантинских каменоломен в Керчи, в которых, как участник, отличился мальчик-партизан Володя Дубинин, ставший в советское время символом героизма для пионеров и школьников. Таким образом, к маю 1942 г. имелся уже значительный боевой опыт использования каменоломен, и Ягунов П. М. из печати и особенно от местных жителей знал о нем.

Возвратившимся на Керченский полуостров воинам 56-й армии, многие из которых здесь воевали еще в 1942 г., трудно было узнать местность. Поселок Аджимушкой был весь в развалинах, когда-то большие входы в каменоломни были взорваны. Тут и там виднелись огромные воронки — следы гигантских взрывов, которые производили фашисты, стремящиеся уничтожить подземный гарнизон. Вся поверхность над каменоломнями была покрыта обломками скал, щебнем, стреляными гильзами советского и немецкого производства, осколками мин и снарядов и другого мусора войны. Все говорило о том, что здесь больше года тому назад шли многодневные, ожесточенные бои. Еще больше были поражены воины подземной частью Аджимушкойских каменоломен. Там было множество непогребенных трупов, которые находились в тех позах, в которых их застала смерть. Особенно всех поразил труп медицинского работника в белом халате, сидящего у стола. По всему было видно, что этот человек до самого своего конца выполнял служебный долг.

Среди первых посетителей каменоломен после их освобождения от оккупантов оказался и Сельвинский И. Л. Проценко И. С., проживавший в г. Ступино Московской области, мне рассказывал: "В начале ноября 1943 г. от нашего начальника политотдела подполковника Иванова А. Д. (255-я бригада морской пехоты) я получил задание сопровождать поэта Сельвинского И. Л. по Аджимушкойским каменоломням. С нами были четыре солдата-телефониста и их начальник капитан Софман. Солдаты держали связь со своим подразделением и освещали нам путь. Импровизированная "экспедиция" стала уходить вглубь каменоломен. Чем дальше мы уходили, тем тяжелее становился воздух. Пахло сыростью и тленом, на земле валялись тряпки, бумага, кости. Кое-где попадались непогребенные останки людей. На стенах были какие-то надписи, лозунги, фамилии. Сельвинский все это осматривал, делал записи в блокнот, подбирал клочки бумаги, читал их при свете фонарика, совал бумаги в карманы. В одном из проходов подземного лабиринта нам попался железный ящик. Он был открыт, там находились какие-то бумаги, конторская книга с подробными списками воинов, другие документы. Помню, что там были и продовольственные документы, ибо нас поразила крайне малая норма продовольственного пайка. Мне кажется, что это были остатки документации небольшого подразделения подземного гарнизона... Недалеко от ящика мы обнаружили целый отсек, где лежали останки солдат. Лежали они на шинелях с винтовками. Некоторые лежали посередине подземной галереи, другие вдоль каменных стен, третьи — полусидя, откинувшись к стене. Это было страшное зрелище. Воздух здесь был еще более тяжелым. Раньше мне приходилось участвовать в пяти десантах, убивать фашистов, я видел гибель многих моих товарищей, но этот подземный отсек Аджимушкойских каменоломен мне до сих пор кажется каким-то кошмаром. Потрясенные, мы стояли и молчали. И тогда, в этой поистине гробовой тишине Сельвинский сказал: "Ну, вы как хотите, а я дальше идти не могу". И мы возвратились назад".¹⁵²

Встречаясь с вдовой Сельвинского И. Л., Бертой Яковлевной, в Переделкино, я надеялся, что в писательском архиве поэта найдется что-то из документов, поднятых им при осмотре каменоломен. Сохранилось только два, можно сказать, довольно примитивных рисунка. На одном — контуры голов непогребенных аджимушкойцев, лежащих в ряд, на другом — останки человека, а рядом — отвратительная, хорошо нарисованная крыса. Вот и

¹⁵² См. также Князев Г. Н., Проценко И. С. Доблесть бессмертна. М.: Изд. "Политическая литература", 1986, сс. 5, 6.

все. А во фронтовом дневнике поэта об этом посещении каменоломен нет записей, всего одна фраза: "Пишу Аджимушкайские каменоломни. Там все сказано, странно, не могу писать прозой, что требует стихов". Это большое стихотворение "Аджимушкайские каменоломни" было написано в период с 14 по 26 ноября и напечатано в газете Отдельной Приморской армии "Вперед, за Родину" 5.12.1943 г. Это было первое сообщение в печати о героизме подземного гарнизона. Текст стихотворения и особенно рабочие варианты поэта характеризуются подлинной документальностью увиденного. Проценко И. С. свидетельствует: "После нашей "экспедиции" в подземные штольни в газете вскоре мы прочитали поэму И. Сельвинского. Ее начало нас поднимало буквально как приказ. Поэму читали вслух, заучивали наизусть, по своей степени воздействия на нас она была сродни увиденному в Аджимушкае". После войны Сельвинский И. Л. доработал это стихотворение, в окончательном виде оно получило название "Аджимушкай". В дневнике поэта сохранилась вклеенная вырезка первой публикации в газете с многочисленными поздними правками и дополнениями. Они документальны и поэтому особенно ценны для историка. Сейчас хорошо известно, что организатором этой подземной обороны был полковник Ягунов П. М. Похоже, что Сельвинский уже в ноябре 1943 г. это знал. Вот одно из интересных дополнений:

"Ты пал, товарищ с верными полками, полковник боевой страны..."

В печатных изданиях этой вставки нет. Что это? Результат знакомства с какими-то подлинными документами, найденными в каменоломнях, или просто интуиция? А вот еще любопытные строки из уже отделанного текста:

"Товарищ! Кто ты? Может быть, с тобой сидели мы во фронтовой столовой?"

Из блиндажа, не говоря ни слова, быть может, вместе наблюдали бой?"

В предисловии к этому стихотворению, напечатанному в журнале "Знамя" (№ 2–1945), поэт писал: "Посвящаю воинам, прикрывавшим отход наших войск из Крыма в 1942 г. Окруженные неприятелем, ушли они в Аджимушкайские каменоломни и предпочли медленную смерть немецкому плену. Мы нашли их скелеты, когда высадили десант на Керчь и захватили каменоломни. Я когда-то видел их живыми. Я пожимал когда-то их руки. Вот эти руки. Руки, которые спасли жизнь мне и моим товарищам". В наше время ни одна экскурсия в Аджимушкайские каменоломни не обходится без цитирования патриотического стихотворения Сельвинского И. Л.¹⁵³

¹⁵³ Интересно, что уже в это время поэт и драматург Сельвинский И. Л. не был фанатиком, таким "кристально чистым" коммунистом, для которого вождь Сталин был предметом поклонения. Больше того, в это время он на фронте был инакомыслящим, как бы сейчас сказали, диссидентом. Крымский поэт Борис Серман в 1942 г. тоже воевал на Крымском фронте, где он числился в редакции газеты 15-й бригады ПВО. На фронте он был знаком с Сельвинским И. Л. и был с ним дружен. Их сближала поэзия, к тому же они были земляки, оба были из Симферополя. (См. Серман Б. День встает для добра. Симферополь: Изд. "Таврия", 1987, сс. 127–133). Борис Серман мне и художнику Буту Н. Я. рассказывал: "Как-то мы сидели с Ильей Львовичем в землянке вдвоем, и что-то меня дернуло похвалить Сталина. Он посмотрел на меня таким учительским взглядом и сказал: "Боря, запомни: Сталин — это восточный деспот". Я опешил и не знал, что сказать. Дело в том, что я с Сельвинским не был так дружен и близок, чтобы говорить и слышать такое. По тем временам я, как коммунист и политработник, должен был сразу докладывать о подобных высказываниях "куда надо" или по инстанции своему начальству". Серман Б. Е., конечно, никому не доложил, иначе бы эту историю он никому не рассказывал. После крушения Крымского фронта на Сельвинского все же кто-то написал из коллег донос о "неправильных", а может быть, и о "вражеских" взглядах. Фамилию доносчика знала Берта Яковлевна, но мне она категорически отказалась ее сообщать "для истории". Сельвинский готовился к самому худшему и поэтому "вычистил" свой фронтовой дневник. Многие страницы и часть их была им вырезана ножницами. Берта Яковлевна мне рассказывала: "В связи с этим доносом Илья Львович сильно переживал. Его в Москве долго не принимали, и командировка с фронта сильно затянулась, но его стихи печатали, пьесы тоже шли в театрах. Это нас успокаивало, и мы несколько дней проживали вместе в Подмоскowie. Получилось что-то вроде отпуска. Наконец его вызвали и стали обсуждать его работу и творчество. Критиковали, точнее, ругали его страшно. Кое-что, конечно, было правильно, но больше поносили зря и несправедливо. На совещании присутствовал Сталин, но в обсуждение он не вмешивался, а ходил по комнате и, как водится, посасывал свою трубку. Когда обвинения достигли самого предела и Илья Львович ждал, что его снимут с должности и, возможно, сразу же арестуют, вмешался Сталин. Он сказал только одну фразу: "В общем, мы знаем товарища Сельвинского, он неплохой поэт". И тут обстановка сразу же изменилась — обсуждение продолжалось, но уже в дружеском

В начале 1944 г. по инициативе командования 414-й стрелковой дивизии было проведено более детальное обследование Аджимушкайских каменоломен. Для этого была создана комиссия по изучению злодеяний немецко-фашистских захватчиков в Аджимушкайских каменоломнях. В январе этого же года лейтенант Грицай Ф. А. нашел в Центральных каменоломнях общую командирскую тетрадь с записями, позже получившую название "Дневник политрука роты 2-го батальона 83-й бригады морской пехоты Александра Сарикова (или Серикова)". Вопрос авторства этого документа оказался сильно запутанным. Послевоенные исследования показали, что действительным автором дневника был учитель из станицы Ахтырская Краснодарского края младший лейтенант Трофименко Александр Иванович. Этот факт убедительно доказывает в своей публикации историк Кондратьев В. А.¹⁵⁴ Дневник велся с начала обороны каменоломен по 2–3 июня, т. е. примерно две недели, период самый трудный, когда создавался подземный гарнизон. Автор дневника, Трофименко А. И., весной 1942 г. закончил 2-е пехотное училище в Краснодаре и месячные курсы заместителей командиров рот по истреблению танков. Вместе с товарищами (выпускниками училища и курсов) 18 апреля он прибыл на Крымский фронт и был определен временно в резерв командного и политического состава, который в конце апреля стал располагаться в Аджимушкайских каменоломнях. В "журнале учета командного состава", найденном в каменоломнях,¹⁵⁵ перечислен 81 выпускник 2-го Краснодарского пехотного училища. Кроме Трофименко А. И., там имеются не раз упоминаемые в дневнике лейтенанты Филиппов Н. Д., Костенко В. И., Салтыков П. В., Резников И. П., Новиков Ф. Е. Оставшийся в живых Филиппов Н. Д. из Ставрополя (после войны он женился на сестре Костенко В. И.) рассказывает, что Трофименко командованием был назначен политруком в их группе, действительно он писал этот дневник и даже читал отдельные места из него своим товарищам. "Много лет спустя после войны, — сообщает Филиппов Н. Д., — я услышал выступление писателя С. С. Смирнова о Брестской крепости, а затем об Аджимушкае. Я написал Смирнову письмо, в котором подробно описал жизнь подземного гарнизона. В частности, я писал в письме, что в катакомбах велся дневник, писал его мой друг А. И. Трофименко. Сообщая об этом, я еще не знал тогда, что дневник найден. Позже, когда он был напечатан, я сразу же узнал в его авторе своего друга Сашу Трофименко, узнал его характер, его жизнь".¹⁵⁶

Но откуда появилась фамилия Сариков-Сериков? Председатель комиссии 414-й стрелковой дивизии подполковник Гогатишвили Л. Д. в начале 60-х годов из Тбилиси мне писал: "Дневник был сильно потрепан, его трудно было читать, написан он был простым карандашом, почерк становился все неразборчивее и слабее, многие листы были вырваны". Вполне естественно, что в копию дневника вкралось значительное количество искажений. Читали ее и копировали в 414-й дивизии, которая считалась грузинской. Интересно, что в

тоне". В бумагах Фадеева А. А., который в то время был секретарем Союза Писателей СССР, сохранилась запись стенограммы заседания военной комиссии, на которой 13 июля 1942 г. заслушивался Сельвинский И. Л. Характерно, что в рабочих записях Фадеева "По страницам фронтовых и армейских газет" есть такой тезис: "Писатели в большинстве выросли на войне как передовые люди-патриоты и как профессионалы своего дела". И далее перечисляются фамилии: В. Лившиц, Шефнер, Чаковский, Трегуб, Корабельников, И. Френкель, И. Сельвинский (литературное наследство, т. 78, кн. 1, сс. 312, 320).

¹⁵⁴ Военно-исторический журнал, № 1, 1965, сс. 101–107.

¹⁵⁵ "Журнал" представлял из себя большую конторскую книгу с подробными списками командиров, где, кроме фамилии, имени и отчества, указывалось образование, партийность и домашние адреса родственников. Основная масса командиров этого "журнала" входила в "резерв" фронта и была отправлена на фронт еще до немецкого наступления. В настоящее время "журнал" хранится в ЦАМО РФ, ф. Главной прокуратуры РККА, оп. 100960, д. 6.

¹⁵⁶ В катакомбах Аджимушкай. Симферополь: Изд. "Таврия", 1982, с. 154.

наиболее полной копии дневника, хранящейся в Центральном архиве Министерства обороны, в тексте автор называет себя дважды. Один раз как "Сериков", второй раз как "Старшинок". Обратим внимание, что вторая фамилия по написанию скорописью (но не по звучанию) сходна с фамилией Трофименко. В этой копии дневника много и других искажений. Например, неоднократно упоминаемый заместитель командира батальона капитан Капрал А. И. в действительности имел фамилию Капран. И он действительно зимой 1942 г. был командиром батальона 83-й бригады морской пехоты и был награжден орденом Красного Знамени за десант в Керчи в 1941 г.

О политруке 3-го батальона подземного гарнизона Семенюте В. А. в копии дневника имеется следующий текст: "В детстве Вася проживал в Татарии Гуляинном Запорожской области". Анализ биографических данных Семенюты дал возможность поправить этот непонятный текст. В действительности фраза звучала так: "В детстве Вася проживал в Таврии, Гуляй Поле Запорожской области".¹⁵⁷

Примеры искажений в копии дневника можно перечислять и далее. Но интересно и то, что среди защитников Центральных Аджимушкайских каменоломен был и политрук Сериков. В результате длительных поисков удалось установить, что политрук 4-й роты 530-го стрелкового полка 156-й стрелковой дивизии Сериков Дмитрий Давидович попал в каменоломни с группой воинов из своей дивизии. В группе, кроме того, были медицинские работники: Менжулина А. В. (позже Мищенко, проживала в г. Воронеже), Фалк Е. А., Петрушнов И. Ф. и другие. Сериков Д. Д. числится в списках без вести пропавших, в архивных документах сохранился домашний адрес его жены Ефросиньи Михайловны: Сталинградская область, Лимановский район, Злодневский сельский совет, колхоз имени Шевченко. Поиск родственников Серикова Д. Д. остался безрезультатным.

Дневник Трофименко А. И., как один из ярких документов, разоблачающих злодеяния фашистов, попал в Главную военную прокуратуру Красной Армии вместе с некоторыми другими документами, найденными в Аджимушкайских каменоломнях. А затем это дело попало обычным порядком в Центральный архив Министерства обороны. Это первая и самая полная копия из найденных до сих пор, она с небольшими купюрами цензурного порядка была подготовлена мною и напечатана с комментариями в сборнике "В катакомбах Аджимушкай" 2–4 издания. А впервые этот дневник был опубликован в "Военно-историческом журнале" № 8, 1962. Его подготовили к печати Добровольский П. Я. и Харитонов А. Д.

Интересно, что на многочисленные публикации о героической обороне каменоломен откликнулся Грицай Ф. А., нашедший дневник. Он встречался и переписывался с заведующим музеем "Аджимушкайские каменоломни" Щербаком С. М. Грицай сообщил, что при сдаче им дневника все листы в нем были целы, а вырвали их "грузины из 414-й стрелковой дивизии", которым не понравились в тексте дневника выпады против военных выходцев с Кавказа. Действительно, 414-я стрелковая дивизия была сформирована большей частью из грузин, командование, политический состав тоже были из Грузии. "В указанной копии дневника действительно на месте вырванной страницы сохранился оборванный текст, где говорится о слабых боевых качествах кавказцев-"ялдашей".

Естественно, напрашивается вопрос: сохранился ли и где сейчас находится подлинный дневник Трофименко А. И. Поисками его в свое время занимался писатель Смирнов С. С. При встрече в Союзе писателей в Москве он мне рассказывал, что в свое время он поручил архивным работникам об этом дневнике навести справки. По следам входящих и исходящих бумаг им удалось проследить, что подлинный дневник попал в архив при ЦК КПСС, который для исследователей был тогда закрыт. Через редакцию журнала "Вокруг Света" я тоже пытался найти этот документ, но в этот раз последовала неудача.

Почти одновременно с дневником Сарикова-Трофименко в Малых Аджимушкайских

¹⁵⁷ ЦАМО РФ. ф. Главной прокуратуры, оп. 100960, д. 6.

каменоломнях был найден дневник старшего лейтенанта Клабукова А. И. Этот дневник велся с середины июня до 20 августа 1942 г. В 1944 г. в политотделе Отдельной Приморской армии с этого дневника была сделана копия. Долгие годы она хранилась в личном архиве бывшего работника политического управления Таврического военного округа Н. И. Ваулина. В 1967 году он передал эту копию в Центральный музей Вооруженных сил СССР и в Керченский историко-археологический музей. Но о содержании дневника было известно и раньше. Дело в том, что в 1944 или в 1945 гг. Ваулин Н. И. на основании дневников Трофименко и Клабукова, а также на основе других найденных в каменоломнях документов написал статью в одну из газет о героическом подвиге аджимушкайцев, но статья не была опубликована. Однако, попав в партийный архив Крымского обкома компартии Украины, она явилась серьезным источником для изучения истории Аджимушкай в 60–70-х годах.¹⁵⁸ В копии дневника Клабукова тоже есть искажения фамилий, но они незначительны. В результате проведенных исследований стало известно, что Клабуков Александр Иванович, участник Гражданской войны, перед войной работал в Керчи на табачной фабрике. Он был родным дядей керченскому журналисту Биршерту В. В., известному в связи с ранними публикациями об Аджимушкае. На Крымском фронте Клабуков воевал помощником начальника штаба 823-го стрелкового полка 302-й стрелковой дивизии, а до этого он служил в 1-м запасном полку Крымского фронта. В мае ему было присвоено воинское звание капитан, но об этом он узнать уже не мог, ибо попал в окружение. Этот дневник с комментариями я тоже опубликовал в сборнике "В катакомбах Аджимушкай" (2–4-е издание). Местоположение подлинного дневника Клабукова А. И. так до сих пор и неизвестно.

Дневник Трофименко в отрывках был переведен и на грузинский язык. Это сделал, очевидно, редактор газеты 414-й стрелковой дивизии, журналист и писатель А. Кокилашвили, литературный архив которого попал в Государственный литературный музей Грузии. Следует сказать, что вклад выходцев из Грузии в оборону Аджимушкайских каменоломен значителен. В найденных документах постоянно попадаются грузинские фамилии. В 1982 г. по инициативе первого секретаря ЦК КП Грузии Шеварднадзе была создана специальная научная группа по изучению событий в Керчи и в Аджимушкае в 1942 г. Группа выпустила довольно интересную и полезную книгу, которая была переведена на русский язык.¹⁵⁹ К этому следует добавить, что останки воина для Могилы Неизвестного солдата, сооруженной в Тбилиси, были взяты из Аджимушкайских каменоломен.

Мощным толчком для изучения героической обороны Аджимушкайских каменоломен послужили выступления по Центральному телевидению писателя С. С. Смирнова с рассказами о неизвестных героях. После этих выступлений Смирнову стали приходить тысячи писем участников.¹⁶⁰ Все это вызвало целое общественное движение по всему СССР. В нем участвовали ветераны, молодежь, общественные и государственные организации. В движение включились литераторы, историки, художники, даже композиторы. В студии военных художников им. М. Б. Грекова в Москве Н. Я. Бут создал целую картинную галерею, посвященную подвигу аджимушкайцев.¹⁶¹ В Крыму одним из таких

¹⁵⁸ Бывший партийный архив Крымского обкома КП Украины, ф. 156, св. 227, д. 4704. Роль Николая Ивановича Ваулина, как первого историка и собирателя документов по теме "Аджимушкай", нашей общественностью до сих пор не оценена. Это был скромный, очень добросовестный исследователь, хотя в печати по теме он участия не принимал. Позже он много лет работал в Москве в центральном музее Вооруженных сил, и советы его всегда были доброжелательны и исключительно ценны.

¹⁵⁹ К. Пкитишвили, А. Матиашвили, Э. Купатадзе. Героический подземный гарнизон. 1942-й год: Керчь, Аджимушкай. Тбилиси: Изд. "Сабчата Сакартвело", 1985, сс. 5, 16.

¹⁶⁰ Письма, касающиеся Керчи и обороны керченских каменоломен, позже писатель Смирнов С. С. передал в Керченский музей.

¹⁶¹ См. "Аджимушкай 1942" (Альбом). М.: Изд. "Изобразительное искусство", 1975. Бут Николай Яковлевич

энтузиастов стал поэт и писатель Б. Е. Серман. Образовавшаяся вокруг него группа исследователей и ветеранов керченских событий 1942 г. выпустила сборник воспоминаний и документов "В катакомбах Аджимушкай" (Симферополь, издательство "Крым", 1966). "Книгой-долгожительницей" назвала ее газета "Правда". Рецензия на сборник в газете "Красная звезда" заканчивалась такими словами: "Своеобразным памятником бессмертному мужеству аджимушкайцев является вышедшая книга. По ней, как по оставшимся священным реликвиям легендарного подвига героев Аджимушкай, люди будут учиться мужеству, верности своей Родине, своему солдатскому долгу".¹⁶² После этого книга выдержала еще три издания (1970, 1975, 1982), обрастая новыми документами и публикациями. Сам Б. Е. Серман по этой теме написал много стихов, рассказов, очерков, пьесу.

В 1963 г. я заочно учился на 3-м курсе исторического факультета Государственного университета в Ленинграде, искал тему для курсовой, а затем для дипломной работы. Мне хотелось взять неизвестную или малоисследованную тему, казалось, что таковую можно найти в древней истории. В связи с этим летом, во время своего отпуска (тогда я в звании капитана служил в частях Вооруженных сил СССР) я решил простым рабочим поучаствовать в археологической экспедиции. Хотел ехать в Новгород, но для устройства там у меня не было рекомендации. Потом-то я понял, что для землекопа в экспедиции рекомендация не требуется. Заведующий отдела по заочному обучению нашего университета, бывший офицер, Саранкин В. И. рекомендовал мне ехать в Керчь в Боспорскую археологическую экспедицию, которой много лет руководил профессор В. Ф. Гайдукевич. Так я оказался в Керчи. Мы раскапывали древний греческий город Мермекий в пос. Войково, рядом с городским пляжем. Мы работали, а когда сильно припекало солнце, купались в море. Работы продолжались до 3 часов дня, затем был обед, а после руководство экспедиции нам устраивало экскурсии по Керчи и ее окрестностям, где было много древних античных памятников. И вот однажды я попал на Царский Курган. С вершины этого величественного

родился в 1928 г. на хуторе Погожа Криница Сумской области. Во время Великой Отечественной войны жил в Таганроге, здесь он и пристрастился к рисованию. Первым его учителем, как он мне рассказывал, был местный самодеятельный художник. Со школьной скамьи Николай Яковлевич увлекался романтикой минувшей войны, страницами истории борьбы за свободу русского и украинского народов. Определенную роль в его творчестве сыграли рассказы его отца, участника Гражданской войны, которого художник изобразил на портрете, названным "Ветеран". В 1945–1949 гг. Бут Н. Я. учился в Ростовском художественном училище, а в 1949–1957 гг. — в художественных институтах Москвы и Харькова. В эти годы Бут учился не только рисовать, но и увлекался драматическим искусством. Став студентом Суриковского института в Москве, он одновременно учился и в театральном. В 1956 г., когда шла подготовка к Московскому Всемирному фестивалю молодежи и студентов, Бут Н. Я. участвовал в Конкурсах чтецов и с успехом исполнял отрывки из поэмы Т. Г. Шевченко "Гайдамаки" и из повести Н. В. Гоголя "Тарас Бульба". Пройдя заключительный всесоюзный конкурс в Москве, Бут Н. Я. получил на нем серебряную медаль. После этого он был официально приглашен работать в Киевский академический театр имени И. Франко, но в последний момент отказался от актерской карьеры и остался художником. Я познакомился с Николаем Яковлевичем в Москве, примерно в 1965 г., когда он начал работать в студии военных художников имени Грекова. Жил он тогда в маленькой комнате коммунальной квартиры в районе метро "Сокол" с женой и маленькой дочкой. Позже мы часто встречались в Москве и в Керчи. В каменоломнях Николай Яковлевич облюбовал место около одного завала, которое в местном фольклоре даже получило название "Бутовский вход". Здесь он с подобранными статистами из местных жителей и солдат керченского гарнизона работал помногу часов, здесь же на костре варил нехитрый обед, а ночевал в городской гостинице. Позже местные власти при музее ему построили художественную студию, но я не помню, чтобы он ею пользовался. Студия не могла ему заменить натуру — аджимушкайский камень, который он, признаваясь мне, рисовал с особым удовольствием. Он мне говорил, что в работе художника много есть от ремесленника, т. е. человека, делающего вещи, художественные произведения. Это не только полезное, но и приятное для души занятие. Николай Яковлевич был очень щедрым человеком и прекрасным собеседником, он прекрасно читал стихи на украинском языке, от которых Б. Серман приходил в восторг. Устные его рассказы были тоже замечательные, мы рекомендовали их записать, а затем напечатать, но наши советы он так и не выполнил. О своем увлечении театром он никогда нам не говорил, и я об этом с удивлением узнал только недавно, прочитав очерк Лазенковой Л. М. в сборнике "Керчь военная", сс. 472–479.

¹⁶² Цитирую по сборнику "В катакомбах Аджимушкай", изд. 2-е, 1970, с. 9.

царского захоронения открывалась широкая панорама на Керчь и ее восточные окраины и поселки. Увязавшийся со мною парнишка хозяев, где я жил, стал меня звать в "Партизаны". Я ничего не понимал, но он мне объяснил, что так называется ближайший от кургана поселок (бывший Аджимушкой).¹⁶³

Но он меня звал не в поселок, а в каменоломни, которые называл тоже "Партизанами". Я не очень хотел идти, но парнишка настойчиво меня звал и рассказывал самые удивительные истории о находках там. От Царского Кургана мы спустились к большому карьере, где были видны следы узкоколейной железной дороги, и оказались около входа в каменоломню. В наше время этот вход совершенно разрушен и пройти в подземелье можно только через узкую щель, сверху которой висит треснутая глыба. Но тогда это была многометровая дыра в скале. Я обратил внимание, что скала была вся избита снарядами разных калибров, гранатами и пулями. На скале, как говорится, не было живого места. Подземелье нас встретило приятной прохладой, от входа и многочисленных дыр-воронок сверху вглубь пробивался свет. Под землей стены тоже были изрешечены снарядами и пулями, была масса надписей, сделанных в разное время. Внизу под ногами мы постоянно видели гильзы от винтовочных патронов, осколки от снарядов и мин, остатки военной амуниции, противогазов, хозяйственной утвари. Мы постоянно натыкались на следы небрежных раскопок мальчишек-поисковиков, сейчас их принято называть "черными следопытами". Мой спутник с восторгом рассказывал, что здесь находят иногда оружие, боеприпасы, разные личные вещи и даже деньги. Немного пройдя вглубь штольни, в закоулке мы наткнулись на грубо раскопанные человеческие кости. Из земли торчали ребра, позвонки, все вокруг было засыпано мелкими костями кистей рук и ног. Здесь же торчал петлей из-под костей поясной ремень, отрывки истлевших бумаг. Все время по дороге попадались громадные завалы скальной породы. Парнишка мне объяснял, что "партизаны", которые здесь фашистам оказывали сопротивление, взрывались большими авиабомбами. Вот от этого и произошли завалы. Сразу же пришла мысль: "Зачем мы копаем древность первых веков до нашей эры? Через сотню и более лет ее можно раскапывать с тем же успехом и находить там то, что мы находим сейчас. Копать надо вот в этих каменоломнях, копать срочно, пока есть еще надежда на сохранение документов на бумаге". Вот так я "заболел" каменоломнями и Крымским фронтом. Следует сказать, что я был готов к этому, ибо в "Военно-историческом журнале" (№ 8–1962), который я постоянно выписывал, уже прочитал "дневник политрука Сарикова", а также эмоционально написанный очерк и материалы керченского журналиста В. В. Биршера в журнале "Огонек" (№№ 35, 48; 1961). Через несколько дней я пошел в Керченский музей, где один сотрудник, специалист по истории Великой Отечественной войны, очень толково посвятил меня в содержание темы, назвав исторические источники и литературу, известную ему. Вот так я "влез в тему", которая определила мою научную деятельность на много лет вперед. За эти годы я работал в более чем 15-и архивах, посетил многие города, где встречался с участниками, воспоминания которых тщательно записывал, а также с родственниками погибших.

Роль оставшихся в живых участников обороны каменоломен трудно переоценить. К 1967 г. их было выявлено примерно 200 человек, но не все они откликнулись по различным причинам. Я встречался и переписывался только с частью из них. Перечислю их согласно алфавиту: Балакин И. А., Барлит С. Н., Бодров К. М., Буханец Е. Г., Валько Е. Ф., Видяева И. И., Воинов П. С., Гринев Т. П., Гуссейнов М. Н., Джибладзе И. П., Дружкова А. А., Ефремов Н. А., Ильясов С. Ф., Казначеев Ф. Ф., Кажаров Т. Д., Карацуба Л. Г., Колесников С. Т., Кочетков А. В., Лодыгин А. И., Менжулина А. В., Немцов Н. Д., Пирогов А. И., Поважный М. Г., Радченко М. П., Разогреев М. И., Самохвал Г. И., Серебряков Н. Н., Скрыль И. С., Степаненко А. Г., Тимофеев С. М., Ткачук Ф. М., Тютин Г. И., Устрицкий Б. Н., Федосеенко

¹⁶³ Позже (в 1967 г.) по предложению местных жителей керченские власти вернули этому поселку старое название "Аджимушкой".

И. И., Филиппов Н. Д., Хамцова Л. Ф., Чомахошвили Г. М., Шайдуров С. С., Шаматов Н. В., Шапошников И. А. и другие.

Большую помощь в сборе материалов оказали родственники погибших и пропавших без вести при обороне Аджимушкских каменоломен. Их я часто находил через архивные данные, через запросы в военкоматы, адресные столы. При встречах или при переписке от них тоже был получен значительный материал. Перечислю фамилии и этих аджимушкайцев: Белов Н. Н., Бурмин Г. М., Велигонов Н. У., Верушкин Ф. А., Верхутин П. В., Волошенюк А. Е., Ворона В. В., Гаврилюк З. В., Горошко Н. П., Гузема М. Я., Данченко Н. С., Дрикер Б. А., Ермаков С. А., Залкин Ф. М., Земцов В. А., Исаков С. М., Калиба И. И., Капран А. И., Карпекин М. Н., Клабуков А. И., Кохан В. А., Кучеренко А. И., Магала В. Я., Манукалов А. Н., Овчаров П. Л., Омесов А. С., Парахин И. П., Плотникова А. П., Попов П. И., Попов П. Ф., Путин М. А., Роговой И. М., Ромашов Ф. А., Салтыков П. В., Светлосанов М. В., Сапунов И. М., Семенов Б. М., Семенята В. А., Торонджадзе И. С., Трофименко А. И., Труборов В. Ф., Церодзе Ш. С., Фоминых А. С., Фурсов Я. Д., Храмов Ф. И., Чапурин А. А., Чебаненко С. Т., Чернокнижников П. Д., Чернышев А. Н., Чеховиев Э. Д., Шевчук Т. С., Шишочкин К. А., Шкода В. П., Ягунов П. М.

В 1966 г. мне удалось опубликовать сообщение о героической обороне Аджимушкских каменоломен в академическом журнале "История СССР" (№ 3). Характерно, что этот материал в редакции не залежался, он сразу же пошел в печать. Это говорило о том, что общественность остро нуждалась в исторических научных публикациях с ссылками на архивные источники. В самом конце этого же года я защитил по этой теме дипломную работу и закончил университет. Но вся эта тема так захватила меня, что я уже не мог оставить поездки в архивы и поиск участников тех событий. Поездки продолжались, начались поиски в фундаментальных библиотеках Прибалтики (Таллинн, Рига), где были богатые и полные комплекты подшивок немецких военных журналов и газет. Еще раньше в партийном архиве Крыма была обнаружена копия перевода с немецкого языка "Обобщающего донесения о советском движении сопротивления в каменоломнях Аджимушкай (Крым)". Далее об этом документе я буду говорить как о "немецком донесении".¹⁶⁴ Использование немецких источников дало возможность на события в Керчи 1942 г. взглянуть глазами наших бывших врагов.

В мае 1967 г. я участвовал в работе военно-научной конференции в честь 25-летия обороны Аджимушкских каменоломен, на которой выступал с одним из докладов. Тогда в Керчь съехалось более 100 оставшихся в живых участников, это событие приобрело всесоюзное значение. После этого правительство Украины отпустило большие средства на строительство в районе Аджимушкских каменоломен мемориала, а внутри каменоломен, где располагался главный гарнизон, было решено создать музейную экспозицию со всем штатом работников.

В Москве я познакомился с поэтом и журналистом Арсением Рябикиным, который подрабатывал в редакции журнала "Вокруг света". Он был уже знаком с темой "Аджимушкай", но когда узнал от меня о будущих перспективах возможных открытий по этой теме, его романтическая натура буквально "загорелась". В первую очередь его заинтересовало мое предположение, что основные документы гарнизона Центральных Аджимушкских каменоломен (документы мы называли архивом) так и не были найдены в 1943–1944 гг., не попали они и в руки фашистов, что ясно видно из немецкого донесения. Что я понимаю под "основными документами"? Это те документы, которые обязательно создаются в воинской части. А в Центральных Аджимушкских каменоломнях в условиях окружения была создана часть по типу укрепленного района и приравнивалась она полку. Так что в штабе этой своеобразной части обязательно должны быть: книга приказов и

¹⁶⁴ Об этом немецком донесении подробно написал Кондратов И. П. в сборнике "В катакомбах Аджимушкай". Подлинный документ на немецком языке хранится в Москве в Особом архиве.

приказаний, журнал боевых действий, списочный состав личного состава и командования подразделений, донесения из подразделений, документы дежурств и караулов, ходатайства по представлению участников к наградам и многое другое. Эти документы должны были храниться в железных ящиках или сейфах (их после оставления каменоломен тыловыми частями фронта в мае 1942 г. было много), поэтому была серьезная надежда, что документы сохранились.

У А. П. Рябикина сразу же возник план организовать большую комплексную экспедицию для поиска этих документов. С этой идеей он обратился к В. И. Никонову, главному редактору журнала "Вокруг света", который тогда принадлежал ЦК ВЛКСМ. Никонов пригласил меня в редакцию и спросил: "Если мы организуем поисковую экспедицию в Аджимушкайские каменоломни, то какая есть гарантия, что эти документы мы найдем?" Я ответил: "Скорее всего (я даже в этом уверен), что главных документов (т. е. архива) мы не найдем, слишком большие каменоломни по площади и очень сильно разрушены. Но вот гарантии, что там мы найдем различные другие документы, а также реликвии этой героической эпопеи, это я гарантирую на 100 %". Этот ответ В. И. Никонову понравился, а Арсений после на меня набросился с упреком: "Ты не веришь в успех, а вот я поеду туда один и эти документы найду". Это было уже мальчишество неисправимого романтика, пришлось только улыбнуться и в очередной раз сказать, что он не представляет, что такое каменоломни и в какие руины они превращены к настоящему времени.

В ЦК ВЛКСМ на организацию экспедиции дали "добро", и Арсений развернул организаторскую деятельность, к нему присоединился еще не менее энергичный доцент одного из технических вузов Москвы Г. Н. Князев. Они стали писать и обращаться лично в разные органы и инстанции. Кроме ЦК ВЛКСМ, были задействованы: Генеральный штаб Вооруженных сил, Главпур, Крымский обком Украины и обком Комсомола, штаб и политуправление Одесского военного округа и др.

К этому времени я служил в Таллинне преподавателем общественных наук 64-х курсов подготовки политсостава. Мою научную и поисковую деятельность командование поощряло. В ходе работы курсов перед набором новых слушателей и курсантов получались "каникулы" по 1,5–2 месяца, поэтому командование меня без особых трудностей могло отпускать в творческие отпуска. Из Главпура пришло указание отправить меня для работы в экспедиции, и командование отпустило меня на 1,5 месяца, к этому прибавлялся еще положенный мой календарный отпуск. До последнего момента мне как-то не верилось, что экспедиция состоится и что она примет значительные организационные размеры. Я приехал в Керчь в середине июля 1973 г., когда деятельность экспедиции начала уже разворачиваться. А. П. Рябикин и Г. Н. Князев не теряли зря времени. Они меня встретили на машине и сразу же повели к секретарю комсомола города. Здесь я узнал, что непосредственным руководителем экспедиции назначен Сергей Михайлович Щербак, заведующий музеем в Аджимушкайских каменоломнях, в прошлом полковник авиации, принимавший участие в освобождении Керчи в 1943–1944 гг.

Обязанности его, как руководителя, были сложные, ответственные и даже опасные. В его подчинение входили самые разные поисковики, за безопасность которых в условиях раскопок и разборов завалов никто не мог поручиться. Сейчас я даже удивляюсь смелости и самоотверженности этого уже немолодого человека. К поисковой работе по инициативе Керченского горкома партии и комсомола подключился ряд промышленных предприятий. Уже первый день поисков меня приятно удивил. Местная воинская часть выделила группу саперов, связистов-телефонистов, подразделение до взвода для непосредственных раскопок. Выделялось две автомашины для перевозки людей и найденных в каменоломнях боеприпасов на уничтожение. В раскопках принимали участие представители керченской молодежи во главе с А. А. Мирошниченко и Н. Н. Спасовым. Для поисковиков около каменоломен был разбит лагерь из палаток, здесь же была организована кухня, небольшой запас продовольствия, воды, дров и средств освещения. Скоро приехала группа поисковиков из Одессы, которые имели большую практику по работе в Одесских катакомбах

(каменоломнях). Группу возглавлял Л. М. Ашколуненко. Одесситы, как поисковики, были прекрасно оснащены и обеспечены. У них были свои палатки, спальные мешки, инструмент для раскопок, свое продовольствие. Забегая вперед, я должен сказать, что самые интересные документальные находки в этой экспедиции сделали одесситы. Работа нашей экспедиции неплохо освещалась в печати (в том числе и центральной). О поисках в каменоломнях под Керчью скоро узнала вся страна. 15 сентября 1973 г. Л. И. Брежнев подписал указ о присвоении Новороссийску и Керчи почетных званий "городов-героев". В своем обращении к трудящимся города, воинам, участникам героических сражений на Керченском полуострове он упомянул и "мужественный подвиг советских патриотов в Аджимушкайских каменоломнях". В редакции "Вокруг Света" мне рассказывали, что при чтении подготовленного текста указа Брежнев спросил у своего помощника: "Все тут правильно про каменоломни написано?" И, получив утвердительный ответ, подписал.

В последующие годы раскопки в каменоломнях продолжались, но уже не в таких масштабах, как летом 1973 г. Руководил ими по-прежнему С. М. Щербак. Все время здесь работали керчане, и не только молодежь. Все это, естественно, делалось бесплатно. Запомнилась супружеская пара лет 35-и из керчан, которая расчищала один из отсеков подземелья. Женщина была в легкой шапочке с козырьком, которые тогда носили на Кубе, и была очень похожа на испанку. Об этом я ей сказал. А она с гордостью ответила: "Так я и есть испанка, мой дедушка, будучи ребенком-сиротой, был привезен из Испании во время проходящей там Гражданской войны и в СССР усыновлен". К сожалению, я не записал фамилию этой симпатичной супружеской пары. В экспедиции в каменоломни буквально рвались группы поисковиков из других мест СССР. Здесь работали группы из Свердловска, Миаса, Мордовии, Ростова и других мест. По-прежнему активны и удачливы были одесситы. В последующие годы приезжал сюда Ашколуненко из Одессы на своей машине, его сопровождали дети, а потом уже и внуки. Аджимушкай для них стал родным. Одессит В. М. Соколов, майор внутренних войск, стал проводить свои отпуска в Аджимушкайских каменоломнях, он возглавлял группу поисковиков, прекрасно писал отчеты о своих раскопках. В этой связи следует сказать и о журналисте В. К. Щербанове из Ростова-на-Дону, который регулярно (даже по несколько раз в году) приезжал в Керчь на раскопки.

Новое поколение поисковиков уже не разбивало лагерь возле каменоломен. Они жили под землей, стремясь лучше прочувствовать жизнь подземного гарнизона. Даже воду собирали в каменоломнях в водоносных местах, где она капала с потолка. Одессит К. К. Пронин, маркшейдер по специальности, возглавлявший заповедник "Одесские катакомбы", составил план подземных выработок Аджимушкайских и других керченских каменоломен, чем значительно улучшил их изучение и поиск в них. Следует сказать, что до него никто не догадался это сделать.

После рассказа об этих поисковых экспедициях читателю, естественно, захочется их назвать археологическими раскопками. Но ни я, никто из других исследователей каменоломен археологическими поисками их назвать не может. Настоящие археологи, в том числе и состоящие в штате Керченского историко-археологического музея, не признавали эти раскопки археологическими, они даже не заходили в каменоломни во время проведения экспедиций. В чем же дело? Обратимся к энциклопедиям. В Советской исторической энциклопедии читаем: "Археология... — отрасль исторической науки, изучающей первобытные, древние и средневековые вещественные памятники и реконструирующая по ним прошлое человеческого общества. Вещественные источники — это прежде всего орудия производства и созданные с их помощью материальные блага: одежда и украшения, посуда и предметы роскоши, частные и общественные постройки, произведения изобразительного искусства и все, что является результатом трудовой деятельности человека".¹⁶⁵ Значит так:

¹⁶⁵ Советская Историческая энциклопедия. Т. 1, М.: Изд. "Советская энциклопедия", 1961, с. 824

изучение первобытного общества, античности, средневековья. А как быть с периодом позже, времен Гражданской, Великой Отечественной войны? Может быть, что-то есть в Советской военной энциклопедии? В ней читаем: "Археология военная"... — специальная отрасль военной истории и часть общей археологии, изучающая по вещественным источникам деятельность в области военного дела в прошлом". Опять о прошлом, надо понимать в далеком прошлом, не раньше средних веков. И эта мысль как будто подтверждается примером о попытках специальной военно-археологической экспедиции в районе Чудского озера для точного установления места разгрома немецких рыцарей войском Александра Невского в 1242 г.¹⁶⁶ И снова вопрос о раскопках более близкого для нас времени обойден. Нет на него ответа.

Некоторым читателям поднятая проблема покажется надуманной и ненужной. Но это не так. Археологические объекты охраняются государством, трогать их посторонним категорически запрещается. Памятник Гражданской или Великой Отечественной войны раскапывать практически может любой желающий. На археологические раскопки государство отпускает ежегодно значительные денежные суммы, на раскопки в Аджимушкских каменоломнях, как и на других объектах истории Великой Отечественной войны, законным способом нельзя тратить ни рубля.

Для ведения археологических раскопок и обработки найденных материалов, реконструкции объектов и предметов существуют специальные институты, выработана специальная методика, в поисках используется новая техника и другие достижения современной науки. Что же касается объектов Великой Отечественной войны, то они изучаются в основном одиночками-любителями, часто даже без специального образования, а иногда даже без элементарных знаний истории объекта. Одним словом, ищут, получают от этого удовольствие. А что ищут? Занимаясь более чем 30 лет историей обороны Аджимушкских каменоломен и вообще периодом минувшей войны, я пришел к выводу, что любители-раскопщики только в последнее время стали ценить документы (бумажки, как они говорят). Но ведь не одно поколение керченских мальчишек выросло в "скалах" Аджимушка в поисках оружия, патронов и других военных вещей. Искали здесь и до сих пор ищут и ценности в виде довоенных денег (они ценятся хотя бы коллекционерами), бытовых драгоценностей и прочего. О последнем не принято писать в печати. Сколько эти неорганизованные раскопки уничтожили следов обороны, сколько было растащено военных реликвий, документов, которым первое время вообще не придавали никакого значения. Организованные Керченским историко-археологическим музеем при активной помощи редакции журнала "Вокруг света" раскопки в Аджимушкских каменоломнях тоже проходили без должной организованности и методики. Поисковые дневники велись без нужной тщательности, многие находки, особенно массового характера, вообще не учитывались. Находки зачастую не привязывались строго к плану каменоломен, ибо планов этих раньше просто не было. И тут не виноваты работники музея, ибо нет никаких общих правил ведения таких раскопок. Много, очень много проблем в изучении Аджимушка, и они в основном упираются в главное — отсутствие понятия археология применительно к объектам Великой Отечественной войны. Думается, что в этой проблеме много от нежелания внести новое в старое понятие археологических раскопок. А может быть, пора это новое внести в научный оборот. Ведь пройдет 10–20 лет, и в каменоломнях уже трудно будет найти документ, который можно было бы прочитать. А сейчас такие документы еще есть. Их можно и нужно искать методом археологических раскопок. Величайшее счастье для историка — находить и использовать в исследованиях документы, вынутые из раскопа, документы, которые как люди из небытия рассказывают, делятся опытом, кричат. Документы — свидетели подвига, они, как и погибшие герои подземного гарнизона, требуют серьезного к себе отношения, они возвращают из небытия страницы истории.

¹⁶⁶ СВЭ т. 1. 1976, с 294.

Глава 7. Без вести пропавшие

Восточный берег Керченского пролива летом 1942 г. обороняли части и соединения 47-й армии. С наблюдательных пунктов косы Чушка, Тузла, с высот из района Тамани армейские разведчики постоянно докладывали о ружейно-пулеметной стрельбе, взрывах гранат и мин в ночное время в районе Аджимушкайских каменоломен. Затем там стали отмечать сильные взрывы, от которых вздрагивала земля даже на Таманском полуострове. Все это записывалось в журналы разведки. Разведывательный отдел армии суммировал наблюдения и делал вывод: противник занимается очисткой района боев. До обидного простая фраза, но сколько за ней стоит человеческих драм...

Все воины, что были окружены в районе Аджимушкайских каменоломен, числятся в списках без вести пропавших. Большинство их там и погибло (без вести!) в неравной борьбе с врагами, а также от голода, жажды, болезней. Лишь немногие из них, пройдя ужас фашистского плена, возвратились на родину. Они-то и рассказали о подземном гарнизоне, кое-что поведали и о своих командирах, товарищах по совместной борьбе. Списки без вести пропавших благодаря поисковой работе уменьшаются, появляются новые имена, новые страницы боевой истории каменоломен.

Окруженная в районе пос. Аджимушкай группа советских войск не готовилась заранее оборонять каменоломни. Эта оборона возникла в силу сложившихся обстоятельств, когда личный состав не мог вырваться из плотного кольца окружения противника. Аджимушкайцы выполняли приказ Ставки Верховного Главнокомандующего, который требовал: "Попавшим в окружение врага частям и подразделениям самоотверженно сражаться до последней возможности".

Как уже отмечалось, полковник Ягунов П. М. непосредственно руководил войсками, находившимися в обороне в районе Аджимушкай, и после окружения он вместе с представителем политического управления Крымского фронта старшим батальонным комиссаром Парахиным И. П. продолжал руководство частями. Павел Максимович Ягунов прошел суровую армейскую школу от солдата до командира стрелковой дивизии. Он родился 10.01.1900 г. в селе Чеберчина Дубенского района Мордовской АССР, по национальности был русским. После окончания сельской школы в 1913 г. работал разносчиком писем и документов при волостном правлении. В июле 1919 г. добровольно пошел в Красную Армию, в это же время вступил в комсомол, а уже в сентябре в Коммунистическую партию. Участвовал в боях с белыми в Актюбинской области (1919 г.), в боях с Деникиным, а позже на Закаспийском фронте и с басмачами в 1920–1923 гг. В 1923 г. закончил 4-ю Ташкентскую объединенную военную школу, в 1930 г. курсы "Выстрел" (по среднему плану), а в 1938 г. курсы "Выстрел" уже по старшему плану. После этого был послан на Дальний Восток, где стал командовать 65-м стрелковым полком в воинском звании полковника. В июле 1938 г. неожиданно был снят с должности, и ему было предъявлено обвинение. Дело в том, что его жена, Юлия Александровна, урожденная Пионтковская, имела брата Ивана, который служил в штабе Киевского военного округа и был привлечен к суду как шпион польской разведки. Из-за этого была арестована Юлия, с которой, кстати, Ягунов П. М. давно развелся, но их сближала дочь Клара (родилась в марте 1925 г.), и поэтому какие-то отношения продолжались. В конце августа 1938 г. Ягунов П. М. был осужден на 10 лет лишения свободы за то, что не содействовал властям в разоблачении своей бывшей жены, пособницы шпиона. Обвинение было нелепое, ибо Юлию приговорили к куда меньшему сроку заключения, нежели самого Ягунова. Еще до заключения он обращается с письмом к наркому обороны СССР Ворошилову К. Е. с такими словами: "...Я прошу дать мне какую-нибудь работу на любой должности в любом месте. Я готов отдать остаток всей своей жизни на благо нашему государству. Я, не задумываясь ни минуты, с радостью отдам свою жизнь за дело партии Ленина-Сталина, за наше государство". В июне 1939 г. Ягунов П. М. был реабилитирован и восстановлен в партии, он был направлен в Баку,

где стал командовать пехотным училищем. В сентябре 1941 г. его назначили командиром 138-й стрелковой дивизии, которая с середины января 1942 г. в составе 51-й армии воевала на Керченском полуострове. В конце марта он был назначен на должность начальника отдела боевой подготовки штаба Крымского фронта. В личном деле Ягунова П. М. в служебных аттестациях с 1925 г. не указывается ни одного недостатка.¹⁶⁷ Это был волевой, грамотный в военном отношении командир, одновременно он был чутким и заботливым начальником, исключительно скромным и справедливым человеком. Клара Павловна Ягунова, проживавшая в Керчи, сообщила в своих воспоминаниях: "Не любил отец выделяться в чем-нибудь, не терпел, когда ему оказывали особые знаки внимания. Однажды завмаг прислал нам на дом корзину с отборными фруктами. Дома никого не было, и я приняла ее. Папа страшно рассердился и потребовал, чтобы забрали корзину и никогда этого не делали. Помню наш проезд на Дальний Восток. Отец командовал полком. По его распоряжению сначала были отремонтированы дома и квартиры для подчиненных, а потом, в самую последнюю очередь, с наступлением холодов — для нас. В Баку, будучи старшим начальником, он при распределении квартир в последнюю очередь и далеко не лучшую оставил себе."¹⁶⁸ В Баку, кроме дочери Клары, у Павла Максимовича была гражданская жена Дина Васильевна, она была известна в военном городке как хорошая портниха.

Большой опыт работы с людьми, высокие качества армейского политработника имел и старший батальонный комиссар Иван Павлович Парахин. Он родился 29 марта 1903 г. в селе Успенье Орловской области. Позже родители жили на станции Дебальцево на Донбассе. В 1912 г. Парахин И. П. закончил 2 класса начальной школы и дальше учился самостоятельно. В 1920 г. он вступил в комсомол, а в 1921 г. стал членом Коммунистической партии. В 1921–22 гг. был секретарем Аличевского райкома комсомола Донецкой области. В 1926 г. закончил Коммунистический университет в г. Харькове. С июня 1926 г. по октябрь 1926 г. был секретарем Александровского райкома партии. С ноября 1929 г. по декабрь 1930 г. был секретарем партийного комитета шахты "Ильич" Кадиевского района. В 1932 г. был призван в Красную Армию по партийной мобилизации. Первое время служить политработником ему было трудно, характеристики на него в этот период были неважные. Затем, благодаря трудолюбию и усердной учебе, он стал хорошим работником. В армии Парахин И. П. служил в основном в авиационных частях, последняя его должность в мае 1942 г. — старший инструктор отдела политического управления Крымского фронта, а воинское звание с 27.04.1942 г. — старший батальонный комиссар. У Парахина И. П. была довольно большая семья: жена Ирина Сергеевна, в прошлом Панченко, (1904 г. рождения), дети: Надежда (1926 г. рождения), Тамара (1931), Сергей (1938), Анна (1940). Ирина Сергеевна дожила до преклонных лет, она много сделала после войны для увековечивания памяти своего мужа и других аджимушкайцев, ее сын Сергей стал военным моряком, капитаном 1 ранга, уволившись, он жил в г. Обнинске Калужской области.

Из партийного отзыва члена ВКП(б) Губа от 8.05.1938 г.: "Парахина И. П. знаю по совместной службе с 1932 г., это отличный массовик-агитатор и пропагандист, в своей

¹⁶⁷ ЦАМО РФ, личное дело Ягунова П. М.

¹⁶⁸ В катакомбах Аджимушка, 1982, с. 233. В воспоминаниях, хранящихся в фондах Керченского музея, Клара Павловна пишет: "Пожалуй, отличительными чертами характера отца были: принципиальность, твердость взглядов, необычайная щедрость, которую он проявлял к детям и нуждающимся людям, даже незнакомым. Несмотря на строгий внешний вид, он был добродушным, но и прямолинейным человеком, в то же время глубоко презирал хитрых, лживых и неискренних людей, говорил, что в трудную минуту жизни на таких "друзей" надеяться нельзя. Зато у него были подчиненные, которые пошли бы за него в огонь и воду... На занятиях в поле с курсантами сам лично показывал и объяснял приемы тактики, строевой подготовки, меткой стрельбы из личного оружия. Он гонял курсантов "до седьмого пота", и сам всегда приходил домой весь в глине, в пропотевшем обмундировании. Кое-кто побаивался его строгости, некоторые товарищи даже недолюбливали за его веру в суворовскую "науку побеждать", но хорошая выучка многим пригодилась на передовой. Говорили: "Кто прошел школу Ягунова, тот свою жизнь даром не отдаст".

работе неразлучен с массами. Среди красноармейцев и командиров он пользуется прекрасным и живым авторитетом. Излюбленный метод Парахина в работе с людьми — живая беседа, глубокая, интересная, не оставляющая по своему убеждению никаких неясностей... Друг красноармейцев и командиров, он умеет выявить лучших, преданных партии людей, умеет показать их качества как пример для остальных. В личной жизни Парахин сохранил психологию рабочего шахтера, никогда не бахвалится и не "кичится". Из личного дела видно, что Иван Павлович, много читая из политической и военной литературы, хорошо знал русскую прозу и поэзию".¹⁶⁹

Защита района Аджимушкайских каменоломен началась 15 мая, когда на подступах к ним со стороны Керчи подошли передовые подразделения гитлеровцев. Здесь, в обороне с другими подразделениями и группами, играла значительную роль группа командиров и политработников резерва Крымского фронта, которой командовал капитан Левицкий В. М. Он родился в г. Ельце Орловской области 29.09.1907 г. В январе 1942 г. служил в 136-м запасном полку в станице Абинская, затем был переведен в Керчь, где он стал распределительным командиром "резерва". Должность эта была нештатная, но весьма ответственная, ибо через "резерв" прошли зимой и весной 1942 г. сотни и даже тысячи командиров и политработников фронта. По воспоминаниям Шайдурова С. С., "резерв" располагался в Керчи в здании Дома пионеров, рядом был и отдел кадров фронта, начальником которого был Ширяев. С усилением бомбежки Керчи "резерв" и отдел кадров фронта переместился в Аджимушкайские каменоломни. Сюда перед немецким наступлением в "резерв" прибыло значительное пополнение. Это был личный состав запасных полков из Дубровки на Волге, Новитлуги из-под Тбилиси, командиры-выпускники пехотных училищ Краснодар, Степанокерта (последние состояли в основном из бывших студентов Тбилисского университета). Прибыли сюда и командиры, которые закончили курсы при военной академии, находившейся в г. Ташкенте. На передовой около Аджимушкайская группа Левицкого стала называться "полком", но просуществовала она всего несколько дней. Затем группа отошла в каменоломни и стала основой подземного гарнизона, которым командовал Ягунов П. М.

На подступах к Аджимушкаю (несколько левее) оборону держала и группа из 1-го запасного полка Крымского фронта под командованием майора Голядкина А. Г. и старшего батальонного комиссара Елисеева А. Н. Полк был сформирован еще осенью 1941 г., он тогда входил в состав 51-й армии. Постоянный состав полка состоял в значительной степени из выходцев Крыма. Мне удалось найти ветеранов этого полка: Голядкина А. Г. в г. Фергане, Поважного М. Г. в Керчи, Огнева В. М. в Тбилиси, Ильясова С. Ф. в Ленинабаде, медсестер Забияка Т. в Севастополе (в дневнике Клабукова А. И. она упоминается как "Забиячка") и Хамцеву Л. Ф. в Смоленске. Благодаря им и другим участникам тех событий удалось восстановить детали боев 15 мая.

Приказ на оборону 1-му запасному полку здесь отдал лично С. М. Буденный, прилетевший на самолете из Краснодара. Вызвав Голядкина А. Г. и Елисеева А. Н., он потребовал: "Приказываю Вам во что бы то ни стало задержать фашистов. Чем дольше Вы здесь продержитесь, тем больше Вы задержите гитлеровцев, а значит и больше удастся нам переправить на Большую Землю людей. Останавливайте отходящих одиночек и мелкие группы бойцов и командиров, сколачивайте из них подразделения. По возможности Вас будем усиливать".

15 мая группа немецких танков и автоматчиков появилась северо-западнее пос. Аджимушкай. Военком 1-го запасного полка Елисеев А. Н. к этому времени вышел из строя и был эвакуирован к переправам. Его заменил секретарь партийного бюро полка старший политрук Манукалов А. Н.

Вновь назначенный военком полка он сразу же направился в одно из подразделений на

¹⁶⁹ ЦАМО РФ, личное дело Парахина И. П.

передовой. На пути ему встретилась бежавшая группа бойцов. Они панически кричали: "Немецкие танки, они окружают нас!" Манукалов А. Н. решительными действиями остановил группу и приказал окапываться. Скоро показался легкий немецкий танк, очевидно, это была разведка. Бойцы дружно открыли стрельбу из винтовок, в танк полетели гранаты. Встретив организованное сопротивление, танк попятился назад и скоро исчез. "Пошел жаловаться", — сострил кто-то из бойцов. Раздался веселый смех.

Создалась пауза, немцы не наступали и не стреляли. Зря время не теряли: окапывались, строили заграждения. Откуда-то прибыло пополнение. Появился с группой бойцов командир артиллерийского дивизиона 1-го запасного полка старший лейтенант Миронов. Это подразделение называлось громко "дивизионом", а в действительности это было несколько собранных в одно место артиллерийских систем (орудий) разных калибров, предназначенных для учебных целей. Самой грозной из этой сборной техники была реактивная установка "катюша". Боеприпасов для артиллерии у Миронова было мало. Он оборудовал для себя командный пункт, связь с орудиями была телефонная. Не прошло и часа, как в атаку пошло 8 немецких танков, за которыми шли автоматчики. Бойцы стали стрелять из винтовок. Откуда-то сзади, с восточной окраины поселка Аджимушкой, резко ударила пушка, и сразу же перед головным танком вырос куст огня, дыма и поднятой в воздух земли. Вслед за этим над головами обороняющихся раздалось злое шипение и вой, от которого защемило сердце. Этот звук прижал бойцов к земле, на дно окопов. Многие такой звук никогда не слышали и поэтому не понимали. А это стреляла по танкам мионовская "катюша". Несколько залпов "дивизиона", и атака немецких танков была сорвана. Часть из них горела, не дойдя до нашей обороны 200–300 метров, остальные повернули обратно. Миронов в этот день в полку был "героем дня". Дальнейшую судьбу его мне никто не мог сообщить, но через Керченский пролив он не переправился. Очевидно, он погиб со своими орудиями на следующий день.

К исходу 15 мая от переправ прибыло новое пополнение, подбросили боеприпасов и продовольствие. Помощник командира 1-го запасного полка старший лейтенант Белов Н. Н., работавший перед войной в совхозе "Красный" под Симферополем, хорошо организовал снабжение личного состава, помогал ему и ответственный секретарь бюро ВЛКСМ полка политрук Огнев В. М. Этот комсомольский организатор, как свидетельствовали очевидцы, появлялся как раз там и в то время, где он был больше всего нужен. Он организовал встречу автомашин и подвод с грузами, их охрану и быструю разгрузку. Уже спустя много лет он узнал, что доставленное тогда продовольствие и боеприпасы сыграли чрезвычайно важную роль в жизни и борьбе подземного гарнизона. В этой связи понятна и особая роль в обороне каменоломен Белова Н. Н. Его помнят почти все участники. Голядкин А. Г. в своем письме мне сообщает: "Белов Н. Н. в нашем полку был прекрасным хозяйственником, редкой способности организатором, в своем деле он был просто талант. Полк при нем даже в самое тяжелое время был хорошо обеспечен. Я никогда не забуду этого товарища за его отношение к делу, за чуткость к личному составу полка".

15 мая в результате минометного обстрела был ранен Голядкин А. Г. Раненого санитары уложили в конную повозку, он вызвал командира батальона Поважного М. Г. и приказал принять командование 1-м запасным полком. В полку было довольно много личного состава, не годного к строевой службе, был батальон выздоравливающих (это были бойцы, возвратившиеся из госпиталей), подразделение девушек-связисток. Поступило распоряжение всех этих людей отправить на переправу с целью эвакуации на Тамань. Вести эту массу людей было приказано политруку Огневу В. М. С наступлением темноты людей стали выводить из каменоломен. Подошел Манукалов А. Н., политрук Труборов В. Ф. У последнего была перевязана голова, накануне в бою он был легко ранен, но остался в строю. Почти год они работали и воевали вместе. Не разделились последним куском хлеба, закутком в землянке или койкой в теплой хате. Тепло попрощались. Огнев В. М. понимал, что вряд ли еще придется встретиться, ибо оставшаяся часть полка должна была здесь держаться до последней возможности. Огнев В. М. благополучно вывел колонну к

Керченскому проливу и с ней в ту же ночь был переправлен на Таманский полуостров. Позже он успешно воевал, был заместителем командира полка связи, который обеспечивал Тегеранскую и Потсдамскую конференции, уволился из армии после войны подполковником.

Штаб 1-го запасного полка располагался в Малых Аджимушкайских каменоломнях, расположенных от Центральных примерно в 250–300 м. Здесь же располагалась санчасть полка, продовольственный склад и некоторые подразделения. Это обстоятельство привело к тому, что здесь после окружения возник другой гарнизон, частью которого продолжал командовать старший лейтенант Поважный М. Г. Другая часть личного состава этого полка оказалась в Центральных каменоломнях. Это касается Белова Н. Н., старшего политрука Кучерова М. И., Турчанинова Н. (начальника продовольственно-фуражной службы полка, до войны он жил в Симферополе), Омесова А. С. и других. О последнем стоит рассказать подробнее. Из справки Амурского партийного архива мне стало известно, что Алексей Семенович Омесов родился в 1892 г. в Нижнеуральске, участвовал в империалистической войне. После Февральской революции вел антивоенную агитацию на Юго-Западном фронте... С ноября 1917 г. — на ответственной советской работе на Дальнем Востоке. В период колчаковщины был арестован и приговорен к смертной казни, бежал, но был пойман и подвергнут пыткам. Бывал за границей: в Китае, Японии, Турции, Швейцарии. Данные эти были взяты из анкеты, заполненной в 1921 г. В 1-м запасном полку он выполнял обязанности зав. библиотекой и партийного кабинета. Призван в армию он был в 1941 г., видимо, добровольно, ибо возраст и физическое состояние его были явно непризывными. В полку техником-интендантом 3 ранга служила делопроизводителем и его жена Омесова Павла Григорьевна. Она родилась в 1900 г., в молодости была учительницей села Украинка Амурской области. В 1920 г. ее семья сильно пострадала от рук бандитов: был убит отец, брат и другие родственники. Позже работала в партийном клубе при окружном комитете ВКП(б) г. Благовещенска. В феврале 1942 г. вступила в члены ВКП(б). Супруги Омесовы погибли в каменоломнях. Мне удалось найти сына Омесова А. С. — Андрея Алексеевича. В 70-х гг. он работал председателем исполкома Раздольненского района Крыма, был очень авторитетным работником. Он мне сообщил, что Павла Григорьевна у его отца была второй женой, о судьбе своего отца он ничего не знает, ибо по всем документам он числился "без вести пропавшим на Крымском фронте".

Среди частей Крымского фронта был 65-й отдельный железнодорожно-восстановительный батальон, входивший в состав 36-й железнодорожной бригады, штаб которой находился на Северном Кавказе. Батальон выполнял задачи командования Крымского фронта по восстановлению железнодорожных путей, мостов, станционного хозяйства на Керченском полуострове. Получив приказ на эвакуацию, 14 мая батальон в полном составе и организованно с техникой прибыл к переправам в районе Еникале. Но скоро поступил новый приказ командования фронта: "Переправу отставить. Батальону прибыть в район пос. Аджимушкай и поддержать активными боевыми действиями сражающиеся там части". Понятно, что такой приказ мог быть отдан только в силу чрезвычайно сложных обстоятельств. Железнодорожники оказались одной из немногих частей фронта, которая не расплылась и оставалась управляемой. Перед командиром батальона капитаном Залкином Ф. М. была поставлена тяжелая задача: вести людей в бой, а некоторые из них не умели даже стрелять. Но несмотря на это, батальон железнодорожников занял оборону перед каменоломнями и левее их. Вместе с группой в 500 человек из 95-го пограничного отряда 15 мая все атаки фашистов они отбили.¹⁷⁰ Всего в район пос. Аджимушкай от железнодорожного батальона прибыло 800 человек, а его техническая рота во главе с ее командиром старшим лейтенантом Макаровым (до войны работал на станции Чуфарово Ульяновской области) осталась с техникой у переправ. Позже Макаров со своим

¹⁷⁰ Центральный архив пограничных войск, ф. 314, оп. 1, д. 3, лл. 8, 9; д. 4, лл. 39, 40.

личным составом благополучно переправился через пролив, а батальон почти весь погиб в каменоломнях.¹⁷¹

В составе подземного гарнизона в виде мелких групп и одиночек были представители буквально всех соединений и большинства частей Крымского фронта. Аджимушкайские каменоломни находились на пути от Керчи к переправам, поэтому масса людей их просто не могла пропустить. Одновременно каменоломни притягивали к себе всех. В них можно было укрыться от бомбежки хоть немного отдохнуть. Кроме того, здесь была какая-то организация, что в тех условиях беспорядочного и панического отступления играло не последнюю роль. Принято считать, что среди защитников каменоломен было много моряков. Вследствие этого заблуждения художник Н. Я. Бут на своих картинах любил изображать моряков в их форме. Но как свидетельствуют участники, моряков в каменоломнях почти не было. А как же 83-я бригада морской пехоты, участие которой в обороне Аджимушкайских каменоломен было известно еще в 1943–1944 гг.? Представители этой бригады, в основном после лечения в госпиталях, в каменоломнях были (Капран А. И., Панов А. П., Поважный М. Г. и др.), но они не носили морскую форму в 1942 г., а были одеты в армейское обмундирование.

16 мая линию обороны западнее пос. Аджимушкай удержать не удалось. В архиве сохранилось последнее донесение полковника Ягунова Н. М. из каменоломен. Привожу его полностью.

"Командующему войсками фронта (в его отсутствие командующему 51-й армии) 9 ч 30 мин. Каменоломня. 16 мая. Противник до 2-х рот при поддержке 16 танков овладел селом Аджим-Ушкой. В 8.30. 16 мая мною была предпринята атака с целью выбить противника из села. Атака оказалась неудачной ввиду отсутствия артогня. Имеются убитые и раненые. Потери подсчитываются. Связь с подразделениями и частями потеряна, за исключением подразделений, непосредственно охраняющих участки над каменоломнями. Справа в 8.30 прошли танки и автомашины от высоты 133,3 м направо. Полковник Ягунов".¹⁷²

Содержание этого документа говорит о многом. Но еще больше ощущаешь то, что имеется между строк. Это просьба, даже мольба: разрешить отход к переправам. Дошло ли это донесение до командования? Вовремя не дошло. Командир связи, которому было приказано доставить это донесение, все же сумел добраться до берега Керченского пролива, но до крепости Еникале, где располагалось командование 51-й армии, не добрался. В общей неразберихе около переправ он сумел переплыть пролив и передал это донесение командованию, когда уже было поздно что-то решать и предпринимать. Да и вряд ли командование дало бы свое согласие на отход группы Ягунова П. М. от каменоломен.

17 мая район Аджимушкайских каменоломен был окончательно окружен, началась их многомесячная оборона. В первые дни окружения подземные гарнизоны здесь стали центром консолидации других более мелких групп северо-восточнее Керчи. Из района с. Булганак в Малые Аджимушкайские каменоломни прорвалась группа командира 291-го горно-стрелкового полка подполковника Ермакова С. М. А из завода им. Войкова 19–20 мая прорвалась в Центральные каменоломни группа подполковника Бурмина Г. М., который позже сыграл большую роль в подземной обороне. Григорий Михайлович Бурмин родился в 1906 г., в пос. Слобода Спасского района Рязанской области. После смерти матери в 1916 г. беспризорничал, попал в детский приют, откуда бежал и 25.08.1918 г. записался в Красную Армию. С марта 1919 г. воевал с войсками Деникина, затем с поляками, 19 сентября 1920 г. был тяжело ранен. И это в 14 лет! Но ведь и известный детский писатель Аркадий Гайдар начал воевать в этом же возрасте. В январе-феврале 1921 г. Бурмин воевал с повстанцами

¹⁷¹ ЦАМО РФ, ф. 36-й железнодорожной бригады, оп. 366087, д. 1, лл. 84, 85; Воспоминания ветеранов 65 ОЖДВ б-на Лодыгина А. И., Бодрова К. М., Манцагарова И. С.

¹⁷² ЦАМО РФ, ф. 215, оп. 1185, д. 66, л. 84.

Антонова на Тамбовщине. В 1922 г. он вступил в комсомол, а в 1923 г. стал членом ВКП(б). В 1925 г. закончил 7 классов вечерней школы, в 1929 г. сдал экстерном экзамен за военное училище. В 1933 г. закончил бронетанковые курсы усовершенствования командного состава. Из аттестации 1936 г.: "Волевой командир, дисциплинирован, инициативен и смел. Постоянно работает над повышением своего уровня знаний. Очень честен, добросовестен, правдивый командир. Хорошо ориентируется в горно-таежной местности". 24.02.1938 г. за особые военные заслуги (в его личном деле не сказано за какие конкретно) Бурмин Г. М. был награжден орденом Красного Знамени, затем преподавал тактику в Орловском бронетанковом училище. С сентября 1940 г. по 1.04.1941 г. служил заместителем 11-го танкового полка отдельной танковой дивизии. С августа 1941 г. был командиром 108-го танкового полка, введенного в Иран. С конца 1941 г. исполнял обязанности заместителя 24-го танкового полка на Закавказском, а затем на Крымском фронтах. С 28.02.1942 г. командовал этим полком, газета Крымского фронта весной 1942 г. отмечала "героические подвиги подразделения товарища Бурмина". Во время боев на Акмонайском перешейке был ранен в шею и горло, лечился в Керченском госпитале, после чего сразу же принял участие в боях как командир сводной группы. Звание подполковника ему было присвоено 6.05.1942 г. У Бурмина Г. М. была жена Татьяна Ивановна и сын Игорь, 1932 г. рождения. После войны они жили в Горьком (Нижнем Новгороде).¹⁷³ Как видим, биография Бурмина Г. М. была необыкновенная, не случайно он стал преемником Ягунова П. М.

Первые дни окруженная группа советских войск в районе Аджимушкая вела ожесточенные бои, цель которых была вырваться из окружения и выйти на берег Керченского пролива для дальнейшей эвакуации. Участник этих событий Лодыгин А. И., проживавший после войны в Куйбышеве, в своих воспоминаниях рассказывает: "Сразу же после окружения наше командование решило пойти на пролом вражеского кольца в сторону завода Войкова и затем далее к берегу пролива. Для этого было мобилизовано все оружие. Атака началась рано утром, в наступление пошло 7–8 тысяч человек. Вначале мы продвинулись вперед, уничтожили несколько фашистских огневых точек, но дальше напоролась на массированный огонь противника. Пришлось отойти обратно в каменоломни. В этой атаке мы понесли большие потери". Об этой попытке вырваться из окружения и переправиться через пролив рассказывает также в своих мемуарах участник обороны каменоломен Пирогов А. И.,¹⁷⁴ о котором я расскажу ниже.

Сведения об активных боевых действиях группы Ягунова П. М. в первые дни окружения проникли и в германскую периодическую печать того времени. Журнал "Немецкая мощь", издававшийся только для генералов и офицеров фашистской армии, описывая бои 18–20 мая в этом районе, сообщает о каких-то советских десантах в своем ближнем тылу, которые были настолько сильны, что принуждали гитлеровцев оставлять захваченные перед этим позиции.¹⁷⁵ Никаких десантов, конечно, советское командование не могло высаживать, это были атаки подземного гарнизона. Первое время фашисты не знали ни расположения каменоломен, ни количество находившихся там воинов, а в связи с тем, что атакующие появлялись неожиданно, принимали их за десанты.

После войны немецкий генерал в Западной Германии Пико в своей книге "Загубленная пехота" писал: "Очищение города продолжалось более длительное время, так как значительные подразделения русских, превратившись в горняков, ушли под землю и превратили подземные лабиринты в гнезда сопротивления, откуда непрерывно и неожиданно

¹⁷³ ЦАМО РФ, личное дело Бурмина Г. М. Используются также воспоминания его жены и ветерана 55-й танковой бригады Чемоданова В. С.

¹⁷⁴ Пирогов А. И. Крепость солдатских сердец. М.: Изд. "Советская Россия", 1974, сс. 42–44.

¹⁷⁵ Deutsche Wehr, № 24, 1942, S. 327.

контратаковали". О сопротивлении защитников каменоломен, "возглавляемых несколькими фанатичными комиссарами", писал и Э. Манштейн в своих воспоминаниях.¹⁷⁶

Несмотря на то, что окруженным не удалось прорваться к местам погрузки на суда, их активные действия изматывали противника, лишали его возможности бросить все свои силы на оставшийся небольшой плацдарм, находившийся 18–20 мая еще в руках советских войск в районе Капканы, Опасное, Еникале.

Единогo подземного гарнизона в Малых Аджимушкайских каменоломнях, как в Центральных, где командовал Ягунов, не сложилось. Здесь образовались, по крайней мере, три группы, во главе которых стояли подполковник Ермаков С. А., старший лейтенант Поважный М. Г. и капитан Барлит С. Н. Видной фигурой в обороне этих каменоломен был батальонный комиссар Карпекин М. Н., который во время арьбергартных боев восточнее Керчи был послан в район каменоломен генерал-лейтенантом Козловым Д. Т. в качестве представителя штаба фронта и политуправления. На этих личностях следует остановиться подробнее, ибо их биографии, характеристики и участие в последних боях объясняют сложившуюся обстановку в этих каменоломнях.

Сергей Арсентьевич Ермаков родился в Петербурге в 1904 г. в рабочей семье. В юности был активным общественником, комсомольцем. В 1927–1936 гг. работал на Кировском заводе, одновременно был членом Ленсовета. В мае 1936 г. был призван в Красную Армию на командирскую должность. Из аттестации 1938 г.: "...политически и морально устойчив, бдителен. Связан с массами, с партийной и комсомольской организацией. Умеет правильно нацелить актив. Дисциплинирован, но болезненно реагирует на замечания. Требователен, способный, порученным делом овладевает быстро. Тактически подготовлен вполне удовлетворительно. Стреляет хорошо. Над повышением своих знаний работает постоянно, степень роста явно обнаружилась на осенних тактических учениях, где Ермаков командовал батальоном. Склонен к строевой работе. Имеются успехи в командовании ротой, она была лучшей в полку".

С июля 1939 г. по июль 1941 г. Ермаков С. А. учился в Академии имени Фрунзе, а в августе — сентябре 1941 г. принял участие в боях под Новгородом и Ленинградом, был ранен. После окончания Академии он получил звание капитан, в январе 1942 г. был майором, а в мае стал подполковником.¹⁷⁷

Образованность Ермакова С. А., его рабочая и общественная закалка, стремительный рост в воинских званиях затмевали скромный послужной список Поважного Михаила Григорьевича. Родился он в г. Краснокутске Харьковской области в 1897 году. Образование имел 3 класса церковноприходской школы. С мая 1916 г. по февраль 1917 г. воевал под Ригой с немцами в составе 173-го Каменец-Подольского полка. С февраля 1919 г. по октябрь 1920 г. участвовал в Гражданской войне, воевал с повстанцами Махно и Антонова. В 1921 г. после окончания 51-х пехотных курсов в Харькове служил в Красной Армии на командирских должностях. В службе имел скромные показатели, часто получал замечания от старших начальников. Мне Михаил Григорьевич с юмором рассказывая о себе: "Бывало, вызовет меня командир и начнет выговаривать мне нотацию такими словами: "Товарищ Поважный, служите Вы неважно..." В 1935 г. Поважный М. Г. был уволен из армии как неперспективный в будущем командир. Думается, что тогда руководство не разглядело в нем хорошего командира среднего звена, подобно офицеру-артиллеристу Тушину, описанному Л. Н. Толстым в романе "Война и мир". Поважный М. Г., как и Тушин, был очень скромный, незаметен, "боящийся начальство", но очень добросовестен, честен, хорошо знал свое дело. Такие командиры, как правило, близки к солдатским массам, а потому у подчиненных пользуются авторитетом. Поважный всю жизнь имел качество, которое называют "военная

¹⁷⁶ Pico M-F. *Missbrauchte Infanterie*. Frankfurt am. M.: 1957, S. 78. Манштейн Э. Указ. соч., с. 235.

¹⁷⁷ ЦАМО РФ, личное дело Ермакова С. А.

косточка". Это было видно всем.

Он всегда был дисциплинирован, опрятен, собран и общителен. После увольнения из армии он сразу же нашел себя в хозяйственной работе в Севастополе, откуда и был мобилизован 20 июля в 1-й запасной полк. В начале марта 1942 г. он был назначен командиром батальона 83-й бригады морской пехоты, в боях на Акмонайском перешейке был ранен и после госпиталя опять оказался в 1-м запасном полку.¹⁷⁸

В 1977 г. в г. Сумы на Украине мне удалось найти капитана Барлит Степана Николаевича, бывшего начальника штаба 195-го полка 72-й кавалерийской дивизии, который командовал казаками в районе пос. Аджимушкой. Вот отрывок из его воспоминаний: "Примерно 14 мая в пос. Аджимушкой я лично получил приказ от командира нашей дивизии генерал-майора Книги В. И. сформировать из оказавшихся в этом районе казаков группу (примерно 1,5 эскадрона) и включиться в оборону. Книга В. И. обещал обеспечить меня продовольствием, фуражом и боеприпасами. Но ничего этого я позже от него не получил. Конский состав мы укрыли в местных каменоломнях, которые были прекрасным убежищем. В Аджимушке никого из командиров нашей дивизии не было, в том числе и командира нашего полка подполковника Зачиняева. Мы организовали оборону совместно со стрелковыми подразделениями и не допустили противника в поселок. К утру, когда закончились боеприпасы, я отвел казаков в каменоломни. Позже (уже в окружении) бои продолжались, патроны мне давали "взаймы" друзья-пехотинцы. Кроме того, оружие и боеприпасы мы отбивали у фашистов".

Батальонный комиссар Карпекин Митрофан Николаевич родился в 1908 г. в Кричевском районе Могилевской области Белоруссии. Работал на железной дороге ремонтным рабочим, вступил в комсомол, затем был избран секретарем комитета комсомола цементного завода в Кричеве, а затем секретарем парткома. Перед войной с 1938 г. — первый секретарь Кричевского райкома партии, с мая 1941 г. работал в Могилеве секретарем партии по кадрам. Один из его товарищей по работе в Кричеве А. С. Милитиков (в 60-х годах работавший в Москве директором Всесоюзного историко-исследовательского института документирования и архивного дела) в своих воспоминаниях сообщил: "Митрофан Николаевич для всех нас, хорошо знавших его по работе, был самым близким человеком, образцом руководителя, человеком большой души, эталоном честности. Он всегда в первую очередь заботился о других, постоянно думал о людях, об общих делах государства". С первого дня Великой Отечественной войны Карпекин М. Н. занимался организацией отпора врагу на территории Могилевской области, создавал подполье и партизанские отряды, занимался эвакуацией людей, ценного имущества и документов. С сентября 1941 г. он учился на высших курсах усовершенствования политического состава Красной Армии в Перхушкове под Москвой, а затем в Белебее в Башкирии. В апреле 1942 г. он был назначен на Крымский фронт начальником отдела кадров автобронетанкового управления.¹⁷⁹

Ермаков С. М., старший по званию в Малых Аджимушкойских каменоломнях, был самолюбив, несколько высокомерен и поэтому сразу же не понравился Поважному М. Г. и Барлиту С. Н. Из старших начальников командовать здесь его никто не назначал, он оказался в каменоломнях случайно. Его группа была небольшая, и поэтому ему было не на кого опереться. К тому же у него не было совершенно продовольствия, и он вынужден был стоять "на довольствии" сначала у Барлита С. И., а затем у Поважного М. С. Все эти причины повлияли на то, что в этих каменоломнях не сложился гарнизон с крепким единым командованием.

¹⁷⁸ Там же, личное дело Поважного М. Г.

¹⁷⁹ Там же, личное дело Карпекина М. Н. Воспоминания его жены Юркевич Ф. Ф.

Глава 8. Газовая атака

Первое время защитники каменоломен контролировали участки территории около выходов, но фашисты с помощью танков и бронетранспортеров загнали их под землю. После того как бои стали стихать, местное население стало покидать каменоломни, гитлеровцы этому не препятствовали, но вышли не все. Под землей осталось несколько семей коммунистов из Керчи, представители иудейской религии (евреев и крымчаков), которых фашисты еще не уничтожили в конце 1941 г., гражданских служащих, обслуживавших воинские части еще до наступления, и других по самым разным причинам. Но таких было сравнительно немного, не более 150–200 человек в обеих каменоломнях.

Фашисты, упоенные взятием Керчи и всего полуострова, были горды и самоуверенны, они считали, что быстро уничтожат и "засевших в пещерах русских". Они пробовали ворваться в каменоломни через широкие входы, но это привело их только к потерям. Гитлеровцы, спустившись под землю с дневного света, ничего не видели, но одновременно были хорошими мишенями для защитников. Их без особых усилий расстреливали почти в упор. Фашистское командование, поняв, что это приводит к большим и безрезультатным потерям, решительно отказалось от такого штурма. Гитлеровцы знали о большой численности советских военнослужащих в каменоломнях и понимали потенциальную угрозу с их стороны и поэтому решили пойти в конце концов на преступление — использовали против защитников химические отравляющие вещества, которые было запрещено применять по международным соглашениям. Об этом применении было известно в 1942 г. и особенно после того, как район был освобожден от оккупантов. Этот факт использовался советской пропагандой для привития ненависти к фашистским захватчикам. Подробное описание газовой атаки есть в дневнике Трофименко А. И., и я его использую в виде большой цитаты. "...Грудь мою что-то так сжало, что дышать совсем нечем. Слышу крик, шум, быстро схватился, но было уже поздно. Человечество всего земного шара, люди всех национальностей! Видели вы такую зверскую расправу, какую применяют германские фашисты? Нет! Я заявляю ответственно — история нигде не рассказывает нам о подобных извергах. Они дошли до крайности. Они начали давить людей газами. Полны катакомбы отравляющим дымом. Бедные детишки кричали, звали на помощь своих матерей. Но, увы, они лежали мертвыми на земле с разорванными на грудях рубашками, кровь лилась изо рта. Вокруг крики: "Помогите! Спасите! Покажите, где выход, умираем!" Но за дымом ничего нельзя разобрать. Я с Колей был без противогазов. Мы вытащили 4-х ребят к выходу, но напрасно: они умерли на наших руках. Чувствую, что я уже задыхаюсь, теряю сознание, падаю на землю. Пришел в себя. Мне дали противогаз. Теперь быстро к делу — спасать раненых, что были в госпитале. Ох, нет, не в силах описать эту картину! Пусть вам расскажут толстые каменные стоны катакомб, они были свидетелями этой ужасной сцены. Вопли, раздирающие стоны, кто может — идет, кто не может — ползет, кто упал с кровати и только стонет: "Помогите, милые друзья! Умираю, спасите!" Белокурая женщина лет 24-х лежала вверх лицом на полу, я приподнял ее, но безуспешно. Через 5 минут она скончалась. Это врач госпиталя. До последнего дыхания она спасала больных, и теперь она, этот дорогой человек, удушена. Мир земной, Родина! Мы не забудем зверств людоедов, живы будем — отомстим за жизнь удушенных газами. Требуется вода, чтобы смочить марлю и через мокрую дышать. Но воды нет ни одной капли. Таскать к отверстию нет смысла, потому что везде бросают шашки и гранаты... Выходит, один выход — умирать в противогазе... Может быть, и есть, но теперь поздно искать. Гады, душители. За нас отомстят другие. Несколько человек вытащили ближе к выходу, но тут порой еще больше газов. Колю потерял, не знаю, где Володя, в госпитале не нашел, хотя бы в последний раз взглянуть на них. Пробираюсь на центральный выход, думаю, что там меньше газов. Но это только предположение... теперь я верю в то, что утопающий хватается за соломинку. Наоборот, здесь большее отверстие, а поэтому здесь больше пущено газов. Почти у каждого отверстия 10–20 человек, которые беспрерывно пускают ядовитые газы-дым. Прошло 8 часов, а он все душит и душит. Теперь

уже противогазы пропускают дым, почему-то не задерживают хлор. Я не буду описывать, что делалось в госпитале на Центральной, такая же картина, как и у нас, но ужасы были по всем ходам, много трупов валялось, по которым еще полуживые метались то в одну, то в другую сторону. Все это, конечно, безнадежно. Смерть грозила всем, и она была так близка, что ее чувствовал каждый. Чу! Слышится пение "Интернационала". Я поспешил туда. Перед моими глазами стояли 4 молодых лейтенанта. Обнявшись, они в последний раз пропели пролетарский гимн... 180

Какой-то полусумасшедший схватился за рукоятку "максима" и стал стрелять куда попало. Это предсмертная судорога. Каждый пытался сохранить свою жизнь, но увы! Труды напрасны. Умирали сотни людей за Родину. Изверг, гитлеровская мразь, посмотри на умирающих детишек, матерей, бойцов, командиров. Они не просят пощады, не становятся на колени перед бандитами, издевавшимися над мирными людьми. Гордо умирают за свою любимую священную Родину... Но трудности в борьбе за Родину выявили и лицо шатких, неустойчивых предателей, не наших людей, но в нашей форме. Дрожа за свою жизнь, забыв общее дело, свою клятву, они уходили в плен. Таких нужно стрелять". 181

Описание жуткое, кое-кто может посчитать это выдумкой, этакой "страшилкой", но это было... Единственно, что я предполагаю, это "сгущение красок" в литературном плане.

Понятно, что во время газовой атаки автор не все видел, записал он все это позже, что-то ему рассказывали и его товарищи. И все же к дневнику, как и к любому документу (тем более к личному), надо относиться критически. Автор пишет о женщинах и детишках, которых он спасал вместе с Колей. Это был Филиппов Н. Д., и он остался жив. Николай Дмитриевич мне рассказывал, что у его друга Володи Костенко в Керчи появилась близкая женщина Александра Клиноква, которая проживала на ул. Азовская, 39. Она с грудным ребенком осталась в каменоломнях и попала под газовую атаку. Вот ее с ребенком и спас Филиппов вместе с автором дневника. В своем письме к родителям Костенко в Ставрополе (конец 1944 г.) она упоминала всех трех друзей и еще писала: "Через 2 месяца, а может быть и больше, после моего выхода из каменоломен я видела одного пленного, который мне сообщил, что Володя и Саша живы, но выходить не хотят, говорят, что умрем, но знаем, что за Родину, но к немцу, врагу нашему, в плен не пойдем... И вот уже два года я не имею о них никаких известий. В г. Ворошиловске (ныне Ставрополь) по ул. "Переезд Фрунзе" в доме 14 живет Филиппов Николай, если он вернулся домой, то он расскажет о Володе".

Филиппов Н. Д. после войны, пройдя немецкий плен, вернулся в Ставрополь и женился на сестре своего друга Володи Костенко.

Из приведенного отрывка дневника о женщинах и детях в 1943–1944 гг. был сделан вывод, что в Аджимушкских каменоломнях фашистами были уничтожены газами тысячи мирных жителей, хотя этого в действительности не было. Вывод попал в прессу, в некоторую историческую литературу. Это мнение до сих пор иногда проявляется в трудах некоторых некомпетентных историков и особенно у журналистов.

Первая газовая атака была осуществлена днем 25 мая (запись Трофименко А. И.). К

180 Здесь по цензурным соображениям, при публикации была пропущена фраза, что эти лейтенанты с криками "За Родину! За Сталина!" расстреляли себя. В первые дни войны на экранах кинотеатров СССР вышел кинофильм "Случай в вулкане", где показано, как люди-вулканологи, спасаясь от горящей лавы, забралась в пещеру. Готовясь к гибели, они пели "Интернационал". Эта сцена тогда очень взволновала и запомнилась многим зрителям. Моя родственница, активная комсомолка-общественница, Михайлова А. В. рассказывала: "С приходом немецких оккупантов летом 1941 г. в район станции Дно на Псковщине меня арестовали и повели на расстрел. Первая мысль, которая при этом пришла мне в голову, — это запеть "Интернационал". Правда, в этот момент согнанное население нашего колхоза стало просить за меня немецкого начальника, и он освободил меня от расстрела". Очевидно, у многих советских людей в условиях сильнейшей пропаганды большевиков образовался своеобразный рефлекс: перед гибелью петь "Интернационал", и в соответствующий момент он срабатывал.

181 В катакомбах Аджимушкская, 1982, сс. 67–69.

этому времени, как я уже писал, местные жители вышли из каменоломен и разошлись по своим домам, если их жилища остались целы после ожесточенных боев. Мнение о больших жертвах среди гражданского населения от применения газа решительно опровергают сами жители Керчи и Аджимушкая, которые тогда вышли из каменоломен. Некоторые из них до сих пор живы.

Командование Центральных Аджимушкских каменоломен приняло меры, чтобы сообщить советскому командованию о применении гитлеровцами химических отравляющих веществ. Начальник радиостанции каменоломен старший лейтенант Казначеев Ф. Ф. в своих воспоминаниях писал: "В момент первой газовой атаки на рацию прибыл начальник обороны полковник Ягунов и старший батальонный комиссар Парахин с большой группой командиров. Ягунов вручил мне радиограмму, приказал сейчас же передать в эфир следующее: "Всем народам Советского Союза! Мы, защитники обороны города Керчи, задыхаемся от газа, умираем, но в плен не сдаемся!" Эту радиограмму я передал трижды микрофоном, трижды повторил также телеграфным ключом Морзе".¹⁸²

После нескольких часов газовой атаки гитлеровцы сделали перерыв. Воспользовавшись этим, командование подземного гарнизона организовало строительство газоубежищ. Для этого защитники использовали камень-ракушечник из которых сооружали стены. Зазоры между камнями затыкали тряпками, бумагой, замазывали грязью. Во время газовых атак большинство личного состава находилось в этих убежищах, и они надежно защищали людей от газа. Поэтому последующие газовые атаки, которые продолжались в течение нескольких недель, уже не имели эффекта. Газ, естественно, осложнял жизнь и борьбу подземного гарнизона, но потери среди личного состава были уже незначительные. Кроме того, концентрация отравляющих веществ в каменоломнях не везде была одинаковой. В Малых каменоломнях ядовитый дым эффекта вообще не имел. Он туда шел плохо, вероятно, из-за того, что эти каменоломни глубже и в них было плохое движение воздуха.

Но для гарнизона Центральных каменоломен последствия первой газовой атаки были катастрофическими. В дневнике Трофименко А. И. сообщается, что в подземных штольнях только на территории одного батальона было подобрано и похоронено 824 человека.¹⁸³ Не меньше погибших, очевидно, оказалось и на поверхности земли. Интересно свидетельство врача 170-го полевого подвижного госпиталя Зеленина Николая Ивановича, который сообщил в своей объяснительной записке (писал он ее в конце декабря 1956 г., в г. Виноградове Закарпатской области Украины, где работал преподавателем медицинского училища) следующее: "...Немцы стали забрасывать шахты шашками, доведя концентрацию до такой степени, что противогазы не выдерживали. 25 мая, не знаю какими судьбами, я очутился на поверхности раздетый, с опухшим лицом, руками и шеей, с рачьими глазами. Я издавал пищащие звуки при вдохе и выдохе. Позже я узнал, что мертвых немцы сваливали в братскую могилу, там и были позже найдены мои документы, которые были пересланы в санитарное управление Вооруженных сил СССР. Людей, подающих признаки жизни, гитлеровцы брали в плен. На руках пленных я был перенесен в с. Марфовка в госпиталь для русских военнопленных, где, будучи в тяжелом состоянии, меня заставили работать в качестве врача".¹⁸⁴

О применении химических отравляющих веществ в борьбе с советскими воинами под Керчью говорят и немецкие источники. Из "Военного дневника" Ф. Гальдера известно, что представитель гитлеровской ставки генерал химических войск Окснер 13 июня 1942 г. докладывал о своей поездке в Крым и об участии в боях за Керчь химических

¹⁸² История Второй Мировой войны 1939–1945. Т. 5, с. 125.

¹⁸³ В катакомбах Аджимушкая, 1982, с. 74.

¹⁸⁴ ЦАМО РФ, личное дело Зеленина И. И.

подразделений.¹⁸⁵ Надо полагать, что Окснер являлся если не инициатором, то первой фигурой в деле технического исполнения чудовищного преступления против аджимушкайского подземного гарнизона.

Газовая атака была непосредственно организована специальной командой СС, прибывшей из Берлина, при участии 88-го саперного батальона под командованием капитана Г. Фрейлиха. По рассказам участников обороны и по документам, отравляющие вещества представляли удушливый дым с запахом хлора, а также со специфическим запахом, от которого во рту оставалось чувство сладости. Под землю фашисты забрасывали специальные гранаты и шашки, от действия которых шел ядовитый дым. Кроме того, дым накачивался в каменоломни компрессорами через шланги и трубы и из специальных баллонов. Важные свидетельства сообщил на севастопольском процессе в октябре 1947 г. санитар Ранкель М. Г. из немецкого 88-го саперного батальона: "О том, что солдаты нашего батальона применяли гранаты с газами для удушения людей, я слышал... К нам на склад привезли ящики с гранатами, которые хранились у нас, и часовой к ним никого не допускал, ибо это считалось секретным оружием. Унтер-офицер Бонфик показал мне одну гранату. Она была похожа на обыкновенную немецкую гранату, но корпус ее был немного больше. Бонфик сказал, что она начинена химическими отравляющими веществами. В конце июля 1942 г. в амбулаторию нашего батальона привезли два трупа. Врач батальона Пиркгауэр рассказывал нам, санитарам рот, что эти люди умерли от отравления газом. Газ вводился в шахты с помощью забрасывания туда гранат, они взрывались и образовывали газовую дымовую завесу. Действие газов имело смертельное действие в том случае, если не было притока свежего воздуха".

На этом же процессе выступали и местные жители из Керчи: Л. Х. Данченко, В. М. Жилко, Т. М. Медведева, С. П. Безносков, А. И. Пироженко. Все они во время газовой атаки находились в каменоломнях и подвергались действию отравляющих веществ, но массовую гибель гражданских лиц никто из них не подтвердил.¹⁸⁶ Местный житель М. П. Радченко мне рассказывал: "Я с несколькими местными жителями поселка Аджимушкай находился в каменоломнях отдельно от военных. При газовой атаке дышать нам было тяжело, ибо противогазов у нас не было. Но, несмотря на это, никто из наших не умер от ядовитого дыма. Для того чтобы лучше было дышать, мы ложились на землю: внизу дыма было еще меньше. Некоторые вырывали даже ямку и, опустив туда голову, дышали".

Какие же отравляющие вещества применяли фашисты? Еще в 60-х годах керченские школьники В. Истратов и И. Демиденко нашли в каменоломнях небольшой газовый баллон с немецкой маркировкой. Экспедиции 1972–1974 гг., а также летом 1986 г. нашли много ампул с химическими веществами, полусгоревшие газодымные шашки и развалившийся на осколки тонкостенный корпус гранаты немецкого производства. Сами шашки, даже спустя много лет после сгорания, имели резкий запах чего-то острого, какой-то гнили, от них слезились глаза, першило в горле. И все это было несмотря на длительное пребывание остатков вещества под завалом в земле. Участников поисков в Аджимушкае и ранее волновали вопросы о применении там отравляющих веществ. Вопросом использования фашистами химических веществ занялся один из членов нашей экспедиции Г. Н. Князев. Он добился, что все находки прошли экспертизу химиков в Москве, на основании которой были составлены акты, которые ныне находятся в Керченском музее. Вот один из выводов экспертизы: "Образец № 2 представляет собой дымовую шашку нейтрального (белого) дыма на основе окиси цинка и хлорированных углеводородов. При сгорании таких шашек образуется

¹⁸⁵ Гальдер Ф. Военный дневник. Т. 3, кн. 2, с. 263.

¹⁸⁶ Архив государственной безопасности республик Крым Украины (Далее: АГБР Крыма). Процесс над военными преступниками Енекке и др. д. 2262, т. 19, л. 248; т. 20, лл. 66, 95, 114, 122, 139. Кондратьев В. Мертвые обвиняют. Газета "Красная Звезда" от 10.03.1965.

фосген". Популярно эти акты ученые-химики прокомментировали так: "Эти шашки на самом деле газодымные, предназначенные для использования в закрытых помещениях, где смерть наступает прежде всего от отравляющих веществ малой концентрации — хлора и фосгена, а не от дыма. Фашисты, разрабатывая такие шашки, скрывали свое истинное намерение применять отравляющие вещества под прикрытием дыма — в смеси с ним. Можно ли, рассматривая каменоломни как такое закрытое помещение, считать, что смерть наступила прежде всего от отравляющих веществ? Да, это как раз тот пример использования подобных шашек, когда смерть наступает от удушья газами..." Вот ведь на какую замаскированную хитрость пошли фашисты, и эту уловку удалось разоблачить только нашей экспедиции.

В 1971 г. вышла книга Александрова Г. Н. "Нюрнберг вчера и сегодня". Ее автор возглавляя следственную часть советской делегации на международном процессе против главных военных преступников. Князев Г. Н. добился с ним встречи. Вот что рассказал Александров Г. Н.: "Тогда, в 1947 г., у нас не было прямых и вещественных доказательств использования газов в Аджимушкае. Были лишь показания оставшихся в живых свидетелей... Вот почему на Нюрнбергском процессе не фигурировал Аджимушкой, да и в изданное собрание документов процесса он тогда не вошел..."¹⁸⁷

Следы многочисленных газовых атак в Центральном каменоломне сохранялись даже в 60-х годах. Стены, потолок, а в некоторых местах и пол, были покрыты слоем дымных осадков, от которых шел резкий запах химических веществ. Кроме того, от долгого пребывания в каменоломнях появлялась легкая резь в глазах.

Глава 9. Подземный гарнизон живет и действует

Сама по себе жизнь под землей в течение длительного времени уже представляет определенное испытание, но жизнь, осложненная борьбой с сильным противником, при остром недостатке воды, питания, освещения и просто свежего воздуха — предел всех испытаний. И все же, несмотря ни на что, подземный гарнизон Аджимушкайских каменоломен не только держался, но и боролся, нанося врагу чувствительные потери.

Боевые действия гарнизона Центральных каменоломен можно разделить на три неравных периода. Первый — с момента окружения и до газовой атаки (с 18 по 24 мая). Этот небольшой отрезок времени характеризуется ожесточенными боями, цель которых прорвать кольцо окружения и выйти на берег пролива для дальнейшей эвакуации. Второй период можно назвать активной обороной, он значительно больше по времени: с 25 мая и до (приблизительно) начала августа. В этот период велась перестрелка, разведка, делались попытки установить связь с Большой Землей, керченским подпольем, периодически проводились вылазки против фашистов, окружавших каменоломни. Третий период (последний) можно назвать пассивной обороной, он длился с августа до конца октября. В этот период сил на большие вылазки у подземного гарнизона уже не было, оставшийся в живых личный состав охранял выходы, не допускал в каменоломни фашистов. Кроме того, велась разведка, иногда шла ружейно-пулеметная перестрелка.

Такая периодизация боевых действий относится только к гарнизону Центральных каменоломен, так как для Малых третий период, как это видно из дневника Клубукова А. И., начался значительно раньше.

Воспоминания участников и найденные в каменоломнях документы говорят, что боевые действия, которые вел подземный гарнизон, напоминают оборону укрепленного района, а не партизанские. Характерно, что и фашистское командование, как это видно из немецкого "донесения", не считало защитников каменоломен партизанами. К взятым в плен защитникам гитлеровцы относились как к обычным пленным. Естественно, к общему правилу делали поправки: уничтожали всех евреев, политработников и коммунистов, если

¹⁸⁷ Князев Г. Н., Проценко И. С. Доблесть бессмертна. Сс. 57, 58, 60.

обнаруживали партийные документы. Среди оставшихся в живых участников обороны каменоломен мне не удалось найти ни одного политработника выше политрука. Прошедшие плен политруки, естественно, скрывали от гитлеровцев свое звание и должность в армии.

Сколько же было защитников Аджимушкских каменоломен? Читатель, видимо, давно уже задал этот вопрос, и на него следует ответить более подробно. 26 мая Трофименко А. И. в своем дневнике записал: "Полк обороны Аджимушкских каменоломен... сформирован наскоро, сначала насчитывал до 15 тыс. людей".¹⁸⁸ Это количество относится к периоду до газовой атаки. А вот другие данные. Остался живым после аджимушкской трагедии начальник продовольствия Центральные каменоломен Пирогов А. И., который должен был знать точное число довольствующихся. В своей объяснительной записке после войны он называет количество защитников "10 тысяч человек с лишним".¹⁸⁹ В это количество, названное Трофименко и Пироговым, естественно, не вошло количество защитников Малых каменоломен и других изолированных штолен от обоих гарнизонов. А такие были. Сохранившиеся документы и особенно показания местных жителей свидетельствуют, что подземные убежища в районе пос. Аджимушкай были буквально забиты военнослужащими-окруженцами, определенные сведения о которых до нас просто не дошли. Интересно, что Ваулин Н. И. в своей статье 1945 г. называет в районе Аджимушкай не два сложившихся здесь гарнизона, а три.

О первоначальном количестве защитников Малых каменоломен немецкое "донесение" сообщает точно до одного человека — 2011 человек. Похожее количество называет в своей объяснительной записке и начальник штаба в группе Поважного лейтенант Шкода В. П. Это 2211 человек.¹⁹⁰ Ясно, что это число взято было из одного какого-то документа, только одна цифра в числе (2011 и 2211) при переписке или перепечатке была перепутана. Документ-источник можно назвать довольно точно, это была книга приказов штаба Малых каменоломен, которую вел Шкода В. П. Она попала в руки гитлеровцев при пленении последней группы, о чем я расскажу позже. Следует сказать, что в этой "книге" учитывался только личный состав 1-го запасного полка, попавший на довольствие.

В самом начале обороны каменоломен число окруженных здесь фашисты определяли от 20 и даже до 30 тыс. человек. Это количество называли немецкие солдаты и офицеры 46-й пехотной дивизии, окружавшей каменоломни, доходили они через врагов и до местных жителей, фигурировали они и на севастопольском процессе в 1947 г.¹⁹¹ Думается, что эти числа не были сильно преувеличенными. Так что число 20 тыс. окруженных в районе пос. Аджимушкай было вполне реальным.

Естественно, что с каждым днем количество защитников уменьшалось. После газовой атаки, как известно из дневника Трофименко А. И., осталось до 3 000 человек. А 3 500 человек называет немецкое "донесение". 4 июля Клабуков А. И. в своем дневнике, со слов прибывших в Малые из Центральные каменоломен, сообщает, что численность гарнизона там около 1 000 человек, причем командиров и политработников 800, а рядовых и сержантов 200.¹⁹²

Формирование любой воинской части требует значительного времени, средств и сил. Но командованию подземных гарнизонов приходилось вести формирование в боевых

¹⁸⁸ В катакомбах Аджимушкай, 1982, с. 72.

¹⁸⁹ ЦАМО РФ, личное дело Пирогова А. К.

¹⁹⁰ Там же, личное дело Шкоды В. П.

¹⁹¹ АГБР Крыма, д. 2262, л. 223.

¹⁹² В катакомбах Аджимушкай, 1982, сс. 77, 121.

условиях, в полном окружении и при сильном воздействии со стороны врага. Уже это говорит о выдающихся заслугах командования и крайнем напряжении всего личного состава.

Гарнизон Центральных каменоломен после газовой атаки состоял из 3-х батальонов, защищающих 3 специально выделенных участка, которые в свою очередь делились на сектора. В секторах имелось несколько амбразур, около которых постоянно находились воины, вооруженные стрелковым оружием и гранатами. При сформированном штабе были отделы, которые руководили разработкой планов боевых действий, охраной, разведкой, связью, а также служба продовольствия, добычи и распределения воды, медицинская. Кроме того, был сформирован политический, особый отдел, военный трибунал.

О количестве оружия фашистское "донесение" сообщает следующее: "В Центральных каменоломнях было 1 700 винтовок, 5 пулеметов "максим", 8 минометов, 6 автоматов, 30 автоматических винтовок и 80 тысяч патронов. В Малых каменоломнях вооружение состояло из винтовок, 4 пулеметов "максим", 6 минометов, 8 автоматов, 25 автоматических винтовок. Патронов здесь было больше чем достаточно, но они отсырели". В "донесении" почему-то не указаны противотанковые ружья, которые использовали защитники в первые дни боев против фашистских танков. Но вообще-то количество оружия, находящегося в Центральных каменоломнях, на мой взгляд, гитлеровцы преуменьшили. К концу обороны и здесь патроны отсырели и постоянно делали осечки.

Документы и воспоминания оставшихся в живых участников донесли до нас имена командиров и политработников подземных гарнизонов. Заместителем Ягунова был полковник Верушкин Федор Алексеевич. Он родился 16.05.1897 г. в д. Семеновка Бережковского сельского совета Егорьевского района Московской области. В 1916 г. был призван в армию, а затем в 1918 г. — в Красную Армию. Воевал в 1919–1920 гг. на Южном фронте, а весной 1921 г. в Закавказье. В 1923 г. закончил артиллерийские курсы, а в 1926 г. артиллерийскую объединенную школу в Киеве, в 1936 г. инженерно-командный факультет Военно-химической академии имени Ворошилова. В 1939 г. прослушал курс лекций Академии Генерального штаба. Член ВКП(б) с 1924 г. С 14.08.1941 г. был начальником химических войск 51-й армии. 22 марта 1942 г. был назначен начальником штаба 320-й стрелковой дивизии и скоро после этого за неудачи во время ведения боев по указанию Мехлиса Л. З. был снят с должности и отдан под суд.¹⁹³ Во время следственного разбирательства жил в Керчи и во время боев попал в каменоломни. После войны в Москве откликнулись на публикации в прессе его дочери — Надежда и Нина.

Начальником штаба в Центральных каменоломнях был старший лейтенант Сидоров Павел Ефимович. Он родился 5.11.1916 г. в д. Андроновое Бородинского района Смоленской области. На Крымском фронте он был старшим помощником начальника 1-го отдела кадров штаба фронта, а до этого был начальником строевого отдела Бакинского училища.¹⁹⁴ Назначение на должность начальника штаба подземного гарнизона объясняется просто: его хорошо знал Ягунов П. М. по совместной службе в Баку. Очевидно, в каменоломнях Сидоров П. Е. в основном занимался необходимой штабной текучкой, а разработкой боевых операций занимались более опытные командиры: Верушкин Ф. А., Бурмин Г. М., Левицкий В. М., Панов А. П. и др. Панов Аркадий Павлович в каменоломнях был одним из командиров батальона, он родился в 1902 г., с 1919 по 1928 гг. служил в Красной Армии, был командиром. Затем работал на руководящей партийной и советской работе в Полтаве. В 1939 г. снова был призван в армию, в 1941 г. защищал Одессу, где был ранен. В конце 1941 г. участвовал в десанте командиром батальона на Керченском полуострове в составе 83-й бригады морской пехоты. 29.02.1942 г. снова был ранен и, находясь в "резерве", стал одним из организаторов обороны каменоломен.

¹⁹³ ЦАМО РФ, личное дело Верушкина Ф. А.

¹⁹⁴ Там же, личное дело Сидорова П. Е.

Заместителем Ягунова П. М. по тылу был Колесников Сергей Терентьевич. В 1941 г. он закончил Академию тыла, на Крымском фронте был начальником вещевого снабжения 51-й армии. С отходящими войсками армии очутился в каменоломнях, где попал в окружение.

В конце июля 1942 г. во время вылазки попал в плен, с группой аджимушкайцев был этапирован в лагерь военнопленных на Украине, но с эшелона во время движения поезда бежал вместе с курсантом авиашколы Шаматовым Н. В. Скитался по украинским деревням и в марте 1943 г. около Харькова перешел линию фронта. За "сдачу в плен" был разжалован в рядовые и воевал в 6-м штурмовом офицерском батальоне, затем командовал этим же батальоном, был тяжело ранен. После выздоровления был восстановлен в воинском звании и назначен начальником вещевого снабжения 46-й армии, а затем начальником тыла этой же армии. В 1969 г. я вместе с Шаматовым Н. В. разыскал Колесникова С. Т. в одной из деревень Калужской области, где он работал агрономом колхоза "Угра". Жил он с больной женой очень неблагоустроенно. После смерти жены над ним взял шефство Князев Г. Н. Через Министерство социального обеспечения он добился для Сергея Терентьевича назначения хорошей пенсии, а потом способствовал переселению его в Керчь, где ему была дана благоустроенная квартира. С этого времени Колесников стал активным популяризатором подвига аджимушкайцев.

Начальником продовольственного отдела в Центральных каменоломнях Ягуновым П. М. был назначен Пирогов Андрей Иоанникович. Он родился 1.10.1898 г. в Кировограде (Елисаветграде). В Гражданскую войну с 1918 г. по 1921 г. воевал фельдшером. На Крымском фронте исполнял обязанности начальника продовольствия 51-й армии. Попал в плен в сентябре 1942 г., пройдя ряд лагерей для военнопленных, попал в известный Маутхаузен в Австрии, где действовала среди узников подпольная организация сопротивления во главе с интернациональным лагерным комитетом. Пирогов А. И. входил в этот комитет, который 5–7 мая 1945 г. поднял восстание и освободил лагерь от фашистов. Во время поездки в Европу Н. С. Хрущев упомянул имя Пирогова А. И. как одного из руководителей этого комитета. С этого момента имя Пирогова стало широко известно, что дало ему возможность написать и издать интересную книгу воспоминаний о Крымском фронте и обороне Аджимушкайских каменоломен¹⁹⁵.

Начальником политотдела в Центральных каменоломнях был назначен батальонный комиссар Храмов Федор Иванович. Биография его и послужной список довольно обычны для политработника того времени. Родился он в декабре 1907 г. в селе Бузаевка Кинельского района Куйбышевской области. С юности работал в сельском хозяйстве. В 1925 г. вступил в комсомол. В 1928–1929 гг. работал председателем местного комитета профсоюза на сахарном заводе. В 1930 г. вступил в ВКП(б). В 1931–32 гг. был секретарем бюро ВЛКСМ 8-го кавалерийского полка 2-й кавдивизии. В 1932 г. закончил курсы политсостава в Полтаве, а в 1933 г. сдал экзамен экстерном за военное училище. В 1940 г. закончил военно-политическое училище пропагандистов в г. Смоленске. Из партийного отзыва Буркина П. А. в июне 1939 г.: "Храмов много работает по организации нашей части, он был организатором социалистического соревнования во время построения казарм и конюшен. Товарища Храмова видишь поздно вечером в подразделениях и рано утром беседующим с бойцами и командирами, помогающего в работе". С ноября 1940 г. Храмов служил инструктором пропаганды 124-го горно-кавалерийского полка 20-й горно-кавалерийской дивизии Среднеазиатского военного округа. С июня 1941 по январь 1942 он служил старшим инструктором по организации партийно-политической работы в политотделе 27-го механизированного корпуса. В конце марта назначен военным комиссаром полка Крымского фронта. У него была жена Валентина Николаевна, урожденная Владимирова, учительница из

¹⁹⁵ Пирогов А. И. Крепость солдатских сердец. 1974; Советская Историческая энциклопедия. Т. 9, сс. 190–191.

Старо-Константинова Хмельницкой области, и дочь Светлана.¹⁹⁶ Светлану мне удалось найти в г. Свердловске Луганской области на Украине.

Руководители особого отдела и военного трибунала в гарнизоне Ягунова до сих пор остаются неизвестными.

Из командиров и политработников подразделений Центральных каменоломен известны немногие. Следует сказать, что из-за постоянных боев, ранений, тяжелых условий жизни они часто выходили из строя, но сразу же заменялись новыми, ибо в "резерве" их было много на положении рядовых бойцов. Капитан Капран Александр Илларионович до каменоломен успел повоевать при обороне Одессы, освобождал Керчь и Феодосию в конце 1941 г., был ранен. Вовремя майских боев за Керчь командовал сводным офицерским батальоном, а потом попал в каменоломни. Очевидно, здесь он и погиб, в пос. Озинки Саратовской области мне удалось найти его дочь Нелли.¹⁹⁷

Капитан Скрыль Иван Саввич зимой 1942 г. воевал командиром роты 768-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии, которой в это время командовал Ягунов П. М. После ранения и излечения в госпитале принял участие в боях на заводе им. Войкова, после чего с группой прорвался в Центральные каменоломни. Попал в плен в конце сентября, в конце войны содержался в лагере военнопленных Маутхаузен, умер в январе 1980 г. Капитан Свиридов Петр Иванович был начальником штаба 65-го отдельного железнодорожно-восстановительного батальона. После ранения командира батальона Залкина Ф. М. командовал остатками группы железнодорожников, попал в плен и умер в керченском лагере. О командирах Путине М. А. и Рогове И. М. я расскажу дальше.

Дошли до нас и фамилии некоторых политработников Центральных каменоломен: Верхутин П. Л., Метлов И. И., Овчаров П. Л., Семенюта В. А. Характерно, что все они до войны работали в партийных, советских, профсоюзных органах, затем были мобилизованы, прошли ускоренную военную подготовку в Сталинграде и прибыли в Керчь, где до немецкого наступления состояли в резерве фронта. Говоря о политработниках, следует сказать особо о старшем политруке Исакове Сергее Михайловиче. Он родился 25.09.1906 г. в селе Лялино Ключевского района Новосибирской области. Во второй половине 30-х гг. он служил помощником командира взвода 78-го артиллерийского полка, затем с 1939 г. политруком батареи 347-го артиллерийского полка 107-й стрелковой дивизии. 22 января 1942 г. был ранен на фронте в руку, а 23 марта был направлен на Крымский фронт в распоряжение Мехлиса Л. З. По воспоминаниям участников, он выполнял обязанности военкома "резерва" Крымского фронта, которым командовал капитан Левицкий В. М. В Центральных каменоломнях был комиссаром штаба.¹⁹⁸ Мне удалось в Новосибирске найти его жену Евстолею Петровну, сына Александра и брата Леонида, последний был профессором железнодорожного института.

Активную роль при обороне Центральных каменоломен сыграл политрук Лодыгин Артемий Иванович из 65-го отдельного железнодорожно-восстановительного батальона. Он прошел плен и позже проживал в Куйбышеве, своими воспоминаниями много сделал для изучения подземной обороны. Я с ним встречался и переписывался.

В Малых каменоломнях оборона тоже строилась по типу укрепленного района, структура организации была такая же, как и в Центральных, но менее развитая и упрощенная. Начальником штаба у Поважного М. Г. был лейтенант Шкода Владимир Павлович. Он родился в 1906 г. в с. Ульяновка Гребенковского района Полтавской области. Перед войной работал сельским учителем, в 1-м запасном полку был помощником

¹⁹⁶ ЦАМО РФ, личное дело Храмова Ф. А.

¹⁹⁷ Там же, личное дело Капран А. М.

¹⁹⁸ Данные об Исакове С. М. взяты из картотеки политработников при ЦАМО РФ.

начальника штаба.¹⁹⁹ Как уже говорилось, военным комиссаром у Поважного с 15 мая был старший политрук Манукалов Алексей Николаевич, он родился в 1908 г. в Донбассе. Работал шахтером, затем трактористом, секретарем партийного комитета совхоза в Крыму. Перед войной работал заведующим военным отделом Феодосийского горкома партии.²⁰⁰ В самом начале обороны каменоломен, когда фашисты загнали защитников под землю, с Манукаловым А. Н. произошла такая история. Ее рассказали Поважный М. Г. и писарь штаба полка Ильясов С. Ф.

В разгар боя от входа в Малые каменоломни в штаб прибежал посыльный и панически сообщил: "Немцы вошли в каменоломню!" Все вскочили — и тут раздался выстрел: в состоянии стресса Манукалов А. Н. попытался покончить жизнь самоубийством, но пуля прошла мимо сердца, пробила лопатку и выскочила. Раненого отнесли в санчасть, где медсестра Лида Хамцова ему оказала первую помощь. Но паника была поднята напрасно: фашисты только побывали у входа, постреляли из автоматов в темноту и под землю не пошли. Манукалов А. Н., несмотря на тяжелое ранение, не умер. При отсутствии в каменоломнях врача, при хорошем уходе он выжил и даже приступил к своим обязанностям 17 июля. Правда, в конце обороны он умер от истощения. После войны кое-кто из исследователей этот поступок Алексея Николаевича пытался представить как факт малодушия. Поважный М. Г. и его окружение так не считали, ибо военный комиссар в тех условиях выполнял просто заповедь того времени: "коммунист в плен не сдается". В защиту памяти Манукалова А. Н. после войны в печати выступил Серман Б. Е., который знал его еще до войны как хорошего работника и человека. Мне удалось найти вдову Манукалова — Марию Николаевну, которая проживала в Москве в семье дочери Людмилы. Вторая дочь, Елена, жила с семьей в Ростове-на-Дону.

В группе Ермакова С. А. должность комиссара исполнял батальонный комиссар Семенов Борис Михайлович, родился он в Баку в 1902 г. Позже здесь учился, служил в армии и, уволившись из нее в 1923 г., трудился на руководящей работе. В 1941–42 гг. воевал в Севастополе военкомом 151-го полка 40-й кавалерийской дивизии, которая весной 1942 г. была направлена в Керчь.²⁰¹ Я уже рассказывал, что люди этой дивизии без коней, но с седлами и другим кавалерийским имуществом, располагались в Малых каменоломнях. Отсюда Семенов Б. М. был направлен военкомом к Ермакову С. А. в 291-й горно-стрелковый полк. Прорвались они в Малые каменоломни явно по инициативе Семенова, ибо он здесь довольно долго жил вместе со своими казаками. По записанному в 1942 г. адресу Ильясов С. Ф. нашел в Баку жену Семенова — Марию Трофимовну и дочь Людмилу. После пленения Ильясов С. Ф. видел Бориса Михайловича в тюрьме г. Симферополя. Он дал понять, что в тюрьме не знают, что в армии он был политработником.

Особой активностью в группе Ермакова отличался старший лейтенант Александров Андрей. В 291-м горно-стрелковом полку он командовал ротой, хорошо показал себя в боях на Акмонайском рубеже, в финскую войну он был награжден орденом Красной Звезды. В каменоломнях он командовал ротой разведки, был ранен. Ветеран войны Малуха А. К. сообщил, что Александров перед войной женился. Жену звали Раиса, она жила с матерью и сестрой в Тбилиси на ул. Мачатели. Я искал родственников, но поиск ничего не дал. В группе Ермакова был еще помощник начальника штаба полка Ворона Владимир Васильевич. Родился он на станции Яготин Полтавской области, жена его Анастасия Моисеевна тоже проживала в Тбилиси.

¹⁹⁹ ЦАМО РФ, личное дело Шкоды В. П.

²⁰⁰ Там же, личное дело Манукалова А. Н.

²⁰¹ Ванеев Г. И., Ермаш С. Л., Малаховский Н. Д., Сахно С. Т., Хренов А. Ф. Героическая оборона Севастополя 1941–1942, М.: Воениздат, 1969, с. 353.

Для защитников каменоломен в начале обороны крайне острым вопросом было снабжение водой. Недалеко от входа в Центральные каменоломни был колодец, который в мирное время использовался местными жителями. Из-за обладания им первое время шли постоянные бои. Участники тех событий рассказывали, что в первые дни около пос. Аджимушкой не было ни одного светлого дня, хотя солнце пекло немилосердно. Земля, поднятая разрывами мин и снарядов, тучи газов тротила закрывали небо, создавали впечатление сумерек, как в день затмения солнца. Бои за воду начались еще до газовой атаки. Вот как описал Трофименко А. И. один из боев за воду. "К атаке все уже подготовлено. В последний раз прохожу, проверяю своих орлов. Моральное состояние хорошее. Проверяю боеприпасы. Все есть. 100 человек поручило командование вести в атаку. 100 орлов обращают внимание на того, кто их будет вести в бой за Родину. Последний раз продумываю план. Разбиваю на группы по 20 человек. Выделяю старшего группы. Задача всем ясна, ждем общего сигнала. Встретился с Верхутиным, который будет давать сигнал для общей атаки. Вылезаю на поверхность, рассматриваю. Оказалось, метрах в 100 от колодца стоят два танка. Приказываю противотанковому расчету уничтожить. 202 Пять-шесть выстрелов, и танк загорелся, а другой обратился в бегство. Путь свободен. Слышу сигнал "В атаку!" Сжимаю крепче автомат, встаю во весь рост. — За мной, товарищи, за Родину!

Грянули выстрелы. Дымом закрыло небо. Вперед! Враг дрогнул, в беспорядке начал отступать. Вижу, два автоматчика стоя ведут огонь по нашим. Падаю на землю. Даю две очереди. Хорошо, ей-богу, хорошо! Один свалился в сторону, другой остался на месте. Словно стреляет автомат — грозное русское оружие. А ребята с правого фланга давно уже пробрались вперед, с криком "ура!" громят врага".²⁰³

Внутри каменоломен никаких колодцев не было. Воду можно было собирать в некоторых местах с потолка и стен каменоломен только по каплям. Причем, особенно плохо со сбором воды таким способом было в Центральных каменоломнях, ибо там меньше водоносных слоев. Сбор воды со стен и потолка также был организованным. Для этого были созданы команды "сосунов", т. е. людей, отсасывающих воду из камня. Этот процесс добывания воды проходил так: во влажном потолке или стене проделывали небольшое отверстие, и туда вмазывали резиновую трубочку. Чаще всего это была изоляция от телефонного кабеля. "Сосун" с силой втягивал в себя воздух через трубочку, в результате этого во рту оказывался маленький глоток воды. Это была мучительная работа. Во время добывания воды приходилось часами стоять в неестественной позе, рот и губы от известкового камня-ракушечника раздражались и опухали. От частого прикосновения к камню все лицо раздиралось. Характерно, что первое время фашисты определяли выходцев из каменоломен как раз по этим признакам, которые буквально были написаны на лице аджимушкайцев.

Бывший курсант Ярославской авиационной школы Николай Дмитриевич Немцов из пос. Гольма города Горловки пишет: "Отсутствие воды, жажда — это был наш враг № 1, который иссушал, испепелял защитников больше, чем непрерывные бои. Жажда настолько мучила и изнуряла человека, что он как-то глох, голос становился писклявым и скрипучим, язык разбухал и становился словно войлочным. Но мы были ходячие. А что испытывали раненые?! Когда возникала особо острая ситуация с нехваткой воды и выяснялось, что централизованно напоить всех невозможно, раненые распределялись между здоровыми и ходячими ранеными. Каждый здоровый обязан был своему раненому товарищу в сутки достать флягу воды. Моим подопечным был Миша Серкин".²⁰⁴

202 Имелся ввиду расчет противотанковых ружей.

203 В катакомбах Аджимушкая, 1982, с. 64.

204 Полностью воспоминания Н. Д. Немцова даны в Приложении этой книги.

С первых дней обороны защитники стали копать в каменоломнях колодцы и строить тоннель к стволу колодца около выхода. Этот колодец, из-за которого шла борьба, был разрушен фашистами, и ствол его был забит остатками конных повозок, которые, к счастью, застряли в верхней части, оставив внизу пространство, где и была вода. 3 июня тоннель был готов, защитники получили первую свою воду.²⁰⁵ Раскопки, проведенные научным сотрудником Керченского музея Щербаком С. М. в 1969 г., показали, что длина тоннеля была 19,5 м, глубина от поверхности земли немного более 4-х метров. Тоннель прокладывался в основном в земляном, а не скальном грунте. В нижней части тоннеля был уложен резиновый шланг диаметром 66 мм, по которому добываемая из колодца вода текла в каменоломни. Однако добывать воду в этом полуразрушенном колодце было трудно. Но позже, в первой половине июля, был выкопан колодец в скальном грунте внутри Центральных каменоломен. Из сохранившихся накладных на приход и расход воды известно, что в период с 14 по 31 июля в каменоломнях было два колодца: "колодец № 1" и "резервный колодец". В "резервном колодце" воды добывалось в 4–5 раз больше, чем в "колодце № 1". Водой снабжались подразделения, кухня, прачечная. Больше всего воды отпускалось на кухню и меньше всего на прачечную. Имелся неприкосновенный запас воды на 4–5 суток, который хранился на складах. Приход и расход воды скрупулезно учитывался начальником водоснабжения старшим политруком Горошко Н. Г.²⁰⁶ Николай Прокофьевич Горошко родился в д. Немки Ветковского района Гомельской области. За финскую войну награжден орденом Красная Звезда. В начале Великой Отечественной войны воевал в составе 3-й танковой дивизии под г. Островом. В Гомеле проживала его сестра Пильгуйева В. П., а в г. Кинешма жена Станкевич Филиция Викентьевна, которая воспитала двух сыновей, Олега и Валерия.

Фашисты пытались разрушить колодцы, но это им не удалось. Для предотвращения завала колодцев от взрывов защитники построили мощные подпорные стенки из камня, которые сохранились до сих пор. Место "резервного колодца" было выбрано так искусно, что никто с поверхности не мог определить его местонахождение. Интересно, что в 80-х гг. группа студентов-поисковиков в районе этого колодца (он входит в музейную экспозицию) нашла заряд взрывчатых веществ (самодельную мину), который был поставлен в 1942 г. неизвестно кем. Заряд был снят сотрудником музея, полковником запаса Щербаком С. М. Этой странной находке я даю такое объяснение. Доступ к добычанию воды из колодца имел только Горошко Н. П. и немногочисленные его помощники. Никто не имел права даже приближаться к источнику воды. Такой режим был создан с единственной целью: уберечь место расположения колодца от противника, который мог о нем узнать от шпионов, перебежчиков или пленных, попавших к ним в руки. С этой целью подход к колодцу защитники могли заминировать. Расположение минных ловушек мог знать только старший политрук Горошко Н. П. Во время работы у колодца он их мог обходить или временно обезвреживать. Вот на одну из таких мин, видимо, и наткнулись поисковики. Принятые командованием меры по засекречиванию колодца принесли свои плоды. Фашисты, конечно, знали примерно район его нахождения, усиленно, в шахматном порядке, взрывали на этом участке скальную кровлю, но источник воды так и не сумели уничтожить, а ведь это был вопрос жизни или смерти подземного гарнизона, без воды он бы не сумел продержаться до поздней осени. После войны вода в этом колодце была, и я слышал, что ею пользовались местные жители. Была она и в 60-х гг., но позже, когда этот колодец вошел в музейную экспозицию, вода почему-то исчезла.

В 2004 г. во время разборки завала в Центральных каменоломнях был найден еще один

²⁰⁵ В катакомбах Аджимушкая. 1982, с. 77.

²⁰⁶ ЦАМО РФ, ф. Главной прокуратуры, оп. 100960, д. 6, л. 210.

колодец в скальном грунте. Во время раскопок воды там не было.²⁰⁷ В Малых каменоломнях по инициативе подполковника Ермакова С. А. также строили колодец, но добраться до водоносных слоев не смогли. Эту довольно широкую и глубокую яму-колодец можно осмотреть и в наше время. В течение всей обороны там пользовались водой, капающей со стен и потолка. Следует сказать, что мест с "водокапами" в Малых каменоломнях было больше, чем в Центральных, поэтому вопрос с водой так катастрофически не стоял.

Кроме отравляющих веществ, гитлеровцы сразу же стали применять против защитников каменоломен крупные заряды взрывчатых веществ. Этим занимались в течение мая-июля все те же саперы из 83-го батальона 46-й пехотной дивизии. Сначала фашисты взорвали все большие выходы, затем стали подрывать каменоломни с целью обрушить скальную кровлю с поверхности. Взрывы проводились трофейными советскими авиабомбами в 250 кг, которые взрывали пакетами по 3–5 бомб и больше в каждом в специально выдолбленных с поверхности шурфах. При этом на тяжелых работах под страхом смерти использовались советские военнопленные. Среди них был и предатель из 1-го запасного полка старшина Сергеев, который знал приблизительно расположение подземных штолен.²⁰⁸ Эти гигантские взрывы видели и ощущали по вздрагиванию земли наблюдатели 47-й армии, державшей оборону на Таманском полуострове.²⁰⁹ Вот выписка из дневника неизвестного командира 1-го запасного полка, сражавшегося в Малых каменоломнях: "26.05.1942. Противник начал подрывные работы, рвет выходы, заваливает их хламом и домашними вещами жителей села. Взрывается район 4-го и 2-го батальонов, которые расположены у села (Аджимушкая). 29.05.1942. Взрывали над нашим расположением, и вследствие обвала погиб почти весь состав командиров 3-го батальона, созданных комбатом на совещание.

30.05.1942. Штаб полка перешел вглубь каменоломен. Ожидаются новые взрывы.

31.05.1942. Противник рвет все выходы. Беда с ранеными. Успели перевести штаб и лазарет вглубь каменоломен на старое место. Взорваны перекрытия на старых местах".²¹⁰

От взрывов в каменоломнях обваливался потолок, при этом возникала сильная ударная волна, от которой трудно было устоять на ногах. Первое время, когда в каменоломнях было много людей, защитники несли от этих обвалов значительные потери. От ударной волны у некоторых шла из ушей кровь, были случаи помешательства. Позже защитники узнавали места взрывов по шуму, производимому при рытье шурфов, и принимали меры к эвакуации людей и имущества из опасного района. В настоящее время от этих взрывов каменоломни сильно разрушены. Входы, в которые раньше свободно въезжали машины, сейчас обрушены. Проникнуть в них можно только через многочисленные огромные воронки, образовавшиеся от взрывов, и через щели у бывших выходов. Под завалами много человеческих костей, оружия, боеприпасов, постоянно попадают домашние и личные вещи, части боевых повозок и даже боевая техника. Ходить в районе обвалов опасно, еще опаснее разбирать их внутри каменоломен.

Несмотря на пуск газа, взрывы, защитники каменоломен не сидели в них пассивно,

²⁰⁷ Об этом мне сообщил заведующий Музея истории обороны Аджимушкайских каменоломен Симонов В. В.

²⁰⁸ АГБР Крыма, д. 2262, т. 19, лл. 32, 54.

²⁰⁹ ЦАМО РФ, ф. 402, оп. 9581, д. 3, лл. 13–138; д. 4, лл. 47, 111, 112.

²¹⁰ Бывший партийный архив обкома КП Крымской области, ф. 156, оп. 1, д. 42, лл. 22–32. Эту выписку из дневника неизвестного в свое время использовал Варган Н. И. в своей статье. Под обвал 3-го батальона мог попасть Поважный М. Г. Он мне рассказывал, что случайно на это совещание он опоздал.

периодически они устраивали вылазки против подразделений фашистов, окружающих каменоломни. В связи с этим в первой половине июня они приковывали к себе внимание до дивизии врага, которая разместилась северо-восточнее Керчи. В конце июня — начале июля подземный гарнизон Центральные каменоломни, зная из сводок Информбюро о тяжелых боях в Севастополе, еще больше активизировался. Во время одной из вылазок было захвачено много немецкого оружия и боеприпасов. И вот в это время случилась беда. О ней рассказал подробно в своих воспоминаниях лейтенант Ефремов Николай Арсеньевич, один из активных участников и популяризаторов подвига подземного гарнизона. Он тоже был командиром из "резерва", перед этим закончил Ташкентское пехотное училище и ускоренные курсы при Академии им. Фрунзе, которая в то время находилась в Ташкенте. В каменоломнях он выполнял обязанности помощника начальника штаба. В своих воспоминаниях он рассказывает, что утром 5 июля состоялся разбор боевой операции, проведенной накануне. После ее окончания Ягунов решил посмотреть захваченные трофеи, которые были свалены в кучу. Он присел над незнакомой гранатой, которая была похожа на стакан. Ефремов в этот момент сидел за столом и заполнял "журнал боевых действий". Разглядывая гранату, Ягунов сказал: "А это что-то новое у них". Ефремов крикнул: "Осторожно, товарищ полковник, может взорваться". Последние слова заглушил взрыв. Ефремова отбросило к стене, он был ранен и контужен. Несколько минут Ягунов был еще жив, но его ранение было несовместимо с жизнью. В момент взрыва был тяжело ранен в ногу Исаков С. П., убит еще один командир.²¹¹ Другие участники называют этого убитого как капитан Носов или Лозинский. Ягунов П. М., единственный из аджимушкайцев, кто был похоронен в гробу, который был сделан из досок кузова грузовика. Рядом с ним был похоронен и убитый командир. После смерти Ягунова П. М. пост командира некоторое время не был занят. В общем, было ясно, что для борьбы самой подходящей фигурой был подполковник Бурмин Г. М. Очевидно, он колебался и, возможно, требовал каких-то полномочий. Пирогов А. И. в личном разговоре мне говорил: "Ягунов был суров и требователен, но Бурмин командовал куда круче и жестче". Далее он мне рассказывал, что в боевой обстановке он лично расстреливал малодушных. Это подтверждает в своих воспоминаниях и письмах военфельдшер Попов Петр Федорович из г. Шахты Ростовской области.²¹² В своем письме от 26.06.1985 г. он мне сообщил: "Я хорошо запомнил Бурмина, ходил он не в фуражке, как другие командиры, а в кубанке, на груди у него красовался орден Красного Знамени. С людьми он был общителен и весел, часто по мелочам шутил. О суровости и жестокости Бурмина, это кто-то Вам писал. Я был свидетелем, как один лейтенант что-то докладывал, а Бурмин на него закричал: "Вы не выполнили моего приказа!" — и тут же застрелил из пистолета лейтенанта, который упал вниз лицом. Я хотел подойти к нему, но Бурмин не разрешил. Видел я и второй подобный случай". Сейчас нам это читать неприятно, и можно легко обвинить Бурмина Г. М. в жестокости и превышении власти. Не принято это было рассказывать, тем более, писать в советское время. Многие темы, например, о штрафных или штурмовых батальонах, были просто запрещены. Но жестокость на войне была не только с противником, но и со своими. Считалось, что она необходима. Сейчас многие историки-исследователи объясняют и видят нашу победу не только в умении

²¹¹ Ефремов Н. А. Солдаты подземелья. Ташкент: Изд. Литературы и искусства имени Гафура Гуляма, 1983, сс. 135–136. Первые свои воспоминания Ефремов Н. А. написал и послал писателю Смирнову С. С, который на их основе написал очерк "Подземная крепость" для книги "Рассказы о неизвестных героях". М.: Изд. "Молодая гвардия, 1963. При описании гибели Ягунова П. М. Ефремов Н. А. сообщает, что при взрыве был тяжело ранен в челюсть Панов А. П. Этот факт опровергается другими участниками (Валько Е. Ф., Скрыль И. С.). Они утверждали, что Панов погиб позже.

²¹² Попов П. Ф. был фельдшером 1-й роты 1 — го батальона 276-го стрелкового полка НКВД. Он со своей группой попал в каменоломни. В этой группе был политрук Кучеренко Афанасий Иванович и лейтенант Лэнь Влас Ефремович, который был позже при штабе Ягунова П. М.

воевать, в высокой сознательности воинов, но и в крайних принуждениях, вплоть до расстрелов на месте, без чего нельзя было добиться сверхчеловеческого напряжения. В особо тяжелой обстановке командир становился в полном смысле диктатором, подлинным вершителем судеб подчиненных. А как же военные комиссары, партийные организации? Они как бы смирялись, молча соглашались. Всем было ясно, что жестокие меры Бурмин применял ради "дела", с целью всеобщего дела — Победы. Жестокость давала, естественно, свои результаты: подземный гарнизон держался до последнего патрона и последнего воина. Тему расстрелов в каменоломнях отразил в своих произведениях Н. Я. Бут, в частности в картине "Именем народа".²¹³ Художник, естественно, стремился вызвать чувство ненависти у зрителя к провинившемуся. Но, на мой взгляд, этого у него не получилось.

В 20-х числах июля активность подземного гарнизона Центральных каменоломен еще больше усилилась. Вот выписки из дневника керчанки Ольги Махиной:

"20.07. Партизаны делают все чаще и чаще вылазки со "скалы". 21.07. В Аджимушкае уже несколько ночей идет перестрелка, раненых немцев и румын везут машинами... 28.07. Перестрелка с каждым днем становится упорней и упорней. 31.07. Наши партизаны захватили 13 лошадей и огнемёт".²¹⁴

Все лето в районе Аджимушкайских каменоломен шла борьба. 10 июня разведсводки 47-й армии прямо сообщали о сопротивлении в Аджимушкайских каменоломнях наших войск и о больших потерях при этом противника. Активность гарнизона Центральных каменоломен еще более усилилась в июле. Так, разведсводки на протяжении всего месяца отмечали сильную ружейно-пулеметную стрельбу по ночам. А 20 июля в 5.00 фашисты даже вынуждены были открыть огонь по подземному гарнизону из артиллерии, стоящей на горе Митридат.²¹⁵ Применение тяжелой артиллерии против аджимушкайцев свидетельствовало о том, что защитники каменоломен изгнали фашистов из поселка Аджимушкай и его окрестностей. Противник не стал бы стрелять с большого расстояния, рискуя попасть по своим. Оставшиеся в живых участники обороны Центральных каменоломен сообщают, что такие захваты поселка и его окрестностей, главным образом по ночам, осуществлялись неоднократно.

В августе активность подземного гарнизона спала, на большие вылазки не хватало уже людей, от влажности под землей отсырели патроны и в бою давали часто осечки. Сил хватало только на то, чтобы оборонять выходы и по ночам делать небольшие рейды разведчиков. Впрочем, и противник меньше беспокоил окруженных, ибо немцы свои позиции вокруг каменоломен сдали румынам, которые к этому времени открыто говорили местным жителям, что не хотят воевать против России.

Читатель уже давно, очевидно, задает вопрос: как и чем питались защитники? Продовольственный вопрос с начала обороны не стоял так остро, ибо командование на длительную оборону в каменоломнях не рассчитывало. В Центральных каменоломнях до окружения находились склады Керченского военторга, которые и составили основные запасы питания для будущего гарнизона.

Первое время контроль за деятельностью этих складов был слабый. Немцов Н. Д. в своих воспоминаниях сообщает, что в самом начале боев за Аджимушкай он и его товарищи по Ярославской авиашколе питались хорошо, особой нормы даже не было. Кто-то из курсантов со склада военторга притащил два ящика коньяка, один из которых употребили перед боем, но вот после газовой атаки все были посажены на жесткий продовольственный паек.

²¹³ Аджимушкай 1942 (Альбом). М.: 1975.

²¹⁴ Центральный музей Вооруженных сил, документы и записи Ваулина Н. И.

²¹⁵ ЦАМО РФ, ф. 402, оп. 9581, д. 4, л. 76.

А. И. Пирогов в своей книге рассказывает, как Ягунов П. М. приказал ему учесть все продовольствие в Центральных каменоломнях и в соответствии с их количеством назначил норму пайка: хлеба — 200 гр., жира — 10 гр., концентратов — 15 гр., сахара — 100 гр. на человека.²¹⁶ Этот мизерный паек, который не был ни в одной части нашей армии, смутил начпродо. Обращает внимание на себя большая норма сахара. Дело в том, что в Центральных каменоломнях находились значительные запасы сахара. Норма его не только не уменьшалась, но и увеличивалась. Это подтверждают и сами участники. Так, например, Валько Е. Ф. сообщает: "Сахар под конец был основным продуктом питания, и только благодаря ему мы остались в живых". В личном разговоре она мне признавалась: "мне питание сахаром так надоело, что после войны несколько лет не могла его есть".

Командование Центральных каменоломен приняло меры не только к тщательному учету и распределению продуктов питания, но и организовало централизованное приготовление пищи. Здесь была оборудована хлебопекарня и пищеблок. Небольшое количество лошадей, которые находились в каменоломнях, было забито, и мясо пошло в котел. Читателя, видимо, удивит факт выпечки хлеба. В своих воспоминаниях Немцов Н. Д. сообщил, что в самом начале обороны в карьере недалеко от колодца стояла брошенная какой-то частью полевая хлебопекарня на колесах. Командование приказало курсантам вкатить ее под землю, что и было сделано почти на глазах у противника. Из-за своего габарита эта хлебопекарня не проходила при входе под землю. Курсантам пришлось срочно обрубить противогрязевые крылья у колес и шкафчики для посуды. Эта хлебопекарня и сейчас находится под одним из завалов, и руководство музея об этом знает.

Гарнизон Малых каменоломен вел активные боевые действия только в самом начале, об этом пишет в своих воспоминаниях Барлит С. Н. "Мои казаки обороняли несколько подземных галерей, вначале мы вели трудные бои за колодцы, мы их отбивали и поили лошадей. Потом лошади от голода и жажды не могли уже стоять. Их мы стали резать и давать на питание пехотинцам. Мы тоже пекли лошадиное мясо на винтовочных шомполах. Влагу мы собирали со стен и потолка, ибо она кое-где капала. Особенно трудно было раненым, их мы, конечно, лечили, как могли. В нашей катакомбе врачей не было, не было и медикаментов, перевязочных средств. Выживали только легкораненые, но был случай когда выжил и тяжелораненый казак. Это был наш ковочный кузнец, фамилию его забыл. Он был ранен в грудь навывлет простой пулей. Мы его перевязали нательным бельем. Оно, естественно, не было чистым. Но крепкий организм кузнеца поборол тяжелое ранение, и он выжил. Позже я его встречал в плену. К мертвым мы так привыкли, что хоронили их рядом в расположении, выкопав небольшую яму в ракушечной крошке-тырсе, оставшейся от распиловки камня. К началу июня нас, казаков, осталось человек 35".

В Малых каменоломнях также имелись некоторые запасы продовольствия, оставшиеся от 1-го запасного полка. Вот дневная норма питания на конец июня, о которой сообщает Клабуков А. И. в своем дневнике: муки и крупы 100, сахара и табака по 20 гр. на человека. Естественно, такого пайка не хватало, поэтому защитники постоянно страдали от голода. 10 августа в дневнике Клабукова А. И. есть такая запись: "Ночью коптил или, вернее, выжаривал конские кости, которые принесли ребята. Все в плесени, воняют. Когда пережарил, вонять стали меньше. Сварил, добавил травы и получился горький суп, правда, без соли, но будет сытно".²¹⁷

Употребление в пищу костей, лошадиных шкур, травы и т. д. характерно и для участников обороны Центральных каменоломен. В обеих каменоломнях к концу сопротивления защитники стали употреблять в пищу крыс, которых в конце лета 1942 г. из-за наличия в штольнях трупов много расплодилось. Ели кошек, собак, если они забегали в

²¹⁶ Пирогов А. Крепость солдатских сердец, с. 24.

²¹⁷ В катакомбах Аджимушкая, 1982, сс. 88, 111.

каменоломни. Руководство и врачи в Центральных каменоломнях знали об этом и не боролись с этим явлением. Более того, женщина-врач рекомендовала перед употреблением крыс отрезать им голову и лапки, ибо на них мог сохраняться трупный яд от мертвецов. Некоторые защитники каменоломен мне признавались, что от голодной смерти их спасло употребление в пищу крыс. По вкусу они напоминали мясо кролика. Меня упрекали, что об этом я рассказываю и тем самым снижаю моральные качества защитников. Но едят же у нас в России и вообще в Европе мясо выдры, а она ведь относится к породе крыс. Китайцы, да и другие народы, едят практически все живое, не говоря, о собаках, кошках, крысах. Так что все дело в обычаях и привычках. Следует сказать, что не все защитники каменоломен могли есть такую пищу из-за брезгливости. Из-за этого умер от истощения в Малых каменоломнях батальонный комиссар Карпекин М. Н., политрук Труборов В. Ф. и другие. Продовольствие защитникам удавалось добывать и во время вылазок. Правда, наученные горьким опытом, фашисты в пос. Аджимушкой продовольствия не хранили. По мере созревания злаковых, кукурузы, овощей и фруктов защитники стали добывать их, совершая вылазки мелкими группами. Для разведки продовольственных заготовок вокруг каменоломен специально высылались группы защитников. О таких разведках хлебных токов в августе рассказывают в своих воспоминаниях Филипсов Н. Д. и Тютин Г. И. (из пос. Анна Воронежской области). Естественно, такие экспедиции за продуктами питания приводили к потерям, ибо вокруг каменоломен постоянно находились вражеские посты, которые усиливались в ночное время. Пирогов А. И. в одном из писем мне сообщил интересный факт: "Не помню, отразилось ли где-нибудь в печати или в воспоминаниях такое событие: еще при Ягунове к нам два раза прилетали транспортные самолеты с Большой земли и сбрасывали на парашютах грузы с продовольствием. Оба раза грузы падали в районе карьера, что рядом с каменоломнями. Мы дрались отчаянно, но ничего не могли сделать. Фашисты, торжествуя, забирали грузы, предназначенные для нас". Этот факт подтверждает и другой участник обороны — Сальников В. Н. из города Минеральные Воды.

Командование в каменоломнях вело строгий учет личного состава, проявляло высокую бдительность. Для того чтобы обеспечить подземный гарнизон от проникновения в него фашистских шпионов и провокаторов, был создан особый отдел. Его представители имелись в каждом подразделении. Всем защитникам каменоломен выдавались своеобразные удостоверения на листке бумаги, личный знак. Номер на удостоверении обозначал порядковое место в общем списке участников обороны Центральных каменоломен. Шайдуров С. С. рассказывает: "Такие личные знаки выдавались нам два раза: первый раз до газовой атаки, второй раз — после нее, при этом разъяснялось, что это важнейший документ, подтверждающий участие в обороне каменоломен, и его надо тщательно беречь. Номера моих знаков были 1631 и 1359. Несмотря на то, что я попал в плен, потом бежал, воевал в партизанском отряде, где был тяжело ранен, свой личный знак я сохранил и передал в Керченский историко-археологический музей".

В каменоломнях, как в любой воинской части, существовал распорядок дня, были организованы занятия по изучению советского и трофейного стрелкового оружия, караульная служба, работы по созданию огневых точек, наблюдательных пунктов, убежищ и т. д. Строгий распорядок дня, постоянная деятельность личного состава помогали переносить тяготы подземной жизни, вносили элемент организованности и сплоченности воинского коллектива.

Первое время в ряде галерей Центральных каменоломен было электрическое освещение, вырабатываемое движком, находившимся в каменоломнях. Но он вышел из строя в первые дни обороны, и позже для освещения пользовались коптилками, которые заправлялись отработанным маслом из автомашин, загнанных еще до окружения под землю, а также лучиной. В Малых каменоломнях для освещения использовалась горючая смесь из бутылок, применяемых при борьбе с танками противника, горящая изоляция от телефонного кабеля, которого в Центральных каменоломнях было много, или просто резиновые полосы, вырезанные из камер колес автомашин. Один из участников мне рассказывал, что для

освещения пути при хождении в темных участках он использовал советские рубли, которые носил в пачке, зажигая один от другого. Хорошо (медленно и ровно) горели старые, просаленные купюры.

Во время боев среди защитников много было раненых, естественно, что их надо было лечить и обслуживать. Из архивных документов известно, что в Центральных каменоломнях осталась часть личного состава и оборудования 170-го полевого подвижного госпиталя. Вечером 15 мая госпиталь получил приказание отправляться на переправу. В госпитале тогда было около 70 человек постоянного личного состава (раненые были отправлены раньше). Из трех автомашин только одна оказалась исправной. На ней выехало на пристань около завода Войкова 26 человек во главе с военкомом госпиталя батальонным комиссаром Гришиным П. М. Обрато в каменоломни эта машина уже не вернулась, ибо дорога была перехвачена фашистами. Таким образом, большая часть личного состава госпиталя во главе с его начальником военврачом 1 ранга Асеевым И. В., работавшим перед войной в Саакском военном санатории, оказалась в окружении. Сразу же после окружения личный состав госпиталя под землей стал обслуживать прибывающих раненых и больных. В нем работали врачи Воронов А. М., Зеленин К. И., Бирюкова В. Ф., Чижская З. Н., медицинские сестры Видяева И. И., Головченко Н. Д., Кудлаева М. С., Завалевская Е. И., Журавлева Е. М., Хатынь М., Чурова А. и другие. Видяева И. И., проживавшая после войны в Евпатории, рассказывала: "Работать нам было очень тяжело. Не хватало воды, света, воздуха. Фашисты стали взрывать каменоломни. Все вокруг гремело и рушилось. От ударной волны падали операционные столы, медицинский персонал и раненые задыхались от дыма и пыли. Через несколько дней фашисты начали пускать в каменоломни газы". Во время газовой атаки большинство личного состава госпиталя попало в плен, так что после газовой атаки госпиталь и всю структуру медицинского обеспечения в Центральных каменоломнях пришлось формировать заново. В известном деле,²¹⁸ где хранятся документы, найденные в Центральных каменоломнях, особый интерес представляет "Книга назначений врача 1-го отделения госпиталя", которая велась с начала июля по конец августа 1942 г. В ней сохранилась запись 50-и раненых и больных. Кроме того, через Николая Ивановича Ваулина мне удалось обнаружить в фондах центрального музея Вооруженных сил в Москве "Журнал учета коммунистов и комсомольцев госпиталя". Журнал представлял из себя обычную школьную тетрадь из 8-и страниц. В свое время работники музея все сделали, чтобы сохранить этот документ, но время и сырость (еще в каменоломнях) сильно испортили его. При работе с ним мы с Ваулиным буквально не дышали, а он не доверял мне даже переворачивать страницы, делал это сам. Но фамилии читались неплохо, только вот начало фамилий раненых коммунистов стерлись, хотя номера партийных документов остались. По ним-то и удалось восстановить некоторые фамилии через сектор единого партийного билета при ЦК КПСС. Из "Журнала" стало известно, что после газовой атаки госпиталем руководила Омесова Павла Григорьевна. Медицинского образования она не имела, но работала на хозяйственной руководящей работе в одном из санаториев г. Алушты. Назначил ее на эту должность Ягунов П. М., очевидно, по совету Белова Н. Н., который хорошо знал ее по службе в 1-м запасном полку.

Госпиталь вначале был разделен на три отделения, в которых работали фельдшерами Плотникова А. П., Ивлева В. А., Налимова З. Н., Манчур Н. Д., Николаев И. В. Плотникова Александра Петровна родилась в Новосибирской области в 1918 г., член ВКП(б) с 1940 г. Перед войной работала в селе Кочки Новосибирской области, была депутатом районного совета. Известно, что она вышла из каменоломен, сумела легализоваться в Керчи под фамилией Бауэр, затем возглавила медицинский пункт в селе Мариенталь, где вошла в состав подпольной организации "За Родину", снабжала советскую разведку ценными сведениями. Затем перешла на нелегальное положение и скрывалась в совхозе "Кенегез" у Н.

²¹⁸ ЦАМО РФ. ф. Главной прокуратуры, оп. 100960, д. 6.

Волковой, с которой и была арестована в декабре 1943 г. по доносу предателя. Расстреляна в составе группы партизан и подпольщиков в начале 1944 г.²¹⁹ Иевлева Вера Алексеевна родилась в 1919 г. в г. Инза Ульяновской области, до каменоломен служила фельдшером в 65-м отдельном железнодорожно-восстановительном батальоне. По сообщению фельдшера Попова П. Ф., Вера погибла от обвала во время взрыва. Ее мать Екатерина Григорьевна получила из Керчи весной 1942 г. открытку, в которой Вера написала стихи такого содержания:

"Мать моя дорогая,
В тревожные грозные дни
Прочти эти строки
И в памяти их сохрани. Война есть война,
И если фашистская пуля
Мой путь оборвет, —
Заменит дочку тебе
Наша большая страна,
И сердце мое
В твоей груди оживет. Я в трудное время
Исполню свой долг до конца,
Тебе не придется краснеть,
Вспоминая меня. С приветом Вера".²²⁰

Налимова Зинаида Николаевна родилась в 1920 г., на Крымском фронте воевала фельдшером 985-го артиллерийского полка 320-й стрелковой дивизии, ее родственников удалось найти в Краснодаре. Манчур Надежда Даниловна родилась в 1923 г., на Крымском фронте служила старшим лаборантом 114-й паталогоанатомической лаборатории. Ее родственников найти не удаюсь.²²¹ Среди этих медицинских работников совершенно странно выглядит Николаев Николай Васильевич, 1922 г. рождения. Дело в том, что он был курсантом Ярославской авиашколы. Очевидно, он имел какие-то медицинские знания, и поэтому его назначили фельдшером в госпиталь. Уже это говорит, что для обслуживания раненых не хватало медицинских работников. В г. Сланцы Ленинградской области мне удалось найти мать Николаева И. В. — Егорову Клавдию Егоровну.

Военным комиссаром госпиталя был политрук Метлов Иван Иванович. До войны он работал заместителем начальника железнодорожного пути по политической части на станции Филонова Волгоградской области. Политруками отделений госпиталя были Торонджадзе И. С. (из Тбилиси), Церодзе Ш. С. (из г. Мцхета Грузии), Падалка А. Я. Все эти политработники из резерва политсостава фронта.²²²

Кроме перечисленных медицинских работников, были и другие. Из документов известно, что одним из отделений госпиталя заведовал военврач 3 ранга Петрушнов И. Ф., попавший в каменоломни с группой медицинских работников 156-й стрелковой дивизии. После гибели Омесовой, видимо, он возглавил всю медицинскую службу Центральных каменоломен. Один из ветеранов 156-й стрелковой дивизии, бывший старший врач 417-го стрелкового полка Лебедиков К. А., проживавший в Керчи, мне писал: "Петрушнов И. Ф.

²¹⁹ Керчь военная, 2004, сс. 247–248.

²²⁰ Фронтная открытка Веры хранится у ее родственников в г. Инза.

²²¹ Сведения об этих фельдшерах взяты из картотеки ВММ в С.-Петербурге.

²²² Центральный музей Вооруженных сил, документ № 12672.

прибыл к нам в полк из запаса. Он закончил Краснодарский медицинский институт. Это был энергичный, инициативный человек, смелый и требовательный. Во время тяжелых боев под Феодосией зимой 1942 г. он хорошо показал себя при оказании помощи раненым и эвакуации их. Этот человек достоин похвалы и наград. В свое время его мы представляли к награде орденом Красная Звезда. По архивным данным мне удалось установить, что Петрушнов родился в 1909 г., призван из армии из станицы Тимошевской Краснодарского края. Его жена, Нина Яковлевна, проживала в 1942 г. в Краснодаре, ул. Коммунаров, 58. Поиск ее мне ничего не дал. Кроме Петрушнова, который исполнял свои обязанности до конца и, очевидно, погиб в Центральном каменоломне, было еще не менее двух врачей — Улановская Мария Акимовна, до окружения старший врач 65-го отдельного железнодорожно-восстановительного батальона, и неизвестный врач-хирург из Одессы, выпускник Киевского медицинского института. Для работы в госпитале из подразделений гарнизона привлекались фельдшера Чихавиев Э. Д. (из Осетии), Терентьев Г. С. (из Котовского района Одесской области), Менжулина А. В. (позже Мищенко, проживала после войны в г. Воронеже), Попов П. Ф. и др. Какой эффект был от лечения в госпитале? Из "Книги назначений врача" видно, что из 50 раненых и больных, лечившихся с начала июля до середины августа, 13 умерло, остальные были выписаны или переведены во второе отделение. Следует сказать, что из списка раненых госпиталя мне не удалось найти хотя бы одного живого. Надо полагать, что все они навсегда остались в каменоломнях.

Командование Центральным каменоломнем постоянно проявляло заботу о раненых. Фельдшер Полов П. Ф. сообщает: "Ягунов П. М. и комиссар Парахин И. П. почти каждый день бывали в госпитале. Они беседовали с ранеными, следили, чтобы до них доходил полностью наш скудный паек". В помощь медицинским работникам командование выделило в качестве санитаров из числа курсантов авиашколы Горчакова Е. Б., Хрупов А. И., Ищенко И. З. Многие по своей инициативе шефствовали над ранеными. Бывший курсант Немцов Н. Д. сообщает: "После удачной операции командование нам выделило по кубику дорожного шоколада (что-то около 50 гр.), я его отдал в госпиталь своему подшефному Мише Серкину".

В длинном списке обслуживавших госпиталь и раненых числится Чарлис Мария Иосифовна, 1903 г. рождения. О ней я уже слышал на конференции из выступления Валько Е. Ф. "Марию Иосифовну я помню хорошо, до войны она работала в Алуште, кажется, в экскурсионном бюро. А в каменоломнях она помогала в госпитале. Получая очень маленький паек и воду, она постоянно делилась с ослабевшими ранеными. Особенно большое внимание эта женщина уделяла молоденькому младшему лейтенанту (фамилию не помню), у которого была перебита рука. Раненый пошел на поправку, а сама М. И. Чарлис ослабела от голода и вскоре умерла. Весь персонал госпиталя о ней горевал. Ее похоронили в одной из подземных галерей. На стене около могилы я сделала надпись и позднее приходила сюда". Среди санитаров госпиталя числился Фурсов Я. Д., семью которого я нашел в Воронеже, и Ильяшенко И. А. По фамилиям раненых коммунистов я начал широкий поиск и, благодаря наличию номеров партийных документов, у большинства из них нашел родственников. Это были следующие воины: Абзианидзе Григорий Васильевич (из Кутаиси), Глушков Иван Игнатьевич (из с. Пшиш Туапсинского района Краснодарского края, умер 30.07. 1942), политрук Иткин Александр Моисеевич (работал раньше на станции Унеча, где после войны проживала его дочь), политрук Кузнецов Георгий Федорович (проживал в пос. Гумрак в Сталинграде, дочь Юлия после войны проживала в г. Котельниково), политрук Мололкин Дмитрий Васильевич (из Волгограда), младший лейтенант Путинцев Дмитрий Яковлевич (из Уфы), младший лейтенант Розов Евгений Алексеевич (из Твери), политрук Рябов Иван Антонович (из Куйбышева), политрук Тройников Василий Ильич (из Грозного), старший сержант Улисков Федор Степанович (родственники найдены в Краснодаре), Шишочкин Константин Андреевич (из Челябинска). А вот этих раненых коммунистов не удалось найти: старший сержант Бобрешов Гавриил Дмитриевич, родился в 1917 г., из 77-й горно-стрелковой дивизии; Казаков Федор Иванович, 1904 г., из г. Гагры; Маковоз Бенцион Хаим Иосифович, 1916 г., из Житомира, умер 6.06.1942 г.; Маркин Антон Дмитриевич,

1897 г., заведующий магазина в Воронеже; политрук Овчинников Лука Клементьевич, 1911 г.; сержант Павлов Николай Прокопьевич, 1905 г., умер 30.05.1942 г.; младший политрук Панченко Василий Степанович, 1918 г., умер 28.05.1942 г.; Шенец Николай Акимович из 65-го отдельного железнодорожно-восстановительного батальона, был ранен в живот, умер 30.05.1942 г. Что касается комсомольцев, то поиск их по комсомольским документам почти невозможен, ибо ЦК ВЛКСМ не создал такого учета своих членов, как ЦК ВКП(б). Но все же, по другим документам удалось установить сведения о некоторых из них. Мирошин Иван Федорович и Мирский Александр Витальевич, оба из курсантов Армавирского авиационного училища, последний родился в 1922 г, в с. Адатовка Киевской области; Абрамов Яков Дмитриевич, курсант Ярославской авиашколы, из Астрахани, умер 1.06.1942 г.; младший лейтенант Сидельников Василий Михайлович из Курска, прибыл в "резерв" фронта после окончания Мичуринского военно-инженерного училища. В подземном госпитале Малых каменоломен врачей не было, поэтому всю медицинскую службу возглавляла фельдшер Хамцова Л. Ф., которую я нашел в г. Смоленске. В своих воспоминаниях она пишет: "Кроме меня, в госпитале было два фельдшера, Петя и Гриша (фамилии их я забыла), и медсестра Зина Гаврилюк. Петя вскоре погиб при обвале. Для госпиталя нам отвели 4–5 отсеков. Раненых сначала размещали прямо на полу, позднее стали делать топчаны из камня-ракушечника. Для бинтов и салфеток использовали чистое белье. Во время работы госпиталя постоянно велся журнал регистрации раненых. Велись и другие документы". После войны (примерно в 60-х гг.) в Малых каменоломнях был найден обрывок рапорта "начальника санитарной части 1-го запасного полка Хамцевой" от 25 июля 1942 г. о смерти раненого. Полностью фамилию раненого прочитать не удалось, но оканчивается она "...ханов".²²³

Командование Малых каменоломен проявляло тоже заботу о раненых. 23 июня Клабуков А. И. записал в своем дневнике: "Наш госпиталь меня заинтересовал, он проделал в этих условиях большую работу. Особенно отличился по-большевистски политрук Труборев, то есть комиссар госпиталя. Картина такова: с 13.05.42 г. по 29.05.42 г. умерло от ран и болезней 47 человек, с 29.05.42 г. по 13.06.42 г. (с 23.05. Трубарев вступил в должность комиссара госпиталя)... умерло 19 человек. С 13.06.42 г. по сей день смертности пока нет. Всего раненых с 13.05. - 361 человек, выписано 242. Воду до Трубарева давали раненым в сутки одну ложку. Вареная пища до 29.05 отсутствовала. С 29.05 получают раз в сутки горячую пищу, вода дается по 1,5 ст. ложки в сутки, а на 12 человек по три стакана. Вместо хлеба из муки, что дается на человека 25 гр., делаются оладьи. Обслуживающего персонала было 34, теперь 11 человек. Перевязочных материалов и медикаментов совершенно нет, рвем рубахи и кальсоны. Применяем грелки песочные... Трубарев все же командованием и правительством должен быть отмечен, молодец он, истинный большевик, вот где люди проверяются".²²⁴

Из-за того, что фамилия комиссара госпиталя дошла до нас в искаженном виде, долго не удавалось найти о нем какие-нибудь дополнительные данные. В действительности фамилия комиссара была Труборов Василий Федорович. Он родился в 1901 г. в местечке Лесков (бывшее имение писателя Н. С. Лескова), несколько лет плавал на судах торгового флота, работал на заводе в Севастополе. Перед войной был инструктором-пропагандистом РК ВКП(б) Бююк-Онланского (ныне пос. Октябрьское) Крыма. В 1-м запасном полку был политруком роты связи. В мае 1942 г. (перед самым фашистским наступлением) Труборов В. Ф. был назначен военным комиссаром полковой школы при 1-м запасном полку, тогда ему было присвоено звание старший политрук.²²⁵ Ильясов С. Ф. рассказывает: "Труборов был

²²³ Документ хранится в фондах Керченского музея.

²²⁴ В катакомбах Аджимушкая, сс. 85–86.

²²⁵ ЦАМО РФ. личное дело Трубарева В. Ф.; ф. 215, оп. 1199, д. 40, лл. 3, 90.

хорошим работником и человеком. Под землей он у нас выполнял обязанности не только комиссара госпиталя, одновременно он был начальником особого отдела и председателем военного трибунала, занимался организацией разведки, сбором воды, контролировал доведение до бойцов нашего скудного пайка. Он был очень строгий, требовательный, везде и всюду требовал соблюдения дисциплины и образцового выполнения воинского долга. Кроме хорошего, я ничего не могу о нем сказать. Он умер от истощения в конце сентября или начале октября, охраняя один из выходов".

В тяжелых условиях подземной обороны медицинские работники в Центральных каменоломнях проводили даже сложные операции. Я уже писал о ранении в ногу старшего политрука Исакова С. М. во время гибели Ягунова. В госпитале у Исакова С. М. началась гангрена, требовалась срочная операция — ампутация ноги. Раненого стали готовить к операции. Ему дали два стакана самогона (его гнали из сахара), затем он выкурил большую "козью ножку" крепкой махорки. Раненый впал в забытие. Операцию делал неизвестный хирург из Одессы, помогала ему врач Улановская М. А. Операция прошла успешно, через три недели раненый с помощью протеза, сделанного ему умельцами, смог передвигаться. Правда, позже он умер от истощения.²²⁶ Исакова С. М. в госпитале навещал Шайдуров С. С. Раненый ему говорил: "Удастся остаться в живых, тезка, расскажи людям, как мы умирали". Сергей Сергеевич Шайдуров бежал в конце 1943 г. из плена, он воевал в составе партизан в Житомирской области. После ранения 1.03.1944 г. был демобилизован, после войны закончил в Одессе сельскохозяйственную Академию по специальности "землеустроитель".

Защитники страдали из-за отсутствия дневного света, солнечного тепла. Особенно тяжело было в этом отношении раненым и больным. Командование каменоломен организовало для них так называемые "санатории". Это были солнечные места у провалов, образовавшихся от сильных взрывов. К этим местам по очереди приносили раненых и ослабевших. Чтобы места "санаториев" не узнали фашисты, работу их организовали в ранние утренние часы со всеми мерами предосторожности.

В истории обороны Аджимушкайских каменоломен вместе с именами главных организаторов, командиров, политработников, рядовых бойцов по праву стоят и имена работников медицины, выполнявших свой долг в условиях, пожалуй, небывалых в мировой практике.

Длительная и упорная борьба в Аджимушкайских каменоломнях в значительной мере объясняется хорошо поставленной воспитательной и партийно-политической работой руководителей и в первую очередь политработников всех уровней, которых Э. Манштейн злобно обозвал "фанатичными комиссарами". Впрочем, в этой отрицательной оценке просматривается и невольное уважение, даже, пожалуй, зависть, ибо такой преданности воинскому долгу в германской армии, не говоря уже о румынской, не наблюдалось. Сразу же после окружения во всех подразделениях были созданы партийные организации, которые постоянно пополнялись за счет приема новых членов партии. Даже в небольших подразделениях, командах, группах, часто создаваемых на короткое время, из коммунистов назначался парторг, а из комсомольцев — комсорг. Защитник Центральных каменоломен Лодыгин А. И. рассказывает: "С первых дней обороны в каменоломнях при политотделе была создана партийная комиссия, членом которой был я. На заседаниях партийной

²²⁶ Об этой хирургической операции рассказывают многие участники, правда, некоторые из них утверждают, что операция делалась не Исакову С. М., а капитану Левицкому В. М. Данное несоответствие произошло, очевидно, из-за того, что до окружения Левицкий был начальником резерва командно-политического состава фронта, а Исаков у него был военкомом. Кроме того, они были похожи друг на друга телосложением. Шайдуров С. С. мне рассказывал, что после гибели Ягунова в каменоломнях среди защитников действительно прошел слух о ранении Левицкого В. М. Произошла эта ошибка из-за того, что в одной из первых публикаций о ранении в ногу и последующей операции названа была фамилия Левицкого.

комиссии мы рассматривали вопросы партийной жизни, утверждали решения о приеме в партию, разбирали персональные дела. В партию принимались наиболее стойкие, отличившиеся в боях и в повседневной работе воины. Понятно, что из нашего батальона были приняты старший сержант Зайцев и командир отделения Молодцов".

В Центральных каменоломнях регулярно проводились политические информации и политзанятия, из сохранившихся планов видно, что особенно часто они проводились в период сразу же после газовой атаки, когда шло формирование подземного гарнизона. На политинформациях слушателей знакомили со сводками информбюро, которые принимались из эфира через имеющийся приемник и размножались потом на пишущей машинке. Последний из сохранившихся листков со сводкой относится к 17 августа. Темы политинформаций свидетельствуют о том, что в первую очередь волновало защитников:

- о сохранности военной и государственной тайны;
- постоянно помогать друг другу в бою;
- беречь оружие каждого воина;
- забота каждого воина о сохранении кислорода.

Особый интерес представляет последняя тема политинформации. Командование каменоломен боролось не только за экономное расходование продовольствия, воды и боеприпасов, но и за бережное расходование воздуха. Ведь фашисты постоянно отравляли его. Оставшиеся в живых участники рассказывают, что в период применения врагом отравляющих веществ было категорически запрещено жечь костры, пользоваться факелами, копилками. Очевидно, в ходе этой политинформации говорилось и о способах защиты и оказания первой помощи пораженных во время газовых атак.

Представляют интерес и темы политических занятий:

— Трус и паникер — худший враг в бою, он преувеличивает силы врага и преуменьшает силы своей части.

— Дисциплина — залог успеха в бою, дисциплина рождает героев. Будь дисциплинированным воином.

— Воин Красной Армии в плен не сдастся... Лучше смерть, чем плен. Презрение к смерти рождает героев, обеспечивает победу.

— Трус и паникер — предатель и изменник Родины. Беспощадно расправляться с изменниками.²²⁷

Как видно из тематики политических занятий, они были построены в соответствии с содержанием "Памятки красноармейца", выпущенной Главным политическим управлением Красной Армии в июле 1941 г. Кроме политинформаций и политзанятий, в каменоломнях организовывались лекции. Лодыгин А. И. сообщает: "Запомнилась лекция доцента Воронежского университета на тему "О героических подвигах русского народа в войнах с иноземными захватчиками и в Гражданскую войну". К сожалению, забыл его фамилию".²²⁸ Была в каменоломнях и наглядная агитация, до нас дошли некоторые надписи, сделанные прямо на каменных стенах: "Да здравствует Красная Армия!", "Выстоим, товарищи!", "Смерть, но не плен!", "Проклятье фашистам".²²⁹

Защитники каменоломен стремились показать противнику свою стойкость, решимость до конца бороться с захватчиками. Для немецких солдат выпускались листовки и плакаты, которые по ночам вывешивались около выходов. Не раз над каменоломнями появлялся и

²²⁷ ЦАМО РФ. ф. Главной прокуратуры, оп. 100960, д. 6, л. 215.

²²⁸ Я пытался установить фамилию этого доцента, найти о нем другие данные. При наличии документов отдела кадров университета это сделать было нетрудно, было бы желание. Я написал об этом неизвестном историке-доценте письмо ректору Воронежского университета, но ответа не получил.

²²⁹ Говорят погибшие герои. М.: Политиздат, 1973, с. 84.

красный флаг.

В Малых каменоломнях воспитательной работой руководил батальонный комиссар Карпекин М. Н. вместе со старшим политруком Манукаловым А. Н., который вернулся к исполнению должности после ранения. В этих каменоломнях была создана партийная организация. 16 июля Клабуков А. И. в своем дневнике записал: "18.00. Началось партийное собрание. К этому времени у меня все приемные документы были приготовлены. Открыл собрание секретарь бюро т. Манукалов, он же и председательствовал. Меня принимали в ВКП(б) кандидатом. Поручители тт. Манукалов — старший политрук, Карпекин М. Н. — батальонный комиссар, Трубаров — политрук... Для меня этот день, вернее, вечер, был большим праздником. В характеристиках товарищи заверили партию, что я честен, добросовестно отношусь к делу, волевой. Я таким был и останусь до последнего дыхания. Постараюсь быть еще лучше..." Из этого дневника известно, что в члены ВКП(б) были приняты старший лейтенант Поважный М. Г., лейтенант Шкода З. П., кандидатами в члены ВКП(б) — Хамцова Л. Ф., Дрикер Б. А. и другие. Под руководством партийной организации в Малых каменоломнях выпускалась даже стенная газета. "Выпущена и вывешена стенная газета, — пишет Клабуков А. А. 27 июля. — Оформлена в наших условиях художественно. Статьи и заметки читаются с вниманием и обсуждаются. А некоторые, о ком писалось, делают выводы, при товарищах признают свои ошибки. Вот Гавросов признал свою ошибку и заметно исправился. Газета — мощное оружие".²³⁰

В Аджимушкских каменоломнях организовывались коллективные и индивидуальные беседы, тематика которых часто диктовалась обстановкой и не могла быть заранее спланированной. Много бесед было проведено в связи с оставлением нашими войсками Севастополя. Участники подземной обороны, которые надеялись на скорую высадку десанта в Крым с целью деблокирования Севастополя, естественно, после падения черноморской твердыни потеряли эту надежду. Это событие совпало с гибелью Ягунова П. М. Лодыгин А. И. сообщает: "При Ягунове у всех находившихся в каменоломнях была уверенность в выходе из создавшегося положения. После гибели его многие, как говорится, повесили голову... Но после продолжительной разъяснительной работы вновь появилась уверенность".

Фашисты тоже вели свою пропаганду, они выпускали листовки, вели передачи через громкоговорительные установки. Вот как Клабуков А. И. прореагировал на такую пропаганду в своем дневнике: "6.07.1942. Паразиты подошли к щели и, как жалкие, презренные трусы, сначала бросили гранату, а за ней вслед листовки. В них — бессмысленный бред... Знаем хорошо, сколько вас, гадов, полегло под Севастополем, не белый флаг выбрасывали наши товарищи, а отошли, оставив Севастополь, потому что от ваших вшивых трупов — зловоние, им дышать было нечем... Тоже дураков нашли, я хоть и не коммунист, но на удочку не пойду..."²³¹

Шли фашисты и на провокации, используя действительные факты. Так, например, после гибели Ягунова П. М. они распространяли ложь, что, якобы, командир подземного гарнизона, видя бесполезность сопротивления, подорвал себя сам. Следует сказать, что кое-кто из аджимушкайцев, уже будучи в плену, этому поверил.

В итоге, следует сделать вывод, что большая и целенаправленная воспитательная и партийно-политическая работа, постоянно проводимая в подземных гарнизонах, обеспечивала высокий моральный дух окруженных.

Глава 10. Не только Аджимушкой

Было бы неправильно считать, что сопротивление фашистам оказывали только группы

²³⁰ В катакомбах Аджимушкай. 1982, сс. 100, 105.

²³¹ Там же, с. 94.

наших войск в Аджимушкских каменоломнях. Документы и свидетельства участников говорят о том, что под Керчью в течение 1942 г. вели борьбу и другие группы советских воинов, правда, меньшие по количеству. Длительное время держалась группа в подземных коммуникациях завода Войкова, где с середины мая вели бои сводные группы и отряды 44-й армии. Это недалеко от каменоломен. С 26 мая по 5 августа разведывательные сводки 47-й армии периодически сообщали об ружейно-пулеметной стрельбе и о взрывах на заводе Войкова.²³² О борьбе на заводе говорят также документы суда над гитлеровскими военными преступниками, генералом Эйнеке и его подручными. Протоколы допросов бывших солдат 88-го саперного батальона Гуземана и Брауна свидетельствуют о том, что 2-я и 1-я роты батальона в течение всего лета 1942 г. вели подрывные работы на заводе Войкова с целью уничтожения "партизан". О борьбе на заводе Войкова группы советских воинов проливают некоторый свет и материалы послевоенного суда над начальником полиции поселка Колонка Годыны Д. Из материалов видно, что оккупанты и предатели-полицейские вели борьбу с "партизанами" на заводе Войкова с мая до конца 1942 г. Среди хаоса развалин большого завода, в полузасыпанных подвалах и коммуникациях, как в отсеках гибнущего корабля, продолжалась жизнь и отчаянная борьба. В начале июня 1942 г. произошел бой группы советских воинов, засевших в пороховом погребе завода. Неизвестные нам воины встретили фашистов густым пулеметным огнем, враг вынужден был подтащить сюда минометы.²³³

Окруженцам на заводе помогали местные девушки, мобилизованные оккупантами на разборку завалов завода. Осенью 1942 г. (а скорее всего раньше) девушки стали помогать советским воинам продуктами питания и гражданской одеждой. С этой целью они обменивались записками, подпись под ними была "Петр Б.". Записки оставляли в особом месте среди развалин завода. Полиция выследила этих девушек и захватила переписку. Очевидно, об этом факте шеф полиции Керчи доносил 4.11.1942 г.: "26.10.1942 г. проводилась операция у завода Войкова у Колонки против бандитов, но без успеха. При встрече с бандитами был смертельно ранен один шущман. 30 и 31.10.1942 г. в Колонке было задержано 9 человек, которые состояли в письменной связи с бандой завода Войкова. На одном из цехов 1.11.1942 г. найдено письмо, в котором говорится, что одна из банд ночью 1.11.1942 г. покинет завод и попытается достичь через Феодосию Яйлских гор". Имелись в виду Крымские горы. Очевидно, девушек, помогавшим окруженцам, арестовали, и позже керчанка О. Махинина 8.11.1942 г. записала в своем дневнике: "Еще болею за двух девушек. Их поймали на заводе Войкова... девушек обвинили за связь с партизанами, действовавшими на заводе Войкова... На Карантинной слободке тоже поймали девушек, которые имели связь с милыми партизанами". Употребление слова "милые" наводит на мысль, что в этой помощи окруженцам играли роль не только патриотические чувства девушек, но и определенный их любовно-романтический настрой. Сначала были арестованы наиболее активные девушки: Ю. Дьяковская, И. Бабич, Т. Колесникова, М. Руденко. Краеведы Керчи в наше время выявили и других арестованных девушек: А. Жило, О. Белошнитскую, Л. Богачеву, И. Луценко, Т. Некрасову, Каштанову. Всех их после следствия фашисты расстреляли.²³⁴ Дошла ли группа окруженцев с завода Войкова до Крымских лесов? Где-то в Ленинском районе группа попала в плен. Очевидно, это произошло на привале во время отдыха.

По сообщению полицейского Зяблова, вся группа до единого человека была расстреляна на месте пленения. Последний прочес на заводе Войкова был организован в

²³² ЦАМО РФ. ф. 406, оп. 9581, д. 3, л. 70.

²³³ АГБР Крыма, ф. 10354, т. 1, лл. 47, 49; д. 2262, т. 19, лл. 3, 13, 193.

²³⁴ Крымфронт — Аджимушкой. Керчь: Издание Музея истории обороны Аджимушкских каменоломен, 2003, сс. 104–106; Керчь военная, 2004, сс. 241–243.

декабре 1942 г. Он продолжался с 9 часов утра до вечера. Известно, что во время перестрелки один патриот был убит, другой захвачен в плен.

Сравнительно недавно стало известно о подробностях борьбы группы советских воинов, сражавшихся в Булганакских каменоломнях, которые находятся примерно в трех километрах северо-западнее Аджимушкой. Этот небольшой гарнизон (там было немногим более 100 человек) возглавлял лейтенант Светлосанов М. В. Перед самой войной он закончил Севастопольское зенитное училище, на Крымском фронте воевал командиром батареи 510-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Военным комиссаром этого подземного гарнизона был старший политрук Гогитидзе Валерий Сафронович, который до этого в этом дивизионе исполнял обязанности секретаря партбюро. Известно, что он родился в 1910 г. в районе Самтрети. Семья проживала в Кабулетти. В Тбилиси найдена его дочь Поли и сын Реваз. Бывший работник штаба этого дивизиона Лысых Г. С., проживавший в Киеве, рассказал: "Во время немецкого наступления налеты авиации на батареи нашего дивизиона резко усилились. Вышли из строя командир дивизиона майор Таламбури, военком Чергинец. Таяли силы дивизиона. 16 мая танки фашистов обошли остатки наших батарей. Связь их со штабом была прервана".

Остатки дивизиона укрылись в ближайших Булганакских каменоломнях, которые были глубже Аджимушкой и имели мало выходов. К зенитчикам примкнули воины и из других частей. В августе 1975 г. мне удалось встретиться в Ялте с бывшим сержантом 384-го стрелкового полка 77-й горно-стрелковой дивизии Борисом Николаевичем Устрицким. Он мне рассказал: "С группой бойцов я отступал из района Ак-Монай. Оказавшись в селе Булганак, я видел, что нас обходят немецкие танки. Около местных каменоломен я заметил группу бойцов, они носили под землю боеприпасы, оружие, ящики и мешки с продовольствием. Я понял, что создается партизанский отряд, и решил присоединиться к нему. Я хорошо запомнил командира отряда Светлосанова. Позже, в каменоломнях, часто его видел. Он постоянно проверял оборонительные точки и посты, часто разговаривал с бойцами. Помню хорошо и комиссара-грузина, но фамилию его забыл, врача Макогона и некоторых других. Первое время фашисты боялись подходить к каменоломням, но потом осмелели. Они пытались проникнуть под землю, но были встречены дружным ружейно-пулеметным огнем. Понесся потери, враги отказались от штурма и перешли к осаде. Они начали заваливать выходы камнями и мусором, подтянули сюда войска.

Светлосанов приказал тщательно обследовать каменоломни, искать новые выходы. Через некоторое время один из бойцов доложил, что найден почти вертикальный ход в верхний ярус каменоломен. Посланная туда разведка обнаружила "на верхнем этаже" наших людей. Их было примерно 20 человек. Это были двое врачей и раненые, остатки госпиталя, который не успел эвакуироваться. Так у врача Макогона появились помощники и новые раненые. С ними было 7–8 девушек, как мы узнали от них, перед немецким наступлением они работали в какой-то армейской прачечной, помню одну из них из Краснодара, с улицы Седина, звали Галей. В этой группе оказались и два мальчика 13–15 лет. Над ними взял шефство комиссар. Запомнился еще командир взвода Елкин и старшина Губа.

Через несколько дней был найден узкий проход в соседнюю шахту, но там оказались фашисты. Начался бой, ориентировались по вспышкам от выстрелов, взрывов гранат, по голосам и другим звукам. Решили отойти обратно и забаррикадировали за собой выход. Потекла жизнь в осаде. Тяжело было с водой, ее собирали со стен и потолка. Была установлена твердая норма: приблизительно 200 гр. воды на человека. Питались два раза в день. Это была перловая каша, сваренная на комбижире и воде. Кроме того, каждый боец получал кусок лепешки, испеченной в каменоломнях. Командование поддерживало дисциплину, настроение у бойцов было бодрое".

Пошел первый месяц обороны. М. Светлосанов понимал, что в этой обстановке активную борьбу с фашистами вести нельзя. Посоветовавшись с комиссаром, они решили увести отряд в крымские леса. Это была трудная задача, но другого выхода не было. Стали разбирать главный выход, засыпанный фашистами. Через несколько часов работы был

сделан небольшой лаз. Была ночь. Один из борцов вылез из подземелья и только что-то хотел сказать своим товарищам, как его срезала пулеметная очередь. Операция сорвалась, стало ясно, что все выходы фашисты тщательно охраняют.

М. Светлосанов приказал пробивать тоннель вдали от выходов. В одном из подземных залов верхней галереи, где был каменный свод в виде купола, стали строить каменную насыпь и на ней соорудили лестницу. Началось строительство вертикального колодца снизу вверх. Это была изнурительная работа. Примерно через неделю увидели долгожданный дневной свет. Расширив лаз, Светлосанов осторожно выглянул. Фашистов вблизи не было, в 2–3 метрах проходила дорога. Решили на разведку послать подростков. Ребята незаметно вышли на поверхность, сходили в село и узнали обстановку. В с. Булганак стояла какая-то немецкая артиллерийская часть (это был артиллерийский полк 46-й пехотной дивизии), фашисты несли охрану выходов из каменоломен и вели какие-то земляные работы. Уже позже стало известно, что они долбили шурфы для подрыва каменоломен, но, пожалуй, самыми важными были сведения о борьбе подземного гарнизона в Аджимушкайских каменоломнях. Быстро созрело решение: всем выбраться на поверхность через вырытый лаз и с боем прорваться на соединение с аджимушкайцами. Отряд стал готовиться к переходу и бою. Для переноса раненых готовили носилки, распределяли оставшееся продовольствие, боеприпасы. На подготовку к операции решили отвести сутки. Но операция снова сорвалась. Случилось совершенно непредвиденное обстоятельство. На другой день к вечеру, когда отряд уже подготовился к выходу, в вырытый и замаскированный лаз ввалилась немецкая походная кухня. Трудно сказать, почему фашисты ехали не по дороге, а вдоль нее. Сначала гитлеровский повар ничего не понял и пытался кухню вытащить из ямы. Но кухня проваливалась все больше и больше. Прибывшие на помощь фашисты увидели наконец-то свежий лаз, стали в него бросать гранаты, дымовые шашки...

Силы бойцов были на исходе. Недостаток питания, воды, света, чистого воздуха пагубно действовал на людей. Умиряли раненые, больные, здоровые с трудом передвигали ноги. Командир и комиссар решили организовать собрание личного состава, на котором решить, что делать дальше. Решили беспартийным выйти из каменоломен и сдать в плен и тем самым сохранить жизнь себе, ибо запасы продовольствия таяли с каждым днем. Выходили без оружия. Комиссар напутствовал: "Из лагеря бегите и пробивайтесь в леса Крыма, к партизанам". Дней через 25 в керченском лагере прошел слух, что фашисты взяли в плен оставшихся товарищей. Говорили, что между оставшимися в каменоломнях начались ссоры и что командир и комиссар застрелились или были убиты. Расстрелял себя и свою жену врач Макогон, они были евреями и в плен решили не сдаваться.

Через Главное управление кадров Министерства обороны я сумел найти сведения о Светлосанове. Там он числился старшим лейтенантом, звали его Михаилом Викентьевичем, родился он в 1916 г. в Вологде, окончил 7 классов, работал слесарем в мастерской по ремонту велосипедов, увлекался велосипедным спортом, после решил стать военным, училище в Севастополе закончил в июне 1941 г. В г. Вологде мне удалось найти его сестру Антонину Никитюк, а в г. Дзержинске Горьковской области — вторую сестру Веру Голубеву. О военном враче 3 ранга. Макогон Олеге Андриановиче стало известно, что он родился 15.08.1914 г. в Киеве, в 1941 г. закончил в г. Куйбышеве Военно-медицинскую академию, жена была тоже врач. В 1941 г. был назначен врачом 510-го отдельного зенитного артиллерийского дивизиона, пропал без вести на Крымском фронте. Кировоградский областной военкомат мне сообщил, что за него пенсию получала А. Ф. Лащевская. Очевидно, это была его мать, была у него еще сводная сестра Лащевская Антонина Федосеевна, которая проживала в с. Нерубайка Ново-Архангельского района Кировоградской области. Была еще дочь Таня.

На публикации в газетах откликнулся старший лейтенант медслужбы Гуссейнов Мехбала Нуралиевич, он был на Крымском фронте зубным врачом 396-й стрелковой дивизии и, как Устрицкий Б. Н., тоже попал случайно в Булганакские каменоломни. Он был пленен с первой группой в середине июля, после освобождения из плена 20.02.1943 г. был

осужден на 10 лет по статье 58–1 "б". Позже возвратился на родину в г. Куба Азербайджанской ССР, где стал работать по специальности. Благодаря Устрицкому Б. Н. и Гуссейнову М. Н. стали известны подробности обороны Булганакских каменоломен. В 80-х гг. поисковикам из Одессы при обследовании этих каменоломен удалось найти "смертник".²³⁵ Он принадлежал Гогитидзе, что подтвердило его гибель в каменоломнях.

Сопrotивление под Керчью в 1942 г. оказывалось фашистами и в других местах. Фашистский 88-й саперный батальон вел подрывные работы не только в Аджимушкайских, Булганакских, на заводе Войкова, но и в Багеровских каменоломнях, расположенных примерно в 15 км западнее Керчи. И там весной и летом продолжаюсь сопротивление. Надо полагать, что основу этого подземного гарнизона в Багерово составили окруженные в районе части и подразделения Крымского фронта, которые здесь вели бои в окружении. К сожалению, никто из участников обороны в Багеровских каменоломнях в 1942 г. не откликнулся, но я надеюсь, что в будущем что-либо станет известно из вновь найденных документов.

Глава 11. Им стремились помочь

Существует мнение, что командование 47-й армии, оборонявшей Таманский полуостров, знало об окруженных в Аджимушкайских каменоломнях, но ничего не предпринимало, чтобы им помочь. Это неправда. В первые дни окружения, как свидетельствует начальник радиостанции Центральных каменоломен Казначеев Ф. Ф., существовала двухсторонняя связь с радиостанциями 47-й армии. Однако она очень скоро прекратилась: от сильного взрыва радиостанция вышла из строя. Из-за отсутствия таблиц позывных переговоров, а также шифра радиограммы передавались открытым текстом. "С Большой земли, — сообщает в своих воспоминаниях Серебряков Н. Н., — нас подбадривали, советовали держаться и ждать скорой помощи в виде десанта". Позже в обеих каменоломнях работали только радиоприемники, которые принимали сводки Советского информбюро и другие сообщения московского радио. Командование Центральных каменоломен неоднократно посылало группами и в одиночку связных через Керченский пролив. Абсолютное большинство их погибало или попадало в плен. Впрочем, очевидно, были и удачные попытки. Из письма Федора Митрофановича Ткачука (август 1967 г.) из г. Красилова Хмельницкой области известно, что он в группе из 4-х человек по приказу Бурмина Г. М. 9 июня вышел из каменоломен во главе с начальником штаба 107-го танкового полка 55-й танковой бригады капитаном Львициным. Задача была "связаться с Малыми каменоломнями или пробраться через Керченский пролив к своим". Задача, как видим, неопределенная и странная: очень простая (Малые каменоломни располагались всего в 300 метрах) и крайне сложная — переправиться через пролив. Странно и то, что эту задачу ставил группе не Ягунов П. М., а Бурмин Г. М. Правда, здесь есть некоторое объяснение: Львицина Бурмин мог знать еще по Ирану во время их службы в 108-м танковом полку, не говоря уже о Крымском фронте, где они воевали в одной 55-й танковой бригаде. Группа Львицина в потайном месте на берегу пролива встретила еще 3-х военнослужащих. Нашли маленькую лодку, в которой мог уместиться лишь один человек. Так что один греб доской, а другие плыли, держась за борта лодки руками. Когда кто-то совсем ослабевал, менялись с гребцом. К утру 10 июня добрались до своих. "Нас приняли, привели в состояние, мы рассказали об Аджимушкае. После этого я воевал в Сталинграде, где был ранен в живот.

²³⁵ Это эбонитовый маленький пенальчик, который на фронте каждый военнослужащий должен был носить с собой. На маленьком листке, свернутом в трубочку, имелись основные данные на человека. В Аджимушкайских каменоломнях среди останков защитников таких "смертников" находили довольно много. Среди них были данные на Костенко В. И., Мисникова В. Д., Волошенко А. Е. и др.

Ныне работаю в органах прокуратуры Мельницкой области"²³⁶. Дальнейшая судьба Львицина осталась неизвестной.

Об удачной переправе через Керченский пролив сообщал и аджимушкаец лейтенант Буханец Евгений Григорьевич, командир взвода управления 344-го стрелкового полка 138-й стрелковой дивизии. Подробных воспоминаний он, кажется, не оставил. При встрече с ним (он жил в Керчи) я стал задавать конкретные вопросы. Буханец Е. Г. стал очень волноваться, путаться, чем сразу же вызвал подозрения в правдивости. Я уверен, что переправившихся через пролив из каменоломен было больше, чем известно нам. Но дело в том, что все возвращающиеся из окружения попадали под подозрение как возможные агенты фашистов, поэтому факты их возвращения почти не попадали в оперативные документы штабов и в политические донесения. Ими сразу же занимались особые отделы, а доступ к их документам до сих пор закрыт.

Очевидно, благодаря сведениям этих переправившихся через пролив людей наши разведывательные органы и штабы на протяжении всего лета 1942 г. хорошо знали, что происходило в каменоломнях. Дочь Ягунова — Клара Павловна рассказывала мне: "О том, что отец попал в окружение и возглавил подземный гарнизон, я знала, ибо сведения об этом доходили до Бакинского пехотного училища, где работал отец и я жила в годы войны. Потом я узнала, что в каменоломни немцы пускали газы и отец погиб. В конце войны я уже знала подробности гибели отца и многие события в каменоломнях. Все эти сведения были неофициальные, и сейчас уже невозможно сказать, как, кем и при каких обстоятельствах они до меня доходили".

Из Малых каменоломен для переправы через пролив уходили также одиночки и целые группы, но их цель была куда проще: они пытались выйти из окружения и попасть к своим. Одной из первых отсюда ушла группа казаков под руководством капитана Барлита С. Н. В своем письме он пишет: "2 июня мы сумели буквально под носом противника незамеченными выбраться из подземелья. Наш маленький отряд направился к проливу, под утро около с. Баксы в кустах мы сделали привал, выслали разведку к берегу, она долго не возвращалась. Видимо, разведка попала в плен и выдала наше расположение. Около полудня вдруг появились фашисты численностью до роты с артиллерией и минометами. Начался бой, меня, видимо, контузило, ибо я потерял сознание. Когда очнулся, фашистов не было, рядом лежал мертвый казак, старший сержант... Пять суток я один бродил по степи, несколько раз наткнулся на полевые караулы фашистов, они обстреливали меня. Решил вернуться в Керчь и там связаться с подпольем. Заснул я в окопе и утром был найден немцами, которые приехали косить траву. В плену в Николаевском лагере я встретил своего заведующего делопроизводством моего штаба лейтенанта Курина Якова Петровича. Он мне рассказал, что после разгрома нашей группы он вместе со знаменосцем на берегу моря около с. Баксы спрятал наше полковое знамя и печать полка. После освобождения из плена служил в стрелковой части рядовым, воинское звание мне тогда не вернули. Я просил командование отпустить меня для поиска знамени, но ходатайство мое не было удовлетворено. В 1946 г. я попытался вместе с Куриным Я. П. начать поиск знамени, но его выслали на Урал, и он был обижен. Писал я по этому поводу Сталину. Через Ставропольский крайвоенкомат меня вызвали и организовали встречу с Книгой В. И. К поиску знамени Книга В. И. отнесся очень как-то пассивно, он даже меня не узнал. Так мне было обидно!" Барлит С. Н., конечно, не догадался, почему Книга В. И. был так пассивен по отношению к поиску знамени полка. А не узнал он его, скорее, сознательно. Дело в том, что в своем непомерно бодром отчете о боевых действиях и переправе через Керченский пролив командир 72-й кавалерийской дивизии Книга В. И. утверждал, что это знамя утонуло при переправе от прямого попадания бомбы в судно. Эту ложь разделил с ним и его военком Дроздов А. Д., подписавший отчет. Потери дивизии тоже как-то смазаны. В отчете говорится о 325 убитых и 605 раненых

²³⁶ Письмо Ткачука Ф. М. хранится в фондах Керченского музея.

воинов этой дивизии, но совершенно умалчивается количество без вести пропавших. А вычислить их совсем нетрудно. До начала боев в дивизии было 4 684 человека, переправилось на таманский берег 2 146 человек. После несложных вычислений получаем число без вести пропавших — 1608 человек.²³⁷ Число большое, но оно значительно меньше количества без вести пропавших в других дивизиях Крымского фронта, где даже количество потерь невозможно было подсчитать.

В августе решила покинуть Малые каменоломни группа подполковника Ермакова С. А. с целью перебраться к своим через Керченский пролив. К выходу и переправе серьезно готовились, искали шпагат, веревки для сооружения плота, изучали маршрут движения, для чего опрашивали всех, знающих местность. Решили уходить двумя партиями. Ермаков 3 раза пробовал выходить из каменоломен, но каждый раз наткнулся на противника и каждый раз возвращался. Наконец, 14 августа, ему удалось уйти, а через 3 дня ушла в сторону переправ и вторая партия под руководством батальонного комиссара Семенова Б. М. Позже через военнопленных до Поважного М. Г. и Ильясова С. Ф. дошли слухи, что Ермаков С. А. погиб в бою на берегу пролива. В Саратове мне удалось найти его жену Трипольскую Татьяну Михайловну она всю жизнь работала учителем. Для нее мое письмо о гибели мужа было первым сообщением о его судьбе. Татьяна Михайловна мне сообщила его биографические данные и закончила письмо стихами Веры Фигнер:

"Пали все лучшие
В землю зарытые,
В месте пустынном
Безвестно легли.
Кости ничьею
Слезой обмытые
Руки чужие
В могилу снесли".

Так оно и было. Тела убитых на берегу пролива тогда хоронили небрежно в воронках от бомб и снарядов. В наше время поисковики на берегу Керченского пролива выкапывают эти кости для захоронения с воинскими почестями на городских кладбищах.

Командование Северо-Кавказского фронта и 47-й армии также пыталось установить связь и организовать выход окруженных из района каменоломен. 29 мая Маршал Советского Союза Буденный С. М. подписал директиву командующему 47-й армии, в которой говорилось: "По данным всех видов разведки, в районе Аджимушкайских каменоломен находятся наши командиры и бойцы, которые продолжают упорное сопротивление противнику. Для оказания помощи и эвакуации оставшихся в районе каменоломен людей приказываю:

1. Командующему 47-й армии из числа добровольцев организовать разведку с целью связаться с командирами и указать им место, где, когда они могут быть взяты на суда для перевозки.

2. Командующему 47-й армии и командиру Керченской военно-морской базы по установлению связи организовать перевод командиров и бойцов на Таманский берег".²³⁸

В соответствии с этой директивой штаб 47-й армии совместно с КВМБ в конце мая — начале июня несколько раз высаживал на Крымский берег небольшие группы разведчиков и связников. Это были представители армии, флота и даже органов НКВД. Эти группы не возвращались или возвращались, но задание не выполняли. Причина этих неудачных

²³⁷ ЦАМО РФ. ф. 215, оп. 1185, д. 80, лл. 2–4.

²³⁸ Там же, ф. 224, оп. 760, д. 23, л. 5.

попыток заключалась, главным образом, в сложности задания.

В ходе поисков мне стало известно имя одного из этих посылаемых разведчиков — Яков Иванович Кацыка, житель Аджимушкая. Из документальных источников известно, что 14 июня 1942 г. Кацыка вместе с Удовицким А. Д. (последний выполнял роль перевозчика через Керченский пролив) из города Темрюка по заданию советского командования и НКВД были отправлены в оккупированную фашистами Керчь. Кацыка Я. И. имел задание установить связь с оставшимися в Аджимушкайских и Булганакских каменоломнях частями Красной Армии,²³⁹ собрать сведения о дислокации войск противника, их вооружении, расположении складов, а также наличии авиации в районе Керчи, о характере оборонительных работ на побережье, минных полях и проволочных заграждениях. Во время выполнения разведывательного задания 17 июня Кацыка Я. И. вместе с Удовицким был задержан румынскими артиллеристами и направлен в Керчь в карательный орган "СД". На допросе Удовицкий признался фашистам в истинной цели их прибытия на керченский берег. После этого Удовицкий продолжал заниматься предательской деятельностью против советских патриотов и в 1945 г. был приговорен военным трибуналом к расстрелу. Что касается Кацыки Я. И., то он был расстрелян фашистами 10 июля 1942 г. Много лет его сын, офицер советской армии, проживавший в г. Коломна Московской области, Кацыка А. Я., искал следы гибели своего отца. Их ему удалось найти в 1986 г. Сейчас можно сказать, что бывший партизан, защищавший Аджимушкайские каменоломни от белых еще в 1919 г., Яков Иванович Кацыка погиб за родную Керчь, выполняя сложное задание советской разведки.²⁴⁰

Довольно крупную разведывательную операцию провело командование 47-й армии 8–20 июля. В 1977 г. на одну из публикаций по Аджимушкаю в редакцию журнала "Вокруг света" откликнулся Михальцов А. А., военрук школы в поселке Горки Шурымкарского района Тюменской области. Он записал воспоминания жителя поселка Заломова Василия Ивановича. Затем на наш запрос откликнулся и сам Заломов В. И. Он оказался из тех, которые пытались с Таманского полуострова связаться с окруженными в Аджимушкае. В своих воспоминаниях он сообщил: "Сам я из г. Шуя Ивановской области, закончил 2 курса индустриального техникума и с начала войны стал рваться на фронт, но меня и других ребят послали учиться в Ленинградское военно-политическое училище, которое эвакуировалось в Шую.

В феврале 1942 г. после окончания училища я попал в 83-ю бригаду морской пехоты в роту разведки, где командиром был Белоножко, здоровый парень с "боцманской" бородой. Началось немецкое наступление, утром 9 или 10 мая мы находились в своем расположении, и тут появился комиссар нашей бригады. Он сказал: "Вы вот тут сидите, а фрицы уже в Семи Колодезях, отходите, как можете, в сторону Керчи". Не буду описывать все злоключения, но в ночь с 16 на 17 мая мне удалось переправиться через Керченский пролив. В Темрюке нас стали приводить в порядок, и я снова оказался в своей 458-й отдельной морской разведывательной роте. Скоро стали отбирать людей-добровольцев для выручки окруженных в Аджимушкайских каменоломнях, обещали выполнившим задание присвоить звание Героя Советского Союза. На беседу вызывали по 3–4 раза, говорили, что "можно отказаться". В нашу небольшую группу назначили командиром незнакомого нам старшего лейтенанта, с виду он был какой-то неповоротливый и мне не понравился. В одну из ночей июня посадили нас на катер, затем у Керченского берега пересадили в шлюпку, было очень темно, и берег мы не видели. Затем нам приказали плыть со спасательными поясами, но,

²³⁹ Это первое из известных документальных данных свидетельство, говорящее о том, что командование 47-й армии знало и о группе советских воинов, оборонявших Булганакские каменоломни.

²⁴⁰ Архивная справка 9 Б-882 от 24.09.1985 г. и 9 Б-99 от 5.02.1986 г. была выдана Кацыке А. Я. из Крымского партийного архива.

видимо, выпустили нас слишком рано, далеко от берега. Постепенно наши камышовые спасательные пояса промокли и стали тянуть ко дну. Я вынул нож и сбросил ненужный пояс в воде. Видимо, мы потеряли ориентировку и плыли уже не к берегу. Слышу, один просит помощь, другой. А как спасти, если я еле-еле держусь на воде. Было уже светло, когда нас с одним из товарищей подобрал рыбацкий баркас. Прибыли в штаб, какой-то полковник нас выслушал, приказал нам молчать, никому ничего не рассказывать. В середине июля снова стали формировать группу разведчиков на связь с каменоломнями. Из станицы Ахтанизовская нас привезли в Кучугуры. Отсюда нас повезли уже на катерах, которые подошли к самому берегу Керченского полуострова со стороны Азовского моря, но нас заметили и открыли огонь. Но, несмотря на это, мы высадились, а катера ушли. В нашей группе было 30–35 человек, пошли в сторону Аджимушкай, но нас встретили, а затем окружили фашисты, это были румыны и немцы. Начался бой, последнее, что я запомнил, это была брошенная немецкая граната, от разрыва которой я потерял сознание. Очнулся я уже в плену у румын..."

Бывший военный комиссар разведывательного отдела штаба 47-й армии Стеценко И. Ф., проживавший в Киеве и готовивший многие из этих операций, рассказывал мне в одном из писем: "Эта группа была сформирована из добровольцев 77-й стрелковой дивизии. Командиром группы бы капитан, а военным комиссаром политрук, фамилии их я, к сожалению, забыл. Сначала операция проходила успешно, очевидно, в этом районе враг не ожидал появления наших разведчиков. Но утром фашисты обрушили на нашу группу большие силы. Стремясь уничтожить разведчиков, они использовали даже авиацию. Разведчикам по радио было приказано удерживать плацдарм до темноты, предполагалось ночью послать подкрепление. Но это осуществить не удалось: из-за сильного огня противника катера даже не смогли приблизиться к берегу, где держались разведчики. Наша авиаразведка сообщала, что бои шли здесь около трех суток. Никто из этой группы обратно не вернулся".

Таким образом, действия разведывательной группы 8–10 июля можно считать последней и отчаянной попыткой установить живую связь с Аджимушкайским подземным гарнизоном.

Деблокировать окруженных в керченских каменоломнях могла только крупная десантная операция. Кстати, такая операция готовилась по приказу Ставки на конец июня — начало июля с целью захвата восточной части Крымского полуострова с Керчью. Но с падением Севастополя эту операцию пришлось отложить²⁴¹. Правда, в конце июня 47-я армия проводила демонстративные действия с целью ввести в заблуждение противника о десанте. Из-за этого фашисты некоторые свои части возвратили в Керчь.

Командование подземного гарнизона, в свою очередь, также разрабатывало план действий на случай высадки такого десанта. Были намечены выходы из каменоломен и маршруты движения отдельных групп и подразделений. Велось круглосуточное усиленное наблюдение за районом, близко прилегающим к побережью.

Что было важно согласовать советскому командованию на Таманском полуострове с руководителями в Аджимушкайских каменоломнях? В основном два вопроса: когда и куда высылались суда для эвакуации. Для уяснения этих вопросов, очевидно, и высылались связные и разведывательные группы, но никто из них до каменоломен не дошел. В Москве я разговаривал с опытным историком-оперативником, закончившим Военную академию им. Фрунзе. Я задал вопрос: "Можно ли было вывести большую группу военнослужащих, вооруженных только стрелковым оружием, из каменоломен, довести их до берега пролива и организовать переправу их на Таманский берег?" Он мне ответил: "В тех условиях это было просто невозможно: противник имел хорошие средства передвижения, артиллерию и даже авиацию, которая легко бы уничтожила вышедших из каменоломен еще на подступах к

²⁴¹ ЦАМО РФ. ф. 402, оп. 9575, д. 21, лл. 1,2,8.

берегу пролива".

Глава 12. Финал трагедии

В начале сентября 1942 г., когда части 47-й армии вынуждены были отойти с Таманского полуострова на Кавказ, у защитников каменоломен уже не было надежды на скорую высадку десанта советских войск в Крыму. Это было самое тяжелое время, резко усилилась смертность от голода, болезней и ран. Командование Центральных каменоломен приняло решение выходить на поверхность мелкими группами и пытаться связаться с подпольщиками и партизанами. Уйти от истощения, конечно, могли не все. Именно к этому времени гитлеровское командование, стремясь закончить многомесячную безрезультатную для него осаду подземной крепости, решило уничтожить последних защитников Центральных каменоломен одним мощным взрывом. К этому фашисты готовились несколько недель. Они планировали одновременным взрывом нескольких больших зарядов, расположенных в линию, рассечь Центральные каменоломни на две части, а затем их уничтожить в отдельности. Такой взрыв был произведен в конце сентября. Следы его и сейчас хорошо видны на плане Центральных каменоломен, созданным Прониным К. К. Правда, несмотря на значительную подготовку, не удалось рассечь подземный гарнизон. В западной части завала все равно сохранились подземные проходы. Но все же после гигантского взрыва организованное сопротивление у всех выходов Центральных каменоломен осуществлять уже было некому. Оставшиеся в живых участники обороны ушли в дальние районы каменоломен, где продолжали оборонять глухие участки штолен.

Постепенно вымер госпиталь вместе с обслуживающим персоналом. Для похорон, даже самых примитивных, у оставшихся защитников уже не было сил. Вот этот госпиталь и увидел И. Сельвинский со своими спутниками в ноябре 1943 г. Было ли у кого-нибудь из последней группы желание сдаться на милость противнику? Очевидно, было. Бурмин Г. М. лично расстрелял одного из захотевших этот выход, хотя этот бедолага имел большие заслуги при защите каменоломен. Причем, это было сделано демонстративно: никто не должен думать о добровольной сдаче в плен. "Смерть, но не плен" — это был почти афоризм многих политбесед того времени. Конечно, это было жестоко, но вполне последовательно, в духе тех требований высшего руководства. Прочитав множество книг и документов времен войны, я пришел к выводу, что минувшую войну наш народ выиграл благодаря исключительной жесткости требований со стороны командования всех степеней, переходившей очень часто в обычную жестокость. Считалось, что это было оправдано, ибо наш народ вел справедливую войну, а фашисты и их союзники, наоборот, вели войну захватническую и несправедливую. Жесткость и жестокость в наших Вооруженных силах часто вела к большим потерям и к крайнему напряжению физических и моральных сил народа, что имело (и имеет) тяжелые последствия в дальнейшей его судьбе и развитии. Так что мне не хочется ругать или хвалить Бурмина Г. М. Так было. В подобных случаях есть хорошая житейская формула: "Бог его рассудит".

Оставшиеся в живых участники о желании спасти себя через плен никогда не говорили, но в личных беседах, а особенно за столом "с рюмкой чая", можно было от них кое-что узнать. Что-то можно найти и в написанных воспоминаниях, хранящихся в фондах Керченского музея. В этом плане особенно интересен текст воспоминаний Воинова Петра Сергеевича, родившегося 26.06.1921 г. в г. Канаш Чувашии. В Центральных каменоломнях он был лейтенантом, командиром особой группы, попал в плен в октябре. После войны он работал учителем музыки в г. Кизляре Дагестана. В воспоминаниях, написанных в 1970 г., он сообщает: "В каменоломнях были предатели, которые сами хотели сдаться в плен и сдать командиров. Они создали группу.

В каменоломнях завязалась схватка. Несколько человек из их группы были убиты и 2 схвачены и доставлены в штаб. Предателей расстреляли. Командиром нашей группы был майор, вскоре он погиб после уничтожения этой группы". Эти воспоминания ценны тем, что

говорят о деятельности особого отдела в каменоломнях, о котором почти ничего не известно. Правда, об этом есть сведения в немецком "донесении": "В каждом из 3-х батальонов, кроме командира и политического руководителя, был один сотрудник НКВД, всего НКВД там представлено в общем 6-ю человеками. В их обязанность входило пресекать и выносить приговоры дезертирам и за другие преступления и происшествия. Расстрелы за дезертирство командиры батальонов производили собственной властью... По этим причинам в Центральных каменоломнях было расстреляно 20 офицеров, политруков, комиссаров и т. д., 5 человек приговорены к смерти за воровство... 10 человек было расстреляно в Малых каменоломнях за нарушение дисциплины". Впрочем, в конце этого "донесения" в общем подсчете потерь защитников каменоломен количество расстрелянных определялось округленно — в 100 человек.

Как в Центральных, так и в Малых каменоломнях, последние группы защитников были ликвидированы почти одновременно в последних числах октября 1942 г.

Из объяснительной записки Поважного М. Г., которую он писал после освобождения из плена в 1945 г., известно, что к концу октября в Малых каменоломнях оставалось семь человек. Это был сам Поважный М. Г., Шкода В. П., Дрикер Б. А., Шевченко Н., Ильясов С. Ф., медсестры Хамцова Л. Ф., Гаврилюкова З. В. Этих же людей называет в своих воспоминаниях и Ильясов С. Ф. Саях Фаррахович (Николай Федорович), по национальности татарин, родился в 1910 году в Башкирской АССР Буздяковском районе в деревне М. Устюбе. Семья была довольно культурная, родители мечтали, чтобы он закончил медресе, но с победой Советской власти эту мечту им пришлось оставить. Саях Фаррахович закончил техникум, перед войной работал по специальности в Севастополе. В связи с мобилизацией в 1941 г. попал в 1-й запасной полк, где все время исполнял должность писаря. Воспоминания Поважного и Ильясова о борьбе и жизни в Малых каменоломнях в основном совпадают, но у Ильясова они изложены более последовательно, полно и грамотно, поэтому я их здесь в основном и буду приводить. "С вечера 29 октября я стоял на посту у главного нашего входа. Утром из нашего расположения подошла медсестра Лида Хамцова собрать дровишек для приготовления чая и скромного завтрака. Фашисты еще в мае пытались завалить выходы в каменоломни разным хламом, в том числе и деревянными деталями домов и мебелью жителей пос. Аджимушкай. Так что этими "подарками" мы постоянно пользовались. В это время мы слышали топот и увидели фашистов, которые стали заходить под землю. Их вел предатель из нашей группы, который еще раньше сдался в плен. Мы стали уходить в темноту, и я стал отстреливаться из револьвера, который у меня был. Фашисты (это были румыны) имели мощные фонари, они часто стреляли в темноту, а в закоулки и боковые проходы бросали гранаты. Скоро нас обнаружили и стали избивать, затем стали меня связывать по рукам. При этом я чувствовал, как у румына дрожали от страха руки. Затем они привязали ко мне веревку и стали толкать меня впереди себя, приказали вести их к штабу. Там они пленили Зину Гаврилюкову и Николая Шевченко. А Поважный, Шкода и Дрикер спрятались, и румыны, не заметив их, прошли мимо. Их пленили на следующий день во время нового прочеса уже с помощью собак-овчарок". Обладая прекрасной памятью и думая о будущем, Саях Фаррахович еще в плену на тонких листках курительной бумаги (во время войны выдавались солдатам вместе с табачным удовольствием в виде маленьких книжечек) записал ряд сведений о своих товарищах по борьбе в каменоломнях и по плену (более 60 фамилий). Эти листки после освобождения в 1945 г. из плена он переписал в небольшой черный блокнот, который я у него видел. Этот блокнот и послужил Ильясову С. Ф. первоисточником для написания интересных и подробных воспоминаний. Они хранятся в Керченском музее и в моем личном архиве. После войны Ильясов С. Ф. долго работал в службе горюче-смазочных материалов Ленинабадского аэропорта в Таджикистане, руководство которого через Министерство гражданской авиации постоянно предоставляло ему бесплатные билеты для полетов в Керчь, Москву, Ленинград. Саях Фаррахович много сделал для поиска оставшихся в живых аджимушкайцев и для восстановления неизвестных страниц истории подземной обороны. Умер он в апреле 1986 г.

Блокнот остался у его сына.

Продолжаем рассказ Ильясова С. Ф. "Нас привели в штаб, который находился в пос. Аджимушкой. В сарае, в который нас поместили, уже было несколько человек и одна женщина. Потом мы узнали, что это были подполковник Бурмин Г. М., старший батальонный комиссар Парахин И. П., батальонный комиссар Храмов Ф. И., капитан Левицкий В. М.,²⁴² техники-интенданты Желтовский В. И., Прилежаев А. А., работница керченского торгова Кохан В. А. По рассказам товарищей, взятых в плен в Центральных каменоломнях, фашисты проникли к ним под землю дня за два до нашего пленения. До этого еще в середине октября они также пытались прочесывать подземные галереи. Защитники оказали упорное сопротивление. Потеряв одного убитого, несколько раненых и захватив пленного, фашисты отошли. Немного позже после допроса пленного расстреляли у штаба, там мы видели его могилу..."

Этот рассказ подтверждается и другими источниками. Из немецкого "донесения": "В конце октября в результате допросов было установлено, что оставшееся население Центральных каменоломен планировало в ближайшие дни насильственный выход из окружения. Во время операции 28, 29, 31.10.1942 г. были извлечены остатки групп и катакомбы окончательно очищены. При этом были ранены два немца и 18 румын". Что за "насильственный выход", о котором говорит немецкое "донесение", готовился в Центральных каменоломнях до сих пор остается загадкой. Но судя по "донесению", в Центральных каменоломнях при пленении последней группы шел сильный бой. Поражает большое количество раненых — 20 человек — и отсутствие убитых. Напрашивается вопрос: не отбивались ли последние защитники от фашистов личным оружием, которое от сырости уже почти не действовало, и подсобными предметами: камнями, палками и т. д.?

Кохан В. А. весной 1943 г. удалось переслать из лагеря под Симферополем в Керчь своим родственникам письмо, датированное 27 апреля. В нем она, в частности, писала: "Я 6 месяцев просидела в каменоломнях, видала столько ужасов, нас травили газами, взрывали бомбами, мы 2 месяца голодали, получали в день 10 гр. ячменя (кофе) и 3 грамма комбижира. Ловили крыс и ели. Потом почти целый месяц не было воды, так мы сосали воду из камней... Нас там было много, и из этого большинства осталось только 5 человек живых (4 мужчины и я одна женщина)... В Симферополь приехали 6 ноября, при "СД" сидели больше месяца, потом около 2 месяцев сидели в тюрьме, а с 7 февраля я уже нахожусь в лагере"²⁴³. Интересно, что Ильясов о своих воспоминаниях называет число не 5, а 7 последних защитников Центральных каменоломен. Нет ли в этом несовпадении определенного доказательства одного сообщения? Дело в том, что среди пленных керченского лагеря военнопленных осенью 1942 г. были разговоры, что комиссар Парахин И. П. накануне "большого прочеса" в конце октября вышел из каменоломен (возможно, с еще одним человеком) и пытался пробиться в лес к партизанам. Уйти далеко ему не удалось. Он был пойман, опознан и присоединен к последней группе аджимушкайцев.

Какова же судьба последних защитников подземного Аджимушкой? Обратимся снова к воспоминаниям Ильясова С. Ф. "В поселке Аджимушкой нас держали до 5 ноября. До этого времени каждого из нас допрашивали, угрожали расстрелять. Фашисты требовали от нас признания, что мы являемся партизанами и что нас оставили в каменоломнях по заданию НКВД, спрашивали о связях с керченским подпольем. А Поважного М. Г., для того, чтобы он в этом сознался, водили даже на расстрел. Но в общем отношении к нам (нас охраняли румыны) было неплохое, нас умеренно кормили, поили, содержались мы в сарае, женщины

²⁴² В некоторых воспоминаниях Ильясов С. Ф. капитана Левицкого В. М. не упоминает в числе этой последней группы. Его он знал еще до немецкого наступления. Возможно, Левицкий В. М. был выловлен фашистами несколько позже, после пленения Бурмина Г. М. и его товарищей.

²⁴³ Письмо Кохан В. А. передано ее сестрой, Матиевской Г. А., в фонды Керченского музея.

отдельно. Относительно хорошее отношение к нам было не случайно, нас должны были везти в Симферополь, а длительную дорогу мы вряд ли перенесли бы из-за крайнего истощения. 5 ноября нас повезли на закрытой машине в Симферополь. По дороге умер Левицкий, труп которого оставили, кажется, в Марфовке. По приезде в Симферополь Гаврилюкову, Шевченко и Храмова от нас отделили, все они были очень слабы. Позже мы узнали, что двое последних умерли. В Симферополе нас привезли в румынский штаб корпуса, около нас собралось много румынских офицеров и солдат. Затем вышел главный румынский генерал с другими генералами и высшими офицерами. Он сказал речь, которую нам переводили на русский язык. "Посмотрите на этих людей, они выполняли свой воинский долг до конца, это пример для всех нас. Если бы румынские солдаты и офицеры так хорошо воевали, то Советы мы бы с немецкой армией давно победили". Такая оценка нас была неожиданна и приятна. Затем генерал заявил, что вынужден передать нас в руки немецкой службы безопасности "СД".

В первый день пребывания в тюрьме (это было здание, где до войны было Симферопольское педагогическое училище) Бурмин признался товарищам по камере, что у него сохранился маленький дамский пистолет, ибо при аресте румыны его плохо обыскали. Этот вопрос коллективно обсудили и решили для безопасности заключенных сдать его администрации тюрьмы. Потом начались многочисленные допросы, очные ставки и пр., что входит в общее понятие "следствия". 9 декабря перевели в тюрьму на Севастопольской улице (бывшее здание школы). В этой тюрьме мы содержались тоже вместе, за исключением Парахина и Бурмина, которые были помещены в отдельные камеры на первом этаже. К Прилежаеву, который жил до войны в Симферополе, приходила мать-старушка, ей удалось несколько раз передать нам продукты. Наши девушки содержались в камере напротив. И здесь нас продолжали допрашивать. Особенно издевались фашисты над Парахиным. Его не выпускали на прогулки и даже в туалет, а когда Парахин протестовал, к нему в камеру выпускали голодных овчарок. Числа 23–25 января 1943 г. я в последний раз видел Парахина. На него страшно было смотреть, ибо он был очень истощен, желтый, вся одежда разодрана. По его странным высказываниям я понял, что комиссар лишился рассудка, также считали и другие. 31 января нас отделили и перевели в лагерь для военнопленных. Дрикера от нас отделили еще раньше и, видимо, расстреляли, ибо он не мог скрыть свое еврейское происхождение. 22 февраля мы были отправлены в лагерь военнопленных города Владимира-Волынского. В этом лагере в середине апреля от тифа умер Желтовский. Сначала 9 марта тифом заболел я и проболел до 14 апреля. С Желтовским мы все время держались вместе, он заболел 20 марта, от болезни у него совершенно атрофировался желудок, были страшные боли, я за ним все время ухаживал, ибо шел на поправку. Он был хорошо одет, и мы что-то обменяли из вещей на питание. Я достал немного крупы и опиума. Ухаживая за ним, я не спал двое суток. К утру 11 апреля он как-то затих, боли его оставили. Я заснул, а когда проснулся, то Желтовский был уже мертвый. Пришел санитар и сразу же содрал с него жилет. Затем пришли лагерные полицейские из русских и содрали с него кабардинскую одежду. Немцы, боясь заразы, в наше тифозное помещение не заходили. Затем меня из тифозного барака перевели в барак для слабых, где я содержался до 9 мая. В это время я увидел Бурмина, он содержался в блоке, где жили офицеры от майора и выше. Там содержалось и 6–7 генералов. Среди них был Иванов, затем я слышал, что его увезли в Берлин к предателю Власову. А встретились мы с Бурминым так. На кухне баланду распределял Семенов, но он не стал мне ее давать под предлогом, что за меня ее уже получили наши ребята. Я стал доказывать обратное, и Семенов меня ударил черпаком. В этот момент кто-то спросил: "Коля, что с тобой?" Это был Бурмин. Потом он закричал на Семенова и выплеснул на него свою баланду. Подбежали лагерные полицейские, но они знали Бурмина и его побаивались. Семенов нам обоим дал снова по порции. После этого мы с Бурминым встречались почти каждый день. Выглядел он хуже, чем в тюрьме. Был слаб, ходил с палочкой. Как-то ко мне подошел пленный и начал меня агитировать во власовскую армию. Я решительно отказался стать предателем. Скоро при встрече Бурмин признался мне,

что он специально ко мне подослал человека с целью проверки. Через несколько дней меня, Поважного и Шкоду отправили в лагерь г. Ченстохова в Польше".

О разбирательствах в "СД" известно только со слов Ильясова С. Ф. и Поважного М. Г. Во время следствия фашисты по-прежнему интересовались связями с подпольем и партизанами. На первом же допросе Поважный М. Г. узнал переводчицу, это была его знакомая и даже "коллега по службе Таня". Матчинбаева Татьяна Васильевна работала в управделами, в заготконторе винного комбината "Массандра" в Симферополе. Сюда перед войной по служебным делам из Севастополя часто приезжал Поважный М. Г. Он всегда был любителем женщин, поэтому перед войной даже пытался ухаживать за красивой и интеллигентной Таней, тем более, у нее, по слухам, в то время не было мужа. Матчинбаева Т. В. его тоже сразу же узнала и очень помогла ему. Самое серьезное обвинение фашистов к Поважному заключалось в том, что он в каменоломнях приказал расстрелять пленного немца. Случай этот в действительности был, ибо Михаил Григорьевич не хотел кормить и охранять пленного. Татьяна в присутствии немца-следователя, не понимавшего ничего по-русски, прямо сказала Поважному, чтобы он этот факт решительно отрицал.

Расстреливались пленные и в Центральных каменоломнях, хотя было и одно исключение. Многие аджимушкайцы рассказывают, что в этих каменоломнях долго находился один пленный, по национальности поляк. Он сносно говорил по-русски, имя его называют Ян и он, якобы, был из города Кракова. Там у него проживала жена и маленькая дочь. Пленного специально не охраняли, и он довольно свободно ходил по жилым помещениям в каменоломнях. Судьба его неизвестна. Видимо, он числился среди этнических немцев Польши, поэтому и был призван в гитлеровскую армию. Я написал об этом человеке очерк и послал его в военную газету Польши, но редакция мне даже не ответила.

Как ни покажется читателю странным, но я нашел в 1975 г. эту "Таню-переводчицу" в Москве и два раза с ней разговаривал. Но до этого я подробно ознакомился в архиве Госбезопасности Крыма с ее следственным делом. Когда работник архива мне принес дело Матчинбаевой для чтения, он сказал: "Дело очень важное и интересное, Вам здорово повезло, что оно оказалось на месте. Оно все время "путешествует" по стране из города в город, где происходят процессы по военным преступникам, предателям и шпионам". Татьяна имела среднее образование, но уже со школьной скамьи неплохо знала немецкий язык. В Симферополе она вышла замуж за узбека Матчинбаева, которого прислали, как специалиста, выращивать хлопок в Крыму. Но хлопок здесь не вызревал по климатическим условиям, специалиста объявили в сознательном вредительстве социалистическому государству и в 1939 г. расстреляли. Фашисты после оккупации Симферополя искали людей для сотрудничества. Таким человеком, им казалось, могла быть и Татьяна, муж которой был расстрелян большевиками. Вот поэтому кто-то из "немецких кадровиков" и предложил Татьяне должность переводчицы в медицинской части. Позже Татьяна сестре Вере рассказывала, что ее "очаровал своей культурой и любезностью немец, который с ней разговаривал". Татьяна быстро овладела немецким языком, ее заметил сотрудник "СД" Шрам и в сентябре 1942 г. назначил переводчицей в свой отдел. В начале ноября она работала со следователем Люнау, а затем с Пантельманом, начальником отдела наружной службы, который влюбился в Татьяну и стал с ней жить. Скоро он поставил ее на должность старшей переводчицы "СД". При этом он сильно ее ревновал к другим сотрудникам, что давало возможность Татьяне сильно влиять на него. Одна из переводчиц после рассказывала, что напившись пьяным, Пантельман в компании других переводчиц плакал и жаловался, что "фрау Таня ему изменяет". Особое положение Татьяны в "СД" давало возможность ей влиять на некоторые дела в пользу находящихся под следствием. Во время службы преподавателем на 64-х курсах политсостава я случайно разговорился с женой коллеги Терещенко Ноной. Она во время войны жила с матерью в оккупированном Симферополе, соседка-татарка захотела овладеть их комнатой, она написала донос, что Нонна с матерью, якобы, евреи и скрываются от немецких властей. Паспорт у матери был украден, и она не могла доказать, что она русская. Их бросили в тюрьму, мать сильно били, отчего она родила раньше времени

ребенка. Несчастный младенец был еще жив и пищал, когда мерзавцы бросили его в отхожую яму. Дело попало следователю, где переводчицей была Татьяна. Она вошла в наше положение и сказала: "Найдите же Вы какой-нибудь другой документ, где говорится о Вашей национальности. Например, запись в домовой книге по месту жительства". Этот совет спас нам жизнь. Наши друзья сходили в домоуправление и нашли эту запись о прописке. В Симферополе в период оккупации говорили, что Татьяна бескорыстно помогала и другим. Таким образом, Татьяна брала на себя функции бесплатного адвоката, хотя ее об этом никто и не просил. Что-то из этой деятельности видно и из ее следственного дела, хотя советские следователи были настроены на ее обвинение и очень неохотно записывали невыгодные для себя факты.

Татьяну я нашел в Москве на Старом Арбате, где она проживала вместе с сестрой Верой Васильевной Струковой. Татьяна уже не могла за собой ухаживать, и сестра из Симферополя взяла ее к себе. Лелеяла она Татьяну, как маленького ребенка, хотя и сама жила на маленькую пенсию. Они жили в большой коммунальной квартире, перед нашей встречей Татьяна перенесла второй инсульт, передвигалась она, уже цепляясь за стены, опиралась и на руку сестры. Она была выше среднего роста, стройная, лицо в морщинах с чертами былой красоты. В разговоре шепелявила, часто теряла мысль. Она хорошо помнила допросы аджимушкайцев. Привезли их румыны, они были очень грязными, одежда рваная, в перевязках, у одного из пленных так распухли ноги, что пришлось резать сапоги. Другого способа снять их просто не было. Было еще 2–3 женщины. Я назвал фамилию Кохан, она несколько раз повторила ее, силилась вспомнить, но так и не вспомнила. В группе был один еврей, она имела в виду, конечно, Б. Дрикера. Был еще полковник, но он умер позже в тюрьме. Это был, конечно, Верушкин, который попал в плен несколько раньше последней группы во главе с Бурминым. Я спросил, были ли на допросах документы. Ответила, что они были, но все они были грязные и плохо читались, были списки, кое-какие личные дела и фотографии. Все это с трудом приходилось разбирать и изучать. Из руководителей Центральных каменоломен назвала только фамилию Пирогова. Затем сказала, что старшего группы (очевидно, Бурмина) отправили, как пленного, в Германию. О Поважном я забыл спросить. Моральное состояние пленных аджимушкайцев было тяжелое. Татьяна их успокаивала, им говорила: "Что Вы себя уже хороните, можно и нужно жить дальше". На первом же допросе начальник "СД" Цапп приказал накормить пленных аджимушкайцев, этим занималась Татьяна. Немцы были очень довольны окончанием сопротивления в Аджимушкайских каменоломнях. Докладывать об этом Цапп ездил в Берлин. Я спросил у Татьяны, были ли в "СД" собаки, могли ли их напускать на Парахина. Она ответила, что такие собаки были. Следователи в "СД" (Вюрц, Шопман, Люнау, Штеплер) сильно пили, лучшим из них был Люнау, он не так зверствовал, ибо был более пожилой. Там был еще следователь Фидероу, он был из советских немцев, за мародерство и другие гадости его расстреляли сами же немцы. Цаппа после войны, кажется, судили за кавказские дела. Кроме того, в следственном деле упоминались следователи "СД" Фингер, Брикиер Макс, Шмидт, Гоце и Гросс.

В моральном плане, как сказала мне Вера Васильевна, Татьяна чувствовала себя скверно. Ей постоянно казалось, что ей звонят по телефону и называют ее "фашисткой". Причем, к телефону она никогда не подходила. Вера Васильевна мне сказала: "Наша семья, да и сама Татьяна, никогда не были врагами советской власти, но вот Татьяна совершила оплошность и попала в засасывающее болото, из которого трудно было выбраться. Очаровал ее интеллигентный немец, с которым она первоначально беседовала".²⁴⁴

²⁴⁴ Татьяна Васильевна Щербова родилась в с. Рудлово Смоленской губернии в 1903 г. в культурной и образованной семье. Отец Василий Степанович Щербов был богатый, он имел 260 дес. пашни, 100 дес. леса, мельницу, около 40 лошадей и столько же коров, два дома. Он умер в 1918 г., а мать Ксения Николаевна в 1924 г. переехала в Москву к своему брату Делазари (Де-Лазари) Александру Николаевичу, родившемуся в 1888 г. в г. Гройцы (Польша). До октября 1917 г. Делазари служил в армии, имел звание подполковника, затем продолжал служить в Красной Армии, где сделался крупным специалистом в области военной географии,

Естественно, что в начале поисков я приложил все усилия, чтобы найти кого-нибудь из последней группы плененных в Аджимушкае. К сожалению, прошли плен и остались в живых только трое из Малых каменоломен. Это были Поважный М. Г., Ильясов С. Ф. и Хамцова Л. Ф. Поважного Михаила Григорьевича, как неудивительно, я нашел в Керчи, куда он перебрался из Севастополя. Жил он в старом бараке и занимался заготовкой утиля. Жены у него не было, но он имел сына-подростка, прижитого им от какой-то женщины, которого он необыкновенно любил и баловал. Из его документов и рассказов я понял, что постоянной жены у него никогда не было, но все время были женщины, с которыми он сожительствовал. Правда, когда в Керчи он стал известной личностью, он женился вполне официально. Я нашел Михаила Григорьевича тогда, когда его еще никто не признавал как командира подземного гарнизона, хотя его имя стало уже появляться в центральной печати, но крымская печать о нем упорно молчала.

В поисках жилья Поважного М. Г. я долго ходил под дождем и сильным ветром, которые часто бывают в Керчи зимой и весной, по поселку Арцинцево (Камыш-Буруну). Сильно промокшим, я представился Поважному М. Г. Он очень обрадовался, что его "наконец-то посетил военный товарищ из центра". Видя мой жалкий вид, сразу же побежал в магазин и принес бутылку "для сугрева". Поважный М. Г. мне сразу понравился, я у него даже заночевал. Когда он разделся перед сном, я залюбовался его молодым, совершенно юношеским телом. Только морщины на лице выдавали в нем пожилого человека. Мне говорили, что некоторые люди после длительной голодовки становятся внутренне здоровыми, потом мало болеют, но умирают быстро, можно сказать на ходу. Потом я убедился, что такую же фигуру имел и Ильясов С. Ф.

Потянулись разговоры, воспоминания, которые я подробно записывал, сохранилось у Михаила Григорьевича и несколько листков с датами пленения и пребывания в фашистских

преподавал в Военной академии химической защиты, имел звание генерал-майора. В августе 1941 г. был репрессирован. Семьи Щербовых и Делазари несколько раз арестовывались, один раз в 1921 г. по делу Бориса Савенкова. Татьяна Васильевна первый раз вышла замуж за выходца из Прибалтики, Витольда Виссоли или Виссалючиса, имела от него сына Яна, примерно 1929 г. рождения, который взял себе фамилию Щербов. В Крыму после войны он занимал какой-то большой пост, связанный с автотранспортом, свое родство с матерью не афишировал. У него примерно в 1960 г. родился сын, в котором бабушка Татьяна души не чаяла. До войны Татьяна была активисткой, занималась общественной работой, очень хорошо и толково выступала на собраниях. Сестра Вера была очень похожа на Татьяну, поэтому в Симферополе ее путали с сестрой: совершенно незнакомые люди с нею здоровались, заговаривали. Хорошо знали после войны Татьяну и в обкоме партии Крыма.

Заведующий партийным архивом И. П. Кондранов мне как-то сказал: "Во время войны наши партизаны и подпольщики совершили оплошность — не догадались завербовать Матчинбаеву, она бы обязательно стала работать и была бы ценнейшим источником". Лояльность Татьяны к русским видели и немцы. Вера Васильевна мне рассказывала, что после эвакуации из Крыма сожитель Татьяны Пантельман признался ей, что в случае побега или попытки остаться в Крыму он должен был ее лично расстрелять. К концу войны он умер от туберкулеза, а Татьяна осталась в составе "СД" без покровителя. Освободили ее американцы в Австрии. В ее положении можно было остаться на Западе и даже служить американцам, но она приехала в Вену и в советской комендатуре заявила, кто она такая. В ходе разбирательства следователь у нее спросил: "Почему она не осталась на Западе?" Татьяна ответила, что "она патриотка России и жить может только на Родине". Этот ответ очень удивил и возмутил следователя. Он не мог понять и признать, что враги СССР, например белые, могли быть патриотами своей Родины. Таким всю жизнь за рубежом был генерал Деникин А. Н., правда, он отверг всякое сотрудничество с фашистами. Советский суд приговорил Матчинбаеву Т. Е. к 20-и годам каторжных работ. Впрочем, советские органы безопасности понимали, с кем имеют дело, и Татьяне устроили в заключении вполне сносные условия. Работала она в Казахстане в лагере, который занимался производством продуктов сельского хозяйства. Ее постоянно вызывали на судебные процессы, на которых она была ценнейшим свидетелем и источником информации. 15.03.1946 г. наказание было снижено до 10-и лет, а 8.09.1953 г. она была помилована и освобождена. Она возвратилась в Симферополь, где стала трудиться, и доработала до пенсии. Жила она у рынка в небольшом домике с садом по ул. Козлова, 7. В этом же доме проживала Мачулина Людмила Григорьевна, она хорошо знала о прошлом Татьяны, но относилась к ней хорошо. Вера Васильевна мне сообщила, что "историей" Татьяны интересовался писатель Мантейфель (раньше он был чекистом), он подробно записал воспоминания Татьяны, собирался писать книгу. Все это было напечатано на машинке, но он вскоре умер, материалы остались, видимо, у его жены.

лагерях и тюрьмах. Потом я сверял их с записями Ильясова С. Ф., и они совпадали. Поважный М. Г. был бодр, оптимистически настроен и вполне доволен жизнью. Он был очень похож на старого, дореволюционного солдата в отставке, еще крепкого, деятельного, считающего, что лучшая часть жизни у него еще впереди. Потом я узнал, что в своем окружении он пользовался авторитетом, в партии не состоял, но активно участвовал в общественной работе, много лет был председателем товарищеского суда при домоуправлении, ему неоднократно грозили местные хулиганы, даже били, но он упорно продолжал выполнять обязанности "судьи", ибо был уверен, что этим может принести "пользу обществу". Только в разговоре о своей работе пожаловался: "Вот приказали мне собрать тонну битого стекла, а где я его возьму, придется по помойкам лазать". Он тщательно следил за своим видом, был не только чисто выбрит, но и красивые усы у него были нафабрены. Рост у него был ниже среднего, приземистый, про таких людей говорят: "старичок-боровичок". Волосы аккуратно подстрижены, курчавились, было понятно, что и в этом возрасте (в 67 лет) он пользовался успехом у женщин.

После исторической конференции в честь 25-летия начала обороны Аджимушкайских каменоломен в мае 1967 г. положение Поважного М. Г. в Керчи резко изменилось. Его признали. Во время одного из приездов он мне с гордостью сказал, что теперь он работает "лектором". "Работа очень хорошая, меня постоянно приглашают читать лекции в школы, в совхозы, на промышленные предприятия и платят хорошо". Михаил Григорьевич высокой эрудицией не отличался, но выступал в духе хорошего политрука военного времени: очень эмоционально, толково и доходчиво, любил ввернуть в свою "лекцию" и что-то юморное. В личных беседах отличался непосредственностью, критическим отношением к себе, но постоянно подчеркивал, что "был командиром подземного гарнизона Малых Аджимушкайских каменоломен с самого начала и оставался таковым до самого конца". Для "парадного случая" и "лекторской работы" приобрел военный китель, брюки, армейские офицерские сапоги. С удивлением и восторгом узнал из архивных источников, что в мае 1942 г. ему было присвоено звание "капитан", но приказ из-за немецкого наступления до него не дошел. Он получил благоустроенную квартиру, в ней был образцовый порядок, все стены были украшены грамотами, почетными адресами, сувенирами. Позже он стал получать персональную пенсию.

Хамцову Лидию Федоровну мне удалось найти через местную газету "Рабочий путь" в Смоленске, где она работала медсестрой в одной из городских поликлиник. В мае 1967 г. она впервые после войны приехала в Керчь и встретила с фронтовыми друзьями. О ней я написал очерк, который был опубликован в журнале "Медицинская сестра" № 1, 1969 г. К сожалению, Хамцова Л. Ф. не имела никаких записей и помнила своих товарищей в основном по именам, за исключением своего командира Поважного М. Г.

В своих поисках я постепенно узнавал и о судьбах других аджимушкайцев. Через газету в Полтаве удалось найти семью Шкоды В. П., после войны и проверки в особых органах он продолжал учительствовать в с. Яхники Лохвицкого района, был директором школы, 5 января 1954 г. умер. У него была жена Мария Дмитриевна и много детей. По записям Ильясова С. Ф., в станице Ильской Краснодарского края удалось найти родственников Гаврилюк Зинаиды Васильевны.²⁴⁵ По сообщению ее сводной сестры Бойченко В. П., Гаврилюк была освобождена из плена частями советской армии, в начале 1945 г. она находилась в действующей армии и была убита случайным выстрелом.

В конце 1943 г., когда на Перекоп в Крыму прорвались советские войска и фашисты собирались бежать из Крыма, они "очистили" симферопольский лагерь. Среди расстрелянных была и Кохан Валентина Андреевна, это случилось в период с 31 октября по 2 ноября. На мои публикации в газетах и журналах откликнулась из Ленинграда племянница

²⁴⁵ Поважный М. Г. и Ильясов С. Ф. фамилию Зинаиды Васильевны передавали как "Гаврилюкова", поэтому она с этой фамилией и попала в текст этой книги. Но по тексту дневника Клабукова А. И. и особенно по данным из станицы Ильской выяснилось, что правильное звучание ее фамилии — "Гаврилюк".

Дрикера — Дрикер Роза Леонидовна. Дрикер Борис Абрамович жил в Одессе и работал экспедитором по доставке товаров в продуктовые магазины. В 1-м запасном полку служил заведующим продуктовым складом, чем продолжал заниматься и при обороне Малых каменоломен. Одновременно он выполнял обязанности и вестового при Поважном М. Г. Всеми участниками он характеризовался как хороший работник и человек. Очевидно, он был расстрелян в Симферопольской тюрьме как еврей. В г. Днепропетровске удалось найти жену Желтовского В. И. — Доброжанскую Елену Борисовну, сына Бориса, а в Одессе — дочь Ларису. Желтовский Владимир Иванович родился в Одессе 28.07.1905 г. Перед войной работал председателем Оргеевского уездного комитета по делам физкультуры и спорта (Молдавия). В 1-м запасном полку служил начальником продовольствия, попав в Центральные каменоломни, исполнял должность начальника продовольственного склада.

Интересной личностью среди последних защитников оказался Прилежаев Александр Александрович. Находясь в группе последних защитников Центральных каменоломен, он резко отличался от всех. Это был сугубо штатский человек. Родился он в 1899 г. в Новгород-Северском на Украине. В 1925 г. закончил лесной факультет Харьковского сельхозинститута. Перед войной работал в Крыму в институте строительных материалов по редкой специальности — лесопатолог. На Крымском фронте он служил в строительном батальоне 51-й армии помощником командира по материальному обеспечению. В связи с профессией (лесопатолог — это "лесной доктор") он должен был знать хорошо крымские леса. Не с ним ли Парахин И. П. пытался добраться до старокрымских лесов? Из плена Прилежаев не вернулся, в 1944 г. в Симферополе умерла и его мать Мария Ивановна, которая, очевидно, из последних средств носила передачи в тюрьму нашим аджимушкайцам. Говорят, что проживала она на Салгирной улице. Нашлась в г. Орджоникидзе и жена Левицкого, Мария Дмитриевна. По данным Шайдурова С. С., в конце обороны Левицкий В. М. был начальником штаба подземного гарнизона, заместителем Бурмина Г. М. Родился он в 1907 г. в г. Ельце Орловской области.

Долгие годы подполковник Бурмин Г. М. числился без вести пропавшим, только в 1960 г. его жена Татьяна Ивановна получила сообщение из Главного управления кадров Министерства обороны СССР, что Григорий Михайлович был пленен 28 октября 1942 г. в районе Керчи и, находясь в плену, умер 28 ноября 1944 года²⁴⁶. В каком лагере военнопленных это случилось, неизвестно. Поражает то, что даны конкретные точные даты, взятые из какого-то нам неизвестного документа.

Конкретные данные смерти Парахина И. Л. отсутствуют, но не вызывает сомнения факт, что он был замучен фашистами в Симферополе в начале 1943 г. В 70-х годах его вдова Ирина Сергеевна вместе с детьми на место захоронений узников симферопольской тюрьмы зимы 1943 г. поставила символический памятник.

Многие, очень многие судьбы аджимушкайцев еще остаются неизвестными. Несмотря на свидетельство немецкого "донесения", воспоминания оставшихся в живых аджимушкайцев, у нас нет полной уверенности, что оборона каменоломен закончилась 30–31 октября 1942 г. и что группы под руководством Бурмина Г. М. и Поважного М. Г. были последними. Это сомнение подтверждает, в частности, радиграмма немецкого оккупационного командования в Крыму, в которой говорится, что 14 ноября из пещер Аджимушка был обстрелян румынский пост. После взрыва пещеры фашистам удалось захватить в плен 20 человек "во главе с их начальником штаба, советским старшим лейтенантом".²⁴⁷ Была ли это группа под руководством начальника штаба Центральных каменоломен старшего лейтенанта Сидорова П. Е., до сих пор остается неизвестно. По

²⁴⁶ Справка ГУКа 4/4Р-45986.

²⁴⁷ Эту радиграмму я нашел в бывшем партийном Архиве Крыма, там она числилась под шифром ф. 849, оп. 1, кор. 16, д. 198, л. 7.

данным Шайдурова С. С, Сидоров П. Е. погиб под обвалом от одного из взрывов, произведенного фашистами. А может быть, он тогда не погиб, а просто был отрезан обвалом от основной группы защитников? Этот вопрос и многие подобные вопросы в разросшейся большой теме "Аджимушкой" остаются пока без ответа.

В заключении этой главы я хотел бы написать об одном художественном произведении художника Н. Я. Бута, которое он так и не создал. На картине должны быть изображены последние плененные защитники каменоломен, рядом с ними офицер "СД" с переводчиком и овчаркой. Тема раскрывается как бы через диалог. Фашист спрашивает:

- Кто Вы такие?
- Мы солдаты Крымского фронта.
- Такого давно не существует.
- Зато мы существуем.

Этот сюжет художнику подсказал керченский журналист В. В. Биршерт, который одним из первых написал об этой героической и трагической истории.

Глава 13. Гражданским долгом мобилизованные

В этой главе я расскажу не о военных, а о гражданских людях, которые внесли свой непосредственный вклад в оборону Аджимушкайских каменоломен или помогли подземному гарнизону извне.

Документы и воспоминания участников донесли до нас имена некоторых местных жителей. В первую очередь необходимо назвать двух местных патриотов: рабочего завода имени Войкова Данченко Николая Семеновича и его 17-летнего сына Николая. Отец и сын хорошо знали каменоломни и окрестности города, они постоянно находились при штабе в качестве проводников и советников. Жена Данченко Н. С., Лидия Харлампиевна, в 1965 г. рассказывала мне: "Во время фашистского наступления в 1942 г. я, мой муж, сын Коля и дочь Женя находились в "скале". Муж раньше долго работал в каменоломнях и знал там буквально все. Когда жители стали уходить из "скалы", мы тоже начали собираться. Но пришел комиссар и сказал, что Данченко нужен здесь. Мой муж был инвалидом первой германской войны, и в армию его не брали. А сын Коля уже оделся в военную форму и бегал с винтовкой. Он остался с отцом. Позже, когда по городу гнали пленных, взятых в каменоломнях, я спросила у одного из них: "Знаете ли Вы Николая Данченко?" Он ответил: "Знаем, знаем. Он просил передать, чтобы ему ты принесла поесть". Я несколько раз подходила к каменоломням, но каждый раз меня задерживали фашисты. Они кричали на меня: "Партизанен, партизанен!" и гнали прочь. Потом мне рассказали, что Коля один раз хотел вылезти из большой ямы, но сорвался и сильно разбился о камни. Вскоре он умер. От голода в "скале" умер и мой муж".

В Центральных каменоломнях остались со своими семьями коммунист Селезнев И. Т., работавший перед оккупацией директором консервного завода в Керчи, и Проценко К. Д. Как советники, они также привлекались командованием для организации вылазок, разведки, по хозяйственным вопросам и т. д.²⁴⁸ Очевидно, люди сами или по инициативе командования Центральных каменоломен были объявлены и оформлены партизанами, и они составили небольшую партизанскую группу. Этот факт нашел свое отражение в найденных документах, да и оставшиеся в живых участники часто упоминали этих гражданских лиц как партизан. Точно известно, что партизанами были Данченко Н. С. с сыном, Селезнев И. Т., Проценко К. Д., Норбей. Последний был начальником общественного питания керченского военторга. Возможно, что в числе записанных в партизаны были и некоторые другие гражданские лица, например из керченского военторга Степаненко С. И., Терехин И. Т. Видимо, были и другие. Из группы керченского военторга остались в живых Валько Е. Ф. и

²⁴⁸ Государственный архив Российской Федерации (далее ~ ГАРФ), ф. 7021, оп. 9, д. 38, лл. 4, 5, 43, 115.

Харьковская (Мирошниченко) Д. И. Очень ценны воспоминания Ефросиньи Федоровны Валько, жившей после войны в Симферополе. Она рассказывала: "В Центральных каменоломнях я работала на пищеблоке, кормили мы личный состав горячей пищей 1 раз в день. Варили суп с различными крупами и макаронами. Степаненко Сергей Ильич добился приготовления кислого теста, и мы выпекали пышки граммов по 40. Он был кулинар высшей квалификации. Вот эту пышку и суп по 500 гр. выдавали на одного человека. Из-за малого количества воды в начале суп был очень густой, были и жиры, иногда выдавали сельдь 20–30 гр. на человека. Вода лимитировалась только полтора месяца. Во время газовой атаки я чуть не умерла, просила у военных дать мне наган с целью застрелиться. Но обо мне позаботились врачи, сделали несколько уколов и дали камфару в порошке. Стало лучше, позже надо мною дружески смеялись и давали наган, но я уже от него отказывалась. От обвала погиб Терехин Иван Тимофеевич, до войны он был заместителем председателя областного комитета профсоюзов общепита. Постепенно продукты в складе заканчивались, приготовление горячей пищи и лепешек прекратили. Каждому защитнику стали выдавать маленькие продуктовые пайки: 20 гр. крупы, затем 15, наконец, 10 гр., жиров 10–15. Сахара выдавали до самого конца не менее 125 гр. Спустя 3,5 месяца от начала обороны жить стало просто невозможно. Стали есть конину, а потом собак, кошек и крыс. Их расплодилось много, и они были жирные. Мы крыс не ели, ибо не могли поймать. Попросили одного майора, чтобы он наладил нам приспособление для ловли крыс. Он одну из них поймал, но нам не отдал, сказал, что другой раз поймает и отдаст. В сентябре мы решили выходить²⁴⁹. Мы четыре месяца не были на воздухе и не видели света, нам было просто тяжело смотреть. Мы были ходячие скелеты, тогда мне было 32 года, но выглядела я старухой. Нас вышло 6–8 женщин: я, Дора Харьковская, Мария Петрова, медсестра Ася, девушка-фельдшер. Последнюю фамилию забыла.²⁵⁰ Куда они делись потом — не знаю. Содержались мы в лагере по ул. Шлагбауманская в Керчи. В этом лагере была большая смертность. В начале декабря 1942 г. меня с Дорой выпустили. Степаненко С. И. (он был с 1909 г. рождения) умер в этом лагере. Его жена Галина Артемьевна живет в Симферополе вместе с дочерью Асей и внуком Андреем".²⁵¹

В Центральных каменоломнях длительное время находились подростки Радченко М. П. и Разогреев М. И., которые также остались в живых. Радченко М. П. до сих пор живет в пос. Аджимушкой. Работники Керченского историко-археологического заповедника и музея часто используют его как экскурсовода по каменоломням. Воспоминания Радченко М. П. отличаются свежестью, знанием многих деталей жизни в каменоломнях. Из подземной крепости он вышел по совету Парахина И. П. в сентябре 1942 г. Михаилу Петровичу Радченко было 14–15 лет, фактически в Керчи это был "второй Володя Дубинин", только он действовал не в конце 1941 г., а в 1942 г. Накануне советского десанта в Керчь в конце 1941 г. Миша подрался с немцем, который обещал его найти и убить. Но Мише повезло: скоро немец удрал со своей частью из города. Боясь расправы, в мае 1942 г. Миша решил остаться в каменоломнях вместе с небольшой группой местных жителей. Видимо, на него повлиял и Коля Данченко, который был старше Миши и уже мобилизовал себя в армию. В каменоломнях над Мишей Радченко взял шефство сержант Александр Неделько, который был у Ягунова П. М. вестовым или посыльным. Личность Неделько для исследователей борьбы в каменоломнях очень интересна, ибо он был близок к руководству и много знал. Его

²⁴⁹ Когда Валько Е. Ф. стала говорить о пленении на исторической конференции в 1967 г., кто-то из зала ехидно спросил: "А кто Вам разрешил сдаваться в плен?" Она с достоинством ответила: "Никто, мы ведь не были военными и военную присягу не давали".

²⁵⁰ Возможно, здесь речь идет о Плотниковой А. П.

²⁵¹ Воспоминания Валько Е. Ф. написаны в 1967 г. и они хранятся в фондах Керченского музея.

помнила Валько Е. Ф. и сестра Валентины Кохан — Матиевская Галина Андреевна, проживавшая в Керчи. Она рассказывала, что примерно в октябре 1942 г. Неделько пришел к ним на квартиру, адрес ему в каменоломнях сообщила Валя Кохан. Он рассказал ее родственникам о тяжелом положении в каменоломнях. Передвигался он по улицам свободно, очевидно, имел какие-то документы, но затем был арестован. Миша Радченко видел его в плену и даже разговаривал. Выглядел Неделько довольно хорошо, он не был так истощен, как другие аджимушкайцы. В конце войны родственники Кохан В. А. от него получили письмо из действующей армии, он интересовался судьбой Валентины. Судьба его самого осталась неизвестной. По сообщению Радченко И. П., Неделько по специальности был кулинаром и перед войной работал в ресторане крупного города на Украине (Киев, Харьков...). После смерти Ягунова П. М. Неделько был при штабе, участвовал в разных хозяйственных делах, а позже, когда в каменоломнях осталось мало людей, из них вышел. Миша помогал Неделько и другим по хозяйству, позже дежурил около выходов с оружием в руках. Он рассказывает: "В середине сентября, в ночь, я заступил в наряд по охране одного из выходов. Вдруг ко мне подошел старший батальонный комиссар Парахин. Как-то получилось, что он меня еще раньше заметил и уважал. Бурмина я запомнил, но разговаривать не приходилось. Парахин сказал: "Миша, командование решило отправить тебя наверх. Выбирайся из каменоломен и постарайся уйти в партизаны. А мы останемся здесь и будем держаться до конца". Парахин мне дал два пакета сахара и несколько пар дамских чулок. Эти товары были явно из складов военторга и их можно было реализовать на продукты питания в Керчи. Я ему отдал свой карабин. Я вылез из одной из амбразур, прополз мимо окопа, в котором крепко спал один из наших караульчиков-румын. Когда я пришел домой, то мой брат едва узнал меня, а когда узнал, то отшатнулся. Потом он признался, что от меня и моей одежды сильно несло трупным запахом. В каменоломнях к этому запаху мы так привыкли, что его просто не чувствовали". Скоро Мишу арестовали, и он несколько недель сидел в керченской тюрьме. Его мать приняла энергичные меры для спасения сына. Для этого пошли небольшие семейные ценности, помогли знакомые из полиции... Наконец ему сообщили, что фашисты партизаном его не считают и выпустили под подписку и с гарантиями уважаемых местных жителей. После этого много месяцев ему приходилось регулярно отмечаться в полиции. В конце войны Мише в составе армии пришлось повоевать с бандитскими формированиями, получить ранение. Сейчас он продолжает жить в Аджимушкае, имеет детей, внуков и даже правнуков. Недавно, как участнику войны, ему выделили автомашину.

Мише Разогрееву было 11 лет, когда он попал в Центральные каменоломни, здесь от голода умерла его мама, Александра Семеновна, и две сестры — Роза и Оля. Миша вышел и остался жив, после войны он работал шофером керченского автохозяйства.

В Центральных каменоломнях были и другие мирные жители, фамилии которых до нас не дошли. Известно, что при штабе работала машинисткой женщина по имени Елена, у которой в каменоломнях были две дочери — Дина и Оксана, в портновской мастерской работали двое престарелых мужчин, по вероисповеданию иудаисты. В Малых каменоломнях длительное время находились сестры Бурданосовы — Вера и Зина — и еще несколько женщин. Они некоторое время ухаживали за ранеными. В этих же каменоломнях на положении "дочери полка" находилась малолетняя Светлана Тютюнникова, о которой трогательную заботу проявлял Поважный М. Г. Девочка не выдержала лишений и умерла.

Кузьменко Т. С., брошенная фашистами в керченскую тюрьму осенью 1942 года, за оказание помощи советским военнопленным, в своих воспоминаниях сообщает интересные сведения об одном юном бойце подземного гарнизона. "В керченской тюрьме содержался мальчик. Ему было 12–13 лет, имени его никто не знал. Он был замкнут, недоверчив. Говорили, что он был схвачен в каменоломнях осенью 1942 г. Взрослые делились с ним своими скромными передачами. Я тоже стала украдкой передавать ему то лепешку, то пирожок. Постепенно ребенок оттаял, и как-то удалось с ним поговорить. В катакомбах он остался один. Когда туда спустились фашисты, то он сумел спрятаться, сжавшись в комочек.

А когда они ушли, он остался один на один с холодом, голодом, мраком, мертвецами. У него был короб спичек и свечка. Днем он жался ближе к выходу, отыскивая корешки, сухой мох. А ночью тоже далеко заходить боялся, зажигал свечку. Вот по бликам свечи его и обнаружили враги. Он угрюмо смотрел на всех и молчал. Фашисты поверили, что мальчик тронулся умом. Такие переживания и не всякому взрослому под силу. А тут ребенок. В действительности он молчал потому, что боялся выдать своих родителей. Бедный ребенок не знал, что их уже нет в живых. Когда отступала наша армия, мальчик решил воевать. Увязался за солдатами, сказал, что родителей нет. Никто, конечно, не мог бросить осиротевшего ребенка. Вошли в катакомбы и его взяли с собой. Он считал себя военнообязанным. До конца был с военными, не дал себе права уйти. И как солдат советской армии, боясь погубить родителей, скрыл свое имя. Солдатом считал он себя серьезно. Верил, что и все так считают, что фашисты держат его в тюрьме как солдата несдавшегося подземного гарнизона. И погиб он как солдат, маленький советский солдат, керченский Гаврош. В камере сидело до 40 человек женщин, мужчин, детей. В апреле 1943 г. все обитатели этой камеры были расстреляны. В их числе маленький стойкий солдат. Погиб он гордо, мужественно, как взрослый, не склонив головы, не уступив фашистам ни в чем".

Рассказ Кузьменко Т. С. подтверждается архивными документами. В одном из актов чрезвычайно государственной комиссии говорится, что мальчик из каменоломен довольно долго содержался в камере керченской тюрьмы, а затем был расстрелян. В документе даже есть его фамилия — Авалиев. При этом следует сказать, что ни Кузьменко Т. С., ни архивные документы не называют каменоломен. Авалиев мог находиться не обязательно в Аджимушкских каменоломнях. Он мог попасть в тюрьму из Булганакских каменоломен, известно ведь, что здесь при комиссаре Гогигидзе В. С. находились 2 подростка. Судя по всему, и особенно по фамилии, этот мальчик был крымчак. Это была очень небольшая этнографическая группа, язык которой относился к тюркской группе. Верующие крымчаки были иудаисты. Два портных в Центральных каменоломнях, о которых я уже рассказывал, тоже были крымчаками. В конце 1941 г. (при первой оккупации Керчи) фашистские изверги расстреляли всех евреев в Багеровском рву. Свою преступную деятельность они продолжили и в отношении караимов (тоже иудаистов) и крымчаков. Ныне крымчаки живут в Крыму и на Украине, говорят по-русски. В 1959 г. их насчитывалось всего 1,5 тыс. человек.²⁵²

При оставлении города в мае 1942 г. советские и партийные органы Керчи не сумели организовать здесь партизанское движение и подполье. Патриотические группы из местного населения, а позже и партизанские отряды во вторую оккупацию Керчи возникали, можно сказать, стихийно, по инициативе советских людей-патриотов. Уже в первый год изучения истории обороны каменоломен я узнал, что командование Центральных каменоломен пыталось организовать в Керчи подполье.

Такие желания и деятельность были вполне понятны. Я узнал, что в Волгограде проживает Гринев Григорий (по документам Тимофей) Платонович, который был, якобы, командованием Центральных каменоломен послан в Керчь для организации подполья. Эти сведения меня так взволновали, что я при первой же возможности поехал в Волгоград и нашел Гринева, который жил в одном из поселков города с семьей в своем доме. Гринев родился 21.01.1915 г. в г. Смоленске, в г. Белый закончил строительный техникум, с 1936 г. был членом ВКП(б), с 30-х гг. работал на строительстве завода им. Войкова в Керчи. В мае 1942 г. был инспектором политического управления Крымского фронта по кадрам 51-й армии. При первой же встрече я понял, что этот человек болен психически. Часто он противоречил своему же рассказу, очень болезненно реагировал, когда я его спрашивал о деталях борьбы и жизни в каменоломнях. У меня возникла даже мысль, что он там не был. Во время разговора у него вдруг наступил "стопор", которого у других людей я никогда не видел. На полуслове он замер, застыл, ни один мускул его тела или лица не дрогнул, взгляд

²⁵² Советская Историческая энциклопедия. Т. 8, М.: 1965, с. 209.

остановился и был как у покойника. Продолжалось это состояние 5–7 минут, затем он внезапно "включился" и продолжал беседу, как будто бы ничего не произошло. Видимо, он даже не ощутил своего состояния при этом. Я испугался и не стал его ничего спрашивать, беседу продолжили на следующий день. Тогда он сказал, что в его "рассказе надо бы кое-что изменить". Но что конкретно, не сказал. Я записал подробно его воспоминания, дал ему прочитать и подписаться. Если формулировать кратко, то он сообщил мне следующее: "Вопрос об организации подполья в Керчи возник по инициативе командования подземного гарнизона, никаких указаний на этот счет мы сверху не получали, да и не могли получить. В самом начале для организации подполья в Керчь был послан один из работников штаба полковник Никифоров Павел, которому удалось легализоваться в городе и поступить на работу. Меня готовили к выходу около двух месяцев.

Выбор пал на меня потому, что меня знал Парахин И. П., и к тому же я хорошо знал Крымский полуостров, ибо раньше работал в Керчи. Меня готовили серьезно, и я в середине июля добрался до Керчи и там в установленном месте встретил Никифорова. В это время мне были сделаны документы на Петренко Григория Васильевича, с этого времени я стал Григорием и к этому имени привык. Но, к сожалению, работать с Никифоровым не пришлось, так он вскоре был арестован по доносу предателя. В нашу группу входили лейтенант Кузнецов (мой связной), врач Андреева, из местных жителей — Воловик, Шклярук, девушки Чиж и Минераки. К группе был близок врач местной больницы Стрижевский Г. С. со своим сыном Алексеем и некоторые другие. Близка к нашей группе была Черникова Л. А., которая работала на бирже. Нашей группе удалось взорвать эшелон с боеприпасами и продовольствием в морском порту, устроить крушение поезда на железнодорожной станции, кроме того, мы выпускали листовки, переправляли на Тамань наших военнопленных. Группа существовала до августа 1943 г., а затем была почти в полном составе схвачена и расстреляна гитлеровцами. Удалось избежать ареста мне и Андреевой, которая еще до провала была отправлена через Керченский пролив с ценными сведениями. О дальнейшей судьбе ее я ничего не знаю".

После этого я поехал в Симферополь, надо было проконсультироваться с заведующим партийным архивом Крыма Кондрановым И. П. Он знал о Гринева и отнесся к его воспоминаниям настороженно. Кондранов И. П. рассказал, что в 1964 г. Гринева был в Керчи, находил своих знакомых и советовал им свидетельствовать, что в 1942–43 гг. он в Керчи возглавлял подполье. Такое поведение Гринева стало известно компетентным органам. Как подозрительный человек, он был задержан. По этому делу сотрудники Комитета государственной безопасности Крыма занялись расследованием патриотической деятельности этой подпольной группы в Керчи. Они установили, что такая группа действительно существовала, Гринева Г. П. в ней являлся активным членом, но руководителем, вероятно, был Алексей Стрижевский, сын врача.²⁵³ Вся группа, за исключением Гринева Г. П., была расстреляна фашистами осенью 1943 г. О том, что крымские чекисты сделали вывод о руководстве подпольем не Гринева, а младшего Стрижевского, мне с обидой говорил сам Григорий Платонович. Он считал, что его не признали руководителем подполья из-за места проживания его в Волгограде. "Им нужен свой, лучше из Керчи, вот меня, как руководителя, и оттеснили".

Всекие воспоминания отличаются субъективностью, а здесь мы встретились с рассказом еще нездорового психически человека. Но поражает то, что многое из того, что рассказывал Гринева, было в действительности. Списки расстрелянных в 1943 г., которых упоминает Гринева, подтверждены архивными документами. Это были Шклярук В. Ф., Чиж Софья, Клаконос Тамара, Минераки Елена, Воловик И. А., Черникова Л. А.²⁵⁴ Кроме этих

²⁵³ В одном из поселков Керчи в честь Г. С. и А. Г. Стрижевских назвала улица.

²⁵⁴ ГАРФ, ф. 7021, оп. 9, д. 38, лл. 77, 78.

людей, Гринев Г. П. работникам Керченского музея называл в группе подпольщиков врачей керченской больницы Асеева И. В., Щукевич В. И., Шмуклера М. И. Я изучил в архиве личные дела врача I ранга Асеева Ивана Васильевича (родился в Курске в 1893 г.). Он был главным врачом 170-го полевого подвижного госпиталя и попал в плен во время газовой атаки в Центральных каменоломнях. 10.09.1942 г. из лагеря военнопленных он был взят на поруки старостой деревни Мама-Русская с другим врачом-хирургом Щукевичем В. И. и после этого стал работать в керченской больнице. В своей биографии, где подробно говорится о плене, он ничего не сообщает о подпольной работе.²⁵⁵ А с врачом Шмуклером М. И. я встречался лично в г. Волховстрое, где он работал в 60-х гг. ведущим гинекологом. Ему я рассказал о подполье, но он о нем ничего не знал. Значит, о врачах Гринев Г. П. придумал, сделал он это, возможно, не сознательно, а из-за болезненного состояния. А теперь остановимся на "главной фигуре подполья" полковнике Павле Никифорове. В Центральных каменоломнях полковников, кроме Ягунова П. М. и Верушкина Ф. А., больше не было. Звание полковника уже говорило о том, что этот человек должен быть пожилой, а такого вряд ли послали бы на подпольную работу в самом начале. Возможно, в большой голове Гринева что-то перепуталось. Дело в том, что в Центральных каменоломнях среди руководства была такая фамилия. Им был младший лейтенант государственной безопасности Никифоров Михаил Никифорович, который одно время был оперативным уполномоченным особого отдела при 1-м запасном полку, его хорошо знал Ильясов С. Ф. Никифоров М. Н. родился 24.01.1913 г. в д. Вяльчино Тихвинского района Ленинградской области. Перед немецким наступлением был старшим оперуполномоченным особого отдела НКВД 276-й стрелковой дивизии. В Ленинграде я нашел его жену Вовденко Елену Владимировну, а в д. Вяльчино — сестру Пасынкову Анну Никифоровну. Ильясов С. Ф. также сообщил, что Никифоров вышел из каменоломен в сентябре, скрывался в Керчи, но был арестован. В ночь с 16 на 17 ноября его поместили в одну камеру с последними аджимушкайцами, а 19 ноября куда-то увели. Мог ли Гринев Г. П. из-за своей болезни что-то перепутать и принять младшего лейтенанта за полковника? Конечно, мог.

Кстати, в то время воинские звания с приставкой "государственной безопасности" котировались куда выше обыкновенного командирского звания.

Вопрос о создании подполья в Керчи по инициативе командования Центральных каменоломен до сих пор не выяснен. Он как бы висит в воздухе и ждет нового пытливого исследователя.

В мае 1967 г., когда я выступал с одним из докладов на конференции в Керчи, посвященной 25-летию начала обороны Аджимушкайских каменоломен, мне казалось, что я много поработал в архивах и достаточно глубоко вошел в тему. В первый же день приезда на конференцию при устройстве в гостиницу я обратил внимание на женщину лет за 40, которая крутилась среди участников обороны подземной крепости. Она была небольшого роста, худощавая, в платье явно не со своего плеча. Фигура ее была гибкая, даже какая-то вертлявая, постоянно мечущаяся от одной группы участников к другой. Со всеми она громко и экспансивно разговаривала, с некоторыми при встрече целовалась, называя своих знакомых по именам. Скоро, уже на конференции, меня с ней познакомили и представили как Февралину Георгиевну Гранковскую, местного краеведа, много знающего о войне, оккупации и подполье²⁵⁶. Однако серьезного разговора не получилось: нам постоянно

²⁵⁵ ЦАМО РФ, личное дело Асеева И. В.

²⁵⁶ Ф. Г. Гранковскую в Керчи знали все. Некоторые ее хвалили, другие ругали, но большинство ее считало просто чудачкой, этакой "городской сумасшедшей". Ее имя "Февралина" не должно удивлять. В 20–30 гг. в семьях (особенно коммунистов) было принято младенцам давать политизированные имена. Распространенным именем была "Октябрина" в честь Октябрьской революции 1917 г., а Февралина была названа в честь Февральской. Позже, когда я с Февралиной Георгиевной познакомился ближе, она рассказала о своей семье. Оказывается, она была потомком незаконнорожденной ветви рода графов Перовских. С прабабушкой Февралины произошла такая история. Она служила в крымском имении родителей Софьи Перовской,

мешали, была общая взбудораженность и усталость. При разговоре с Февралиной я посетовал, что вопрос связи подполья Керчи с подземным гарнизоном остается неисследованным. В ответ получил упрек, что я просто об этом ничего не знаю. В ответ на этот упрек я сказал, что по этому вопросу нет документов и вообще связь подполья с каменоломнями сомнительна. И тут из Февралины "забил фонтан" сенсационных сведений, в которые невозможно было поверить. Она с воодушевлением мне стала рассказывать о советской разведчице-радистке, которая была связана с каменоломнями, о вызове самолета, который должен был вывезти представителей окруженного подземного гарнизона на Большую землю, о группе керченской молодежи, которая помогала продуктами защитникам каменоломен и многое другое. От этой информации у меня "голова пошла кругом". Я спросил свою собеседницу: "Если это правда, где же хранятся документы об этом?" Ответ меня обескуражил: "Где надо, там они и хранятся". Все это напоминало расхожую фразу

известной народоволки. От связи с братом Софьи и прабабушки Февралины родилась дочь. Этот случайный отпрыск Перовские не признавали, но незаконная дочь графов гордилась своим происхождением и после своей смерти завещала родственникам себя кремировать, а пепел развеять над могилами Перовских. Эту семейную легенду проверить трудно, но отец Февралины Георгий Гранковский своим экстремизмом очень был похож на свою двоюродную бабушку Софью Перовскую. С детства он воспитывался в революционной среде. Близкие ему супруги Д. К. и М. И. Гойты активно участвовали в революции 1905 г. Из документов партийного архива Крыма известно, что Гойты готовили побег из тюрьмы мятежного лейтенанта Шмидта П. П., но тот отказался от побега, ибо революционерам надо было убить часового. Интересно, что Гойты в 20–30 годы жили в Керчи и оказывали сильное влияние на Февралину. Они для нее были почти родственниками, всю жизнь она их просто называла "дедушка" и "бабушка". Во время войны Гойты были расстреляны как подпольщики. Боевая деятельность Георгия Гранковского активно развернулась в годы революции 1917 г. и во время Гражданской войны. В 1919 г. он вошел в группу боевиков особого отряда Камо (Тер-Петросян С. А.), которая действовала в тылу белых под Курском и Орлом, а затем на Южном фронте. Февралина мне рассказывала, что этот отряд реквизирует у белого военного казначейства пуд золота, но об этом "не принято, да и нельзя до сих пор писать". В 20-е гг. Г. Гранковский был в Керчи на партийно-хозяйственной работе, но в 30-е годы заболел и скончался в 1941 г. в Симферополе в психиатрической больнице незадолго до прихода в город фашистов. В мае 1942 г. Февралина с матерью была эвакуирована с работниками городского исполкома из Керчи на Кавказ. Они не отрывались от исполкомовской группы и поэтому возвратились в Керчь сразу же после освобождения города в апреле 1944 г. В это время военные и местные власти стали формировать отряд из местной молодежи по разминированию города и его окрестностей. Почти 4 года войны керченская земля наспигивывалась взрывчатыми предметами. Февралина смело и энергично взялась за это опасное дело, возглавив отряд (роту) из добровольцев. Во время работ были жертвы, сама Февралина получила тяжелую контузию. Кроме разминирования, хоронили останки погибших, собирали оружие, вещи и главное — документы, которые сдавали "куда надо". Вот в это время Февралина и поняла ценность найденных документов. Позже Февралина работала в доме пионеров, на туристской базе, в профсоюзных организациях. Эта деятельность стимулировала ее на поисковую работу, которую она вела исключительно "для души", не стремясь результаты поисков опубликовать или получить от них какую-нибудь материальную выгоду. Поиск ее сочетался с помощью участникам войны, подпольщикам, партизанам, сиротам, вдовам и старикам, оставшимся после войны без помощи и опеки. Для решения этих вопросов она смело шла в военкомат, собес, исполком или горком партии. Все это она делала не совсем грамотно и логично, но доводы ее чиновникам приходилось выслушивать и удовлетворять ходатайства. Февралина свои хлопоты доводила обычно до конца, при бюрократической волоките и нежелании помочь жаловалась и вообще "поднимала шум". Так что чиновники ее немного побаивались и уважали. Сама она жила очень скромно, даже бедно, питалась и одевалась кое-как. Будучи очень открытой и доброй, она щедро делилась со многими результатами своих изысканий, но речь ее была настолько сбивчивой, отвлекающейся, нелогичной, что собеседник многого просто не понимал и терял интерес к рассказу. Показывала Февралина мне и свои архивные записи. Это были какие-то выписки из документов без названий, часто без дат и, конечно, без указаний архивных шифров. Эти наскоро и небрежно написанные тексты невозможно было понять, не говоря уже об использовании. Несмотря на странности характера, Февралина Григорьевна вырастила дочь Валентину, сумела дать ей высшее образование. Валя позже вышла замуж за своего одноклассника, который, отслужив в армии, закончил Институт международных отношений и стал дипломатом. Дочь с мужем пыталась переселить Февралину в Москву, но она там не прижилась и возвратилась в Керчь, где продолжала свои дела и поиски. В конце жизни Февралину все больше и больше одолевала нервная, скорее, даже психическая болезнь. Умерла она 19.01.2004 г. Керчь потеряла интересного, хотя и непростого, не всем удобного человека. Она много сделала для изучения "Керчи военной". Кстати, в одноименной книге, выпущенной музеем, о ней нет ни одного доброго слова. Как же мы не знаем и не оцениваем "своих героев"! Правильно звучит евангельское изречение, "что нет пророка в своем Отечестве".

советских времен: "Сообщить или пойти туда, куда надо". На этом мы и расстались примерно на год, не понравившись друг другу.

Позже, во время приездов в Керчь, я постепенно сошелся с Февралиной и даже подружился. Она охотно участвовала в наших рейдах под землей, участвовала в раскопках. Многочисленные, но сбивчивые ее рассказы "крутились" вокруг керченского подполья, советской и немецкой разведки и контрразведки. Эти ее рассказы были наполнены загадками и приключениями и уже поэтому казались невероятными, авантюрными. С ее слов можно было сделать вывод, что все население Керчи во время войны участвовало в работе всех этих органов. Я все внимательно слушал и... продолжал не верить.

Как-то, работая в Керченском музее, заведующая фондами Виктория Николаевна Боровкова показала мне документы времен фашистской оккупации. Оказывается, при фашистах Керченский музей работал как просветительное учреждение, во главе его стоял немецкий агент разведки, работавший здесь до войны фотографом. В экспозиции музея был выставлен древний меч со знаком свастики. Немцы этим экспонатом очень гордились, ибо он, якобы, доказывал, что в Крыму когда-то жили "арийцы" — "древние предки" германцев. Правда, скоро союзники-румыны украли этот экспонат, и заведующий вынужден был оправдываться. Во время этой работы мы разговорились с Викторией Николаевной о керченском подполье. Она мне сказала: "Вы напрасно игнорируете рассказы Гранковской, она много рассказывает правды, только все это надо проверять по архивным документам". Благодаря этому совету я добрался до нового драматического поворота истории обороны каменоломен и особенно подполья. Исследования получили как бы "второе дыхание". Через редакцию журнала "Вокруг света" мне удалось получить разрешение работать в двух ведомственных архивах Москвы и Симферополя. В Москве мне дали возможность ознакомиться с делом секретного сотрудника (точнее сотрудницы) — радистки Дудник Евгении Денисовны. Родилась она 27 января 1923 г. в селе Емчина Мироновского района Киевской области, окончила девять классов и курсы радистов. Из служебной характеристики: "Дудник Е. политически грамотная, энергичная, развитая. Она предана партии и советскому народу. Имеет хорошую подготовку по радиodelу, ее можно использовать в качестве радистки в тылу врага... С 7 апреля 1942 г. начала непосредственную подготовку к выполнению задания и в течение месяца уже была готова выполнять свою миссию. Поведение ее за это время было исключительно хорошее, она всегда была скромной и культурной девушкой как в своей работе, так и в быту".

А вот документ, наскоро написанный на листочке бумаги:

Приказ "Тоне" и "Сергею". Задача: Вы остаетесь в г. Керчи для работы. Давать сведения о противнике. Связь. Для связи придаю вам р/с "Север" с питанием. Связь держите по расписанию. 15.05.1942 г. Две плохоразборчивые подписи.

Кто такой "Сергей"? В Керчи общепринято считать, что им был Сергей Бобошин, входивший в группу Дудник Е. Д., зверски замученный фашистами. Но этот приказ вызывает некоторое сомнение в том, что "Сергей" — это Бобошин. Дело в том, что подпись "Сергея", хотя и плохоразборчивая, но она явно не Бобошин, ее можно прочесть скорее всего как "Волков". Но человека с такой фамилией, к сожалению, в группе Дудник Е. Д. не обнаружено.

В Керчи еще шли бои, а группа Дудник уже стала передавать ценную разведывательную информацию. Позже, по приказу советского командования, Дудник привлекла к разведывательной работе родственников и знакомых, которые собирали разведывательные сведения не только о фашистском гарнизоне Керчи, но и о частях противника, расположенных на удалении от города. В результате деятельности Дудник и ее товарищей командование 47-й армии получало довольно большую объективную информацию о деятельности и планах фашистского руководства в районе Керчи.

Советское командование решило использовать группу Дудник Е. Д. и для оказания помощи подземному гарнизону Центральных каменоломен, для чего 12 июня разведотдел штаба 47-й армии запросил "Тоню" о возможности установления связи с войсками,

сражающимися в Аджимушкских каменоломнях.

В ответ "Тоня" сообщила: "Связь с ними установить нельзя. Они окружены фашистами. По словам врагов, там находится до 30-ти тысяч. Ночью завязывается перестрелка. "Скалы" взрывают, туда пускают газы". 27 июня "Тоня" получает очередной запрос: "Занимает ли противник район 3–5 км севернее Катерлеза?" Что это за район? Это берег Азовского моря. Советское командование думает о разведывательной операции с целью установить связь с каменоломнями. 29 июня "Тоня" ответила: "В районе 3–5 км севернее Катерлез находится небольшое количество румын. Берег к Азовскому морю укреплен". Эти сведения были использованы советским командованием — 8 июля в этом районе была высажена разведывательная группа, о которой я уже рассказывал.

Между тем "Тоня" помнит о задании связаться с каменоломнями. Она принимает какие-то меры. 23 июля в разведотдел приходит радиограмма: "Раз в неделю можно установить регулярную связь с нашими войсками в "скалах". Давайте указания". Разведотдел немедленно прореагировал на это сообщение вопросом: "Как вы можете связаться с нашими войсками, которые в "скалах"? Ответ немедленно". В тот же день пришел ответ: "Связь имеем через партизан".

На другой день, 24 июля, диалог возобновляется. Разведотдел приказал: "Свяжитесь с партизанами, но соблюдайте свою конспирацию. Задача: прибыть 3–5 партизанам для связи с нами. Укажите время, место и сигналы, где можно подобрать их. Если будет возможность, переправляться к нам партизанам самостоятельно". 30 июля разведотдел напоминает: "Ускорьте работу по отбору и высылке партизан к нам. Сообщите, когда и где можно их встречать". И вот последняя телеграмма "Тони" 6 августа: "Люди для переправы вам есть. Шлите самолет в район Джерж..." На этом передача радиограмм внезапно оборвалась.²⁵⁷ Не вызывает сомнения, что площадку для самолета группа "Тони" готовила в районе деревни Джержава. Это место северо-западнее Керчи, сравнительно недалеко от города, закрытое большими холмами, довольно глухое. Один из работников керченского аэропорта — Калинин В. В. — специально изучал этот район в 1978 г. и сделал вывод: место вполне подходило для посадки небольшого самолета. А кто же были эти "подготовленные партизаны"? Фамилии их нам неизвестны, но надо полагать, что среди них обязательно были представители гарнизона Центральных каменоломен. Никто из оставшихся в живых участников обороны не знает об этой операции, ибо о ней могли знать только командование подземного гарнизона и очень узкий круг из его окружения. О группе Дудник Е. Д. говорится и в фашистском "донесении". Там, в частности, сообщается, что связь подземного гарнизона с керченским подпольем осуществлялась через какую-то учительницу, которая "доставляла сведения из каменоломен на нелегальную радиостанцию". Подпольная группа была обнаружена специальной командой 10 "б". Фашистами было арестовано и расстреляно 14 человек. Какова причина провала группы "Тони", кто конкретно входил в ее состав? Есть ли еще какие-либо документы о деятельности этой группы, позволяющие хотя бы частично ответить на эти вопросы? Да, такие документы есть. В основном, это показания оставшихся в живых свидетелей, воспоминания родственников погибших. Большую работу по сбору этого материала провели работники керченского музея. В 1962–1963 гг. изучением группы "Тони" занимались работники КГБ Крыма. Папка с документами по этому делу под названием "Материалы о подпольно-патриотической группе в Керчи (Дудник, Бобошин, Родягин)" хранилась в Крымском партийном архиве. Из заключения по этому делу: "За период с 27 мая по 7 августа 1942 г. от "Тони" было передано 87 радиограмм о расположении военных объектов противника в городе, в районе Керчи, а также о намерениях немецкого командования осуществить в июне — июле 1942 г. десантную операцию на Кубань. Опросом лиц из числа соседей Дудник выяснено, что Евгения Денисовна установила связь с Бобошиным Сергеем, Родягиным Анатолием. Бобошин и Родягин помогали Дудник не

²⁵⁷ Радиограммы были опубликованы в журнале "Вокруг света", № 4, 1977.

только в сборе сведений, но и в ремонте рации. В начале августа 1942 г. Дудник, Бобошин, Родягин были арестованы немецким органом "СД". В процессе допроса немцы предлагали Дуднику передавать по рации советскому командованию дезинформацию, но, получив отрицательный ответ, всех троих подвергли пыткам, а впоследствии расстреляли.

Вместе с ними были арестованы и расстреляны отец и мать Дудник, две сестры и мать Бобошина".

О Бобошине я уже рассказывал в связи с неизвестным "Волковым". Кто такой Бобошин по сведениям керчан? Он родился примерно в 1921 г., перед войной вместе с Женей Дудник он учился на курсах радистов, позже работал по специальности на рыбацких судах. Осенью 1941 г. он был мобилизован в армию, воевал на крымском участке фронта и весной 1942 г. был ранен в плечо. Во время немецкого наступления на Керчь лечился дома и из-за невозможности эвакуироваться остался на оккупированной территории. Проживал он с матерью Анастасией Ивановной, которая работала санитаркой в больнице на улице Пирогова. Сергей занимался радиолюбительством, перед войной из различных деталей он собрал приемник. Это увлечение сблизило его с Анатолием Родягиным, который был на четыре года младше Сергея. Анатолий перед войной учился в Керчи в школе имени Короленко, а затем в ремесленном училище. Во время войны работал в военных мастерских, а во время оккупации нигде не работал. Жил он тоже с матерью Ириной Николаевной сначала на улице Магазиной, а затем на ул. Розы Люксембург.

Во время оккупации в 1942 г. С. Бобошина и Е. Дудник часто видели вместе, соседи говорили о Сергее как о "женихе" Жени. По всему видно, что это было не только прикрытие. Часто Женю видели с небольшим чемоданчиком и при этом Сергея с пакетом в руках. Можно предположить, что это была рация. По ряду данных, часть радиogramм передавалась со старого кладбища, которое расположено на склоне горы и в сторону Таманского полуострова. Кладбище было недалеко от дома Жени. Первое время Женя прятала рацию дома на чердаке, позже она переместила ее на квартиру Бобошина.

В чем причина провала группы "Тони"? Их, очевидно, две: работа фашистской технической разведки (радиопеленгации) и нарушение членами подпольной группы правил конспирации. О первой причине говорила сама Женя перед казнью. Свидетельница Козловская М. Е., сидевшая в тюрьме в одной камере с Женей, рассказывала, что, когда следствие по делу было закончено и Жене по сути дела нечего было скрывать, она рассказала соседке, что работала по заданию советской разведки и что ей помогал Бобошин. Их, очевидно, (так говорила Женя) запеленговали фашисты. Немцы предлагали Жене и Сергею работать на рации по указке немцев, но они отказались, хотя их кормили шоколадом и всячески уговаривали. Не получив согласия, фашисты издевались над ними. Жене крутили руки, избивали.

На нарушение конспирации Женя пошла не из-за своей недисциплинированности или беспечности. Советское командование на Таманском полуострове со дня на день ждало фашистский десант через Керченский пролив. Кроме "Тони", судя по архивным документам, у советского командования не было других агентурных источников, поэтому 25 июня "Тоня" получила указание: "Для выполнения задач использовать все возможности, родственников, знакомых и другие связи". Конечно, это было нарушение конспиративных правил, но другого выхода у советского командования не было. Шла кровопролитная война, она заставляла отходить от правил, она требовала жертв! И Женя действовала. В разведывательную деятельность, в первую очередь, были втянуты ее близкие родственники, осторожно она расспрашивала соседей, знакомых, прислушивалась к разговорам фашистов, их прислужников. В разведывательную деятельность втягивались все новые и новые "источники". Одна за другой через Керченский пролив летели радиogramмы. На советских разведывательных картах в районе Керчи наносилась объективная обстановка. Конечно, в провале группы "Тони" не исключено и предательство, подлый донос из-за трусости или из-за корысти в фашистскую контрразведку. Мать Родягина А. Ирина Николаевна рассказывала в 1971 г. работникам Керченского музея: "Сергей Бобошин жил с матерью в

квартире семейства Резо по 1-й Митридатской, дом 44, в маленьком помещении-пристройке. Напротив их дома стоял двухэтажный дом, в котором располагался немецкий штаб. Женя, очевидно, сообщила координаты этого штаба. Наши начали обстрел, но они немного просчитались, ибо снаряды попали к Резо во двор, выбили в домах окна, двери, ранили Сергея и его мать мелкими осколками стекла". При этом обстреле, как сообщает Дурнева А. Д., соседи Бобошина увидели оглушенного Сергея с надетыми на голову радионаушниками. Догадаться о деятельности Сергея было, конечно, нетрудно. На другой день Сергей был арестован четырьмя полицейскими, при этом он вынес из дома небольшую коробку.

О своей деятельности подпольщики делились со своими родственниками. Интересные сведения сообщает Родягина И. Н. (мать Толи). Я передаю ее рассказ, как он записан был работниками Керченского музея в 1971 г. "Немцы отправляли молодежь в Германию на принудительные работы. Женя и Сергей сообщили по радию, что идет речь и об их очереди. Им ответили, что 6 августа в 23.00 будет массовый налет на Керчь, а один самолет приземлится. Но прежде Женя должна указать место посадки. Когда она передаст, то ей сообщат пароль. Толя и Сергей выбрали место для посадки самолета между Солдатской Слободкой и горой Митридат, там было много рвов, они ездили туда на велосипедах и высмотрели площадку. Эти сведения передали на Большую землю. Им ответили, что 6 августа они должны встать рано утром и отдельно прийти к этим рвам, не взяв ничего с собой. Там во рву должны просидеть целый день, а в 23.00, когда приземлится самолет, они сообщат летчику пароль, и их возьмут на самолет. Пароль знала только Женя. Толя сказал мне, что в тот день, когда он уйдет, мне надо уходить к родным в деревню и домой не возвращаться. Если будут спрашивать, где, мол, я, то ответить: "Убит румынами за грубость". Это должны подтвердить и соседи. Я беспокоилась о перелете, но Толя сказал: "Еще ни одного самолета над Керчью немцы не подбили, хотя их летало очень много". Когда я еще раньше была в Яниш-Такиле, то моя сестра Клавдия Николаевна Волк мне рассказывала, что у них на Красной Горке много немецких пушек. Я рассказывала об этом Толе, а он об этом сообщил Жене". Своеобразна человеческая память: она фиксирует многие факты, но со временем сознание перемешивает их, сдвигает во времени, появляются домыслы (их человек просто не замечает и воспринимает как факты). В действительности картина действительная искажается, это хорошо видно в рассказе Родягиной И. Н. Историк-исследователю приходится отметить неправдоподобное в рассказе, по документам и другим источникам реставрировать прошедшие события. Родягина И. Н. никогда не могла читать радиogramмы "Тони", ибо они частично были опубликованы только в 1977 г. в журнале "Вокруг Света" (№ 4). Я читал эти радиogramмы полностью в архиве и сейчас могу подтвердить все рациональное в этом рассказе. Из радиogramмы "Тони" от 1 июня: "В д. Красный Курган близ Яниш-Такиля в помещении колхозного сарая — склад боеприпасов. В д. Кой-Такиле на территории школы — склад горючего. В районе Яниш-Такильского маяка и у пристани — батарея противника". Почти точно указан в рассказе Родягиной И. Н. и район посадки самолета. Действительно, д. Джержава находилась недалеко от Солдатской Слободки и горы Митридат. Туда действительно из города можно было проехать на велосипеде. По существу говорится в рассказе о переговорах "Тони" с разведотделом относительно угона в Германию. Действительно, 22 июля "Тоня" сообщила: "В городе проходит всеобщая мобилизация для работы в Германии. Если есть возможность, то заберите, или нас мобилизуют". В этот же день разведотдел дал указание: "От мобилизации уклоняйтесь всеми силами, работу продолжайте по-старому. В случае мобилизации радиостанцию спрячь и сообщите нам место ее нахождения". 28 июля "Тоня" сообщила: "При мобилизации рация будет зарыта на чердаке по 1-й Митридатской, квартира Давиденко". Дом Давиденко известен, он находился недалеко от жилья Бобошина.

Характерно, что в рассказе Родягиной И. Н. ничего не говорится о связи подземного гарнизона с группой "Тони". В этом нет ничего удивительного. Родягин А. многого просто не знал, поэтому и не мог об этом рассказать матери. Одновременно он наивно полагал, что на самолете его перебросят на Большую землю. О связях с каменоломнями знала Женя,

может быть, знал и Сергей.

Но вернемся к связи "Тони" с подземным гарнизоном Центральных каменоломен. Кто такая учительница, упоминаемая в немецком "донесении", доставлявшая сведения на нелегальную радиостанцию? Сейчас с довольно высокой достоверностью можно сказать, что это была Якуш Валентина Степановна, учительница в селах Тобечик и Кенигез. Один из ее родственников по мужу — Катеринкин В. В., проживавший в Керчи, рассказывал, что Якуш В. С. какое-то время находилась вместе с военными в каменоломнях, затем она оттуда вышла. О своем пребывании в каменоломнях она не рассказывала, но скрыть это от близких она не могла, ибо ее кожа была буквально пропитана копотью каменоломен, особенно это было видно на руках и на лице. После каменоломен Якуш В. С. проживала недалеко от Дудник Е. Д., буквально на соседней улице. Так что встреча Жени со связной из каменоломен могла произойти благодаря счастливому случаю, ибо Женя и ее помощники с 12 июня по заданию разведотдела упорно искали эту связь.

По свидетельству Котельниковой М. Д., фашисты дважды арестовывали Якуш В. С. (первый раз она сумела сбежать), в тюрьме ее допрашивали вместе с Дудник Е. Д. и позже, как и всех других подпольщиков, расстреляли за переездом по дороге в Аджимушкой.

Расстреливали их рано утром 27 августа. Группа "Тони" была казнена в составе партии — 47 мужчин и 18 женщин. В этот день гитлеровцы и их пособники "очищали" тюрьму. В предрассветной мгле приговоренных к смерти везли на трех машинах. Из колонны машин шли душераздирающие крики. Можно было разобрать фразы: "Прощайте!", "Мы честно умираем за Родину!", "Смерть фашизму!".²⁵⁸ На месте расстрела этих несчастных сейчас растет бурьян, нет даже скромного обелиска. Тысячи экскурсантов, проезжая через железнодорожный переезд к музею Аджимушкойских каменоломен, не знают, что вот здесь, справа, вдоль насыпи был этот страшный ров, и там до сих пор покоятся останки тех, кто добровольно, по зову сердца и совести помогал сражавшимся в Аджимушкойских каменоломнях. Пожилые керчане еще знают жуткую историю этого места, но те, кто помоложе, — ничего. Можно только удивляться инертности местных властей. А ведь в 1967 г. на военно-исторической конференции в решении было записано предложение о создании здесь памятника жертвам. Из 14-и человек, приговоренных к расстрелу, из группы "Тони" известны: Е. Дудник, С. Бобошин, А. Родягин, Д. Ф. Дудник (отец Жени), М. И. Дудник (мать Жени), Нины и Тони Дудник (сестер), А. И. Бобошиной (мать Сергея). Всего 9 человек. А кто же остальные пять человек? Это еще является загадкой, которую надо решить исследователям.

Естественно предположить, что с гибелью группы "Тони" связи керченского подполья с подземным гарнизоном Центральных каменоломен прекратились. Но это не так, есть сведения, что они продолжались и даже получили некоторое развитие. После Москвы я работал в ведомственном архиве Симферополя с делами следствия и суда над предателями и пособниками фашистов, действовавшими в Керчи в период оккупации. Мне в руки попало объемистое дело Бойко С. Г. из г. Кривого Рога и его помощников Каменева П. М. и Козлова Н. Я. Как ни парадоксально, но Бойко тоже был среди защитников Аджимушкойских каменоломен. Туда он попал с остатками роты 95-го пограничного полка, которой командовал Гошко М. Но Бойко не захотел сражаться в каменоломнях. Пользуясь неразберихой, которая была первое время среди окруженных, он забросил оружие и сдался в плен. Далее он стал сотрудничать с фашистами, которые в октябре его назначили следователем. Такая "карьера" Бойко не объяснялась какими-то выдающимися способностями, а просто у гитлеровцев не хватало "кадров" для борьбы с патриотами. Все это пухлое дело Бойко было посвящено его "работе" с арестованной в Керчи группой молодежи под руководством Павла Толстых. До войны Павел работал в механическом цехе

²⁵⁸ Справка Родягиной И. Н. в связи с гибелью Нестеренко (дана в 1946 г.) находится в фондах Керченского музея.

завода Войкова, в армию его не взяли из-за болезни ног. В группу входили Николай Лазарев, Карп Андриашин, Мария Цуркова. Толстых П. и его товарищи не были хорошими конспираторами, они довольно откровенно делились о своей деятельности с близкими, родственниками и друзьями. Благодаря этому обстоятельству до нас дошел ряд важных сведений об их делах. Из дела Бойко видно, что группа Толстых П. возникла в сентябре 1942 г. К этому времени (в августе) из фашистского плена возвратился Алексей Стрижевский. Следует сказать, что фашисты иногда шли на "акции освобождения" пленных по ходатайству местных властей. Черникова Людмила (соученица Алексея по школе) при встрече упрекнула Стрижевского, что, мол, все на фронте, а он вернулся домой в Керчь. На это он спокойно ответил, что и дома можно быть полезным. Толстых был связан с Алексеем Стрижевским. Можно предположить с достаточным основанием, что зачатком организации Стрижевского А., которая особенно разрослась в 1943 г., была как раз группа Толстых П. Об этом говорят частые встречи Павла с Алексеем, совместное изготовление листовок против фашистов. Однако в деятельности группы Толстых П. не это было главным. Во время налетов на Керчь советской авиации они вскрывали фашистские склады с продовольствием и переправляли его "красным партизанам" в керченские каменоломни и даже в Старокрымские леса.²⁵⁹ Как видим, цепочка связи от Стрижевского снова (уже в обратном порядке, независимо от рассказа Гринева Г. П.) приводит в каменоломни. Мы не знаем, как осуществлялась эта связь. Из свидетельских показаний близких к Павлу Толстых известно, что в сентябре 1942 г. он имел встречу с "партизаном-разведчиком" Николаем, по заданию которого и были совершены нападения на склады. Встречи Толстых с Николаем проходили регулярно где-то в условленном месте в Керчи.

Добывать продукты группа Толстых П. начала с пекарни, откуда было похищено до полутонны хлеба, затем последовал склад, где были захвачены консервы, ячмень, соевая мука и другие продукты. Эти акции, начавшиеся примерно в сентябре, продолжались до конца 1942 г.

Естественно, читатели могут задать вопрос: если аджимушкайцам была оказана такая помощь продуктами, почему об этом молчат оставшиеся в живых? Дело в том, что участников, вышедших из Центральных каменоломен позже 15–25 сентября, до сих пор не найдено. Уже давно вызывает некоторое недоумение у исследователей одно обстоятельство. Почему последняя группа в течение сентября — октября не пыталась уйти в старокрымские леса или переправиться через Керченский пролив? За счет чего питались последние защитники, ибо все запасы иссякли уже в сентябре или даже раньше? Сведения о том, как действовали подпольщики из группы Толстых для помощи аджимушкайцам, можно даже в наше время узнать от родственников или потомков ребят из группы Толстых. Родной брат Карпа — Андриашин В. В., проживавший в Керчи, рассказывает, что продукты в каменоломни подпольщики доставляли на бричке, на которой обычно вывозился мусор и нечистоты. Судя по всему, эта помощь была небольшой, ибо последняя группа аджимушкайцев продолжала сильно голодать. А может быть, эта помощь до них так и не дошла.

О связях защитников Центральных каменоломен с керченским подпольем сообщают и некоторые оставшиеся в живых участники. Особый интерес представляют воспоминания Степаненко А. Г., исполнявшего обязанности ответственного за "секретный вход" в каменоломни, сделанный по совету Данченко Н. С. в один из сараев поселка Аджимушкай. Степаненко А. Г. сообщает, что через вход приходили в каменоломни "партизаны", якобы, из Камыш-Буруна. Это было двое мужчин (один пожилой, другой моложе) и мальчик лет 12-и. Первое время они приходили довольно часто — два раза в неделю, потом реже. Следует сказать, что этим "секретным ходом" не могли пользоваться подпольщики из группы Толстых, ибо он был обнаружен фашистами и взорван в конце

²⁵⁹ Это были ближайшие от Керчи значительные лесные массивы.

сентября. Остатки его (большая воронка-провал) существовали еще в 60-х гг. в одном из огородов поселка. Естественно, что после его уничтожения командование подземного гарнизона позаботилось о создании нового. В сентябре-октябре охрана гитлеровцами каменоломен была ослаблена, и поэтому вход туда (и выход) несколько облегчался. Этим-то обстоятельством и могли воспользоваться подпольщики из группы Толстых.

Как уже говорилось, группа Толстых П. имела связь и со старокрымскими партизанами. Свидетельница Ерещенко М. С. рассказывала: "Со слов Павла Толстых, я знала, что продукты из фашистских складов ребята отправляли в лес на машине и на румынских подводах. С этой целью Толстых привлек нескольких румын. Одного из них я знала по фамилии — Пантелей Вакарь. Вакарь был русский, но родился в Румынии и был настроен против фашистов".

Интересные сведения сообщает и свидетельница Семко Д. С.: "В октябре или ноябре 1942 г. Толстых мне сказал: "Сегодня мы должны уехать, и если все обойдется хорошо, то я вам расскажу". Вечером он выехал из Керчи. Примерно дней через 5–6 он возвратился, вместе с ним были два румына. Побыв немного, румыны ушли. Толстых П. сказал им на прощание: "Ну, ребята, когда вы нам понадобится, мы сообщим". После этого Толстых взял у меня слово молчать и сказал: "Я со своими ребятами к этим двум румынами ездил в Старый Крым к партизанам. Все обошлось благополучно. Мы отвезли туда три мешка муки, бочонок масла и канистру водки". Кроме того, я помню, что Толстых называл фамилию из партизан, с кем он был связан. Что-то вроде Скрыбина или Скрибца. Точно не помню".

Исходя из этих фактов, возникает вопрос: не готовила ли группа Толстых П. "мост" для отправки последней группы защитников Центральных каменоломен в старокрымские леса? Первой такое предположение высказала Гранковская Ф. Г. Как я уже писал, я отнесся к нему как к фантастическому. С первого взгляда оно действительно очень смелое. Но изучая дело Бойко и другие документы, я стал относиться к нему уже как к вероятному. Хочется надеяться, что в будущем появятся новые данные, свидетельствующие в пользу этого предположения. Ведь деятельность керченского подполья периода войны изучена слабо. Не исключено, что будущих исследователей в этом вопросе ждут интересные и неожиданные находки.

А может быть, есть какие-нибудь данные у бывших партизан? И кто это Скрыбин или Скрибец, человек с похожей фамилией на "С"? В Крыму хорошо известен один из руководителей партизанского движения Скрибец С. П. Когда шло следствие по Бойко, Скрибец был еще жив. Работники следствия обращались к нему относительно связи с группой Толстых, но он ничего не мог сказать по этому поводу. А если поискать других партизан, которые имели отношение к группе Толстых? Большой интерес вызывает в этом отношении чекист, младший лейтенант государственной безопасности Сизас Эдуард Янович. Известно, что в конце 1942 — начале 1943 г. Сизас Э. Я. был уполномоченным группы НКВД при Северном соединении партизан Крыма. В этом период он сам и его подчиненные ходил в район Феодосии. Они установили связь с лагерем советских военнопленных и вывели оттуда 37 человек, из которых создали партизанский отряд. Сизас имел свою агентуру в Феодосии, в Кировском, Старокрымском районах. Через эту агентуру добывались ценные сведения о противнике, которые передавались советскому командованию на Большую землю.²⁶⁰ Интересно и то, что перед самой войной Сизас Э. Я. проживал с женой в Керчи. В период оккупации (1942–1943) его жена Сизас (Балабанова) Татьяна Кирилловна оставалась в городе и, как сообщал Гринев Г. П., входила в организацию Стрижевского А. В 1943 г. она была арестована и расстреляна фашистами. Сам Гринев хорошо знал семью Сизас еще по работе и жизни в Крыму, общался он с ними в Керчи и в 1942 г. перед немецкой оккупацией. В ноябре 1943 г., из-за болезни Сизас Э. Я. был эвакуирован на Большую землю. В связи с тем, что он был по национальности эстонец, его в конце войны направили на

²⁶⁰ Бывший партийный архив Крымского обкома КП Украины, ф. 151, оп. 1, д. 344.

оперативную работу в Эстонскую ССР, где он вскоре был убит буржуазными националистами.²⁶¹

Как видим, в пользу версии об установлении "моста" Аджимушкой — старокрымские леса имеются определенные документальные данные, интересные совпадения. Их нельзя игнорировать. Дальнейшие исследования историков должны укрепить или отбросить эту версию.

А мог ли Толстых и его товарищи перебросить последнюю группу аджимушкайцев в лес к партизанам на расстоянии почти 100 км без пропусков и других документов? Проблема с пропусками, очевидно, могла быть решена, ибо член подпольной организации Стрижевского Людмила Черникова с августа 1942 г. работала на бирже труда и имела прямое отношение к пропускам. По заявлению Рымарь В. М., в течение 1942–1943 гг. организация Стрижевского А. помогла освободиться 48 человекам, которые ранее были пленными. Эти люди отправлялись по подложным документам навстречу фронту через Керченский пролив и к партизанам в крымские леса. Об этой стороне деятельности подпольщиков говорят многие документы.

Павел Толстых и его товарищи мужественно держались на допросах. Оставшиеся в живых свидетели, узники керченской тюрьмы, рассказывали, как издевались фашисты над Николаем Лазаревым. С допросов его приводили буквально черным от побоев. После этого в камере он сутками не мог даже разговаривать. Придя в себя, Николай яростно ругал фашистов и их пособников и с гордостью говорил, что враги от него ничего не добились. Гитлеровцы издевались и над Марией Цурковой. Следователь Бойко стучал кулаком по столу и кричал: "Признавайся! Немедленно сообщи, что ты знаешь о преступлениях Толстых!" "Нет, господин следователь, — отвечала Мария, — я ничего не скажу и не откажусь от Павлика. Я ведь его люблю". "Ну что же, — зловеще обещал Бойко, — я все сделаю, чтобы ты оставалась вместе со своим Павликом". Мария любила Павла и ждала от него ребенка. О том, что она беременна, Мария узнала уже в тюрьме. Ей удалось передать Павлу записку с рисунком: летящий аист держит в клюве спеленатого младенца.²⁶² Свое чувство к Павлу Мария пронесла до последней минуты жизни. Мария, очевидно, немного знала о деятельности Павла, ибо в конце следствия надеялась выйти из тюрьмы. Ничего не знала она и о смертном приговоре даже в день казни...

Их вывели на казнь утром 8 марта. Во дворе тюрьмы они увидели виселицу с четырьмя петлями. Николай Лазарев повернулся к тюремным воротам (он знал, что там в это время обычно толпятся родственники с передачами) и крикнул: "Прощай, мамочка! Прощай, дом родной!" Группу подвели к виселице, по одному поставили на широкую доску, положенную на две небольшие бочки. Только теперь Мария Цуркова поняла, что ее ожидает, и что Бойко выполнил свое черное обещание. Она закричала: "Господин Бойко, за что?!" и стала рыдать. Бойко выбил из-под доски бочки...

Их закопали тут же во дворе тюрьмы. После освобождения города от гитлеровцев трупы были эксгумированы, опознаны и похоронены на городском кладбище. Павел и Мария лежат в одной могиле. На средства города им поставлен скромный памятник. Весной 1985 г. я вместе с сотрудницей керченского музея Боровкой В. Н. посетил эту могилу (рядом захороненья Андриашин К. и Лазарев Н.). Табличка с фамилиями Павла и Марии оказалась густо замазана какой-то несмываемой краской. Чувствовалось, что это грязное дело совершено относительно недавно. Очевидно, сыграла роль моя статья в местной печати о "керченских молодогвардейцах". Даже через много лет кто-то пытается истребить память о героях. Брат М. Цурковой, проживавший в Керчи, мне сказал, что эту подлость, видимо,

²⁶¹ Эти данные мне сообщил журналист-исследователь Корсунский М. А. из Таллинна, который о Сизасе написал ряд очерков.

²⁶² Об этом мне сообщила в своем письме Кузьменко Т. С. из Керчи.

сделали родственники подельников Бойко — Каменева П. М. и Козлова Н. Я.

Следователь Бойко, благодаря мужественному поведению ребят из группы Павла Толстых, ничего не дознался об их патриотической деятельности (помощь аджимушкайцам, партизанам в горном Крыму, о связях с другими подпольщиками из группы Стрижевского А.). На следствии и суде в 1948 г. он заявлял, что Павла Толстых и его товарищей судили как уголовных преступников за ограбление продуктовых складов. Местные жители тоже рассказывали, что после казни этой группы на улицах Керчи фашисты расклеили объявления о казни группы Толстых как грабителей. Бойко говорил правду: если бы фашисты узнали что-то большее о деятельности группы Толстых, то это дело они бы отдали не следователю Бойко, а другим следователям из немецкой контрразведки. О связях с другими подпольщиками ребята на следствии ничего не сказали, что дало возможность керченским патриотам бороться и дальше. Конечно, они надеялись, что после освобождения города от фашистов люди разберутся и клеймо "грабителей" и "уголовников" с них будет снято.

В своей статье я предложил именем Павла назвать одну из улиц в Керчи. Керчь интенсивно строилась, и это предложение можно было легко осуществить. Недавно я случайно узнал, что улица так названа в поселке металлургов, где работал Павел.

Глава 14. Искатели в каменоломнях

Можно бы и закончить эту книжку, но я хотел бы рассказать о поисках в каменоломнях. Поиски в них начались давно, сразу же после окончания обороны и первыми поисковиками были не романтики-мальчишки, а прислужники оккупантов — керченские полицейские. Этот народец, как известно, был без особых принципов и предрассудков. Практически они мародерствовали, т. е. грабили мертвых и то, что оставалось после борьбы и жизни под землей. Этим занимались и румыны, военный гарнизон Керчи в конце 1942 г. в основном состоял из них. Известно, что румыны расхитили остатки сахара, который еще оставался под землей после пленения последней группы в Центральных каменоломнях. Но румыны не знали расположения подземных ходов и продолжали бояться их. Другое дело керченские полицейские, многие из них знали каменоломни, а некоторые даже могли здесь работать. Таким образом, полицейские на короткое время здесь стали хозяевами. Что они искали? Ценные вещи, но в основном советские деньги и облигации. Они ведь были средством платежа и имели ценность вплоть до известной денежной реформы 1947 г. Ценились они и во время оккупации, хотя курс рубля был значительно ниже немецкой марки. Деньги и облигации были не только на трупах. Известно, что в каменоломнях оставались финансовые органы частей и соединений, а они располагали крупными финансовыми суммами. Финансисты, не имея возможности их куда-нибудь сдать, просто прятали их в каменоломнях. Так что эти деньги превращались в клады. Что-то из этих ценностей оказалось погребенным и под завалами. Вот за всем этим и охотились полицейские, а позже и наиболее предприимчивые керчане. Это занятие превратилось в своего рода специальность, которая могла, по крайней мере, кормить. В Керчи специальность кладоискателя не нова. Еще в XIX веке здесь появились так называемые "счастливчики". Чаще всего они происходили из местных босяков, людей без настоящей профессии и часто без семьи. Это были кладоискатели, грабители древних могил, которых в Керчи и окрестностях великое множество. Официально их деятельность, конечно, преследовалась, но закон, запрещающий раскопки, на практике выполнялся слабо. От полицейских приставов легко было откупиться. Советская власть быстро и решительно положила этому "промыслу" конец, профессия "счастливчика" стала исчезать, последние из них, по рассказам профессора-археолога В. Ф. Гайдукевича, еще жили в 30-х годах и привлекались им для раскопок. Он мне при встрече рассказывал: "Народ этот был никудышный, подлинный враг ученых, но нередко "счастливчик" находил действительно ценные вещи. Это вовсе не обязательно золото или серебро. Немалых денег стоили терракота (фигурки из обожженной глины) и неразбитые греческие вазы, посуда краснолаковая и

чернолаковая, секрет изготовления которой ныне утрачен. Все эти находки, конечно же, в музей не попадали, а продавались в частные руки, чаще всего за границу".

О поисках ценностей в каменоломнях как-то не принято писать, почти не отразился этот вопрос и в документах. Но пожилые люди пос. Аджимушкай и Керчи об этом знают. Даже И. Сельвинский в стихотворении "Аджимушкой" этого коснулся:

"А в глубине кровать.

Соломы пук.

Из-под соломы выбежала крыса.

Полуоткрытый полковой сундук,

Где сторублевок желтые огрызья..."

Слухов о находках в каменоломнях среди керчан после войны ходило много, сведения о некоторых из них даже попали в печать. Много говорили о чемодане с орденами и медалями, который был найден в каменоломнях. Надо полагать, что это были награды умерших или погибших. В 1984 г. при разборке крупного завала был обнаружен кожаный кошелек, в котором был орден Красной Звезды (№ 10936) и медаль "XX лет РККА". Позже поисковики установили, что они принадлежали полковнику Верушкину Ф. А. Есть данные, что один юноша в каменоломнях нашел железный ящик, в котором находились папки с грифом "секретно". Ящик он принес в сарай своего дома, где его нашла мать. Она увидела гриф "секретно", испугалась и сожгла содержимое ящика.²⁶³ Современному читателю факт сожжения найденных бумаг покажется ничем не оправданным фактом вандализма к истории. Но с такими находками после войны меньше всего считались. Тогда ведь страшно боялись не только инакомыслия, но и фактов посвящения в какие-нибудь тайны. А тут какие-то секретные бумаги! Да легче было их сжечь от греха подальше, "иначе бы власти затаскали". Эти документы могли принадлежать частям Крымского фронта еще до обороны каменоломен. Такого рода документы постоянно находили в каменоломнях. Керченский журналист В. В. Биршерт мне рассказывал, что после войны (в 40-х — начале 50-х гг.) он вытаскивал из-под завала целые папки документов продовольственного отдела 51-й армии, на которых он даже запомнил подписи Пирогова А. И.

Следует сказать, что к найденным документам на полях сражений после войны у военных чиновников от военкома до министра обороны отношение было наплевательское до удивления. В 60-х гг. на Акмонайских позициях местные жители откопали в земле кипу документов штаба отдельного зенитного артиллерийского дивизиона. Бумаги были доставлены в Керченский музей, где сотрудники хотели их разобрать и прочитать, но кипа документов превратилась в сухой блок, который требовал специальной обработки и затем скрупулезного чтения. Естественно, что сотрудники музея этого сделать не могли. Узнав об этой находке, Н. И. Ваулин много сил и энергии потратил, чтобы эта находка дошла до Центрального архива Министерства обороны СССР. В нашей стране была масса участников войны (да и сейчас такие найдутся), которые сражались на фронтах, прошли плен, но доказать свое участие в войне не могут. Все это происходило из-за утраченных военных документов. Особенно не повезло в этом плане воинам Крымского фронта. От этого фронта в архиве сохранились важнейшие оперативные документы штаба фронта, армий (их сберегли, ибо надо было как-то отчитываться за проваленную операцию), но что касается дивизий, не говоря уже о полках, отдельных частях, то документов их почти не сохранилось. Приносят, к примеру, в архив опись документов дивизии Крымского фронта, на папке номер дивизии, а в папке маленькая бумажка-справка: "Все документы утрачены во время оставления Керченского полуострова в мае 1942 г.". Чиновник архива, получая запрос от ветерана, ссылается на эту бумажку, а чиновник в военкомате разъясняет: "Документов в архиве нет, значит, Вам льготной пенсии не положено". "Но ведь я был в плену, значит, действительно воевал". Военком разводит руками. Помощи ветерану ждать было неоткуда.

²⁶³ Керчь военная, 2004, сс. 449, 460.

Для него создавалась идиотски-безвыходная ситуация. Особенно много было таких бедолаг с Кавказа и Закавказья, они часто из-за незнания русского языка ничего не помнили.

Найденные на Акмонайском рубеже документы зенитного дивизиона могли помочь многим таким ветеранам. Ваулин Н. И. хорошо понимал ценность и значение этих найденных документов. Он добился, чтобы они в архив попали. Через несколько месяцев он решил узнать, как идут дела по их реставрации. Узнал: "начальник архива приказал их сжечь". Причина: "У нас нет средств для реставрации". Все четко, по-военному. Но сколько бездушия, безответственности и наглости в этих словах и решениях! Это неудивительно: долгие годы военное чиновничество было вне сферы всякой критики.

Осенью в Аджимушкайских каменоломнях организовался из числа местных жителей партизанский отряд "Красный Сталинград", который тоже находил документы, относящиеся к обороне 1942 г. Известно, что руководство этого отряда сдало их в органы НКВД станицы Ахтанизовской Краснодарского края. Неизвестно, дошли ли эти документы до архивохранилища. В свое время для поиска этих документов по заданию редакции журнала "Вокруг света" я летал в Краснодар, где пытался найти их в архиве государственной безопасности, но никаких успехов не достиг. Методом переписки это же пытался сделать и Щербак С. М., но и его труды были напрасны.

Я уже писал о работе нашей экспедиции летом 1975 г. В первый же день прибытия в Керчь мы пришли к соглашению с Щербаком С. М., что поиски надо развертывать в первую очередь в Центральных каменоломнях, в районе, где находилась последняя группа аджимушкайцев. Как же можно было определить это место? Очень просто: это место было рядом с действующим колодцем, без которого люди не могли существовать. Дальнейшие поиски это предположение полностью подтвердили. Здесь мы нашли несколько останков воинов, в том числе и расстрелянного. Он был застрелен с близкого расстояния, ибо пуля вошла точно в затылок, а выскочила в переносице. Труп осел на ноги, в таком состоянии он нами и был найден. На ногах были прекрасно сохранившиеся яловые сапоги, их не сняли, значит, уже некому было их носить. Труп был засыпан небрежно мелкими камнями и тырсой, это было в проеме между двумя подземными помещениями, после по этому месту ходили, не зная, что здесь захоронение. Во время раскопок я вел поисковый дневник. Вот некоторые выписки из него:

"17 июля. Вели раскопки в районе подземного колодца. По всем данным где-то здесь (недалеко от воды) находилась последняя группа защитников. Солдаты, Меликян М. А. и Антоць А. Я. нашли останки погибшего аджимушкайца. Труп был захоронен в тырсу на глубине всего 20–30 см около стенки большого подземного помещения. Ребята, как заправские археологи, тщательно очистили останки от земли и камней. Кости хорошо сохранились, видно, что на нижней челюсти погибшего нет двух зубов. Виден брючной ремень, остатки шинели. Значительно лучше сохранилась гимнастерка, клапаны карманов расстегнуты. В одном из грудных карманов хорошо сохранившийся презерватив, автоматные патроны — в другом кармане. Несколько одиночных патронов лежали поверх гимнастерки как бы рассыпанными. Они окислились и спаялись с тканью гимнастерки, были они и у трупа на земле. От сапог сохранились только голенища, головки сапог явно отрезаны живыми во время погребения. Впечатление, что это один из последних защитников каменоломен, подтверждается. К концу обороны люди от голода сильно опухали, с ног снять сапоги было трудно. Из-за этого голенища их отрезали и ходили в одних головках. Особенно удобны в каменоломнях были валенки, но их было мало. Патроны носили при себе, берегли их от сырости, ибо от этого они приходили в негодность. Создалось впечатление, что перед погребением у неизвестного изымали из карманов документы, при этом были рассыпаны патроны. Воинских знаков различия мы не обнаружили.

23 июля. Расчищали "комнату Ягунова". Название это, конечно, условное, ибо у нас нет точных данных расположения отсека командира подземного гарнизона. Место это замечательное, и здесь явно жил командир. Отсек имеет размеры 11 на 7 метров, небольшая сбоку ниша, где раньше помещалась железная кровать. Сейчас эта кровать помещена в

запасники музея. Ниша была отгорожена от основного помещения занавеской, состоящей из плащ-палатки. Прекрасный вход в помещение со ступеньками, ржавые гвозди на стенах, на которых, видимо, висела одежда, оружие, снаряжение. Но откуда нам известно о занавеске из плащ-палатки? Дело в том, что на потолке видна аккуратная цепочка гвоздиков, на некоторых из них даже сохранились кусочки материи плащ-палатки. Смотри на эти гвоздики, думаешь, что кто-то очень старался и был при этом хорошим мастером. Делал он это не для себя, а для командира, которого уважал и, может быть, немного побаивался. С тыловой стороны (там проходит подземная галерея) была раньше сооружена глухая каменная стена. Сейчас от нее остался вал битого камня, щебня и разного мусора. В этом месте культурный слой очень богат. Находки идут одна за другой. Вот остатки компаса, медная протирка от пистолета, большое количество цветных карандашей "Тактика", два запала от гранаты, две монеты 2- и 3-копеечного достоинства. Около разрушенной стены нашли неплохо сохранившиеся воинские уставы и наставления, фрагменты тетрадей и еще каких-то бумаг. Характерно, что уставы не повторяются, значит, можно сказать, что это маленькая командирская библиотечка. Опять идут цветные карандаши, винтовочные патроны... Все это перемешалось с землей, превратившись в ржавую тяжелую массу. На уставах много подчеркнутых мест — следы серьезной работы. Много листов не влезает, бумага требует закрепления, реставрации. Основные находки сделал рядовой Галимов М. Б. Документальные находки (их около 20-и) аккуратно складываем в целлофановые пакеты и прячем в подземный тайник, оборудованный Леной Ашколуненко и его товарищами. У них сегодня тоже удача — найдена толстая общая тетрадь более 100 листов. Это прекрасно оформленный с любовью конспект по военно-инженерному делу. Сразу же вспоминаю рассказы одного из интереснейших участников подземной обороны, ныне учителя школы с. Катых Курской области, Степаненко Александра Георгиевича. Лейтенант Степаненко А. Г., выпускник Мичуринского военно-инженерного училища, прибыл в Керчь во главе группы 60 человек перед самым майским праздником 1942 г. Вместе с новеньким обмундированием и снаряжением везли с собой из училища конспекты лекций, наставления и другие пособия. Чей это конспект? Может быть, Цуканова Н. И., Сидельникова В. М., Сергиенко В. И. или Тарасова? ²⁶⁴ Точно известно, что эти молодые командиры были среди защитников подземного гарнизона, их фамилии встречаются в дошедших до нас документах.

24 июля. Сегодня произошла маленькая сенсация. Леня Ашколуненко со своими удачливыми одесситами нашли 2-х смертников. В контейнере помещалась бумажка с данными бывшего владельца. В каменоломнях это не такая уж редкая находка. Чаще всего она бывает без бумажки... Но на этот раз нам повезло. Леня отворачивает крышку, видна записка, она хорошо сохранилась. Читаем текст: Костенко Владимир Иванович, 1913 г. рождения. Домашний адрес: Орджоникидзевский край, гор. Ворошиловск, Степной переулок, 16. Волнуясь, рассказываю одесситам, что Костенко В. И. — один из друзей автора дневника Трофименко. Сообщаю, что жив один из участников обороны, близкий друг погибшего Костенко — Филлипов Н. Д., что он после войны вернулся в Ставрополь (перед войной этот город назывался Ворошиловском) и там женился на родной сестре Костенко. Сейчас Филлиповы и их дети проживают по старому адресу: Степной переулок, 16. Глаза у одесситов горят, слышатся восторги по поводу находки и комментариев. У второго "смертника" тоже прочитали записку: Сержант Кузьмин, призван Новороссийским РВК. Домашний адрес: Новороссийск, ул. Советов — 1-й ко... кв. 3 О. Кузьминой Екатерине.

30 июля. Группа ребят из Керчи работала на завале, образовавшемся от взрыва с поверхности земли. Завал сравнительно небольшой, ибо он на большой глубине. Он имеет три подземных подхода, это почти рядом с музейной экспозицией, но от выходов и открытых воронок это далеко. От взрыва скальная порода рухнула на стенку, сооруженную

²⁶⁴ ЦАМО РФ. ф. Мичуринского военно-инженерного училища, оп. 360566, д. 1, лл. 11–18. Еще до этой находки мне удалось обнаружить в архиве копию списка группы выпускников, отправленных на Крымский фронт. Характерно, что на обороте списка имеется роспись старшего группы Степаненко А. Г.

защитниками для каких-то целей (возможно, это убежище или склад). Упавшие сверху глыбы встали торчком, поэтому между стенкой и пластами ракушечника образовались пустоты. Вот эти пустоты и обследовали керчане. Проникали в завал они через узкие щели между огромными глыбами камня. Работали в темноте, подсвечивая ручными фонариками и переносными аккумуляторами. В завале обнаружено два ящика с патронами в обоймах. На одном ящике были кости человека небольшого роста. Керчане посчитали его за подростка, у погибшего сохранились даже волосы. Рядом несколько пустых коробок из-под мин 50-мм миномета, ножны без шашки. В завале обнаружены останки и другого погибшего. Характерно, что на его бедрах сохранились бинты. Значит был ранен. Еще раньше этот завал обследовали одесситы (только с другой стороны), они вытащили из него много человеческих костей. Что здесь было? Похоже на пункт боевого питания, превращенного взрывом в братскую могилу...

31 июля. "Низовка" — это углубление в каменоломнях, образовавшееся от выбора оттуда камня-ракушечника. "Низовки" постоянно привлекают наше внимание. Там можно найти все вплоть до железных ящиков с документами архива подземного гарнизона. Почему-то все мы считаем, что документы должны обязательно находиться в железных ящиках или даже в стальных сейфах. Такое ведь не обязательно должно быть, но нам хочется, чтобы документы были именно в железных ящиках, так они долго могут сохраниться. Оптимизмом живет человек, он всегда надеется, даже верит в лучшее... Исследуемая нами "низовка" находится у самого карьера, что южнее Центральных каменоломен. Это в каких-нибудь 20–30 метрах от выхода. До этой "низовки" доходит слабый дневной свет. Мы начали копать в верхней части "низовки", постепенно опускаясь вниз. Находки пошли сразу же и довольно обильно. Вначале это были фрагменты обгоревших писем. Чем дальше копали, тем письма попадались чаще. А затем пошли целые пачки сгоревших, полуобугленных и даже целых писем. По штемпелям видно, что они относятся к периоду с 30 апреля и до 10 мая. Все эти письма шли из тыла на фронт. Многие из них на грузинском, армянском, азербайджанском языках. Нашли чернильный прибор в хорошем состоянии, "смертник" без колпачка (крышки), ножку хирургического зажима, части телефонного аппарата, моток телеграфной ленты, карандаши, бланки, несколько целых гранат и много-много другого. Здесь была свалка, по преимуществу связанная с почтой. Попадались фрагменты финансовых документов — сплошные колонки цифр, под одной датой: "февраль 1942 г.". До нас в "низовке" кто-то уже копался, но очень небрежно. Видимо, это были следы керченских мальчишек... Выкопан цинковый ящик из-под патронов. Почти весь забит письмами и газетами 1942 г. Затем вытащили, словно обгорелое полено, свернутую рулоном пачку газет на каком-то языке, очевидно, из Дагестана. Находки идут и идут... Нам не хватает целлофановых пакетов. Такого обилия находок сразу не знала ни одна раскопачная группа в нашей экспедиции. На дне "низовки" наткнулись на человеческие останки, они лежали сверху сгоревших писем. Хорошо сохранились обмотки на ногах, попадаются фрагменты сторублевых купюр советских денег. Они, очевидно, находились в брючных карманах погибшего. В районе головы лежала гильза от 45-мм пушечного патрона, к нему даже пристали волосы погибшего. Верхняя часть патрона аккуратно срезана наискось. Она служила открытым пеналом, в котором хранились карандаши, ножницы и другая необходимая канцелярская мелочь. Кости складываем в стороне, скоро придут люди из городской похоронной команды, они и займутся погребением останков на воинском кладбище... Складывается впечатление, что при отступлении наших войск в каменоломни попала одна из контор военно-полевой почты. В связи с невозможностью доставить письма и бандероли до адресатов, их решили уничтожить. Характерно, что мы не нашли ни одного служебного письма, хотя конверты с таковыми находили. Значит, всю служебную корреспонденцию вскрывали и уничтожали очень тщательно, дабы она не могла попасть в руки противника. После этого письма и бандероли свалили в "низовку" и подожгли, но они (в пачках) горели плохо. Вот таким образом многие из них и дошли до нас. Позже на сгоревшие письма был брошен труп человека в обмотках. Его немного присыпали тырсой и

разным мусором. Следы торопливости. Явно они относятся к середине мая 1942 г. Каменоломни тогда были еще не окружены, через них проходили к переправам многие воинские части, учреждения фронта. Много жгли тогда документов...

1 августа. Группа керчан нашла под землей железный ящик. Вытаскивали и дрожали от нетерпения — а вдруг это архив подземного гарнизона! Открыли и полное разочарование: ящик пустой. Размеры 60x40x20, хорошая железная шкатулка для разного ротного хозяйства. Рядом с ящиком нашли мундштук от духового инструмента (трубы) и еще какую-то мелочь.

2 августа. Пришел старший группы керчан Коля Спасов и принес найденный документ. Его нашли Эдик Чистов и Валера Изотов в районе Соленого колодца. Документ нашли в остатках шинели, которая, очевидно, раньше висела на стене подземной комнаты, там до сих пор торчит ржавый гвоздь-вешалка. Шинель сорвалась с гвоздя, засыпалась тырсой, мелким камнем... А наши ребята случайно наткнулись на нее и откопали. Развертываем бумажку, читаем: НКО-СССР командир 739 отдельной телеграф... 10 ноября 194... № 50 гор. Душети. Удостоверение Мракадзе неевич действительно на военной... отдельной... елграфно-строты... должное... взвода. Командир ст. лейтенант И... Круглая гербовая печать. Текст читается неплохо, о недостающих словах можно легко догадаться. Одним словом, текст выглядит так: "...Мракадзе...неевич действительно числится на военной службе в 739-й отдельной телеграфно-строительной роте в должности командира взвода". Достаяю свою справочную книжку, где у меня записаны все части и соединения Крымского фронта. Вот она 739-я ОТСР, на 1 мая 1942 г. в ней было по списку 123 человека. По найденному документу видно, что в ноябре 1941 г. рота стояла в г. Душети, в старинном грузинском городке у главного Кавказского хребта. Вместе с этим документом ребята нашли бланки пропусков на артиллерийский склад, но они не были заполнены.

5 августа. Разбираю и читаю письма найденной почты. Дело идет очень медленно, ибо текст на многих из них надо закреплять реставратором. Впрочем, отдельные письма сохранились очень хорошо. Вот письмо на грузинском языке из Кабулети. Его перевели мне солдаты-грузины из прикомандированной к нам команды по разминированию. Мы назвали это "письмо невесты". "Привет Ладо от Елены. Ладо, почему ты не пишешь домой письма? Пожалуйста, Ладо, напиши домой письмо, я прошу тебя. Твоя мать все время кричит: "Где мой сын Ладо!?" Ладо, получила я твое письмо 17 августа, а второе 23 сентября... Ладо, письмо тебе писала 12... получил ли ты его или нет? Ладо, я замуж не иду, жду Вас, не бойся... Твой брат Раули живет хорошо, тетя Лео... хорошо Ладо, Бения уже забрали в армию. В Кабулети остались старики и дети, больше никого нет... получаю деньги. Ладо, здесь много кукурузы, живу хорошо. Жду тебя Ладо... уже один месяц прошел, письма не было. Напиши, где ты служишь: в Керчи или нет? Ладо, я жду Вас. Твоя Елена. Ладо, когда я это письмо написала, была ночь, в это время от тебя пришло письмо. Елена+Ладо. Твоя Елена". Второе письмо школьника старшему брату. Обратный адрес: Рязанская область, г. Сасово... кв. 2. "...Иван, шлю тебе свой ученический привет... наилучшего в твоей боевой службе. Мы все живы, живем мы сейчас хорошо... вдоволь. Козы наши окотились, завел себе кроликов, тоже скоро... Ивана Троицкого... нашего классного руководителя взяли в армию, вместо него у нас математик Болховитинов.²⁶⁵ Иван Степанович... тоже справлялся о тебе, как... Ты бы Иван написал ему что-нибудь... он рад был бы. Ну немножко о себе. Во-первых, сообщаю, что учимся сейчас в три смены. Мои занятия с 3. 40 до 8. 15 по 6 уроков каждый день. 3 апреля сдавал зачеты по военному делу. Сдал на "отлично", военрук Баранов похвалил. Досталось мне три вопроса: показать штыковой бой, устройство пулемета и его действие и окопы. Вернее — какие бывают окопы и как их делают в боевой обстановке. Изучаем сейчас комбайн. Основное уже изучили, по нему тоже будут зачеты. Пока наши... будут пахать, а мы будем ремонтировать... как хлеб созреет, будем убирать... лучше

²⁶⁵ Здесь идет речь о Б. Н. Болховитинове, который позже стал главным редактором журнала "Наука и жизнь".

убирать, чтобы больше дать... без потерь, так как каждое зерно ускорит нашу победу... Я подал заявление в ВЛКСМ, не принимали еще, но не сомневаюсь... меня... а все-таки Степановичу что-нибудь напиши о товарищах и о своей части... мы расскажем вам, как... Ну пока, до свидания. В. Медведев".

Позже это письмо я опубликовал в газете "Рязанский комсомолец". Сразу же откликнулся автор этого письма Медведев Василий Семенович, после войны инженер, проживающий по-прежнему в г. Сасове. Письмо было написано брату, старшему лейтенанту Медведеву Ивану Семеновичу, который закончил Московское военное инженерное училище и воевал на Крымском фронте, погиб он в 1943 г. под Новороссийском. В конце войны пришлось повоевать и автору письма, так что добросовестное изучение военного дела в школе ему весьма пригодилось.

После обследования "комнаты Ягунова" Щербак С. М. высказал мысль, что хорошо бы найти могилу Ягунова П. М. Район ее был известен по воспоминаниям Ефремова Н. А. Правда, у нас было сомнение, что эта могила сохранилась, ибо она могла быть разорена после войны беспорядочными раскопками или засыпана обвалом. Несмотря на это, поиск могилы мы восприняли с энтузиазмом и надеждой.

Ефремов Н. А. сообщал, что Ягунов П. М. был похоронен справа от главной галереи, которая шла из глубины в сторону большого карьера. Он рассказывал, что много раз во время обороны проходил мимо этой могилы, когда ему надо было пройти к выходу в карьер. Мы с Щербаком С. М. начали изучать этот район и пришли к заключению, что могила может быть под небольшим завалом в проходе от главной галереи к "низовке", где мы нашли почву. Здесь с потолка обрушился слой ракушечника, который мы решили разобрать. Работа была тяжелая, ибо рухнувшую плиту мы разбивали кувалдами с помощью стальных клиньев и пластинок. Отваливая очередной кусок плиты, мы внимательно изучали поверхность под нею. Но там был небольшой слой сухой тырсы, которая лежала на скалистом грунте. Понятно стало, что в этом месте могилу копать просто не могли. Находки были небогатые: хорошо сохранившийся штык от русской винтовки и граната-лимонка без запала. Эта неудача нас охладила, и мы занялись "низовкой", в которой нашли много интересного. А потом быстро подошел и срок окончания экспедиции. А могила Ягунова была совсем рядом — за стеной в каких-нибудь 3–4 метрах от "низовки". Ефремов Н. А. был прав, что он ходил к выходу и справа видел могилу. Дело в том, что мы считали, что выход в карьер здесь был один и шел из главной штольни, но в действительности здесь был справа еще 1 или 2 выхода, вот к ним-то и ходил Ефремов мимо могилы. Сейчас этих выходов нет, их завалили фашисты взрывами.

Могилу Ягунова П. М. позже нашли случайно рабочие музея, которым для строительства потребовалась тырса. Они наткнулись на доски гроба, сделанного из кузова автомашины. Рядом было второе захоронение, но уже без гроба. Ясно, что это были останки командира, погибшего вместе с Ягуновым от взрыва. То, что это был Ягунов П. М., сомнений нет. Тем более, его останки подверглись судебной экспертизе в г. Симферополе. Хорошо сохранились его хромовые сапоги со следами взрыва неизвестного предмета. Сапоги, особенно нижняя их часть, иссечены мелкими осколками. Особенно пострадали каблуки, один из которых оторван осколком, след которого был хорошо заметен. Рассказ Ефремова Н. А. и тут подтвердился, ибо видно, что взрыв произошел, когда Ягунов П. М. наклонился и присел над взрывоопасным предметом. Интересно, что могила располагалась рядом со своеобразной площадкой, выпиленной из ракушечника. Можно предположить, что эта площадка служила своеобразным "катафалком", где лежали тела погибших, и с ними прощались товарищи. Затем их зарыли на небольшую глубину. Метрах в 15-и от захоронения Ягунова П. М. был вход в интересное помещение, которое мы назвали "церковью". Похоже, что она здесь была оборудована до революции или в первые годы советской власти. Это было сухое, продолговатое помещение, на стенах которого были аккуратно выдолблены в ракушечнике ниши, точнее прямоугольные углубления, напоминающие окна. Очевидно, в них когда-то помещались иконы. Захоронение Ягунова П.

М. "около церкви" вполне соответствовало русскому православному обычаю. Останки найденных погибших позже были торжественно захоронены в центральном сквере поселка Аджимушкай, рядом с другими героями, останки которых были найдены в каменоломнях.

После этого, в один из своих приездов, я посетил место первоначального захоронения Ягунова. Рядом с захоронением у "катафалка" я железной скобой стал перебирать тырсу и наткнулся на интересный предмет, который не заметили рабочие при раскопках могилы. Это была маленькая мензурка, с помощью которой дают больным лекарство. Нетрудно понять, что это был предмет из госпиталя и им воспользовались на поминках погибшего командира. А таковые по русскому обычаю, очевидно, были. Я уже рассказывал, что в каменоломнях из сахара гнали самогон, да и в начале июля еще оставался коньяк из складов военторга.

Во время работы экспедиции 1973 г. у нас совершенно не было времени обследовать Малые каменоломни, и мы тогда там почти не работали. Более полное и систематическое исследование и раскопки там были проведены позже, и там нашли довольно много находок. В первую очередь было решено детально обследовать место, где располагалась последняя группа Поважного М. Г. Это место нам было хорошо известно, ибо показывалось Поважным М. Г. и Ильясовым С. Ф. В один из приездов в Керчь мы договорились с Ильясовым, что он тоже прилетит из Ленинабада, покажет и расскажет все на месте последней стоянки. С нами был и сын батальонного комиссара Карпекина М. Н. — моряк торгового флота, механик судна, Валерий Митрофанович Карпекин. Ильясов показал Валерию место, где умер его отец от голода. Это было перед самым пленением, и тело его еще не успели похоронить в каменоломнях. Далее Ильясов подробно рассказал, как его пленили, где прятались от румын Поважный, Шкода и Дрикер. Я спросил про документы штаба. Ильясов ответил: "Все они были собраны фашистами и вот в этом месте сожжены. Они взяли только толстую тетрадь Шкоды В. П., с приказами и распоряжениями подземного гарнизона. Тетрадь была красного цвета и имела характерные следы от удара камня, свалившегося во время взрыва. Эту тетрадь я видел в Симферополе во время допросов". Без особой надежды на находку я стал ножом перебирать пыль и тырсу на месте сожжения документов и вдруг увидел сложенный вчетверо листок плотной бумаги маленького размера 2x3 см. При свете фонаря мы развернули его и прочитали: "Нач. скл. 1 зап. п. выдать 2 бут. гор. смеси на 2 чел. 5.07.1942 г. К-р 1 зап. п. Поважный". Подпись четкая и мне хорошо знакомая. Благодаря полной копии дневника Клабукова А. И. удалось установить, кому предназначались эти две бутылки горючей смеси, которые использовались в Малых каменоломнях для освещения. Это были политруки Магала Василий Яковлевич из 12-й отдельной стрелковой бригады и Калиба Иосиф Миронович. Оба они весной 1942 г. закончили в г. Горьком политическое училище и попали на Крымский фронт. 4 июля они в составе группы 11 человек ушли с целью переправиться через Керченский пролив, но вдвоем вернулись на следующий день, чем вызвали недовольство Поважного М. Г., ибо их снова надо было ставить на довольствие. Вот и появилась эта записка. Через несколько дней они снова вышли из каменоломен, где-то у переправ они были захвачены и затем расстреляны фашистами. Желю Магала, Ксению Максимовну с дочерью Маргаритой я нашел в Курске, а Калиба Лидию Ивановну — в Ижевске. Найденную записку Поважного М. Г. я отдал Ваулину Н. И. для последующей сдачи ее в Центральный музей Вооруженных сил.

Позже, в 80-х годах, в Малых каменоломнях были найдены личные документы Карпекина М. Н., Манукалова А. Н., Поважного М. Г., ведомости об уплате членских взносов коммунистов от 17.07.1942 г., большая сумма денег в различных купюрах. С помощью миноискателя здесь был найден ящик с набором слесарных инструментов и документы на имя старшего политрука Меликяна Айказа Арутюновича, 1906 г. рождения из г. Кировобада²⁶⁶. Одессит Соколов В. М. уверял меня, что он нашел останки старшего

²⁶⁶ Керчь военная, с. 453.

политрука Манукалова А. Н., кости которого нашли в том месте, на которое указывал Поважный М. Г. и Ильясов С. Ф. При внимательном осмотре костей было обнаружено пулевое отверстие в лопатке. Это и был, по мнению Виктора Михайловича, след от самострела.

В конце работы экспедиции 1973 г. в Керчь приехал Александр Георгиевич Степаненко. Мы с ним долго ходили по каменоломням, а потом разговаривали. В плен он попал 19 сентября и, таким образом, был одним из последних выходцев из каменоломен, оставшихся в живых. Тогда он высказал одно из интереснейших соображений, которое до сих пор меня волнует. Он сказал: "Вы напрасно считаете, что основные документы штаба Центральных каменоломен были спрятаны последними защитниками. В действительности они завалены в результате гигантского комбинированного взрыва, который фашисты произвели в сентябре 1942 г. К нему гитлеровцы долго готовились, взрыв засыпал штаб и все наше расположение. Естественно, что документы в тяжелых ящиках никто не переносил и они были засыпаны. После взрыва оборона каменоломен фактически прекратилась, ибо некому было их оборонять. Оставшиеся группы во главе с Бурминым ушли в дальние, не занятые людьми тоннели и продолжали держаться до конца октября. Бойницы и полусасыпанные входы в каменоломни уже никто не оборонял, и через них враги могли свободно спускаться под землю". Район "Большого Взрыва" хорошо известен: он распространяется от малого карьера, где был лагерь поисковиков, до южного края музейной экспозиции. На плане, составленном Прониным К. К., этот завал хорошо виден. Я считаю и даже уверен, что главные документы штаба надо искать в этом завале. Это мнение подтвердила и находка документов в 1987 г. одесситом Сергеем Сергеевичем Коноваловым. Это был природный поисковик-романтик. Тело у него было гибкое, сильное, лицо сухощавое, смелости Сергею не надо было ни у кого занимать. Любопытство у него постоянно сочеталось с риском, отчего он, видимо, потом и погиб, разбирая снаряд минувшей войны. С большим трудом и риском, на которые был способен, Сергей пролез в узкую щель "Большого завала" и там обнаружил пустоты. В небольшом проходе он увидел человеческие кости с винтовкой и определил их как "часового при штабе". Далее в комнате, заваленной глыбами ракушечника, он обнаружил остатки деревянной мебели и деревянный ящик, в котором оказалось много документов. Многие из них превратились в труху, но некоторые читались вполне удовлетворительно. Это были документы 2-го батальона периода обороны Центральных каменоломен с июня по август 1942 г. Это были списки личного состава, наградные листы, представления к очередному воинскому званию, акты об изъятии документов и ценностей у умерших, протокол партийного собрания. Всего в этом собрании документов было насчитано 103 наименования, упоминалось 148 фамилий, из них 124 были ранее известны²⁶⁷. Как-то получилось, что известия об этой находке сильно не прозвучали в средствах массовой информации. Я считаю, что эта находка по содержанию документов одна из самых ценных, найденных во время поисков. Можно сказать, что это небольшая часть того, что мы искали многие годы. О перспективных находках в "Большом завале" говорят и показатели протоновых магнитометров (ИМП-203) из Московского геологоразведывательного института, которые в 1988 г. по инициативе Щербанова В. К. здесь работали. Приборы зафиксировали большие аномалии металла²⁶⁸. Что там может быть? Железные сейфы или ящики? Все, что угодно. Там могут быть даже целые автомобили, полевая электростанция (она первое время работала в каменоломнях) и другая техника, которая весной 1942 г. свободно могла въезжать под землю через широкие входы.

Читатель скажет: "Если этот завал имеет такие хорошие перспективы, то почему бы его не разобрать?" Но беда в том, что эти завалы имеют не сотни, а многие тысячи тонн

²⁶⁷ Там же, с. 452.

²⁶⁸ Там же, сс. 453, 462.

скальных пород и земли. Их трудно разобрать даже с помощью механизмов, при этом вынутую породу нужно куда-то отвезти. Работникам музея я предлагал такой вариант. В Керчи в карьерах добывают камень и щебенку, при этом возят ее издалека. Все это широко используется на строительстве. Можно было бы заключить соглашение с одной из строительных фирм, которая бы использовала эти каменные завалы для себя. Но при разборке завалов должны постоянно присутствовать музейные работники, которые при появлении находок могли бы в любой момент остановить технику. Дальнейшее доставание находок надо делать осторожно и с помощью ручного труда.

Но вернемся к находке 1987 г., сделанной Сергеем Коноваловым. Содержание протокола партийного собрания и другие документы некоторые я даю в Приложении этой книги. А здесь хочу остановиться только на двух упоминаемых в документах аджимушкайцах — капитане Путине М. А. и лейтенанте Роговом И. М. О героизме сибиряка Путина или Потина сообщали многие участники. В "книге назначения врача" была такая запись: "Старший лейтенант Путин Михаил Антонович, слепое осколочное ранение левой голени, бедра и левого бока без повреждения кости. Лечился с 5.07. по 18.07. 1942 г. Выписан". Я пытался найти следы этого человека через Главное управление кадров (Далее: ГУК) Вооруженных сил, но мне ответили, что на Крымском фронте такого не было. Но вот в каменоломнях нашелся на Путина наградной лист, и я сразу понял, почему в ГУКе не было на него сведений, он числился под другим именем и отчеством: Малахий Антипатрович. Очевидно, он происходил из старообрядцев, которые любили давать своим детям редкие библейские имена, давно вышедшие из употребления. Для упрощения в жизни Путин себя называл Михаилом Антоновичем, так и вошел он в госпитальные документы. Позже в г. Свердловске удалось найти его сестру Путину Екатерину Антипатровну. Она сообщила, что по документам ГУКа он уже числился капитаном, родился он в 1905 г. в г. Бийске, работал учителем математики в детском доме, потом стал военным. Перед войной служил в Полоцке. У него была жена Зинаида Александровна и дочь Майя, они в 1941 г. уехали в г. Владимир, и связи прервались. Отец Путина — Антипатр Федорович — жил с дочерью в Свердловске, умер в 1951 г. Когда в России был избран президент Путин В. В., у меня возникло предположение, что он родственник нашего аджимушкайца. Я написал Президенту, из канцелярии которого мне ответили, что у Владимира Владимировича многие родственники воевали на Великой Отечественной войне и некоторые погибли. Я пришел к выводу, что Путин М. А. из каменоломен просто однофамилец.

Почти рядом в "книге назначения врача" был записан лейтенант Роговой Иван Моисеевич, у которого было слепое осколочное ранение в правое плечо. Находился он в госпитале с 4.07. по 18.07.1942 г. и был выписан. В станице Челбесской Краснодарского края нашлась его жена Усатая Анна Иудовна, а в Ростове-на-Дону — дочь Римма. Он был сугубо гражданский человек. Закончил сельскохозяйственный институт в г. Ленинграде, а затем экстерном педагогический институт. С 1936 г. работал в Рыбинском сельскохозяйственном техникуме Красноярского края, в 1939 г. переехал в Краснодарский край, где стал работать главным зоотехником Новолеушковского райзо. Призван в армию в 1942 г., сначала учил новобранцев при военкомате, а затем 26.02.1942 г. был послан на курсы усовершенствования в г. Нальчик. На Крымский фронт был направлен в распоряжение начальника фронтовых курсов младших лейтенантов, которыми командовал полковник Барымов. В каменоломнях, согласно найденному документу, его представили к следующему, более высокому воинскому званию — "старший лейтенант". Как видим из биографий, это были люди с богатой жизненной практикой, с постоянным желанием совершенствоваться (у Рогового И. М. было два высших образования, что в то время было редкостью). Оба показали мужество и героизм на войне. Поистине, в каменоломнях сложился коллектив из лучших людей Крымского фронта.

Заключение

Закончилась война. Каждый год стирает на земле Керченского полуострова следы войны. Исчезли многие названия поселков и деревень. Читатель на современных картах не найдет названий: Ак-Монай, Арма-Эли, Кой-Асан, Салынь и др. Сейчас они названы соответственно: Каменское, Батальное, Фронтное, Чистополье. Названия напоминают войну в этих местах. Джантора названа в честь погибшего командующего 51-й армии генерал-лейтенанта Львова В. Н. Поля, где происходили ожесточенные сражения, в основном распаханы, но в земле еще очень много патронных гильз, осколков и человеческих костей. Часто вода вымывает из земли неразорвавшиеся снаряды, мины, ржавое оружие. Вековыми памятниками на Акмонайском перешейке стоят ДОТы, они наглядно представляют вторую позицию главной полосы обороны Крымского фронта. По асфальтированному шоссе Феодосия — Керчь мимо этих бетонных сооружений, глядящими своими бойницами на запад, сейчас стремительно проносятся автомашины. Здесь уже не такое безводье, как было во времена войны. Днепровская вода по Северо-Крымскому каналу пришла и сюда.

В Керчи на домах довоенной постройки можно еще увидеть следы пуль и осколков снарядов. Город значительно вырос, давно перешагнул свои довоенные границы. Некоторые поселки, например Камыш-Бурун (Аршинцево) слились с городом. Керчь стала индустриальным городом, на всю страну стал известен судостроительный завод "Залив", который выпускал в советское время гигантские танкеры. Через Керченский пролив была построена и успешно действовала (до развала СССР) железнодорожная и автомобильная паромная переправа.

На горе Митридат, историческом символе Керчи, возвышается 24-метровый обелиск, поставленный осенью 1944 г. воинам отдельной Приморской армии и морякам Азовской военной флотилии, павших смертью героев при освобождении Керченского полуострова в 1943–1944 гг. Замечателен вид с горы Митридат, здесь постоянно можно видеть группы туристов, гостей города, много памятников и памятных знаков в Керчи и ее окрестностях, посвященных людям минувшей войны. Но самой большой достопримечательностью города, самым посещаемым местом, пожалуй, являются Аджимушкайские каменоломни. В 1982 г. около входа в них открыт мемориал, создана музейная экспозиция. Особенно многолюдно в Аджимушкайских каменоломнях в середине мая, когда отмечают очередную годовщину тяжелых боев за Керчь, начало аджимушкайской обороны. Со всех сторон страны сюда съезжаются оставшиеся в живых участники войны, жены и дети, внуки погибших. Для них каменоломни, сухая керченская земля, обильно политая кровью ее защитников, стала родной, священной. О подвиге героев подземного гарнизона Аджимушкайских каменоломен напоминают названия улиц Керчи, Симферополя и других городов, а также кораблей и даже космических объектов. Например, в Керчи есть улицы Ягунова, Парахина, Клабукова, в белорусском городе Кричеве, где родился и работал перед войной батальонный комиссар Карпекин, есть улица его имени. Несколько лет бороздило море и океан судно "Герой Аджимушкай". А в космосе есть малая планета-астероид, названная "Аджимушкай". Ее открыла научный сотрудник обсерватории Т. М. Смирнова, дочь участницы обороны Е. Ф. Валько. В поселке Героевском (юго-западнее города) на небольшом возвышенном месте у моря стоит памятник в форме большого паруса. Это монумент героям Эльтигена, прославленного в 1943 г. десанта "Огненной земли", давшей стране 61-го Героя Советского Союза.²⁶⁹ Читатель вправе может задать вопрос: "Скольким участникам боевых действий Крымского фронта было присвоено звание Героя Советского Союза?" Ни одного. Парадоксальная ситуация: сколько было пролито крови и проявлено героизма, и ни одного воина не наградили. Дело в том, что в Великой Отечественной войне за неудачные операции обычно не награждали, а тут была целая катастрофа с фронтом, на который надеялись, укрепляли, посылали лучшие материальные и людские силы. Особенно обидно за

²⁶⁹ Щербак С. М. Боевая слава Керчи. Симферополь: 1986, сс. 97–98.

защитников каменоломен. Как-то в Керчь в 70-х гг. приехала делегация польских офицеров, им показали музейную экспозицию в каменоломнях, и старший группы сказал: "Польский народ гордится мужеством защитников полуострова Хель севернее г. Данцига в германо-польской войне 1939 г., но там польские воины и моряки держались всего несколько дней, а в Аджимушкае в полной изоляции почти полгода. Этот факт просто не укладывается в сознании".

Я уже писал, что высоко оценивали подвиг аджимушкайцев и наши враги. Но вот чиновники Министерства обороны СССР к этой эпопее проявили не только полное равнодушие, но и попытались явное и доказанное исказить и сфальсифицировать. Инициативу с награждением взял на себя Б. Е. Серман. Он будоражил общественность, несколько раз писал личные и коллективные письма в высокие инстанции о необходимости присвоить посмертно почетное звание Героя Советского Союза Ягунову П. М., Парахину И. П. к Бурмину Г. М. В ответ шли только отписки, которые, впрочем, претендовали на "серьезные возражения военно-тактического порядка". 20.06.1970 г. начальник отдела Министерства обороны генерал Бобков писал: "Отнести действия этой группы к действиям воинской части в тылу врага Министерство обороны не может, ибо ни в какие планы военного командования не входило, действия ее не планировались и по существу не проводились". Какая легкомысленная и самодовольная отписка, достойная малограмотного старшины роты, который говорит перед строем солдат: "Я сказал, что котелок "люминиевый", значит так и будет".

В конце декабря 1989 г. появилась очередная отписка заместителя министра обороны генерала Сухарева Д. Он глубокомысленно утверждал: "В районе Аджимушкайских каменоломен действовали разрозненные группы частей и подразделений, вышедших из окружения, и мирное население, которые вели боевые действия обособленно партизанскими методами". Опять старая "песня про партизан". Такое объяснение было выгодно для Министерства обороны, и поэтому уже в 1944 г. оно стало замалчивать оборону каменоломен, хотя еще в ноябре 1943 г. было опубликовано об этом стихотворение И. Л. Сельвинского во фронтовой газете. Выгодно это объяснение было и партийно-советскому руководству Крыма. Вот и состоялось переименование названия Аджимушкай в совершенно непотребное для топонимики название поселка "Партизаны". Это еще совпало с кампанией переименования всех татарских названий. Но уже хорошо было, что в декабре 1989 г. генерал признал ведение боевых действий, хотя и утверждал, что они партизанские, которыми вроде и можно бы пренебречь.

А вот еще один перл бюрократической отписки чиновника из Министерства обороны:

"Военные советы Приморской армии и Крымского фронта в то время, т. е. в период действия отряда в районе Аджимушкайских каменоломен, не ставили вопрос о награждении кого-либо из его личного состава". Какие нехорошие начальники! Они ничего не писали потому, что ничего не знали о героическом Аджимушкае, кроме отрывочных, хотя и важных, данных. Естественно, эти начальники ничего не могли знать о конце сопротивления в каменоломнях, ибо оно закончилось, когда бои шли около Новороссийска. Такие обоснования чиновников Министерства обороны следует назвать идиотски-глупыми, да еще безграмотными. Дело в том, что Крымский фронт был сразу же расформирован (19.05.), а Приморская армия к Керчи отношения не имела, ибо здесь (в Керченском проливе) оборону держала 47-я армия, входившая в Северо-Кавказский фронт. Даже газета "Правда" критиковала эти и подобные отписки: "То, что прошли десятилетия, разве это причина для отказа? Разве Брестскую крепость, области и города, наконец, людей, не награждали после войны? Мы знаем: не может быть срока давности, когда речь идет о подвигах во имя народа, о благородстве, мужестве, преданности Родине".²⁷⁰

Только при Президенте СССР М. С. Горбачеве состоялось награждение. Защитников

²⁷⁰ "Правда" от 19.06.1988 г.

каменоломен посмертно наградили орденами, а звание Героя Советского Союза никто из них так и не получил. Материал для награждения готовился спешно, достаточно не был обговорен и продуман, среди награжденных не было многих активных участников. В списке награжденных нет даже Трофименко А. И., без цитирования дневника которого не обходится ни один исследователь или писатель подземной обороны.

Я надеюсь, что история героической обороны керченских каменоломен еще не ограничится этой книгой. Почти не осталось в живых участников тех событий, но очень многие документы в России, на Украине, в бывших советских республиках, а также в Германии и Румынии ждут своего исследователя. Новое поколение исследователей уже выросло и действует. Руководство Крыма, Керчи, Керченского государственного историко-культурного заповедника, куда входит и музей "Аджимушкайские каменоломни", прекрасно понимает, какое сокровище, какой исторический объект им имеется. Благодаря им, а также прессе и другим средствам массовой информации, каменоломни стали самым посещаемым объектом города. Музей каменоломен уже много лет возглавляет Владимир Владимирович Симонов. При крайне бедном субсидировании со стороны государства, коллектив, возглавляемый им, только за последние два года выпустил два сборника о боевых действиях в Керчи и о сопротивлении в каменоломнях, которые являются отчетом музея за многие годы. Аджимушкой — это школа мужества, любви и веры в будущее.

Приложение

В этом разделе книги я и редакция решили представить читателю ряд документов, найденных в разные годы в Центральных каменоломнях, а также интересные воспоминания активного участника обороны Немцова Н. Д. Все они интересно рассказывают о борьбе и жизни подземного гарнизона. Утраченные слова в текстах документов, которые легко угадываются по смыслу, помещены в скобки. Документы №№ 1–2 найдены в каменоломнях в 1943–1944 гг. Они попали в Центральный архив Министерства обороны.

Документ № 1. Сведения о приходе и расходе воды за 21.07.1942 г.

Приход						
Колодец № 1	Колодец резерв	Остатки от 20.07	Итого			
70	—	66	136			
-	252	40	292			
70	252	106	428			
Расход						
Кухня	Подразделения	Прачечная, баня	Склад № 1	Склад № 2	Итого	Остатки на 21.07
Наличие склад						
-	103	—	103	33	500	
231	—	21	—	—	252	810
231	103	21	—	—	355	1310

Начальник водоснабжения каменоломен старший политрук Горошко Н.

Все эти сведения написаны очень аккуратно, числа в каждый день, естественно, менялись. Всего в ЦАМО РФ сохранилось таких ведомостей за 11 дней с 14 по 31.07.1942 г. Текст сохранился неплохо, кое-где числа утрачены, но таких мест немного. В каких единицах объема учитывалась вода, не сказано, скорее всего, в литрах.

Документ № 2. Акт

1942 г. 8 сентября. Мы, нижеподписавшиеся, начальник госпиталя № 1 Петру/инов/, комиссар госпиталя Метлов И. /составили/ настоящий акт, что сего числа произвели изъятие ценностей у находившегося в бес сознании военфельдшера Чентимирова. Изъято:

1. Деньги 1 050 р.
2. Часы карманные исправные.
3. Часы ручные двое (немецкие).
4. Бин/окль/ один
5. Бритвы — три.

Такие документы составлялись с целью пресечения мародерства среди личного состава. Данных на Чентимирова найти не удалось. Судя по фамилии, он был с Северного Кавказа.

Документ № 3.

Заметка из сохранившегося боевого листка.

§ 36.

30 июля сего года командир Малуха Е. Е. задержал неизвестного, пытавшегося засыпать выходы. По документам установлено, что им оказался бывший красноармеец 835-го стрелкового батальона Рубан И. Н. За отличное несение службы лейтенанту Малуха объявляю благодарность. Начальник оборонительного участка каменоломен Бурмин, комиссар штаба...

Это выписка из "книги приказов", которая велась в Центральных каменоломнях. Фашисты использовали пленных советских военнослужащих для рытья шурфов с целью взрывов, а также для засыпания амбразур и выходов из каменоломен. Вот таким и был Рубан И. Н. из 835-го стрелкового батальона. Такого на Крымском фронте не было. В документе ошибка, надо было написать "835-го отдельного строительного батальона", который был и входил в 44-ю армию. О Малухе Е. Е. сведений нет. В приказах при оформлении §§ идут с первого, второго и т. д., а здесь § 36, что говорит о том, что в Центральных каменоломнях велась подробная "книга приказов". Этот документ хранится в экспозиции Областного краеведческого музея в Симферополе, найден в Центральных каменоломнях поисками в 60-х гг.

Документы с № 4 по № 7 найдены в Большом завале Коноваловым С. С. в 1987 г. В настоящее время они хранятся в фондах Керченского музея.

Документ № 4.

Аттестационный лист

*/На п/присвоение очередного воинского звания на слу/шателя/
... КУКС (отделения командиров рот) /Лейте/нанта Рогового Ивана Моисеевича...
... времени в РККА с 1 октября 194... присвоения предыдущего воинского...
/Социальное по/ложение — служащий. /Парт/ийность — беспартийный /Обра/зование
гражданское-высшее.*

военное — высшая в нев... товка при Ленингр

...с/х институте... ремя... командир дол...

Краткая служебная характеристика... Рогового И. М. предан делу партии Лени/на-Сталина/...и Соц. Родине. Идеологически устойчив... боев... обороне восточной окраины Керч.... в 1-м /запас, полку/ Крымского фронта. В боях... Крым.... должности командира роты мужествен-... немецко-фашистскими оккупантами... /прави/ тельственной награде ордену... ях за К/рым/ был ранен, /находясь/ в окружении в Ад... ноломнях... /достойн /очередного воинского

... старший...

/Коман/дир 2-го б-на 1-го удар/ного п/олка... М...

Военком 2-го б-на 1... полка политрук Московкин.

Как видим, документ читается только удовлетворительно, но основное содержание понятно. Роговой И. М. числился слушателем КУКС, это курсы усовершенствования командного состава. Во фронтовых документах они, очевидно, проходят как "курсы

младших лейтенантов". В составе 1-го запасного полка он воевал на восточных окраинах Керчи в должности командира роты и за героизм, мужество был представлен к ордену (какому точно, мы не знаем, ибо часть текста утрачена). Для новичка, только что попавшего на фронт, эти действия Рогового И. М. особо замечательны. Затем он также хорошо воевал в Аджимушкских каменоломнях, за что был представлен к званию "старший лейтенант". Для нас интересны подписи начальников. Обратим внимание, что документ подписан командиром 2-го батальона 1-го ударного полка. Из воспоминаний Шайдурова С. С. читатель должен помнить, что этот "полк" состоял из командиров и политработников резерва Крымского фронта и, как боевая единица, существовал всего несколько дней. Значит, и этот документ относится к началу обороны каменоломен. Фамилия командира не сохранилась, но военного комиссара, политрука Московкина, читается хорошо. Соколов В. М. установил, что Московкин Степан Федорович родился в 1916 г. в с. Краснояр Бургинского района Чкаловской обл. (сейчас Оренбургской). На Крымском фронте состоял в распоряжении начальника курсов младших лейтенантов. В г. Орске удалось найти его жену Парамонову Анну Степановну. Она сообщила, что Московкин С. Ф. в 1939 г. закончил Орское зенитно-артиллерийское училище, служил в Баку, пропал без вести в Керчи.

Документ № 5

... тов/арищ Путин Ма/лахий/ Антипатрович показал себя... как муж/ественный/ и хла/днокр/овный командир в оже/сточенных/ боях с немецкими фашистами в период с 1... по 19 мая 1942 г. по обороне Колонки... Перв/ом — ударном полку Бурмина... в боях по /обороне/ Аджимушкских каменоломен. Товарищ /Пу/тин, командуя батальоном, им же сформированным в течение нескольких дней, заде/ржал про-движ/ение нескольких фашист... прикрывая переправу / наши/х войск. При наступлении... танков лично под/бил два немецких танка. В момент выхода из окружения тов. Пугин сме/ло вел батальон и вывел его из окружения, соедин/ив-шись с / гарнизоном каменоломен.

В трудные дни жизни в каменоломнях, когда... захватил наружные колодцы и оставил без воды гар/низон/ Путин, командуя ротой, ночью сделал с... поло... занял ротой оборону и в течение... д... наступление немецких фашистов, брать из колодцев воду.

При ночной вылазке для обеспечения ра... смело вывел роту через ам/бразуру/... немецких автоматчиков, обеспечив выход ро... вылазке тов. Путин был ранен.

... При пуске дыма тов. Путин, как верный сы/н/ Социалистической Родины, не оставил камено/ломен/... в плен немецким фашистам, как это сд/елали изменни/ки Родины, сдались в плен.

Тов. Пут/ин, стой/кий и мужественный командир, до конца предан партии Ленина-/Сталина/ и Социа/листической/ Родине — достоин награждения вы/сшей правительст/венной награ/дой Орденом Ленина.

В этом документе почти все понятно. Из содержания видно, что Путин М. А. сражался под командованием подполковника Бурмина Г. М. на заводе Войкова, командуя батальоном, и позже прорвался в Аджимушкские каменоломни. При обороне подземной крепости показал себя положительно во время боев за колодцы и при этом был ранен. Судя по воспоминаниям Тюлева В. Г. (из д. Ковшово Сусанинского сельсовета Ленинградской обл.), "старший лейтенант Путин из Сибири" в самом начале обороны каменоломен был ранен в ноги, и его пришлось снести в подземный госпиталь. В найденном документе этот факт тоже зафиксирован. Так что, видимо, 5.07 во время вылазки, после которой погиб Ягунов, Путин М. А. был ранен вторично, что и нашло отражение в "книге назначений врача".

Документ № 6. Приказание

Командирам рот Нач. Ш. б-на приказал

3.07.42 свести в одно место группу ст. пу/леме/тчиков, в другую группу ручных пулеметчиков и 3 группу автоматчиков. С целью проведения занятия специалистом с боепитания. Матчастью для занятия обеспечивает командир роты. Начало занятий в 9.30 Н. Ш. б-на Л-т Скрыль.

Этот документ говорит о подготовке операции, после которой погиб Ягунов П. М. Лейтенант Скрыль неизвестен. Здесь, видимо, идет речь о капитане Скрыль И. С., о котором я уже писал. В документе могли просто неправильно прочитать воинское звание.

Документ № 7.

Протокол закрытого партийного собрания от 18.07.1942 г.

Укрепленный район.

Присутствуют члены ВКП(б) — 10. Кан. в чл. ВКП(б) — 1.

Председатель собрания — т. Лодыгин, секретарь — т. Норбей. Повестка дня:

О задачах продовольствия в условиях вражеского окружения. Докладчик — т. Лазорин.

Слушали: доклад Лазорина. В основном с задачами продснабжения мы справляемся удовлетворительно, особенно в последнее время. В недавнем прошлом были задержки со снабжением водой, по этой причине был случай недодачи 200 гр. воды на человека. Было время, когда на кухне оставались большие остатки. Это происходило из-за отсутствия весов. С установлением на кухне весов и выдачи пищи по весу недоразумения и разговоры о недостатке пищи ликвидированы. Факты подозрения со стороны бойцов, отдельных командиров и политработников (причем необоснованные) все же продолжают иметь место. Если мы иной раз и выдаем двум-трем лицам (при условии наличия остатков), то это с ведома руководства участка. Нужно ликвидировать хождение по кухне работников, которые не заняты на работе. Руководство батальонов и рот допускает задержку в получении пищи и нарушает наш график работы. Сегодня 12 рота задержала получение чая на 2 часа...

Далее текст почти не читается, только разбираются отдельные слова.

Слушали: Колесников (две строки читаются плохо)... стоит вопрос об увеличении количества воды. Вода необходима для стирки белья, ибо надо менять белье личному составу. Многие не меняли белье уже более двух месяцев, завелись вши. Борьба с этим злом — неотложная наша задача. Тов. Горошко, нужно взяться, как следует, за выполнение этой задачи. Второе — обеспечение дровами кухни. Партизаны должны помочь нам в этом деле. Порядок на кухне необходимо еще больше улучшить, это избавит от клеветы.

Лодыгин. Срок пребывания нас не ограничен, не исключена возможность и длительного пребывания еще до 2-х месяцев. Это вызывает необходимость добывания продуктов партизанским способом. Надо отбивать продукты от врага. Во всех подразделениях вопрос обсуждался раньше на партсобраниях и общих собраниях бойцов. Продовольственники, особенно коммунисты, не должны быть в стороне, а стать застрельщиками этого дела. Основное для нас — хлеб. Вопрос о воде с повестки дня не снят. Решение партсобрания по этому вопросу не полностью выполнено. Вопросы сохранения колодцев не решен. Второй колодец врагами завален. Мы не гарантированы от завалов и других колодцев. Имеющаяся тара до сих пор не занята водой. Нужно в течение недели обеспечить водой полностью и прекратить по этому вопросу рассуждения. Серьезный вопрос о дровах. Прекратить приготовление пищи на кухне мы не можем по условиям нашей катакомбы. Товарищ Норбей и Селезнев должны выявить наличие дров в катакомбе, чтобы мы могли знать, на что рассчитывать. В разрешении первых задач партизаны также должны участвовать, зная улицы деревни и складские помещения.

Желтовский. Наша задача почетная, и мы должны ее выполнить. Условия для добывания продуктов у нас очень сложные, но возможные. Всякая трава имеет витамин "С". Щерица и лебеда у нас растет под самыми амбразурами. Нужно заготавливать эти

травы, а также зеленой кукурузы и другой зелени неограниченное количество. Это сохранит крупы и вообще все наши продукты... (далее оборвано)...

Лебеда и другая зелень имеет большое значение в увеличении питания и даже лечении. Вопрос с солью у нас очень тяжелый, есть случаи, когда отдельные командиры меняют 50 гр. сахара на мизерную долю соли. Следующий вопрос — замена жиров на свет другими видами освещения. Стирка и замена белья — важное и серьезное дело. Необходимо в наших условиях продумать вопрос дезинфекции белья. Одна стирка не дает того, что даст дезинфекция и стирка. Вся имеющаяся тара должна быть залита и как можно быстрее. Вопрос об использовании лебеды нужно держать в секрете, чтобы коварный враг не узнал раньше, чем мы используем лебеду, и не отравил ее. Поэтому вопрос бдительности — очень большая задача. А тов. Горошко допустил в качестве /работника/ человека, который трусил перед врагом и порвал свой партбилет.

Горошко. В снабжении водой я был новый человек и мне трудно было... (Далее текст оборван.)

В комментариях этот документ особо не нуждается. Все упоминаемые лица известны, за исключением Лазорина. Этот участник до сих пор не раскрыт, а он, похоже, был в этот момент начальником продовольствия, ибо Пирогов А. И. с этой должности был снят за нераспорядительность. Интересно выступление Желтовского В. И., который ориентировал коллектив на добычу "подножного питания". По сообщению Ильясова С. Ф., в последней группе аджимушкайцев велись разговоры, что Желтовский в каменоломнях в конце обороны организовал даже централизованное заготовление крысиного мяса. Это говорилось с некоторым юмором.

С автором нижеследующих воспоминаний Николаем Дмитриевичем Немцовым из пос. Гольма города Горловки Донецкой области на Украине я познакомился в конце мая 1967 г. во время проведения военно-исторической конференции в Керчи. Но от этой короткой встречи у меня о нем не осталось никаких особых впечатлений. Позже, когда мы с ним начали регулярно переписываться, я понял, что Николай Дмитриевич не только активный участник подземной обороны, но и человек, прекрасно владеющий пером, грамотно и даже художественно излагающий свои воспоминания и мысли. Тогда я попросил его "для истории" написать свои воспоминания, что он и сделал, отпечатав свой текст на машинке в нескольких экземплярах.

Немцов Н. Д. после окончания средней школы в августе 1940 г. был направлен учиться в Краснодарскую авиационную школу на штурмана-бомбардировщика. Здесь он учился до мая 1941 г. После этого его эскадрилью перевели в г. Ярославль в военную авиационную школу стрелков-бомбардиров, куда они: выехали 6 мая. В Ярославле курсанты занимались до сентября 1941 г., после чего их учебный аэродром заняло боевое авиационное соединение, а школу перевели на станцию Чердаклы Ульяновской области. Здесь учились до марта 1942 г. и сдали экзамен по специальности. По приказам того времени, курсанты летных школ выпускались сержантами-летчиками для боевых полетов на бомбардировщиках. Приказ о присвоении званий был направлен в Приволжский военный округ, но он был, видимо, не подписан из-за недостатка в нашей армии бомбардировщиков. Всех бывших курсантов направили в г. Грозный для переподготовки на новой материальной части, куда они прибыли в начале апреля. Но и здесь курсанты оказались лишними. В середине апреля их отправили в военные лагеря г. Прохладное, где они начали подготовку для стрелковых подразделений. Убедившись в хорошей военной подготовке (бывшие курсанты прекрасно знали стрелковое оружие), их срочно стали готовить на Крымский фронт для формирования пулеметных и минометных подразделений. Через Анапу, Тамань в самом конце апреля бывшие курсанты прибыли в Керчь.

Немцов Н. Д. хорошо помнил своих товарищей по Ярославской школе и позже по борьбе в каменоломнях. Это обстоятельство заставило меня искать других курсантов. Но это можно было сделать успешно, опираясь на архивные документы. К сожалению, в Центральном архиве Министерства обороны документальный фонд Ярославской военной

авиационной школы стрелков-бомбардиров отсутствовал. Но все же каким-то чудом сохранились денежные ведомости курсантов за январь 1942 г., где отражены звания, фамилии к инициалы. (Оп. 890089, д. 1). Опираясь на воспоминания Немцова Н. Д. и на некоторых других оставшихся в живых его товарищей из курсантов, мне удалось установить фамилии около 700 курсантов-ярославцев. Конечно, далеко не все они попали в каменоломни, но денежные ведомости дали возможность поставить поиск этих людей на вполне научную основу. Они помогли и оставшимся в живых курсантам восстановить свою службу в армии.

Воспоминания Немцова Н. Д. Часть I

От переправы через Керченский пролив у нас осталась яркая картина: абсолютно тихий, безветренный вечер, очень много света от воды и от голубого неба и. словно купаясь в лучах заходящего солнца, мирно урча в синеве, барражировал над проливом истребитель. На фоне этого, по-мирному сочного красками вечера, на фоне бирюзы пролива и по-детски игрушечного И-16, на горизонте мрачно вырисовывался крымский берег, над которым висела, именно висела, а не двигалась, зловещая черная туча, словно хищная птица распростертым крылом накрывала свою жертву.

В этот момент мы не могли предполагать, что эта черная туча одним крылом зацепит нас, ввернув в пучину кровопролитных сражений, в пучину страшных лишений и жестоких, нечеловеческих испытаний.

Переправа прошла без каких-либо происшествий, и в кромешной темноте наш транспорт пришвартовался у причала завода им. Войкова, как информировал нас замполит, а сейчас, мол, пойдём в Керченские каменоломни. По прошествии 30–40 минут после высадки, через довольно-таки широкий проход мы вошли в ярко освещенное подземелье. Когда нас завели поглубже, перед нашими изумленными взорами предстали: комнаты, комнатичи и целые залы, разгороженные между собой дощатыми перегородками, вдоль которых, копясь в своих немудреных солдатских пожитках, люди готовились ко сну. Нам отвели пустующее место и приказали располагаться на ночлег. Пища будет завтра утром.

Так состоялось наше первое знакомство с Центральными Аджимушкайскими каменоломнями, ставшими для нас вскорости и родным домом, и нашей крепостью. В этих каменоломнях все для нас было необычным: и их боевая слава прежних сражений, и очень давние, а порой и загадочные, надписи на стенах, выведенные коптящим пламенем, и их необычные размеры — нам рассказывали старожилы каменоломен, что они занимают площадь 4 кв. км, имеют подземные сообщения с дальними поселками и даже с Феодосией.²⁷¹ Только для этого где-то за Керчью надо выйти на поверхность, пройти с километр, а затем снова спуститься под землю. Потом уже, будучи солдатами подземного гарнизона, в свободное от вахт и занятий время, мы настойчиво искали этот проход, чтобы в одно прекрасное время увести гарнизон в старокрымские леса.

Так мы, половина 1-й эскадрильи, попали в резерв главного командования Крымского фронта, а вторая половина, на два дня позже прибывшая в Керчь, была направлена на передовую, но по пути, ночью, в районе села Марфовка, напоролась на немецкий десант и была уничтожена, так как никто не имел оружия. Об этом нам рассказал позже наш курсант Володя Волощенко, чудом вырвавшийся из того котла и прибывший 15 мая в каменоломню грязный и оборванный, но вооружившийся по пути до зубов: автомат наш, автомат

²⁷¹ Это, конечно сильное преувеличение, но на Керченском полуострове, как и вообще в Крыму, каменоломен действительно много, они разбросаны на небольшой глубине под поверхностью и не связаны друг с другом.

немецкий, в кармане "Вальтер", за поясом гранаты и в противогазной сумке гранаты.²⁷²

Судьба наша, в лице командования резервом фронта, не решаясь нас, авиаспециалистов, использовать по другому назначению, даровала нам недели две абсолютно праздной жизни, которую мы употребили в основном на детальное исследование каменоломен, с перерывами на принятие пищи, просмотр кинокартин и сон. Так что к моменту боевых действий в Аджимушкае мы уже довольно сносно ориентировались в подземелье.

Вечным безделье не могло быть. После прорыва немцами на Керченском перешейке линии фронта наши соединения начали отход к Керчи. Через Аджимушкой к переправам Керченского пролива двигались бойцы, грязные, измученные проливными дождями, непрерывными ожесточенными боями и еще безнаказанным хозяйничанием в небе немецкой авиации.

К 9 мая 1942 г. штаб Крымского фронта перебазировался в Центральные Аджимушкойские каменоломни, располагаясь на центральной галерее со стороны Царева Кургана, недалеко от трактора, который крутил генератор, освещавший каменоломню.

Из нас, бывших курсантов авиаучилища, сделали два взвода: минометный и пулеметный — и влили в состав батальона охраны штаба Крымского фронта, в котором мы и пробыли до 13 мая. Еще находясь в наряде днем 13 мая, мы видели, как штабные работники, спеша, освобождали сейфы от бумаг: часть их сжигали, а часть укладывали в чемоданы и большие портфели. 13 мая вечером мы сменились и, так как сутки не спали, то быстро уснули. Среди ночи были подняты по тревоге и получили приказ двигаться к переправе, а к какой, никто толком не знал. Штаб к тому времени с дежурной ротой переправился на Кубань. Так к утру 14 мая мы были у поселка Опасное, где увидели неприглядную картину: все побережье пролива было забито солдатами, техникой и вывезенным, брошенным военным имуществом. Как авиаторы, чувствуя, чем все это с восходом солнца станет для немецкой авиации, мы отошли назад в место, где во время налета можно будет укрыться. Что здесь началось через полчаса... Под бомбами немецкой авиации горели автомашины, горели люди. Вой пикирующих самолетов, разрывы бомб, крики раненых, изувеченных и горящих заживо людей, ружейная стрельба по самолетам каким-то кошмаром висела над проливом. Предвидя это и своевременно предприняв необходимые меры, мы со стороны наблюдали это массовое избиение людей. Когда первая волна бомбардировщиков отошла, какой-то майор начал организовывать людей хоть для какой-то обороны. Но люди, обуянные животным страхом, в панике бежали к проливу, пытаясь плыть на противоположный берег. Посоветовавшись между собой, мы решили, что наше место не здесь, а в Аджимушкае. Кто-то сказал, что, когда еще сражается Севастополь, уходить нам из Крыма стыдно, а если кто из нас кретин, то пусть лезет в воду пролива, и он из своего миномета поможет ему уйти к своим праотцам. Без лишних разговоров решили возвращаться в Аджимушкой, где и были часов в 11 дня. При подходе к Аджимушкаю попали под бомбежку, но отделались дешево, без потерь.

В каменоломнях, пока часть наших ребят вела торг с работниками военторга о продуктах, нам рассказали, что утром под Аджимушкаем, на аэроклубном аэродроме, был Маршал Буденный С. М., передавший приказ Сталина: "Ни шагу назад из Керчи!" Оборона каменоломен уже готовилась, и мы сходу влились в нее, так как имели и своих командиров, и при себе оружие: станковые пулеметы и ротные минометы. В два часа пополудни со стороны Камыш-Буруна, с горы Митридат в Керчь вошли первые цепи немцев. Наша линия обороны располагалась по окраине села Аджимушкой со стороны Керчи, потому что враг

²⁷² Речь идет о группе курсантов-ярославцев, брошенных в бой на Турецком валу около Марфовки. В то время было широко распространено мнение, что это был десант немцев с воздуха, хотя, как я уже писал, это были передовые немецкие части. Бывшие курсанты были вооружены стрелковым оружием и, как я уже писал, прекрасно себя показали в бою. Правда, отходили они неорганизованно. Имя Волощенко И. Д. Немцов называет неправильно, что он позже и признал: "В действительности его звали Анатолием".

должен был подойти именно с той стороны. В наступивших сумерках вечера под 15 мая 1942 г. на околице Аджимушкая мы вошли в соприкосновение с немецкими автоматчиками. С этого времени начинается период активной наружной обороны каменоломен, а точнее — подступов к переправам Керченского пролива. Начался период борьбы за солнце, за воду, за маленький клочок родной земли.

Начиная с 15 мая и до 24 мая, село по несколько раз в день переходило из рук в руки: то под огнем вражеских танков мы откатывались под землю, то после отхода танков общей атакой из каменоломен снова забирали село, выбивая автоматчиков с чердаков. Но ночью хозяевами в селе всегда были мы. В первые дни обороны мы слышали артиллерийскую канонаду со стороны пролива, и особенно ожесточенные бои шли на заводе им. Войкова и в прилегающем к нему поселку. В первые дни немцы на нашем участке обороны применяли артиллерию, одиночные танки, крупнокалиберные пулеметы и ротные минометы. А после артиллерия перестала по нам бить, по зато во много раз плотнее стал минометный огонь. Бои были настолько непрерывные и ожесточенные, что подумать о еде и отдыхе просто было некогда. Да и кушать, собственно, было нечего: хлеба совсем не было, а была вначале в изобилии керченская сельдь, и копченая и соленая, но очень мало было воды, а после и она кончилась.

Как я сказал выше, в оборону каменоломен мы влились сразу же. Когда после обеда 14 мая мы получили приказ занять линию обороны над каменоломнями и заняли ее, то поняли, что организацией и подготовкой линии обороны руководит какое-то одно лицо, а не стихийно собравшиеся люди. К нашему приходу были уже открыты окопчики для станковых пулеметов и их расчетов, одиночные окопы для бойцов и целые траншеи. Вначале линия обороны проходила впереди села Аджимушкай и по его сторонам, справа и слева (если смотреть на Керчь с Аджимушкая). Пулеметные огневые точки находились на Царевом Кургане, на церкви²⁷³ и несколько по возвышенностям, недалеко от линии входов в каменоломни. Меня с пулеметом расположили недалеко от центрального выхода из каменоломен, недалеко от лаза, ведущего к трактору, дающему электроосвещение каменоломням. Вторым номером мне определили нашего курсанта Ивана Скибина, высокого веснушчатого и какого-то неуклюжего парня, родом, где-то, из-под Харциска Донецкой области. Потом его почему-то не стало, а были Леша Чернышев и Шевченко (не помню, откуда он родом),²⁷⁴ были помощники и из других подразделений. Будучи первым номером станкового пулемета, естественно, чаще всего моя огневая точка находилась несколько сзади передних цепей защитников и несколько выше их, чтобы было видно и удобно бить по огненным точкам противника и по его очагам сопротивления. В первый день битвы у Аджимушкая, т. е. 15 мая, я не мог сориентироваться в обстановке боя, резко провести черту между нашими и вражескими позициями. На первый взгляд получался какой-то хаос, неразбериха, наконец, как будто отсутствие единого руководства боем. Но после присмотрелся и прекрасно понял — было и единое руководство, была и единая линия обороны. В первые два дня обороны всеми силами немцы стремились ликвидировать наши огневые точки и очаги сопротивления на Царевом Кургане, на церкви и в их окрестностях. Так что в первые два дня я был в привилегированном положении против других: за это время я ни разу не сменил свою огневую точку. Только и разворачивался то на Царев Курган, то на

²⁷³ Речь идет о Царском Кургане, который находится в 200–250 м от каменоломен. Церковь в Аджимушкае находилась у старого кладбища, недалеко от каменоломен, рядом с памятником партизанам 1919 г. После войны ее развалины были ликвидированы, и на этом месте был летний кинотеатр.

²⁷⁴ Скибин Иван М. числится в курсантском подразделении, где был Н. Д. Немцов. Здесь же есть и Чернышов Алексей Николаевич, 1922 г. рождения, из Астрахани. Он был другом Немцова, страстный любитель петь и бороться. В пос. Трусово г. Астрахани удалось найти его мать Таисию Яковлевну и брата Василия. Во время боев у колодца 19–20 мая был ранен, умер после августа 1942 г. в каменоломне. О курсанте Шевченко данных нет.

церковь. Необходимо было автоматчиков отсекал от танков, не давать им возможности просачиваться близко к нашим позициям. А после падения Царева Кургана и церкви немцы начали сжимать кольцо окружения, и к 20 мая каменоломни сражались в окружении, но проволочных заграждений немцы не делали до конца месяца, до времени, когда нас окончательно загнали под землю и 24 мая пустили газ.

Первые два-три дня летчиков, как нас здесь называли, судьба хранила — потерь среди нас не было. Пули как бы щадили нас. Первым мы потеряли Колю Корнейчука, родом из-под Бердичева, белоголового, лобастого, удивительно спокойного, душевного и всеми любимого хлопца. Его снял вражеский снайпер. За Колей погиб наш певун и гитарист Всеволод Фомин из Перми или Кирова. Как он пел романсы под аккомпанемент гитары!.. Затем во время очередного отхода под землю у самого входа в каменоломню у "Сладкого" колодца осколок мины настиг Яшу Абрамова, родом из Астрахани. Ночью было относительное затишье, и мы его использовали для поиска своих товарищей. Под утро в одном из подземных госпиталей на носилках нашли Яшу, раненого в надбровье — над глазом был вырван кусок кости. Мы его утащили в расположение своей роты, где он умер числа 22 мая утром. Остальных ребят не нашли. Затем контузило меня, за мною в обе ноги был ранен Миша Серкин, родом со станции Михайловка Сталинградской области.²⁷⁵

После первых нескольких дней обороны, в основном с потерей церкви, в рядах защитников каменоломен незаметно появился внутренний, но очень опасный враг — у защитников иссякли запасы воды, а ее источники находились под постоянным огнем противника. В то время в каменоломнях было более 10 тыс. бойцов и командиров, три больших госпиталя из тех, что не успели эвакуироваться, да прибавились наши раненые и плюс все гражданское население Аджимушкая — женщины, дети и старики с домашним скарбом и скотом. Вся эта масса людей просила пить и только пить. К тому времени установились на редкость очень жаркие дни, и нехватка воды становилась с каждым днем ощутимей и опасней. До этого воду мы брали из двух колодцев, расположенных в районе церкви, метрах в 20-и от входов в подземелье, но после 29 мая кольцо окружения сжималось все туже. Церковь мы не могли отбить у немцев, и они на колокольне посадили пулеметчика и снайпера, державших колодцы под постоянным обстрелом, и воду теперь приходилось добывать иногда ценой собственной жизни. Вода добывалась следующим образом: для вытаскивания воды из колодца приспособили длинную веревку, на обоих концах которой было привязано по ведру, а на колодцах в то время были блочки. И вот из каменоломен вырывается боец с ведром на конце веревки, подбегает к колодцу, набрасывает на блочок веревку с ведром и бежит зигзагообразно назад в подземелье. Другой боец, находящийся в каменоломне, распускает веревку, набирает ведро воды в колодце и по блочку подтягивает его к срубам. Следующий боец выскакивает из каменоломни с другим пустым ведром на другом конце веревки, подскакивает к колодцу, выхватывает из колодца ведро с водой, а пустое набрасывает на блочок и с водой бежит в каменоломню. И все начинается сначала. Не

²⁷⁵ Корнейчук Николай Калистратович был убит в бою, когда Бурмин с завода Войкова прорывался в каменоломни. По словам Немцова, это "был наш Лобачевский с большим прямым лбом". Всеволод Александрович Фомин, по рассказу в письме Немцова, был убит в бою прямо в голову, когда он поднялся из окопа с целью его немного поправить, углубить. В каменоломню его унесли чужие, и позже курсанты его труп не смогли найти. На мою публикацию в журнале "Вокруг Света" о курсантах-ярославцах откликнулись школьные товарищи Всеволода Фомина — Лучников А. В. и Обухов И. Ф. Они сообщили, что в 1939 г. после окончания средней школы на станции Просница Кирово-Чепецкого района Кировской области он поступил в сельскохозяйственный институт на ветеринарное отделение, однако его призвали в армию, в школе был отличным футболистом. Его мать, Фомина Елена Ивановна, была заведующей детским садом, умерла где-то на юге в 1943 г. Была у Всеволода и невеста Казаковцева Валентина Васильевна, работала в школе затем секретарем райкома комсомола, затем уехала в Молдавию. Яков Дмитриевич Абрамов, 1923 г. рождения, был ранен у входа в каменоломню около колодца 18 или 19 мая. В госпитальных документах говорится, что он умер 1.06.1942 г. Серкин Михаил Петрович был ранен в обе ноги автоматной очередью, лежал в госпитале. Последняя дата 15.08.1942 г. На станции Михайловка найдены его родственники.

у всех счастливо кончалось — много их оставалось лежать у колодца, так и не получив глотка живительной влаги. Когда начинали брать воду из колодцев, немцы открывали бешеный огонь по церкви. Явно, что водой, добытой такой ценой, напоить всех не могли, и бойцы по собственной инициативе обследовали глубинные участки каменоломен в поисках воды. И такой источник внутри каменоломен был найден — это было стоячее озеро воды, просачивающей через толщу потолков и собирающейся в одном месте. Это было в глубине каменоломни между вторым и третьим батальонами. Дня через два эта вода была выпита и выбрана вместе с илом.

Пусть читающие эти строки простят меня, что, не рассказав еще толком о других событиях тех дней обороны Аджимушкая, я сразу приступил к описанию добывания воды. Да! Это так! Отсутствие воды, жажда — это был наш враг № 1, который иссушал, испепелял защитников больше, чем непрерывные бои. Жажда настолько мучила человека, изнуряла его, что он как-то глох, голос становился писклявым и скрипучим, язык разбухал и становился словно войлочный. Но мы все же были ходячие. А что испытывали раненые?! Когда возникла особо острая ситуация с нехваткой воды, когда выяснилось, что централизованно напоить всех невозможно, то раненых распределили между здоровыми и ходячими ранеными. Каждый здоровый обязан был своему раненому товарищу в сутки достать флягу воды. Моим подопечным был Миша Серкин. Теперь в перерывах между атаками, а в основном это ночью, необходимо было позаботиться не только о себе, но и о своем раненом товарище, т. е. надо было добыть почти две фляги воды. Точно не помню, то ли 22, то ли 23 мая, при поддержке танков, немцы загнали нас под землю и забросали колодцы камнями и трупами. Горстка автоматчиков, оставленная наверху, в основном вдоль выходов из каменоломен, не могла, конечно, помешать черному делу врага. Так мы остались без основных источников воды. Но в каменоломнях, в основном в районе второго батальона (это где находился подземный колодец), было много мест, где с потолков капала вода. Вначале бойцы, выделенные по 2–3 человека из подразделений, собирали ее в баночки из-под консервов. Но когда можно было дожидаться такой воды?.. Тогда этих собирателей разогнали, и воду со стен начали сосать. Для этого в ракушечнике делалось маленькое отверстие, на рот накладывался кусочек марли, и начиналось сосание, маленькие капли воды попадали в рот. За одним приемом глотаешь воду, за другим — выливаешь во флягу. Но чем дальше, тем ограниченность во времени и страшная жажда заставляла отказаться от марли, отчего почти у всех бойцов подбородок, губы, нос и лоб были порезаны об ракушечник. Позже эти порезы мы шутя называли подземными пропусками, по порезам мы безошибочно определяли своих. Между прочим, уже после газовых атак два провокатора и были в основном разоблачены своими чистыми губами. Под конец наружной обороны каменоломен этот способ вододобывания кто-то усовершенствовал: отверстие шомполом делали глубиной сантиметров 5–6, вставляли в это отверстие резиновый шлангчик из телефонного или электрокабеля, обмазывали глиной или грязью, а другой конец опускали во флягу или бутылку. Горлышко фляги со шлангом зажималось большим и указательным пальцем левой руки. Потом, прикладываясь губами, из фляги отсасывался воздух, а в нее короткой струйкой бежала вода или капала — это зависело от силы легких хозяина. Таким способом не более как за 15 минут насасывалась фляга воды, а потом можно было съесть рыбину и пососать воды себе. Таким способом добывание воды просуществовало до того времени, пока под один из колодцев была пробита штольня и воду начали качать пожарным насосом.

Но беда одна не ходит, прибавилась еще — кончились медикаменты. Раненых было нечем перевязывать. На перевязки шли простыни, нательное белье и другие материалы. Наши ребята, рыскавшие вокруг каменоломен, обнаружили в одном карьерчике (большая лощина) брошенную санитарную машину с большим запасом медикаментов. Решено было незаметно подкатить ее к центральному входу, а потом под прикрытием пулеметного и ружейного огня втащить ее в подземелье. Это было с успехом проделано. Раненых поступало так много, да плюс оставшиеся неэвакуированные, что встал серьезный вопрос об их кормежке. На первых порах для раненых было все, кроме хлеба — его не было где испечь. В

тот же день бойцы соседнего подразделения в карьере, совсем недалеко от центрального входа, обнаружили брошенную походную пекарскую печь на резиновом ходу. Было приказано любой ценой втащить ее в подземелье. Ко мне подполз парень и вкратце рассказал в чем дело: когда эту злополучную печь с лощины выкатят на бугор перед центральным входом, сразу же необходимо мне сильным огнем накрыть немецкий крупнокалиберный пулемет, расположенный за каменной оградой Царева Кургана, иначе он наделает много беды. Но беда пришла с другой стороны: когда платформу с печью вкатили на бугор, а потом с гиком и свистом спустили ее прямо к центральному входу, поняли, что печка наша не лезет в подземелье по ширине — мешали боковые пристройки для пекарского инструмента. Что же делать? Печь закрыла центральный вход, а немцы в это время взбесились: с чего только могли обрушили огонь на маленький клочок земли. Казалось, еще мгновение — перекаленная земля вспыхнет. Сзади меня, со стороны церкви, подходил немецкий танк и уже прицеливался к моему бугорку. Пока я еще на своем месте мог держаться и огрызаться, кривые подкрылки печи начали чем попало рубить, бить и минут через 20 печь со скрежетом железа о боковые стенки каменоломни втащили в подземелье и торжественно установили в боковой галерее, правее центрального прохода, метрах в 15-и от выхода. На другой день раненые получили по небольшой порции свежего хлеба, испеченного наподобие высоких лепешек. Этот день в шутку называли хозяйственным днем. Перебирая в памяти те 9 или 10 дней боев за село Аджимушкай, я не могу вспомнить в памяти ни одного дня светлым или солнечным, хотя солнце пекло немилосердно, а с левой стороны за Царевым Курганом так соблазнительно выступала синева Керченского залива. Земля, поднятая взрывами мин и снарядов, и тучи газов тротила плотно закрывали небо, создавая впечатление сумерек, как в день затмения солнца. Казалось, что можно разобрать в этом хаосе из пыли, взрывов и криков?.. В общей сумятице и грохоте боя явственно различаю усиливающуюся автоматную трескотню у одного из домов. Вскорости там начали квакать и взрывы мин. Ох, уж эти мины — сколько их было выпущено на нас?.. Оказалось, группа бойцов подползла к крайним домам с целью убрать с чердаков автоматчиков, но были немцами преждевременно обнаружены и кинжальным огнем прижаты к земле у палисадника. Казалось, уже конец, и вырваться из этого огневого смерча нет никакой возможности. Автоматически поворачиваю пулемет, подправляю прицел и начинаю короткими очередями бить по окнам чердаков двух ближних домов. А в это время замечаю, как, прячась в неровностях местности, буквально вжимаясь в землю, к одному из злополучных домов подползает какой-то боец. Он то быстро переползал, то мгновенно затихал на месте. Первое время его никто не видел, а потом обнаружили и немцы, и наши. Противник стрелял по смельчаку со всего, с чего в данный момент мог стрелять, а наши подняли крик о бесполезности его затеи. Я вначале стрелял короткими очередями, а когда заметил фонтанчики пыли от своих очередей, пересекающие чердачные окна, в дикой ярости и злорадстве, крича что-то страшное и дикое, начал бить сплошной очередью. Что значит все сжимающееся и сжимающееся кольцо разрывов мин вокруг по сравнению с азартом дуэли, с общим захватом боя. Стреляла уже и вся каменоломня, и какое-то сплошное "А-а-а-а!" сопровождало смельчака, несмотря на сильный огонь быстро приближающегося к дому. Еще бросок, и он скрылся в переулке. Миг абсолютной тишины, а потом взрыв на крыше дома и бросок зажатой в кольце огня группы бойцов, которые тоже скрылись в переулке. Оказывается, тот смельчак видел больше, чем видели другие: он видел, с какого чердака больше всего достается окруженцам, и решил их выручить. А дальше выжимание вражеских автоматчиков пошло довольно просто и легко, так как операция осуществлялась с тыла домов. Камрады сами спешат убраться с чердаков, пока Иван не помог.

Под прикрытием нескольких танков вражеские автоматчики очень близко подошли к каменоломне со стороны церкви, и человек 10 проникли в церковь. Сразу же за немцами в церковь вскочило несколько наших бойцов — там завязалась драка. Чтобы не дать немцам возможности помочь своим в церкви, мы всеми силами, огневыми средствами отсекаем их от танков и прижимаем к земле. Минуты через две, не желая лежать, они поднимаются и, дико

оглядываясь назад, убегают в ближайший переулочек, а на их месте, как ни в чем не бывало, из-за церкви, хохоча на бегу, вырываются два лохматых черных чудища. Пока немцы опомнились, они скрылись в ближайшем от церкви лазе каменоломни, таща какую-то кастрюлю. Оказывается, эти два чудища, так испугавшие немцев, в пылу боя нечаянно зашли на противоположную окраину села и в одном из дворов нарвались на хозяйственное подразделение немцев, где стояла кухня. Увидевший их повар хотел крикнуть, но от ужаса не успел этого сделать и с открытым ртом был застрелен. На выстрел из соседнего двора выскочило несколько солдат, но также были убиты. Быстро осмотрев двор и ничего не найдя, кроме кастрюли с топленным сливочным маслом, они решили прихватить ее с собой и, давась от смеха из-за выражения лица незадачливого повара, появились из-за церкви.

Земляной пыли было так много, такой густой пеленой висела она в воздухе, что, казалось, проникала не только в нос, в рот и скрипела не только на зубах, а проникала через кожу и сушила суставы. Облегчение наступало с приходом темноты. Хотя света и не прибавлялось от осветительных ракет, но минометный огонь значительно уменьшался, а следовательно, и воздух делался чище и, конечно, прохладней. В это время можно сбегать в каменоломню, подзапасть водичкой, узнать новости с других участков, узнать, кто ранен, кто убит, и перед утром, повиснув на краю окопчика всем чертям назло, с полчаса подремать.

Только на заводе Войкова и прилегающем к нему поселке бой не утихал ни днем, ни ночью. Мы знаем, что оборону там держат танкисты и остатки каких-то десантных частей. В течение всех суток по заводу немцы бьют из шестиствольных минометов, снаряды которых летят через наши головы где-то из-под села Баксы. Там был настоящий крошечный ад, казалось, что там уже не может быть ничего живого. Немцы пытались с помощью танков сломить сопротивление защитников, но каждый раз они подрывались на гранатах, которыми их забрасывали из подвалов домов. В ту ночь с 18 по 19 мая и на заводе Войкова как будто наступило затишье, в крайнем случае, огонь сократился. Но перед самым рассветом на окраине поселка агрофабрики, а потом и в нашем секторе с другой стороны карьера, что отделял каменоломни от Царева Кургана, внезапно вспыхнула сильная перестрелка. Мне хорошо было видно, куда фрицы били из крупнокалиберного пулемета от Царева Кургана. Обычно ночью мы мало стреляли — не было в том никакого проку, а тут все обрушили свой огонь на Царев Курган и по огневым точкам левее и сзади нас. Через какое-то время через карьер и по его окраине к нам начали вначале одиночно, а потом группами просачиваться бойцы неизвестного подразделения. А когда бой кончился, мы узнали, что перед утром, прорвав свое и наше кольцо окружения, к нам в каменоломни пришли остатки, человек 300, защитников завода Войкова.

Привел их подполковник-танкист. Фамилию его вскорости забыл, а его много раз видел: невысокого роста, плотный, с продолговатым лицом, черный, с покатыми плечами. Одет был в темно-синие брюки-галифе и в серую гимнастерку танкиста. Потом, после гибели нашего полковника, руководство подземным гарнизоном этот подполковник-танкист взял на себя.

После 20 мая положение гражданского населения в каменоломнях очень осложнилось. Большая скученность людей, нехватка, а потом полное отсутствие воды — этот вопрос для командования подземным гарнизоном встал на первый план. И было решено разрешить всем желающим из числа женщин, детей и стариков покинуть каменоломни. К исходу дня 22 мая в каменоломнях осталось только 15 семей — старых партизан, которые остались, видимо, по специальному заданию. В дальнейшем они дали нам много полезных советов: первый колодец начали рыть прямо в газоубежище 1-го батальона, но они отговорили и указали другое место. Да и такой важный вопрос в первые дни, после газовых атак, как вентиляция каменоломни, решали, видимо, также гражданские.

После того как гражданские покинули каменоломню, я еще находился с пулеметом и Лешей Чернышевым в секрете по охране заброшенного лаза в каменоломню со стороны церкви. Задача была: блокировать проникновение в подземелье немецких солдат и всякой

нашей мерзости: провокаторов, шпионов и другой сволочи. После напряженных дневных боев ночью лежать за пулеметом, обложенным камнями, и смотреть в провал лаза — очень утомительно. Зажигать свет и курить категорически запрещено. Много раз я лбом бился о ручки "Максима", но голова все равно падала. И вот Леше показалось, что кто-то пробегал перед лазом и, крикнув "Немцы!", он бросил гранату. Но она ударилась о край потолка лаза и разорвалась впереди нас. Меня спас щиток пулемета, а Лешу осколок гранаты зацепил за роговицу левого глаза. Так больше Леша левым глазом уже не видел. К концу дня с этого поста нас сняли и перебросили к центральному проходу. Вместо Леши вторым номером дали Шевченко (ни имени, ни домашнего адреса его не помню). Пулемет я расположил у выемки против центрального входа. Сектор обстрела уже был невелик: Царев Курган и часть поселка впереди справа от меня. Рано утром сзади подошел танк и прямой наводкой посшибал нас и загнал под землю. К обеду общим рывком из-под земли мы снова заняли полосу на поверхности вдоль выходов. Снова подошел танк, стал против центрального входа и начал его методически обстреливать. Между танком и центральным входом был бугорок. Если танк орудие опускал чуть ниже, то попадал в вершину бугорка, поднимал чуть ниже — попадал в пачку ракушечника над самым входом. Прямого попадания в проход у него никак не получалось. При старом положении ходов, когда по центральному ходу зайдешь под землю, то сразу же метра через два центральная галерея заворачивает вправо и так с небольшим уклоном идет вниз. Этот поворот у нас много сил забрал, когда тащили пекарню... Так вот за этим поворотом собралось много начальников, больших и малых, и начали судить и рядить, пойдут ли немцы под землю или нет и как уничтожить немецкий танк. Позиция у танка, между прочим, была очень удобная — хороший круговой обзор и хорошее прикрытие со стороны автоматчиков. Подползти незамеченным нельзя было, надо было бить его только с расстояния. В это время подходит какой-то лейтенант в каске, плащ-палатке, с вещмешком за спиной под плащ-палаткой, с ПТР в руках и говорит, что он попытается подбить танк — есть один патрон. Сняв плащ-палатку, после очередного выстрела танка, он выскочил и быстро пополз на вершину бугорка, и только он его достиг, в это время — удар снаряда: одна нога лейтенанта высоко, высоко подлетела вверх, а лейтенант остался лежать ничком на бугорке. И долго еще на его спине дымился вещмешок.

Меня с пулеметом снова хотели определить наверх, но какой-то майор велел не делать глупостей: и так оружия остается мало. По его указанию, отойдя от входа вниз метров на 5–7, прямо на центральной галерее я установил "Максим", бока обложил большими кусками ракушечника и так остался лежать до утра на случай проникновения немцев под землю.

Утром ко всем выходам подошло очень много бойцов ~ готовилась очередная атака. Но она успеха не имела. Выскакивающие из каменоломен солдаты тут же в упор расстреливались немецкими автоматчиками и из пулеметов. Атака захлебнулась. Было еще две попытки рывком овладеть хоть небольшим плацдармом наверху. Но этому не суждено было осуществиться. Силы были уже неравные, да и сказывалось нечеловеческое напряжение сил последних 5–6 дней, без воды, без пищи, без сна. По боковым ходам от центральной галереи на носилках и просто на земле лежала масса раненых, и все чаще залетающие в каменоломни связки гранат взрывной волной очень тревожили их. Они просили и умоляли унести их вглубь каменоломни, подальше от выходов. Но сделать это было пока некому. У меня всегда был для пулемета неприкосновенный запас воды — две фляги. Но, чувствуя, что наверху стрелять уже не придется, тайком я отдал воду раненым.

После обеда 24 мая (но мне все время почему-то кажется, что это было 25 мая) мне велено было с пулеметом опуститься еще ниже, т. е. в глубь каменоломни по центральному проходу. Если по центральному ходу зайти в каменоломню, то метров через 15–20 справа в галерее стояла пекарня, а еще чуть ниже и вправо — расположение штаба обороны каменоломен. В этих местах я не был уже несколько дней и, когда, перетащил своего "Максиму" ниже и осмотрелся, то был очень удивлен, что штаба на старом месте не было. Значит, он перебазировался куда-то глубже. Рота наша так и осталась по центральному проходу внизу слева. Не успел я еще как следует устроиться на новом месте, как у выходов

прозвучала серия мощнейших взрывов, которые в глубине каменоломен отозвались сильной взрывной волной, сшибающей с ног зазевавшихся бойцов. Позже пробегающие солдаты сообщили, что немцы взрывают и заваливают выходы. Ходячие раненые начали покидать свои места и уходить вглубь каменоломен, лежащие остались на месте, ожидая своей участи. Взрывы все ближе и ближе приближались к центральному входу. Мой второй номер Шевченко еще на поверхности осколком был ранен в позвоночник, и его втащили под землю. Последний день с пулеметом я занимался один, а потом помочь устроиться на новом месте мне прислали Лешу Чернышева. Через какое-то время взрывы прекратились, и установилась гнетущая душу подозрительная тишина. Оставив Лешу обкладывать наши позиции камнями, я побежал вверх по центральному проходу с целью забрать Мишу Серкина и унести его вглубь каменоломни в расположение нашей роты. Когда я уже шел с Мишей вниз по каменоломне, где-то справа, а потом и сзади раздались жуткие вопли и крики "Газы, газы, газы!", "Где выходы?", "Ой, помогите!". Это кричали раненые. Трактор еще работал, и свет на центральной галерее еще был. Когда я остановился перевести дух и огляделся, от ужаса дыхание мне совсем перехватило: по центральному проходу вниз, вслед за нами, двигалось светло-серое облако, такое плотное, что где оно проходило лампочку, света уже не было видно. Дыхания совсем не стало — это, оказывается, Миша, повиснув у меня на шее за спиной и боясь, что я его сейчас брошу, так сдавил мне горло, что у меня в глазах зеленые круги пошли. Надо было очень срочно что-то предпринять. В каком-то угаре кладу Мишу под стену, вытаскиваю свой противогазный шлем со шлангом (коробки фильтров мы давно позакидывали, а в сумках носили гранаты и свои немудреные вещички). Надеваю на Мишу маску, шланг запихиваю под гимнастерку, голову заматываю шинелью и оставляю его лежать под стеной. Потом себе на лицо натянул пилотку, голову замотал плащ-палаткой и, прижавшись к Мише, лег рядом, дав ему слово ни при каких обстоятельствах его не бросить, а если суждено умереть, то умрем вместе. Еще когда я пеленал Мишу, сверху по центральному проходу раздался огромной силы взрыв — и свет погас. Значит и трактор взорвали. Еще больший ужас сковал члены и парализовал волю, а инстинкт самосохранения заматывал голову. Снова послышались взрывы, но уже меньшей силы. Что творилось в каменоломне?! Страшная паника и нечеловеческий ужас перед неизвестностью бросал людей по каменоломне в поисках спасательных выходов. Изрыгая слова проклятий, взывая о помощи, здоровые в кромешной темноте подземелья спотыкались о ползущих тяжелораненых, падали, снова схватывались, но падали через другого раненого. И многие уже никогда не смогли подняться. Какой-то дикий вопль: "А-а-а-а!" удалялся в сторону выходов и там пропадал. Чтобы себе представить каменоломню во время первой газовой атаки, надо обойти ее и осмотреть всю на другой день рано утром, пока немцы еще не предприняли второй газовой атаки: каменоломня была усеяна трупами задохнувшихся, а во многих местах они лежали друг на друге — снизу, безусловно, были тяжелораненые с широко разбросанными руками и растопыренными пальцами. Это с помощью своих рук они подтягивали свое непослушное тело, стягивая с себя о встречающиеся камни кальсоны. В таком нечеловеческом напряжении сил, полуоголенные, они и застыли, а сверху на них остались лежать, видимо, те, что бежали через них. Каменоломня постепенно затихала и со временем погрузилась в какую-то липкую, могильную тишину. Помощи уже никто не просил. В горле першило, и во рту чувствовался какой-то незнакомый сладковатый вкус, язык, словно распарившись, не умещался во рту, а сырость пола и ужас положения сковал члены. Сколько веков лежали мы с Мишей, трудно сказать. Почувствовали только, что дышать стало легче. Понемножку разматываю свои "противогазы". Да, воздух почти чист... С трудом уговариваю Мишу полежать, а я ощупью проберусь вглубь каменоломни и, может, встречу кого-нибудь живого и тогда вернусь за ним. Нужен был свет, хоть маленькая лучина, а правду сказать — нужна была хоть какая-нибудь живая душа, нужен был человеческий голос. Ощупью двигаюсь вглубь каменоломни. Спешить нельзя — можно размозжить лицо при падении.

Правду говорят, что на небе есть Бог, а на земле добрые люди. Впереди забрезжил

огонек. Я вышел в распоряжение нашей роты. В нише галереи горят две стеариновые свечи и вокруг сидят командир роты, Павел Антропов, Федор Байкин, Володя Волошенко, Леша Чернышев, Петр Калиниченко, Петр Попов, Федоренко, Смолин и кто-то еще.²⁷⁶ Все грязные, лохматые, с устало повисшими головами, со взглядом отчужденным, с полным безразличием. Со света меня не видно. Стою, смотрю на них, и страшное рыдание перехватило мне горло. Но плакать нечем — внутри сухо, в горле сухо, и, кажется, мозги тоже высохли и под волосами шелестят. Из темноты я вышел на свет и своим звериным рыком, вместо плача, их пугаю. Вид у меня, видимо, тоже очень "красивый".

Я окружен своими товарищами, они меня терзают — "откуда я?". Но, сотрясаясь в беззвучном плаче, я ничего не могу сказать. Рука поднялась и показала в сторону прохода, а из себя я выдавил, что там Миша. Когда мы пришли немного в себя, взяли свечку, и Антропов помог мне перенести Мишу. Он, грешник, меня уже и не ожидал. Сколько радости и благодарности было в его взгляде! Но были мы еще под впечатлением случившегося, мы были душевно опустошены, мы были парализованы, и все хорошее и человеческое до нашего сознания еще не доходило. Ужас первых минут газовой атаки, видение беспомощных, погибающих в страшных мучениях людей, крики о помощи и "Где выходы!. Где выходы!" еще страшной картиной, кошмаром стояло перед глазами. В довершение ко всему дурманящая жажда огненным потоком растекалась по всем членам и уголкам организма и иссушала, испепеляла все внутренности. Иногда казалось, что кровь испарилась и настолько загустела, что прекратила свое движение по жилам. Мысль притупилась, все желания отпали, кроме одного, завязшего в каком-то уголке иссушенного мозга — "воды!", "пить!". Хоть маленький глоточек, хоть каплю, чтобы смочить эти шершавины во рту, о которые постоянно спотыкается язык, как уставший путник на неровной дороге. Как мы мысленно ругали людей, тех, кто на свободе, за их расточительство, за их варварское обращение с самым дорогим что есть на земле — с водой. Ведь, наверное, до сих пор на станции Туннельная под Новороссийском у входа в туннель из трубы, вбитой в скалу, бежит прозрачная струя воды, своей прохладой и живительной силой способная заменить нашу загустевшую кровь, способную вернуть нам силы, зажечь надежды и простые человеческие желания. Один глоток, только одни глоток!.. А ведь он сбегает в грязный кювет железнодорожного полотна и, бесполезно истратив свою целебную силу, бесследно исчезает в хаотически набросанных камнях.

До фронта и во время полетов и так, купаясь, мы видели мутно-грязную, кипящую в бурунах Кубань, мы видели широкую гладь Волги и Костромы, мы видели стремительный в своем беге, как лихой конь чеченца, Терек и много других речек и речушек. Но никакое другое видение водных источников не мутило так наше сознание как видение этой хрустально-чистой струи на станции Тоннельная, бьющей со скалы. настолько реально ее представляешь, что хватаешь котелок и подставляешь его под нее. Еще миг — и будешь пить, нет не пить, а просто лить в горло, в жилы. Но струя мгновенно отодвигалась, и ты снова остаешься с глазу на глаз со страшной действительностью. Читающий эти строки, не суди нас слишком сурово и не удивляйся нашим видениям. Последние два дня были такими горячими во всех отношениях, что воды мы почти не видели и не было времени пососать

²⁷⁶ Антропов Павел Алексеевич был старше других курсантов (1919–1920 гг. рождения), он уже успел повоевать на реке Халхин-Гол в Монголии, Финляндии, родом из Астрахани, там найдены его родственники. Байкин Федор Алексеевич был его земляком, тоже из Астрахани, где благодаря моему очерку в местной газете нашлись его сестра и брат. Смолин Василий Николаевич из г. Нефтегорска. Он был единственный сын у матери, отца не было, во время вылазки в июле был ранен осколком гранаты, стал уползать обратно в каменоломню, умер позже. Его мать, Смолина Екатерина Самойловна, с 1957 г. жила в Керчи. Калиниченко Петр Иванович во второй половине июля не вернулся из разведки, его видели в керченском лагере, где он болел дизентерией. По некоторым данным, родом из Буденовска Ставропольского края. Федоренко Василий Никитович — отрядный запевала, родом из с. Обтово Кролевецкого района Сумской области, где найдены его родственники. Погиб в каменоломнях. Попов Петр Иванович, пройдя плен, остался жив, я с ним встречался в 1967 г. на конференции в Керчи. В это время он жил в г. Джамбуле Казахской ССР.

потолка. Пришибленные случившимися событиями и мучимые страшной жаждой, все прилегли. Разговаривать не хотелось, и о чем в этот момент можно было говорить? Как и что совершилось, никто из нас еще не знал. Жизнь многократно доказала, что весь коллектив гениальным быть не может, но один гений среди массы всегда найдется. У нас таким гением оказался Антропов, хотя и раньше за Пашкой мы наблюдали, что просветленные мысли к нему приходили всегда раньше, чем к другим. В данный момент молчание нарушил именно он, как бы между прочим спросил, кто хорошо знает дорогу к трактору. Каждый подумал про себя, не собирается ли Паша вновь осветить каменоломню, но вслух никто ничего не сказал.

Эту злополучную дорогу лучше меня никто не знал, о чем я и сказал. Антропов велел мне взять одну свечку, спички и идти за ним. Дорогой он мне сказал, что если трактор в удовлетворительном состоянии, то почему же должна пропадать вода в его радиаторе. Теперь все понял и я. Чем ближе мы подвигались к выходу, тем больше на нашем пути попадалось трупов. Обходить их было некуда, а только переступать. Трактор оказался в лучшем состоянии, чем мы ожидали его найти: передом, т. е. радиатором, он стоял к стене и во время взрыва выхода недалеко от него обрушившаяся с потолка пачка ракушечника одним концом придавила зад трактора, а другим уперлась в стену, так что наш милый трактор остался стоять, как бы под шатром с совершенно свободным подходом к радиатору. Я светил, а Паша подполз под радиатор и налил ведро отличнейшей воды, если не считать части керосина. Возвратившись с водой, мы оделили каждого солдатской кружкой воды (300 г), а Мише еще налили и флягу. Ходили мы еще два раза к трактору, но воды той не стали трогать, а оставили ее на следующий день. Смолин был оставлен дневальным на посту, а мы легли заснуть. Неизвестно было, что нам принесет день грядущий. Да и неизвестно, есть ли кто в каменоломне еще, кроме нас? Каменоломня молчала. Утихли и мы, забывшись коротким, но тревожным солдатским сном.

Часть 2

Короткий и очень чуткий был наш сон в ту ночь. Неутоленная жажда, кошмарные видения дня не могли способствовать спокойному сну. Так что, когда мы услышали разговор с дневальным какого-то командира, сразу же все вскочили. Он говорил, что уже 5 часов утра. Необходимо поднимать людей и собирать их по каменоломне, так как времени у нас очень мало, а работы очень много. Из-под пенсне на нас смотрели запавшие усталые глаза. Видимо, этот полковник уже давно не ложился отдыхать. Этого человека я видел впервые и не знал, кто он. Когда он ушел, командир роты сказал, что этот полковник является начальником обороны каменоломни. Фамилия не была сказана, и я ее не знал. Так и было: "Полковник был", "Полковник сказал", "Полковник приказал". Как-то мы не вникали в то, чтобы знать фамилии старших командиров. Сказывалось то, что здесь мы были новенькие, мы были чужие, а потому и старались держаться друг дружки. Это было первое знакомство с командиром подземного гарнизона.²⁷⁷ Первую побудку он делал сам. Ему надо было знать, сколько людей и где они располагаются.

Подъем ни для кого из нас не был неожиданным или неприятным, наоборот, он для нас был избавлением от кошмарных видений, от гнетущих мыслей, от головных болей (видимо, от газа), от судорог, сводящих скулы, от жажды. Когда мы двигались, когда мы что-то делали, ничего этого мы не замечали. А в момент кратковременного бездействия все наши беды сразу же на нас ополчались. Поэтому понятна была наша радость этому первому подъему в необычайной обстановке. После побудки были определены задачи каждого бойца. Первое — это были выставлены посты у оставшихся невзорванных выходов. Все остальные брошены были на строительство газозубежищ. Надо было очень спешить, так как немец мог еще раз повторить газовую атаку, место для устройства газозубежища было уже выбрано —

²⁷⁷ Речь идет, конечно, о Ягунове П. М., который носил пенсне.

это была большая ниша в ракушечнике с уже готовыми тремя стенами, а четвертую надо было возвести из камней и устроить в ней дверь. По специальностям распределялись сами по ходу работы: кто умел хоть немного класть, клал стены, а мы, несмышленные, носили плитки ракушечника, постельное и нательное белье, одеяла, обмундирование и другой хлам. Так как какого-нибудь раствора для кладки стен не было, то камни перекладывали этим тряпьем. Помню, притащили мы два красных тулупа. Как жаль было их закладывать, но надо было спешить. После мы узнали, что такие газоубежища строили еще в двух местах, т. е. в каждом батальоне.

С самого начала боевых действий в этом районе каменоломни я не был. Это был район каменоломни между центральной галереей и карьером, что идет до Царева Кургана. Эта часть каменоломни была двухэтажной,²⁷⁸ до эвакуации на Кубань здесь располагался штаб Крымского фронта. После, во время боев с 15 до 24 мая, со стороны Царева Кургана немецкие танки обстреливали верхние этажи и со временем их обрушили. Но это нисколько не влияло на нижний этаж, и до самой газовой атаки там располагались раненые. Вот здесь мы и лазали, собирая всякий хлам для кладки стен. Чего только здесь не было: после штаба остались новенькие сейфы-сундучки, полно набитые деньгами банковской упаковки — красные тридцатки, дорогие кожаные чемоданы с дорогими личными вещами, горы первосортного красного и черного хрома, какие-то тюки белой мануфактуры. Но все это переворачивалось и смотрелось безо всякого интереса. То, что мы искали, нам не попадалось, а нам нужно было личное оружие — наше отечественное или трофейное. В наших условиях иметь при себе пару пистолетов было намного удобнее, чем всегда таскать винтовку или карабин. Автоматов у нас было очень мало. Так что пистолет — это была мечта каждого.

Мы вспомнили вчерашние события и решили, что около выходов то, что мы ищем, обязательно найдем. И только было направилась к выходам, как навстречу бегут часовые и кричат: "Газы!" Все бросились к строящимся убежищам. Было около 9 часов утра. Кладку немного не успели окончить — осталось заложить верхний ряд и завесить двери одеялами. Недоложенную стену запахали всяким тряпьем, а двери снаружи и изнутри завесили смоченными в воде одеялами. На мой пулемет теперь было два расчета — я и один с другого подразделения. В центральной галерее выставили моего "Максима" с расчетом в противогазах и с большими ватными тампонами, приложенными к вдыхательному клапану коробок. Все свободные от наряда зашли в газоубежище — оно сейчас держало испытание на прочность. Сюда были снесены и все оставшиеся раненые. Людей в газоубежище было полно — все сидели на полу, тесно прижавшись друг к другу. Тут же командиры стали держать совет, где нужно рыть колодец, так как после газоубежища это был вопрос первостепенной важности. После рассмотрения нескольких предложений колодец решили делать здесь же, в газоубежище. Чтобы не откладывать дела в долгий ящик, немедленно приступили к работе: обчертили круг диаметром в два метра и по очереди начали обдалбливать контуры будущего колодца, а потом начали выдалбливать и середину. Долбить надо было сухой, плотный ракушечник, но все так хотели пить, что даже самые малосильные бойцы, в причитавшееся им время отработки, вкладывали всю свою силу и энергию. Долбили и штыками, и тесаками с СВТ²⁷⁹, и саперными лопаточками — всем, что было в данный момент под рукой. Ведь к этой работе еще не готовились. Но работать пришлось недолго — чувствовалась нехватка воздуха. У каждого пот катился градом и дыхание было прерывистым. Копилку оставили только одну и то с чуть мерцающим огоньком. Часам к 11 наружный патруль дал отбой, и все покинули убежище.

Отсидевшись в убежище, мы узнали все подробности вчерашней трагедии. После обеда

²⁷⁸ Немцов Н. Д. что-то путает. Центральные каменоломни не имеют второго (нижнего) яруса.

²⁷⁹ Речь идет о самозарядной винтовке Токарева образца 1940 г.

с русского аэродрома, что у железнодорожной станции Керчь, немцы начали завозить авиабомбы крупного калибра (до 250 кг) и взрывать их у выходов или над ними, отчего они обваливались. А потом в оставшиеся дыры забрасывали баллоны с каким-то газом и дымовые шашки. А так как газ в каменоломни не шел, ток воздуха был обратным (с каменоломни к выходам) — то сзади этих баллонов и шашек они бросали гранаты с толовыми шашками и взрывной волной загоняли газ в подземелье. Только взрывы гранат прекращались — и газ поворачивал назад. Так что, кто был в глубине каменоломен, или совсем не пострадал, или пострадал мало. Те, что были ближе к выходам, в панике выбрасывали документы, бросали оружие, срывали знаки различия и, выскакивая из каменоломни, сдавались в плен.

После отбоя одни остались доделывать убежище, другие пошли пососать водицы, а третьим было дано задание у выходов собрать все личные документы и оружие сдавшихся в плен. Мы, конечно, пошли к выходам. Метров за 10 от входов трупов уже не было — было чистое место, а в метрах в 5-и, что можно было увидеть!.. Какие хочешь документы, фотографии, блокнотики, альбомчики, всякие знаки различия и, конечно, то, что мы искали — пистолеты. Я взял "ТТ", так как еще с училища был с ним знаком, а "Наган" припрятал. Если "ТТ" отберут, то у меня будет замена.

В нашем секторе от центральной галереи до 2-го батальона оставались невзорванными всего 3 выхода. Здесь-то мы и собрали все, а собирать было что — ведь нас оставалось только 1/5 состава, а 4/5 задохнулись и сдались в плен. Так что сейчас, если находят в каменоломне документы, трудно судить: то ли он погиб в каменоломне, то ли в первую газовую атаку попал в плен. Но все собранные тогда документы мы сдали в штаб. Собирая документы, мы слушали, как где-то наверху сидит немец и канючит: "Русь, русь! Иван, ком гер! Вода, вода пить". И все с начала начинает. Кто-то неосторожно оступился — и тут же в проход полетела граната. Вреда она нам никакого не сделала, так как бросать гранату сверху вниз под себя очень неудобно, и она взорвалась у самого входа.

Пока мы возились у входа в штаб, приходили 3 человека гражданских и отговорили наших командиров рыть колодец в газоубежище. Они разъяснили, что работы сделать здесь надо очень много, а воды почти не будет. Они указали новое место в районе 2-го батальона, там где он и есть сейчас. На новом месте решили работу организовать по-другому: была выделена специальная команда — человек 15 здоровых хлопцев, и создали им все необходимые условия: достали несколько ломов, кирок и лопат, доставляли воду в флягах. Работали они днем и ночью (хотя у нас было одинаково, что день, что ночь), приостанавливали работу только во время пуска газа.

А газ немцы пускали регулярно с немецкой пунктуальностью в одно и то же время три раза в сутки: мы называли завтрак, обед и ужин. Так длилось до 1 июня, а потом пускали по два раза, потом по разу, а потом, наверное, числу к 5-му совсем прекратили. Каменоломня затаивалась, словно сплошь вымершая, но стоило только фрицу мельком показаться у не-заваленного выхода, как он тут же падал сраженный. И еще в другом случае каменоломня ошестинивалась, извергая из темноты подземелья фонтаны ружейного и автоматного огня. Подлости немецкой нет границ — они пошли на другую провокацию: к выходам пригнали пленных и заставили кричать, что им в плену хорошо, чтобы мы не боялись и выходили наружу, нас ожидает наверху чуть ли не райская жизнь. А мы, стреляя, кричали, что это у них, наверное, от хорошей жизни и холодной воды такие слабые и дрожащие голоса. Был случай, когда один пленный вскочил в каменоломню крича: "Братцы, не верьте! Не выходите!" Но тут же был срезан автоматной очередью. После этого немцы завалили оставшиеся выходы. Подземный гарнизон был блокирован. От Царева Кургана, над бровкой карьера, между селом и выходами и до церкви каменоломня в 2 кола была окружена колючей проволокой с огневыми точками, так метров через 50, а ночью вокруг проволоки выставлялись дополнительные посты. Карьер был минирован, особенно насыпь узкоколейки.

После строительства газоубежища нас разбили на батальоны: 1, 2, 3-й. Мы оставались в 1-м батальоне и располагались у штаба обороны. У нас же был и продуктовый склад. 2-й

батальон был за нами. Там рыли колодец и находился склад боеприпасов. Мы туда ходили на дежурства по его охране и всегда приносили немного пушечного сала для каганца. Так что свет у нас всегда был, и "фрица бить" вшей обычно собирались на наших нарах.

3-й батальон находился в районе колодцев (в сторону церкви). Там была кухня. И там же, у нас тайком поговаривали, делается подземный подход под одним из колодцев для водоснабжения подземного гарнизона. Пока шло рытье колодца, по всей каменоломне был объявлен аврал: надо было убрать трупы, похоронить их в каменоломнях и навести армейский порядок. Когда начали хоронить первые трупы, мы поняли, что у нас ничего не получится: ракушечник был крепкий, и с помощью наших инструментов вырыть несколько братских могил просто не в наших силах. Надо было придумать что-то другое. Заметили, что прошло уже почти две недели, а трупы не разлагаются и не издают неприятного запаха. Решили тогда поглубже в каменоломне выбрать место и там погибших складывать один на другого штабелем, а когда освободимся, то перехоронить их. Место для кладбища выбрали в глубине каменоломни между 1 и 2-м батальонами и складывали там умерших до последнего дня. Когда убрали задохнувшихся, каменоломню подмели и к этому вопросу больше не возвращались.

Кроме перечисленных работ у нас были другие работы, о выполнении которых не все знали. Так 3-й батальон, как я сказал, делал подходы под один из колодцев. 2-й батальон в нескольких местах по старым заваленным выходам разбирает обвалы, чтобы дать возможность дыму из кухни 3-го батальона выходить из каменоломни, а одну из этих лазеек вскорости использовали во время вылазки для выхода на поверхность. Наш взвод 1-го батальона работал совершенно секретно. Через обвал первого этажа каменоломен делали три секретных выхода наружу, так называемые амбразуры: северная, южная и средняя, обращенные в сторону Царева Кургана. С этих амбразур впоследствии мы вели наблюдение за передвижением немцев, за их работой по изоляции каменоломни от села, тайком выслеживали зазевавшегося фрица или румына и под общий шум перестрелки снимали его, засекали место, где немцы ликвидировали подходы к каменоломне, чтобы мы не могли ночью выходить за село. И много другой полезной работы выполнялось через эти амбразуры. Через них же впоследствии выпускали "двойки", уходящие на связь с Большой землей.

Колодцы не были еще готовы и воды не прибавилось, но чем больше мы оставались под землей, тем больше пропадала жажда и начал проявляться голод. Во время наружной обороны продукты можно было найти в любом конце каменоломни. У нас кто-то из ребят спал на мешках с табаком "Красная Кубань". После строительства газозубежищ все продукты взяли на строгий учет и снесли в одно место. Табака получали на десять закуток, сельди выдавали, если небольшая, по две штуки, а если большая — одну на двоих. Кроме всего мы получали по 20 штук конфет "подушечки" и по куску топленого масла. Больше ничего не могли дать, так как не было воды. Кроме того, был строгий приказ, запрещающий разводить костры, вплоть до расстрела, так как вентиляция каменоломни была плохой. Но первое время мы, грешники, все равно нарушали этот приказ. Еще когда мы возвратились с переправы 14 мая, у военторговцев разжились кое-какими продуктами, том числе двумя ящиками коньяка и полмешком риса. Один ящик коньяка сразу раздали и распили перед занятием позиций, продукты постепенно съели, а рис остался, так как без воды применение ему не могли найти.

А о судьбе второго ящика коньяка я так и не знаю, мотаясь с пулеметом.

И на поверхности я о нем просто забыл. Так вот, когда в каменоломне навели образцовый порядок, то свободного времени стало больше, и в этот период несколько дней мы шкоду и делали: насосешь вдвоем по фляге воды, берешь стакан рису (солдатскую кружку), с досок наколешь лучинок и незаметно вдвоем идешь по каменоломне далеко вглубь от кладбища.

В одном месте переползали на животах, проходили в какие-то проломы в искусственных стеночках. Потом там разводили костер, немного распаривали рис, заталкивали маслом и засыпали сахаром-песком. Половину котелка съедали, а половину

воровски несли в газоубежище. Там теперь был госпиталь и тоже по-воровски кормили своих раненых. Но это было нечестно по отношению к раненым, которым никто ничего не приносил.

И от большого соблазна этот злополучный рис через несколько дней мы сдали на склад, заявив, что нашли его.

А вскорости нам объявили, чтобы брали ведра и шли в 3 батальон получать воду. Дали нам по кружке воды, а через несколько часов принесли чай. Говорят, что заработала штольня, пробитая под колодец. Правда, на другой день я ходил на кухню, так, не доходя ее, справа под стеной, видел ручной пожарный насос и около него бочки с водой. Это была первая победа.

Спали мы на нарах, сбитых из досок, которые мы поснимали с перегородок. Нары были сплошные, и они для нас были все: и место отдыха, и клуб, где велись беседы на самые разнообразные темы, и площадь, где по утрам зачитывались сводки Совинформбюро, и столовая, и красный уголок, где проходило что-то вроде комсомольских собраний. Там у нас и патефон играл, и пели. Как мы хорошо пели! И всегда начинали с "Черного ворона", что из кинофильма "Чапаев", только мы ее пели немного на свой мотив. А сколько шло бесед и на какие темы: как мы построим свою жизнь после войны, что мы будем кушать, как лучше приготовить то или другое блюдо. Кроме патрульных, которые несли службу у наиболее опасных, наиболее уязвимых мест каменоломен, откуда немцы могли проникнуть в каменоломни или заслать своих лазутчиков, был еще один вид патрулей, так называемые "слухачи". В то время, когда мы приступили к рытью колодца, стали наводить порядок в каменоломне и заниматься другими хозяйственными делами, мы заметили, что во многих местах каменоломни в потолках немцы что-то долбят. Когда тишина и хорошо прислушиваешься, то явственно слышно, как будто где дятел долбит дерево. Вначале этому почти не придали никакого значения. Но после все разъяснилось; над теми местами, где мы располагались раньше, немцы производили ряд взрывов, и так как кровля в тех местах была тонкая, то она обрушалась, и заваливало подходы к лазам, которые мы проделали. После этого случая и стали назначать специальный наряд "слухачей", которые ходили по каменоломне и засекали места, где был слышен стук. Если в этом районе находились люди или какое-нибудь имущество, то все это перебазировалось в более безопасное место, которое нам указывали опять те же гражданские лица. Организация и руководство у них было свое, но действовали мы вместе. И часто, охраняя штаб, мы видели, как они с полковником и старшим батальонным комиссаром о чем-то совещались.

Кроме таких ничем не примечательных будничных дней, наступил день большого праздника, вернее, такого торжества, которое не часто увидишь в самые большие праздники уже в мирное время. Не могу припомнить, в какой из дней июня месяца наши шахтопроходцы дошли до воды, и приток ее был настолько значительный, что она не давала работать. Глубина колодца была уже более 10 метров. На этом работу решили прекратить. Когда воды собралось уже около метра, тогда только все узнали, что мы победили — вода есть и прибывает еще. Все свободные бойцы бросились к колодцу.

Полковник был уже там. После краткой, но торжественной поздравительной речи к защитникам каменоломни полковник лично благодарил бойцов, участвовавших в сооружении колодца, и сказал, что их обязательно внесут в список на представление к наградам. И тут радость прорвала людей: 15 землепроходцев были подхвачены на руки и с криком "ура" шествие двинулось со 2-го батальона к штабу обороны к центральному проходу. От ликования каменоломня гудела и дрожала, люди обнимались, целовались и плакали. Наша организованность и упорство победили. Врагу не удалось удушить нас газами и жаждой. Много мне в жизни приходилось видеть торжеств и праздничных салютов, но ничего похожего я больше не видел и сам не испытывал.

Когда две бочки были наполнены водой, го велели приходить и получать ее для подразделений: на первый случай кружку воды для питья и кружку для умывания. Это был верх счастья, можно сказать, уже обреченных людей. Это была настоящая победа! И мы ей

радовались, и мы ею гордились. На другой день в штаб пришли все те же гражданские и посоветовали полковнику: воду выбрать и колодец копать до тех пор, пока не кончится ракушечник и не появится песчаник. Потом воды будет много, и будет она постоянно. Их совета послушались и прорыли еще выше двух метров. Воды действительно стало много и очень хорошей. С этого дня в каменоломне начинает нормально работать кухня на всех, а не только для госпиталей. На завтрак нам готовили чай, на обед хоть и очень, очень редкий суп — или с рисом, или с вермишелью, или с пшеном. А на ужин снова чай. Хотя и скудная пища, но горячая и три раза в день. Только одно нас стало беспокоить — это отсутствие соли. У нас ее не было совершенно. Раньше нас спасало изобилие сельди, но ее стало очень мало. На неделю нам давали по две маленьких рыбешки, которые утром вытаскивали с тряпочки, легонько натирали ими десны и снова прятали. Голод нас так не страшил, как отсутствие воды. Севастополь еще сражался, и помощь ему обязательно будет или с Керчи, или из Феодосии, или из того и другого места сразу. Моральный дух наш был еще очень высок. Когда воды стало в изобилии, нам устроили баню. Было нагрето немного воды, и в боковой галерее мы раздевались и, стоя на досках, обмывались. Старое белье не надевали, нам дали новое, которое пошили там же в каменоломне из той бязи, что в свое время мы находили тюками. Это очень подняло дух солдат.

Наша кухня состояла из нескольких различной величины чугунных котлов, установленных на камнях. Подогревали котлы, спаливая различные деревянные предметы, которых в каменоломне было изобилие: доски с перегородок, кузова с автомашин, которые были загнаны в подземелье во время сдачи Керчи. Когда окончили сооружение колодца и кухня заработала на полную мощность, "слухачи" доложили о большой активности немцев в районе между штабом и колодцем, над вторым батальоном и в районе кухни. В течение многих дней над этим местом был слышен стук. Командованием были приняты меры безопасности: сменили стоянку кухни, часть второго батальона перевели за склад боеприпасов, укрыли колодец. От первого батальона немцы стучали немного в стороне. Прошло несколько дней — и через равные промежутки времени три огромнейшей силы взрыва потрясли каменоломню. Такой силы взрыва мы еще не испытывали. Взрывы были настолько сильны, что мы думали, потолки обрушились и камни давят нас. Так тяжело было дышать. Но это сильная взрывная волна сдавила дыхание и погасила в каменоломне все светильники. Когда после взрыва смятение улеглось и начали обследовать каменоломню, то в районе каждого батальона, где немцы долбили потолки, зияли три огромных дыры, пробитые в потолках насквозь. Метрах в 20-и от расположения 1-го батальона зияла дыра, но ни обвалов вблизи, ни жертв не было. Наш участок каменоломни выдержал испытание с большим запасом прочности. Второй батальон пострадал больше всех, видимо, потому, что тот участок каменоломни сырее других. Над тем местом, где спали люди, обвалилась с потолка плита ракушечника и накрыла спящих, было привалено часть склада боеприпасов, а у колодца с потолка обрушилось несколько глыб, но сам колодец не зацепило.

В 3-м батальоне, над тем местом, где располагалась кухня до переноса ее, зияла такая дыра, как и над 1 и 2-м батальонами. Все прекрасно поняли, что среди нас был человек, хорошо знающий расположение каменоломни, и что эта сволочь нас предала врагу. Были приняты срочные меры по строжайшей охране имеющихся ходов и по обнаружению других, что мы не знали. Подозрительно шатающихся по каменоломне личностей задерживали и препровождали в особый отдел штаба обороны. Усилили охрану самого штаба, колодца, склада боеприпасов и кухни. Продовольственный склад находился при штабе. Думая этими взрывами нанести нам чувствительный удар, враг просчитался. Вместо радости он получил много хлопот. Грунт со взорванного потолка осел в каменоломню конусом, и через время мы поняли и опробовали на практике, что этот конус можно использовать для вылезания наружу. По договоренности с постом какой-либо амбразуры, дежуривший там боец давал знать, что вблизи провала немцев нет. Тогда по обрушенному конусу один из бойцов с автоматом выбирался наружу и занимал оборону. В это время внутри каменоломни к провалу подбегали два бойца с ротными минометами и ящиком мин и под корректировку

первого через дыру начинался обстрел Аджимушкая. Это длилось недолго — не более 5 минут, а какой эффект получался! Сверху со всеми деталями передавали, как под обстрелом миномета по селу начинали метаться фрицы. Долго потом это событие, со всеми более обрастающими подробностями, обсуждалось в подразделениях и особенно в госпиталях. Люди как-то встряхивались, живо изображали мечущихся немцев и от души весело смеялись.

Представьте себе, что после этих событий с тремя взрывами в каменоломне ликвидировался такой пост как "слухачи". Немцы уже больше нигде не долбили и ничего не взрывали. К каменоломне каждое утро пригонялась партия русских военнопленных, которые разбирали разбитые дома, сарайчики, каменные заборы и бричками таскали весь материал к трем дырам и засыпали их. А другая часть пленных была занята установкой третьего ряда проволочных заграждений вокруг каменоломни. Немцы рассчитали правильно, что по своим мы стрелять не будем. Да и как можно было поднять оружие на эти ходячие, золотушные и часоточные скелеты, человек по 10 вцепившись в бричку. Этой работе мы не препятствовали, так как, во-первых, они нам делали полезное дело (выше насыпали конус, по которому легче было выбираться наружу), а во-вторых, сам вид пленных был лучшим дополнением к листовкам, которые немцы забрасывали в эти дыры с приглашением сдаваться в плен и с описанием райской жизни в плену. Да еще иногда зазевавшийся фриц попадал на мушку нашим ребятам. Видя бесполезность своих усилий засыпать провалы, немцы бросили работу, а у нас после этого добавилось три новых поста охраны. После в эти провалы немцы изредка бросали гранаты или гранаты с привязанными толовыми шашками, жертвами которых стали два наших часовых, брошенные взрывной волной об стену и убитые, полковник — командир подземного гарнизона каменоломни — и старший батальонный комиссар, разрядившие невзорвавшуюся гранату или какой-то другой взрывоопасный предмет. Но об этом будет идти речь ниже.

Немцы так замуровали нас, так окутали колючей проволокой, что были уверены, что вылезти за пределы каменоломни у нас нет никакой возможности, ведь вдобавок к огненным точкам, секретным постам и минным полям в течение ночи над каменоломней не гасли осветительные ракеты. Но мы все же за пределы проволоки уходили, и неоценимую услугу в этом нам оказывали секретные амбразуры, через которые мы получали полнейшую информацию об окружающей нас обстановке. Например, мы видели, как немцы ставили мины в карьере на полотне узкоколейки, а потом ночью смогли их снять, не трогая их сбоку насыпи. Самоуверенные фрицы даже не допускали мысли, что при таком освещении ночью по минированному участку да еще на возвышенности можно проползти незаметно. А оказывается, накрывшись плащ-палаткой, это очень легко делать. И именно по полотну этой узкоколейки мы доползли до Царева Кургана, где были их огневые точки, выползли с карьера, подпирали колючую проволоку колышками, проползли ее и рядом с немцами, вдоль каменного заборчика, уползли в огороды и уходили в село. Это нелегкий был путь, но менее опасный, так как немцы считали, что по нему мы не могли ползти, притом по минному полю.

Двухсторонней связи с Большой землей мы не имели. Правда, был у нас в штабе и приемник, и передатчик, но последний с самого начала обороны не работал — говорили, что нет питания, а приемник работал, и ребята ходили в штаб крутить динамку для питания этого приемника во время приема сводок Совинформбюро, которые после завтрака зачитывались бойцам. Это было священное время, и без надобности в это время никто никуда не отлучался. Однажды "добрая ласточка" с Большой земли посетила нас. Самым лучшим постом (нарядом на пост) были ранее упоминающиеся мною амбразуры: с них была видна Керчь в обрамлении зелени акаций, синева Керченского залива и порт, по которому последнее время с Тамани бьет наша артиллерия, видны были все подступы к Аджимушкаю со стороны аглофабрики. и просматривалась часть села. Но это видно, если чуть-чуть подняться на бровку возвышенности — амбразуры располагались как бы в выемках. А если уставал наблюдать, то можно было около амбразуры вытянуться и, не замеченным

противником, полежать на солнышке — ведь нас двое на посту. После сырости и прохлады подземелья, лучшего блаженства и не придумаешь. Даже голод забывается. Стрелять с амбразуры строжайше запрещено: о существовании этих лазов противник не должен знать. В наряд заступали рано утром, когда солнце готовилось показаться из-за горизонта, а фриц дремлет, а менялись, когда солнце заходило. Это мы сами придумали так, мол, чтобы около лазов было меньше движения. А на самом деле, чтобы растянуть удовольствие пребывания на свежем воздухе. Мне кажется, командование нашу заботу раскусило, но не стало перечить, и такой порядок укоренился.

Мы заметили такую вещь: почти каждое утро после восхода солнца из-за горы Митридат выскакивало одно-два звена истребителей и обрушивало огонь на станцию Керчь. Выходя из атаки через Аджимушкой, они улетали на Кубань. Знаете, как приятно было наблюдать такую картину. Желая дать о себе знать на Большую землю одерживало верх, и своими соображениями мы поделились в штабе обороны. Мы предлагали: после очередного вылета, когда самолеты будут идти через Аджимушкой, с места в стороне от амбразур выпустить несколько красных ракет. Нас выслушали и согласились. На следующее утро, еще до рассвета, кажется, Антропов уже спрятался в одной из выемок и стал ждать наших птичек. В это утро в налете на станции участвовало два звена, и после выполнения задания одно звено прошло севернее Аджимушкой, а одно летело примерно через церковь, и в это время было дано 2 выстрела красной ракетой. Самолеты как будто не заметили их и пошли своим курсом. Как вдруг один из них отделился и, сделав разворот, низко прошел над каменоломнями, но ракет у нас больше не было. И сделав еще разворота два, самолет ушел за пролив.

На следующее утро мы их поджидали снова, но со станции самолеты летели стороной, и снова один самолет изменил курс и пролетел над каменоломней и, ложась то на одно крыло, то на другое, внимательно осматривал под собою местность. Потом вернулся еще раз и, помахав крыльями, ушел на Тамань. Что тут после делалось: немцы открыли такой сильный огонь по каменоломне, что можно было подумать, будто на них напало не менее 2-х армий. А мы ликовали — наш собрат нас заметил и нас приветствовал. После этого с неделю, каждое утро, краснозвездные птицы, помахивая крыльями, приветствовали нас. А потом, хотя налеты на Керчь продолжались, наша ласточка к нам ни разу не прилетала.

Активизация нашей артиллерии и авиации под Керчью вселяла в нас надежду на то, что, несмотря на неутешительные сводки с фронтов, время работает на нас и высадка десанта уже не за горами — ведь Севастополь еще сражается. Каменоломня снова зашевелилась, заволновалась, ведь если будет десант, то работы и нам будет. В связи с этим на случай высадки десанта командование каменоломни разработало план действия каждого подразделения. Настолько мы уверовали в реальность десанта, что спать ложились с оружием, чтобы по сигналу оказаться как можно быстрее в бою. Попутно с этим разрабатывался план, как наладить связь с Большой землей. В нашей роте было проведено комсомольское собрание в присутствии одного лейтенанта из штаба. Как его фамилия, не знаю. Запомнилось, что он был молод и был в новой гимнастерке, и на нем была новая скрипучая португепя. Он к нам часто ходил: то ли ему нравилось у нас, то ли это был комсорг подразделения. На собрании стоял вопрос о необходимости наладить связь с Большой землей, чтобы иметь лучшее взаимодействие с высаживаемым десантом. Рекомендовалось из числа наших курсантов отобрать 2 человека лучших из лучших. Выбор пал на астраханцев Байкина Федю и Антропова Павла — парни еще крепкие, отличные пловцы и, основное, надежные. Они без колебания согласились идти на связь. План был таков: как только стемнеет, часов в 10 вечера, группа покидает каменоломню и через заводской поселок выходит на берег залива, накачивает автомобильные камеры, которыми их снабдили, и добираются до полузатопленного в бухте корабля и остаются на нем на день, чтобы можно было осмотреться. С наступлением сумерек следующего вечера с помощью тех же камер вдоль вышек, выставленных в бухте и уходящих в пролив, выйти из бухты и за ночь постараться подальше отойти от берега. В проливе должны присутствовать советские

корабли, а нет, значит, добираться к Таманскому берегу, рассчитывая на свои силы. Это был очень длинный, но менее охраняемый путь. Со стороны Чушки, как доложили наши разведчики, Крымский берег был очень укреплен и, несмотря на небольшую ширину пролива, выйти в него очень и очень трудно. В один из вечеров мы тихо распрощались со своими дорогими товарищами, пожелав им счастливого пути. При удаче через несколько дней они должны быть на берегу Керченского пролива. После, будучи уже в плену в Керченском лагере, что находился в средней школе им. Горького, от нашего курсанта Фридмана Натана²⁸⁰ (родом из г. Енакиево, Донецкой области) узнал, что Байкина и Антропова он видел в этом лагере. Они были захвачены на берегу залива, брошены в этот лагерь, а вскорости куда-то вывезены. Больше их я не встречал. Я помню, что еще несколько групп мы выпускали через амбразуры на связь с Большой землей, но кто они, не могу вспомнить.

Июнь месяц у нас был очень кипучий и деятельный: мы строили газубежища, сооружали колодцы. Мне все время почему-то кажется, что колодцев у нас было два: один из них располагался в том месте, где в самом начале обороны был штаб подземного гарнизона, и что во время одного взрыва обвалившимся потолком был похоронен. Сколько я ни вспоминаю свою жизнь в Больших Аджимушкайских каменоломнях, видение этого колодца меня никогда не покидает.²⁸¹ Также мы хоронили мертвых и наводили порядок в каменоломне, ходили в разведку и охотились за немцами, слушали сводки Совинформбюро и пели песни, а на первом плане всегда были разговоры о десанте: когда он будет и откуда, как дружно мы его поддержим и насколько у нас хватит сил преследовать врага, чтобы не дать ему опомниться и закрепиться. И каких замысловатых вариантов помощи не предлагалось! И все это решалось не в каких-то штабах армий, а представьте, у нас на нарах. Керченский полуостров у нас был разбит на квадратные метры, и каждому солдату определено, что на нем делать.

И мы все же дождались — командование подземного гарнизона решило организовать так называемую "массовую вылазку" из каменоломни. Уж слишком тихо мы себя ведем. Основная цель была: отработка в максимально сжатые сроки выхода подземного гарнизона на поверхность и включение его в боевые операции по оказанию помощи десанту. А попутно ставилась задача по выявлению огневых точек противника вокруг каменоломни и, при удаче, запастись продуктами. Весь расчет делался на внезапность и организованность. К 10 часам вечера каменоломня ожила и загудела, как развороченный улей. Накопление участников вылазки началось у заготовленных ранее лазов. Но их было мало и очень узкие. Я выходил через лаз во втором батальоне недалеко от колодца. С собранным "Максимкой" вылезти я не мог, из-за малой ширины лаза тело пулемета снимал от катков, а на поверхности снова собирал. Ночь была темная, но ясная. На небе ни облачка. Земля была так нагрета и так пахла полынью, что казалось, если упадешь, то подниматься уже не захочется. С залива чуть-чуть потягивал прохладный ветерок.

Первыми вышли автоматчики — и словно растаяли в темноте. За ними вылезли мы с разобранными станковыми пулеметами и быстро начали их собирать и занимать позиции. За нами вышли минометчики, а за ними остальные стрелки. Время было выбрано удачно: после дневной жары немцы благодужничали, ракеты пускали очень редко, и дополнительные

²⁸⁰ Фридман Хема (Ефим) Натанович из г. Енакиево попал в плен в конце июня. Он имел яркие еврейские черты лица, но называл себя русским по фамилии Фомин. Внешность Фридмана сразу же вызвала подозрения у коменданта керченского лагеря. По сообщению Н. Д. Немцова, "лагерные шакалы" готовили над Ефимом расправу, но друзья определили его в помещение для больных дизентерией, хотя он был здоров. При формировании новой партии пленных друзья внесли его в список и отправили в другой лагерь. Так Фридман затерялся среди русских и прошел плен. После войны он работал в г. Кривой Рог инженером по снабжению. Он немного переписывался со мною.

²⁸¹ Немцов Н. Д. прав, один из колодцев действительно был засыпан, о чем я уже писал.

посты вдоль проволоки не были еще выставлены. За какие-нибудь 10 минут мы подготовились к бою, и по команде (сверчком, как у футболистов) пулеметы и минометы накрыли немецкие огневые точки вдоль проволоки, а автоматчики гранатами начали крушить проволочные заграждения. Весь удар нацеливался на село и промежуток между селом и Царевым Курганом, потому что мы знали, что здесь не было минных полей.

Нападение для немцев было настолько неожиданным, а наш порыв таким стремительным, что ближние огневые точки были сразу же смяты, и кто из немцев остался жив, драпанул в сторону Керчи и завода, а наши уже хозяйничали в селе. Все шло очень хорошо, но оказалось, мы очень плохо знали расположение немецких огневых точек со стороны Малых каменоломен, а в данной вылазке это оказался наш тыл. Когда я довольно добросовестно обрабатывал своего "старого друга" — Царев Курган, вдруг сзади и чуть слева от меня над землей вырывается осветительная ракета и с шипением закружилась около ящика с лентой, за который держался второй номер. Это было так неожиданно. Я только успел крикнуть: "Отбрось от ящика...", а второй номер, как поддерживал ленту во время стрельбы, так вгорячах с нею и подхватился, а в это время очередь с крупнокалиберного пулемета. Моего помощника ранило в спину, а кожух тела пулемета в двух местах пробивало. Второго номера втащили в каменоломню, а мне примерно через час выдали наверх второе тело пулемета (было у нас запасное), и, поменяв позицию, я снова включился в общий бой. Таким образом был ликвидирован один наш минометный расчет (так в тексте, прим. А. В. В.). Но уже чувствовалось, что к утру немцы опомнились, собрались с духом и оказывают нашим упорное сопротивление. В три часа утра также, свистками, был дан отбой. Кто с чем только не возвращался. Но основное: немецкий гарнизон охраны каменоломен был разгромлен, часть оружия и боеприпасов унесены, а также и продукты. Все быстро было сплавлено под землю. Правда, было некоторое замешательство, когда четверо товарищей прискакали на лошадях и не могли придумать, как их опустить под землю — лазы не позволяли. Но управились: лошадей постреляли, тесаками разрубили на куски и утащили в каменоломню. Надо было спешить, так как прибывшие немцы с Керчи и завода начали сильный минометный обстрел. Сколько смеха было и шуток. Потери во время вылазки были очень незначительные, но как она взбодрила людей, встряхнула их и как-то по-особенному сплотила. Каждый участник понял, что он еще представляет силу, а в момент внезапности еще очень грозную силу. Долго потом вели разговор об этой вылазке, смакуя во всех подробностях, как от них убегали полураздетые фрицы. Много было шуток и смеха. Вспоминали о моем втором номере, который после ранения в спину бежал с коробкой от ленты и кричал: "Ой, бл-ди, убили! Ой, бл-ди, убили!" Но постепенно возбуждение той ночи проходило, и жизнь снова входила в старую колею.

Меня часто спрашивают: чем мы в каменоломне занимались, был ли какой-нибудь распорядок дня, занятия или собрания? Поверьте мне, все было, жизнь была построена в каменоломне, как в любой боевой части или в воинском подразделении, кроме, конечно, строевой подготовки. Все по строгому распорядку дня — без него это уже не воинское подразделение, тем более подразделение, всегда находившееся в боевой готовности. Как я уже говорил выше, вся жизнь наша вне наряда проходила на нарах — это для нас был и учебный плац, и красный уголок, и комната для занятий, и спальный корпус. Вся работа проводилась там. Утром, точно не помню (кажется, в 8-м часу), был подъем. Несколько минут давалось на разминку и для приведения себя в надлежащий вид, своего рода туалет. В нашем взводе был патефон и несколько штук пластинок. Патефон этот ребята нашли где-то в заброшенной каменоломне, где располагался штаб Крымского фронта. После подъема всегда заводили патефон, и после не весьма приятного сна в сырости и холоде музыка так взбадривала, что даже забывалось, где ты в данный момент находишься. Потом, в ожидании завтрака и сводки Совинформбюро, одна часть бойцов начинала уборку в расположении своего подразделения, другая часть шла в госпиталь, чтобы там навести порядок и помочь медперсоналу, а часть шла в 3-й батальон за чаем для нас, здоровых, и за супом для госпиталя и получали еще продукты на целый день: сахар или конфеты, селедочку, табак.

Каждый боец знал свою очередность, куда ему идти сегодня. А чтобы случайно кто не забыл, что ему завтра делать, то вечером перед сном командир подразделения всегда напоминал, куда кому завтра идти. Только в госпиталь вынести умершего или что-то помочь всегда шли бойцы, свободные от других нарядов, т. е. кто находился под рукой. Раньше всех вставали те, кому нужно идти в штаб крутить динамку, те, кому идти на посты к амбразурам, к колодцу, складу боепитания, к штабу и дыре, что немцы пробили в потолке. Потом приносили продукты и чай! Все это старательно, но без жадности, делилось и определялось. Подменялись люди на постах, чтобы они получили продукты и попили чаю. Потом приносили сводку Совинформбюро, зачитывалась она и во всех подробностях обсуждалась с предположением развития событий на фронтах на сутки и более вперед. Особенно внимательно следили за событиями на фронте под Севастополем. Потом, если могли организовать хороший свет, с полчасика упражнялись в разборке и сборке оружия с закрытыми глазами, а потом чистили его и смазывали. В другие дни, вместо ухода за оружием, время занималось на повторение армейских уставов, на обсуждение вопросов: как лучше и быстрее выбрать место для пулемета или миномета, как правильно окопаться и многие другие вопросы. А перед обедом оставалось часа 3 свободного времени. Это было самое интересное, самое заполненное время. Так как всегда, в любое время суток, хотелось есть, то и разговор начинался с еды: кто что ел дома на гражданке, как лучше приготовить то или другое блюдо. Притом каждый имел такие познания в кулинарии, что можно было подумать, все работали поварами, а не учились на авиаштурманов. С какой теплотой, с каким жаром каждый из нас вспоминал свой родной дом, родные поля и леса, горы и реки! Попробуйте доказать Федоренко, что кроме Сумщины, кроме его Кролевецкого района, на земном шаре есть места куда красивее и богаче, заикнитесь только Володе Волошенюку о том, что и Астрахань, и Краснодарский край, и Украина, хоть и без Черного моря, но прекрасные во всех отношениях места нашей Родины. Рассказами о красоте и богатстве города Сочи с морем, горами и лесами, его окружающими, Володя большинство нас уговорил, когда мы освободимся (когда освободят), то для того, чтобы мы пришли в норму, нам обязательно дадут неделю отдыха, и мы все поедem к нему на родину в г. Сочи. Большую часть времени проведем в лесу, в горах, а закрепим свой отдых на море. Володя немного шепелявил, а потому его страстные рассказы о неповторимой красоте сочинских гор и лесов, о душевной красоте и доброте людей делались еще более убедительными и привлекательными. Взволнованные рассказы о прекрасной довоенной жизни, о чудесном времени, которое наступит после окончания войны, заканчивались, а затем вначале тихонько, потом громче, кто-нибудь затягивал песню. И не было человека, который бы остался равнодушным к ней, который бы не подтянул. Ведь мы были очень молоды, очень мало видели и еще меньше познали жизнь. У каждого из нас дома остались любимые, которых мы недолюбили, недоцеловали и о которых в данный момент мы ничего не знали. У каждого из нас за плечами было по 20 прекрасных лет, а впереди еще более прекрасных. Естественно, такой взрыв чувств и мыслей находил себе выход только в песне, в душевных предвоенных песнях. И как результат всего этого, под конец мы запевали или "Ревела буря...", а чаще всего:

Ты не вейся, черный ворон,
Не маши бойцу крылом.
Ты добычи не добьешься,
Черный ворон, я не твой.

Эту песню мы любили как-то по-особенному и пели немного на свой мотив, не так, как в кинофильме "Чапаев". У нас получалось более напевней, душевней и раздольней. Когда мы начинали петь, около нас всегда собирались бойцы. Да и мы сами чувствовали себя как-то роднее, ближе друг к другу, несмотря на уже заметную слабость, не было такого задания или такого дела, оказавшегося бы нам не по плечу. У Федоренко был хороший волнистый голос,

немного с хрипотцой. Он душевно исполнял украинские народные песни, и больше всего ему удавались две песни: "Повій вітре на Україну" и "Запрягайте коні в шори". Но когда в июле он затягивал "Запрягайте коні в шори", на него цыкали и приказывали прекратить.

В один из таких дней июля месяца, в предобеденное время, расчувствованные песней, молчаливые, взволнованные, я бы сказал торжественные, сидели мы на своих нарах. В это время на корточках поднялся Володя Волошенюк и попросил минуту молчания, хотя и так была абсолютная тишина. У него был вид человека, которого давно уже мучает какое-то невысказанное чувство или мысль. Волнуясь и часто сбиваясь, он заговорил: "Ребята! Уже несколько дней, а может, недель, я вынашиваю одну мысль, но все не решаюсь ею поделиться с вами. Каждый из нас прекрасно понимает, в каком положении сейчас мы находимся: продуктов уже никаких нет, кроме конфет и сахара. А ячмень, что мы добываем в поле, тоже скоро кончится. Почти у каждого из нас цинга, раненые умирают не от ран, а больше от истощения. И мы, здесь самые молодые, и мне кажется, самые выносливые, тоже понемногу начинаем сдавать. Иногда сядешь, и уже, кажется, никакая сила не может тебя поднять. Лишь сознание и долг перед товарищами и Родиной заставляет нас двигаться и выполнять ту работу, что от нас требуется, как от солдат. Мне кажется, что если в ближайшее время с Большой земли не будет помощи, то мы долго не протянем". На поднявшийся шум и крик он продолжал говорить немного громче: "Подождите же, баламуты бешеные! Не кидайтесь на меня прежде времени. Не заупокойную собрался я вам читать. Одно дело хочу вам предложить. И не думайте, что я вам буду предлагать самый позорный, самый низкий выход из создавшего положения. Нет! Чтоб мне никогда не увидеть солнечного Сочи, если у меня хотя бы была какая-нибудь подленькая мысль! Лучше я здесь сгнию, но совесть оставлю чистой! Хлопцы, я предлагаю так, на всякий случай, дать коллективное обещание, что если кто из нас останется жив, то чтоб о нас написал. Хоть немного, неумело, но знаете, такими хорошими, черт возьми, теплыми словами.

Пусть родные и знакомые знают, где мы сложили свои головы, пусть узнают, о чем мы думали и мечтали, и пусть простят, если мы что делали не так, но мы были верными сынами до конца жизни своей". Володя умолк и, взволнованный своей речью, ждал решения своих товарищей. После минутного молчания или замешательства от неожиданного предложения все задумались, замахали руками, бурно выражая свое согласие с Володей — этим человеком с неожиданностями.²⁸²

Мы все, курсанты, были комсомольцами, и я помню, что раз пять к нам приходил все тот же лейтенант в новой портупее и вел с нами беседы или это были комсомольские собрания. Но всякий раз он говорил, что сегодня на повестке дня такой-то очень важный вопрос и продолжал вести беседу. Беседы более походили на собрания, поэтому, кроме нашего выступления, требовалось еще и решение по этому вопросу. Первое такое собрание проходило перед отправкой бойцов на связь с Большой землей. На нем отбирались кандидатуры связных. Второе собрание проходило в период подготовки первой вылазки, где разговор шел об организованности и примере комсомольца в подготовке и проведении вылазки.

Когда немцам не удалась попытка одним махом расправиться с защитниками Аджимушкая, т. е. задавить газом, и после серии крупных взрывов над каменоломней, когда ставка делалась на уничтожение жизненноважных объектов защитников — склада боеприпасов, колодца, кухни — и ликвидацию штаба обороны, а каменоломня продолжала жить и бороться, тогда они начали засылать в подземелье к нам провокаторов и шпионов, которые должны были сеять среди защитников панику и неверие в возможность помощи нам

²⁸² Волошенюк Анатолий Ефимович был с 1920 г. рождения, действительно он был из Сочи, где удалось найти его отца Ефима Федоровича и сестру Блохину Зинаиду. Немцов Н. Д. выполнил клятву курсантов, он не только написал воспоминания "как они жили и боролись", но и нашел в Сочи родных Волошенюка. Останки последнего нашли поисковики, это удалось установить по "смертнику". В грудной клетке у него был найден большой осколок, на груди было много остатков бинтов и тампонов. Значит, он умер после тяжелого ранения.

с Большой земли. Им ставилась задача узнавания расположения подразделений в каменоломне и объектов. После того, как немцам не удалось засыпать проделанные взрывом отверстия над батальонами, через некоторое время они в них начали забрасывать очень большое количество листовок вначале розоватого цвета, а потом желтого. В этих листовках они расписывали райскую жизнь в лагерях, но только просили, когда кто будет сдаваться в плен, чтобы не забыл захватить котелок и ложку. Видите, какая о нас проявлялась забота со стороны врага. Вот в это время и было одно собрание еще с вопросом о бдительности и уничтожении вражеских листовок. Иметь дело со шпионами мне не приходилось, слышал только, что другие подразделения таких лазутчиков приводили в штаб. А уж листовок мы перебрали... Вначале собирали их в противогазные сумки и относили в штаб обороны, а потом их было так много, что собирали в мешок. К концу июля и эта "духовная пища" врага прекратилась. Потом на повестке дня стоял вопрос о второй вылазке, которую мы провели на высшем уровне. Потом стоял вопрос о товариществе и взаимопомощи в сложившихся условиях. А сколько еще было неофициальных бесед!

В начале июля месяца нам был нанесен такой удар, какого мы не ожидали никогда: около 12 часов ночи, не помню какого числа, приняли сводку Совинформбюро, в которой говорилось, что после кровопролитных боев наши войска оставили город Севастополь. Когда пришел со штаба наш парень, который принимал участие в обеспечении работы радиации, и рассказал нам, то мы не поверили и решили до утра никому ничего не говорить, пока не получим подтверждения — возможно, это была ошибка. Но утром сообщения были те же. Тогда только об этом сообщили по подразделениям. Нас страшило не то, что основные силы советской армии оставили Крым. Мы знали и верили, что Крым снова будет наш. Но когда, на сколько времени рассчитывать продукты питания и боеприпасы? Когда все продукты в каменоломне были взяты на учет, паек бойцам рассчитали с таким расчетом, чтобы этих продуктов хватало месяца на 3–4. Но со сдачей Севастополя положение менялось, рассчитывать надо было на другой срок, а рассчитывать уже почти нечего не было. И все же наш очень скудный паек решили уменьшить пополам. Перед этим на сутки мы получали грамм 100 сладостей — сахара и конфет — и на неделю две маленькие тощие селедочки. К тому времени у многих началась цинга, и селедочки в течение недели держали как огромную ценность и в день несколько раз натирали десны, но не кушали. А когда получали следующие две, то первые за несколько секунд съедали — ведь с самого начала обороны соли у нас не было. После сдачи Севастополя обстоятельства сложились так, что и этот паек, чтобы растянуть дольше, разделили пополам. Раненые были в очень плохом состоянии: раны гнили, в них были черви, но помочь им мы не могли ничем — медикаментов не было и негде их было взять. Несмотря на лучший паек для раненых, в июле они начали очень много умирать. Умирили и слабенькие. Стоит человек — и вдруг упал. Приносим в лазарет, а через день-два выносим назад.

Пока у нас еще были силы и мы могли драться, командование решило сделать еще одну вылазку с целью добычи продуктов. 9 или 10 июля группа человек 300, созданная из самых ходячих, как нас тогда называли, под покровом очень темной ночи напала на огневые точки румын (к тому времени охрану каменоломен несли румыны), смела их и, разорвав проволочные заграждения со стороны села, растеклась по нему. Нападение было настолько неожиданным и стремительным, что гарнизон охраны каменоломен практически не оказал нам никакого сопротивления и в панике бежал. После полуторамесячного перерыва, не считая первой вылазки, хозяевами Аджимушка были снова мы. На случай появления немцев со стороны завода Войкова меня с "Максимом" определили за Царевым Курганом сбоку от дороги в кукурузном поле. Обследование села и его окрестностей до утра продолжалось, но трофеи наши были невелики. Своих союзников немцы держали тоже на очень слабеньком пайке. Перед рассветом немцы, прибывшие с Керчи и завода Войкова, минометным огнем оттеснили нас в каменоломню. Польза от вылазки все же была: некоторые из участии и ков вылазки из 3-го батальона ушли далеко за село и наткнулись на поле с поспевшим ячменем. И этим впоследствии воспользовались.

Для меня эта вылазка осталась в памяти еще и потому, что, когда мы возвратились в каменоломню, нас выстроили, и полковник²⁸³ поблагодарил всех участников за выполнение задания и лично каждому из нас вручил по кубику (что-то около 50 гр.) дорожного шоколада, который был мною отдан Мише Серкину.

Сразу же после вылазки, чтобы подольше растянуть свои продукты, командование организовало добычу ячменя в поле. Для этого организовывались группы по 4 человека (четверки)... и каждую ночь выпускали из каменоломни по 4–5 четверок. Каждый участник четверки брал с собой два вещевых мешка, флягу с водой и вместо винтовки — карабин. С наступлением темноты каждая четверка уходила своим маршрутом для проникновения за проволочные заграждения. Опасен был не огонь охраны, а эти проклятые осветительные ракеты, которые они со страха со всех сторон каменоломни запускали буквально через каждую минуту. И часто свет ракеты заставлял ползущего как раз под проволокой. Процедура прохода проволоки была довольно проста: направление избиралось днем с амбразур, потом первый идущий (очередность, кому каким идти, соблюдалась в четверке строго) подползал к проволоке, подставлял под проволоку колышки высотой 30–40 см и уходил вперед: за первым двигался следующий, а последний эти колышки снимал. Добравшись в поле, остаток ночи досыпали в ячмене, а когда припекало солнце и вши нас будили, приступали к работе — к вечеру надо было нашелушить каждому по два вещевых мешка ячменя. А с наступлением темноты тем же путем возвращались назад, только под проволокой вещмешки каждый протаскивал по-своему: некоторые один мешок надевали на спину, а другой держали в руках и так ползли под проволокой, а мы первый мешок толкали впереди себя, а когда выбирались из-под колючки, то второй подтягивали уже шпагатом, конец которого находился в руках. При таком способе колышки нужны ниже и меньше вероятность зацепиться спиной за колючки. Много их, из числа четверок, осталось навечно лежать под проволокой, и по их позам мы изучали лучшие варианты проникновения. Основной причиной неудач все же была слабость, а как результат — малая подвижность. Ячневый суп варили в основном раненым. Ослабевших, не способных уже ходить, становилось все больше и больше. Их уже не относили в госпиталь, а, зная причину недомогания, оставляли у себя в подразделении на нарах, где они и засыпали навечно: тихо, с чувством выполненного долга. Нашим курсантам теперь приходилось туговато: надо было три раза на день принести чай не только себе, но и охранять штаб, склад боеприпасов, амбразуры, участвовать в четверках, убирать из госпиталя умерших, приносить в госпиталь продукты, а также выполнять другие мелкие поручения. Мы очень много двигались, видимо, поэтому мы дольше других и держались.

После второй вылазки нас постигло очень большое несчастье: погибли командир подземного гарнизона (полковник) и старший батальонный комиссар. Точных подробностей этой трагедии не знаю, но рассказывали следующее: в каменоломню через дыры немцы бросали гранаты и гранаты с привязанными толовыми шашками. На тот день в каменоломню был брошен какой-то другой взрывоопасный предмет, который не взорвался. Когда его принесли в штаб, полковник взялся его разрядить. Последовал взрыв — и полковник был убит наповал, а старшему батальонному комиссару,²⁸⁴ сидящему рядом, оторвало ногу, и через некоторое время он умер. Подземный гарнизон возглавил подполковник-танкист, что пришел к нам из завода Войкова. Чуть раньше этих событий, не перенеся мучений раненых, а может, и наших условий подземной жизни, застрелилась женщина-военврач.

18 или 26 июля (тут у нас с Поповым Л. И. идет спор) пошел я в четвертый раз за ячменем, были убиты под проволокой до этого несколько бойцов с вещмешками,

²⁸³ По времени (9–10.07) это должен быть не полковник (Ягунов П. М.), а подполковник (Бурмин Г. М.).

²⁸⁴ Немцов Н. Д. допустил неточность, это был не старший батальонный комиссар, а старший политрук (Исаков С. М.).

наполненными ячменем. А в день нашего выхода в поле немцы устроили облаву, в которой после короткой стычки всех оставшихся в живых пленили. Допрос в комендатуре — и нас сдали в лагерь военнопленных, который находился в средней школе № 25 г. Керчи.

О дальнейшей судьбе участников обороны Больших Аджимушкайских каменоломен ничего не знаю. Но в сентябре месяце в лагерь были привезены два человека из Аджимушкай, рассказавшие нам, что большинство бойцов подземного гарнизона ослабли и лежат, что каменоломня постепенно затихает. А мы из Керчи, особенно ночью, видели, что Аджимушкай живет. Аджимушкай сражается, свидетельством чего были частые автоматные и пулеметные очереди и незатухающее над каменоломней зарево осветительных ракет.

Через 20 лет, в апреле 1962 г., для встречи с керченским журналистом В. В. Биршертом, занимающимся историей обороны Аджимушкайских каменоломен, я заехал в Керчь. По обоюдному согласию на другой день рано утром мы были уже в районе Аджимушкай. С каким трепетом и волнением я поднимался на Царев Курган. Прежде чем попасть в подземелье каменоломен, мне хотелось с высоты (а в моей памяти почему-то Курган запечатлелся как большая высота) этого древнего памятника старины окинуть взором ту территорию крымской земли, которую мы в течение нескольких месяцев ценой невероятных усилий и больших потерь удерживали в своих руках. Представьте мое разочарование, когда моему взору вместо площади в несколько квадратных километров предстал в бугорках и оспинах воронок невзрачный клочок земли, покрытый сухим прошлогодним и зеленеющим этого года полыньком. Только в тот момент до моего сознания начало доходить, почему, меняя позиции, я так быстро, притом с пулеметом и под сильным минометным огнем, из конца в конец преодолевал свой плацдарм; только теперь я начал понимать, почему по нам не била вражеская артиллерия — немцы боялись в той неразберихе схваток поразить своих. Еще будучи в каменоломне, лежа на нарах, мы часто давали себе зарок или клятву, что после всего пережитого, если останемся живы, в каких бы условиях мы бы ни жили, никогда не позволим себе выйти из дома без фляги с водой и еще никогда не приходиться сюда, в это проклятое место, ставшее для многих из нас могилой.

С высоты птичьего полета я смотрю на противоположную сторону карьера. В морщинах и ссадинах, в суровом величии и мудром спокойствии, как сказочные богатыри, возвышаются седые камни Аджимушкай. Инстинктивно я чувствую их добрую улыбку и хитроватое подмигивание: "Что, блудный сын, явился! Не мог ты не прийти к нам, кому во время испепеляющей жажды отдавал столько ласки и горячих поцелуев, не мог не прийти и еще хотя бы раз не прикоснуться к нам, к кому прижимал свое беспомощное тело, ища защиты от вражеских пуль и осколков". В это мгновение я понял, что этот маленький клочок крымской земли, много раз проутюженный моим телом и густо политый кровью моих друзей, отныне будет для меня и всех оставшихся в живых самым дорогим и священным местом на земле. Отныне я не смогу не приходиться сюда для встречи со своими боевыми друзьями, навечно оставшимися здесь. Наконец, я не смогу не приходиться с сюда на встречу со своей опаленной взрывами, душимой жаждой, голодом и газами, но победившей смерть, юностью. Отныне Аджимушкай будет для нас живым Иерусалимом и Меккой, и храмом, и местом свиданий. Живые люди разучились верить друг другу на слово, а мертвые не умеют говорить. Нужна бумага, нужно много бумажек того времени, могущих рассказать и подтвердить слова живых. Но их пока нет.

Дорогой товарищ! Молодой и старый! Если у тебя чистая совесть и доброе сердце, если ты с добрыми побуждениями и бескорыстным чувством захочешь узнать правду о людях и о событиях тех далеких дней 1942 г., доверься священным камням Аджимушкай, прислонись к их могучим и добрым с шершавинкой стенам, и они поведают тебе о боевой юности, верной дружбе и беспредельной преданности Родине и воинскому долгу.²⁸⁵

²⁸⁵ Будучи в плену, Немцов Н. Д. был завезен с другими пленными в Югославию, а оттуда 7.09.1944 г. в Италию. Через неделю, с помощью итальянской девушки Кажадей Эдеры, из селения Санта Мария Нуова под г. Форми (область Романья) он бежал из лагеря военнопленных к итальянским партизанам. Их бригадой командовал Дина Знары. Действовали в основном группами: минировали дороги и мосты, препятствовали

мобилизации мужчин-итальянцев. Будучи партизаном, научился говорить по-итальянски. После разгрома фашистов друзья рекомендовали остаться в Италии, но тянуло на Родину, хотя Николай Дмитриевич знал, что "за плен ему придется отвечать". Так и получилось. Около года его держали в специальном лагере на одном из рудников Таджикистана, проходил проверку. После этого отпустили домой в пос. Гольма, где были еще живы родители. Уже дома первое время постоянно вызывали "для профилактики" на беседы, постоянно упрекали за плен. Он закончил техникум, работал инженером, перед пенсией стал трудиться рабочим в горячем цеху. После войны женился, вырастил двух дочерей, которым дал высшее образование. В 1988 г. установил переписку с друзьями — партизанами из Италии. Они удивлялись, что так долго молчал, звали в гости, но для поездки требовалось много средств, в которых он был ограничен. В одном из последних писем мне Николай Дмитриевич пожаловался: "Получил письмо от брата одного нашего курсанта. Он спрашивает: почему брат с войны не вернулся, а я остался живой? Ответил ему: значит мне здорово повезло". А я подумал: сколько же в нас злобы и зависти! А может быть, просто глупости, неумения соображать? В январе 2006 г. я получил от него письмо, он жив, относительно здоров, живет в своей Гольме.